

Федеральное агентство научных организаций
Институт российской истории РАН
Совет молодых ученых ИРИ РАН

V Всероссийская
научно-практическая
школа-конференция
молодых ученых (9 ноября 2017 г.)

История России с древнейших времен до XXI века: *проблемы, дискуссии, новые взгляды*

Сборник статей участников

Москва
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор), С.В. Журавлев,
В.Н. Захаров, Д.Б. Павлов, В.Н. Круглов (ответственный редактор),
О.А. Плех, С.П. Ким, В.В. Тихонов

И90 История России с древнейших времен до XXI века
[Текст] : проблемы, дискуссии, новые взгляды : сборник
статей участников V Всероссийской научно-практической
школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.) /
[отв. ред. Ю.А. Петров, В.Н. Круглов] ; Федеральное агент-
ство научных организаций ; Институт российской истории
РАН ; Совет молодых ученых ИРИ РАН . — М. : Институт
русской истории РАН , 2018 . — 307, [1] с. : табл.

ISBN 978-5-8055-0341-3

Сборник включает материалы школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», прошедшей в ИРИ РАН 9 ноября 2017 г. В него вошли статьи, подготовленные участниками конференции на основе представленных докладов. Исследования посвящены широкому кругу вопросов отечественной истории начиная с Древней Руси и заканчивая современностью. Авторы затрагивают сюжеты политической, социальной, военной истории, истории государственных учреждений, церкви, экономики и промышленности, медицины, сельского хозяйства, науки, внешней политики и многие другие.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8055-0341-3

© Институт российской истории РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Содержание

Секция I. История России до начала XVIII в.

<i>А.А. Бондаренко.</i> Источники по истории Усвятской волости в метрике королевы Боны	9
<i>К.В. Вершинин.</i> «Поучение царем и князем» — неизвестный памятник древнерусской литературы	18
<i>А.А. Казаков.</i> О одном малоизвестном свидетельстве относительно ереси «жидовствующих»: к вопросу о бытовании иудейского трактата «Шестокрыл»	25
<i>И.А. Устинова.</i> Церковная карьера в XVII веке: митрополит Маркелл	32

Секция II. История Российской империи (XVIII в. — 1917 г.)

<i>В.В. Ткаченко.</i> «Синописис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе	41
<i>С.Б. Манышев.</i> Управление гражданским здравоохранением на Кавказе в первой половине XIX в.	49
<i>А.С. Кравчук.</i> Таврический гражданский губернатор Н.И. Перовский: страницы биографии	57
<i>О.А. Плех.</i> Подготовка сенаторских ревизий в конце XVIII — первой половине XIX в.	64
<i>К.С. Барабанова.</i> Работа над ошибками во время второй эпидемии холеры в Санкт-Петербурге (1847—1849 гг.)	81
<i>М.А. Виноградов.</i> Жизнь и деятельность волостного старшины Федора Куликова в свете исторических источников	91
<i>В.А. Болтрукевич.</i> К вопросу о развитии концепции крейсерской войны в России в последней трети XIX в.	100

<i>А.А. Ефимов.</i> Отражение несостоявшейся реформы управления дворцовыми городами при Александре III в структуре местной администрации	107
<i>С.А. Иконников.</i> Дискуссия среди духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX в. о необходимости создания епархиальных пенсионных касс	112
<i>Н.А. Овчинникова.</i> Применение метода статистического анализа в работе с источниками по истории монастырей (на примере ведомостей монашествующих женских монастырей Вологодской епархии конца XIX — начала XX в.)	119
<i>Е.В. Белокуров.</i> Бюрократический коллапс: государство, община и продовольственное дело в России, 1891—1914 гг.	128
<i>А.В. Филимонов.</i> Переселенческий опыт Российской империи в свете «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»	138
<i>М.Г. Алмазов.</i> Реализация обязательных постановлений московской власти во время декабрьского вооруженного восстания 1905 г.	149
<i>К.В. Сак.</i> Образы позднеимперской России в драме К.Р. «Царь Иудейский»	157

Секция III. История России в XX — начале XXI в.

<i>А.В. Мамаев.</i> Городское хозяйство России после прихода к власти большевиков: проблема организации управления (конец 1917 — 1918 гг.)	171
<i>И.А. Концевой.</i> «Наша партия пухнет не потому, что наши принципы признаются верными»: проблема реконструкции представительства партии левых эсеров в уездных Советах Центрально-Черноземного региона в марте—июле 1918 г.	180
<i>А.В. Долгова.</i> Участие дезертиров в антибольшевистском повстанческом движении в Пермской губернии в 1918—1920 гг.	187

<i>Ю.С. Филина.</i> Эволюция институтов управления культурой в судьбах Отдела изобразительных искусств Наркомпроса	195
<i>И.В. Удовенко.</i> Лагерная система мест заключения в Московском регионе (1918 г. — конец 1930-х гг.)	204
<i>Ю.А. Соколов.</i> Следуя за каноном? Воспоминания сестер Костриковых о юности С.М. Кирова (Кострикова)	212
<i>И.А. Калмыков.</i> Горьковский авиационный завод № 21 в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Ворошиловец»)	228
<i>Дж.Я. Рахаев.</i> «Люди сражались исключительно»: новый источник о десантной операции Красной Армии на Керченском полуострове в 1943 г.	234
<i>С.П. Ким.</i> Структура органов военного плена и создание системы лагерей для японских военнопленных	251
<i>В.В. Тихонов.</i> Конструируя историю советского Таджикистана: Б.Г. Гафуров и его «История таджикского народа» (1949 г.)	266
<i>В.Н. Сергеев.</i> Политическая биография левых диссидентов периода «оттепели»: штрихи к портрету	277
<i>Р.Г. Кирсанов.</i> Либерализация цен в России в начале 1990-х гг.	286
<i>Д.С. Буневич.</i> Российско-польская конкуренция за влияние в постсоветских странах в 1990—2000-е гг. и концепция «восточной политики» Е. Гедройца	295

Секция I
**История России
до начала XVIII в.**

Источники по истории Усвятской волости в метрике королевы Боны

Аннотация. Статья посвящена анализу документов по истории Усвятской волости первой половины XVI столетия, содержащихся в метрике королевы Боны и других источниках. В работе рассматривается проблема датировки некоторых грамот королевы Боны, изучаются вопросы административно-территориальной принадлежности, управления и налогообложения этого пограничного региона накануне Ливонской войны.

Ключевые слова: Усвятская волость; метрика королевы Боны; Литовская метрика; Бона Сфорца; исторические источники.

Andrey A. Bondarenko USVYATY VOLOST HISTORY SOURCES IN QUEEN BONA'S METRICA

Abstract. This article is concerned with analyzing the documents of the Usvyaty Volost history in the first half of the XVI century which are contained in Queen Bona's Metrica and other sources. In this work the problem of dating some of Queen Bona's charters is considered, the questions of administrative and territorial belonging, governance, and taxation of this frontier region on the eve of the Livonian War are studied.

Keywords: Usvyaty Volost; Queen Bona's Metrica; Lithuanian Metrica; Bona Sforza; historical sources.

Усвятская волость, локализуемая на современной политической карте в пределах Усвятского района Псковской области, на протяжении долгого времени входила в состав Великого княжества Литовского. Из многочисленных владений польской королевы Боны Сфорца (1494—1557) это единственное ее имение, которое в настоящий момент относится к территории России. Историография истории

¹ **Бондаренко Андрей Андреевич** — младший научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: bondarenko-a.a@mail.ru
Andrey A. Bondarenko — Junior researcher, Center of Source Studies of Russian History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Усвятской волости в XV—XVI вв. разработана в недостаточной степени. Имеющиеся любительские и исследовательские работы практически игнорируют те источники по истории этой волости, которые возникли в Литовском государстве [8; 13; 15]. Несмотря на то, что в Литовской метрике сохранилось лишь небольшое количество документов, относящихся к Усвятам, их сведения важны для изучения истории этого пограничного региона, который на протяжении десятилетий был ареной постоянных столкновений между Московским государством и Великим княжеством Литовским. Часть подобных документов содержится в так называемой метрике королевы Боны; анализу их содержания посвящена настоящая статья.

В XV—XVI вв. Усвятская волость находилась в тесной связи с Озерищской волостью и Оболецким поветом (их административные центры ныне относятся к составу Городокского и Толочинского районов Витебской области Белоруссии). Обольтцы некогда входили в состав удела потомков Дмитрия Донского — князей Семена и Василия Шемяичей, затем находились в собственности королевы Алены (Елены Ивановны), дочери Ивана III и супруги Александра Ягеллончика [6, с. 124]. В документах Литовской метрики упоминаются жалованные грамоты как князей Шемяичей, так и Елены Ивановны, выдававшиеся ими оболецким боярам [см., напр.: 1, с. 298—299; 2, с. 87—94].

Указаний на частновладельческую принадлежность волостей Усвят и Озерищи до первой четверти XVI в. источники не содержат. Очевидно, обе волости входили в состав великокняжеского домена. В «Сыске про Озерищскую Усвятскую волость» 1566 г. — фрагменте писцового описания Полоцкой земли, составленного по указанию Ивана IV после временного присоединения этой территории к Московскому государству (1563—1579) — были зафиксированы ответы местных «старост и лутчих людей» на расспросы царских переписчиков о территориальной принадлежности и фискальной подчиненности этих земель. Здесь говорилось, что «волость Озерищская и Усвятская отписана от Витебска при короле при Казимире, а данщики, сказали, у них были свои, а дань возили в Вилну, и данщики и бобровники и всякие люди приезжали к ним на управу от короля из Вилны» [9, с. 433]. Для этих «русских» Задвинских волостей, как и для волостей Поднепровских, исстари была установлена своя система сбора дани, которая, согласно грамоте 1511 г., существовала уже во времена Витовта и Сигизмунда Кейстутовича. В 1511 г. Сигизмунд I Старый оставлял «при старине» данников всех этих

волостей, включая жителей «Всвята и Озеришча»: в соответствии со сложившимся обычаем, «они сами, собравшы дань грошовую и бобры, и куницы, отношивали до скарбу н(а)шого, а медь пресный до ключа». При этом великокняжеские писари и «децкие» (должностные лица, приставы) могли выезжать в эти волости для взыскания недоимок только в том случае, если усвятские и озеришские «старцы» своевременно не передавали в казну подати в полном объеме и в установленные сроки [20, р. 454—455].

В 1524 г. великий князь литовский выдал обоим волостям льготный лист, освобождавший «старцев и мужей» от выплаты всех податей на двухгодичный срок. В грамоте особо оговаривалось, что витебский воевода и его урядники в течение этого времени не должны были «въезжать» в Усвят и Озерищи и «править» доходы «наши» (то есть великокняжеские) и «свои». В обязанности населения волостей вменялась «городовая работа» в Витебске, которую они должны были исполнять «по-старому». По прошествии двух лет возобновлялась устоявшаяся схема сбора дани: собрав «зъ живого» положенные подати, старец каждой из волостей был обязан отвозить их в Вильну [22, р. 278—279].

Действительно, индикта «пятогонадцать», то есть осенью 1526 г., как и предписывал этот льготный лист, волости «за Витебском» Усвят и Озерищи были отданы в «держание» князю С.Я. Подберезскому. Последний ежегодно должен был «сполна» передавать «дань грошовую, бобровую и куницы» в великокняжеский «скарб» [21, р. 472]. Получается, что Сигизмунд I отошел от положений своей уставной грамоты, в соответствии с которой сборами податей в этих волостях не могли заниматься ни урядники, высылаемые витебским воеводой, ни урядники, посылавшиеся напрямую из Вильны.

Задолго до смерти князя Подберезского, который умер по даным Ю. Вольфа в 1540 г. или немногим ранее [26, s. 152], Усвятская и Озеришская волости перешли во владение королевы Боны. Это произошло до июня 1529 г., о чем свидетельствует содержание указного листа королевы, адресованного ее оболецкому, усвятскому и озеришскому «державце» Кирдею Гричиновичу. Датировка этого документа требует обоснования, поскольку в его списке, включенном в состав 32-й книги записей Литовской метрики, указан только индикт года [11, кн. 32, л. 39—39 об.].

В период правления Боны Сфорца 2-й индикт приходился на 1529 и 1544 гг. М.В. Довнар-Запольский, а вслед за ним литовские и украинские археографы датировали этот указной лист 1544 г.

[4, приложения, с. 52—53; 24, р. 46—47, 92]. В то же время правильной его датой является 9 июня 1529 г. Основанием для выбора этой датировки не может служить упоминание писаря грамоты Петра Кунцы, так как по своей подписи в документах королевы Боны он известен в 1526—1544 гг. [12, с. 236, 286]. Выбор 1529 г. основывается на упоминании уряда державцы Кирдея Гричиновича, адресата этого документа. Как следует из грамоты Сигизмунда, которой он утверждал мену землями между Боной и князем В.М. Сангушковичем (1543), Гричинович умер ранее 26 февраля 1543 г.; к тому же времени умер и сменивший его на этом уряде витебский воевода Матей Войтехович Клочко [17, к. 55]. В 1543 г. местным урядником Боны был Юрий Войтехович Насиловский, скончавшийся годом позднее [25, с. 87]. Оболецкий и усвятский уряды Кирдей Гричинович занимал до 1533 г. [11, кн. 18, л. 56 об., л. 58, л. 72], поэтому датировать указной лист королевы Боны следует именно 1529 г.

За год до этого, в июне 1528 г., в распоряжении Боны оказались Оболицы [19, р. 108]. Концом 1520-х — началом 1530-х гг. следует датировать ряд грамот королевы, связанных с управлением Усвятской волостью, которые известны только по своим упоминаниям в других документах. Это указные листы королевы о проведении суда витебским воеводой и ее оболецким и усвятским урядником Клочко между «данными людьми» Усвятской волости. Упоминания о них фигурируют в судебных документах 1538—1539 гг.; здесь же встречаются отсылки к решениям суда «небожчика» Гричиновича [16, с. 151—152; 162—167; 326—328].

Этим же временем, 1532—1533 гг., датируется ряд данных и подтвердительных листов королевы Боны на земли в Оболецком повете, пожалованные местным боярам на условии несения военной службы [11, кн. 18, л. 56—59, 71 об.—74; 11, кн. 29, л. 65 об.—66; 2, с. 87—94]. Из содержания этих грамот следует, что в те годы велась активная переписка между канцелярией королевы и ее державцей Гричиновичем. Подобную документотворческую активность Боны в отношении оболецких, усвятских и озерических владений можно связать с вероятным проведением проверки прав на землю среди местного населения. Примерно тогда же кодификация прав землевладельцев проводилась королевой в Кобринском повете, дворах Мойшагольском и Мстибоговском [10, с. 11—21].

С правовой точки зрения одним из наиболее значимых документов по истории Усвята и Озерищ, содержащимся в метрике короле-

вы Боны, является ее уставной лист, выданный этим двум волостям. Документ этот неоднократно публиковался [4, приложения, с. 32—33; 3, с. 194—195; 24, р. 46, 92]. Точная датировка уставной грамоты вызывает сомнения, несмотря на то, что здесь указаны и индикт и год его составления: индикту 7 соответствует сентябрь 1533, а не 1535 г., как указано в списке грамоты. В то же время писарь мог допустить ошибку в числе индикта, указав правильный год документа. Довнар-Запольский и белорусские археографы опубликовали эту грамоту под 1535 г., в издании 2012 г. он был датирован по индикту 1533 г. без каких-либо дополнительных комментариев. С одной стороны, содержание уставного листа не позволяет признать ни один из возможных вариантов датировки более убедительным. С другой стороны, наибольшее количество известных документов королевы Боны, связанных с управлением Усвятской волостью, относится к периоду до 1533 г. включительно. Кроме того, события Стародубской войны 1534—1537 гг. (в особенности в 1535 г.) разворачивались и на территории Витебского повета [5]; в условиях боевых действий жителям Задвинских волостей едва ли было уместно подавать своей «господарыне» челобитную о притеснениях со стороны витебского воеводы Клочко. Таким образом, датировка по индикту этой уставной грамоты 1533 г. кажется более предпочтительной.

Своим листом Бона «отлучала» подданных Усвятской и Озерической волостей от «прысуду и послушеньства» замка Витебского, так как урядники воеводы Клочко, который «завадал» от королевы эти и Оболецкие земли, вводили «новины им над их пошлину». Королева постановляла, что ни воевода, ни его урядники не могут «ни судити, ни радити» людей этих волостей «покуль мы, господариня, тыхъ волостей в держаньи будемъ». Так соблюдалось сложившееся при Казимире правило о неподсудности населения волостей Витебским урядникам, однако этой грамотой нарушалась система сбора дани, введенная при Витовте и Сигизмунде Кейстутовиче и подтвержденная грамотами 1511 и 1524 гг. Грошовую дань и «вси доходы» в волостях должен был собирать не выборный старец, как прежде, а оболецкий державца королевы Боны. Он же должен был следить за выполнением местным населением повинностей по поддержанию в надлежащем состоянии Витебского замка, закреплявшихся за ними «подлуг стародавнього обычая» [11, кн. 32, л. 38—39].

В 1543 г. между Боной Сфорца и князем Сангушковым состоялась сделка обмена землями. Королеве отходили г. Ковель и

часть других земель на Волыни, князь Сангушкович получал от нее Оболицы. Учитывая тесную связь Оболец с Усвятами и Озерищами, королева должна была лишиться и их, однако в описании одной из грамот Сигизмунда I, которой он утверждал эту меновную сделку, сказано о том, что они являются волостями, «bez ktorych... zamek u wojewodstwo Witepskie, żadną miarą nie może się obyć» [19, р. 108]. В списке этой грамоты из 28-й книги публичных дел подчеркивалось, что обе волости относились к Витебскому повету и были пожалованы Боне «на вечность» одновременно с Оболицами, а также говорилось, что «онины волости поблизу замку н(а)шому Витебскому сут(ь), а без них тот замок н(а)шъ и воевода тамошний трудно бы ся мог выховать». В этой связи король «взял» Усвят и Озерищи к Витебскому замку, а для совершения сделки мены уступил Боне двор Смольняны и Горвольскую волость [17, к. 55 v.]. Соответствующая грамота была выдана королеве в конце февраля 1543 г. Обмен состоялся в марте того же года, и в меновных листах Боны и Сангушковича Усвятская и Озерищская волости более не фигурировали [18, s. 339—443]. Значимость обеих волостей для Витебска, очевидно, заключалась в замковой повинности, которую местное население должно было исполнять по четыре недели в году.

Несмотря на то, что королева Бона должна была утратить права на свои Задвинские волости, из документов последующего времени становится известно о том, что они по-прежнему находились в ее распоряжении. В 36-й книге записей Литовской метрики среди документов, датированных маем 1555 г., содержится указной лист Боны своему державце Матеушу Гедройцу о соблюдении прав и интересов жителей Усвята и Озерищ. Ранее с жалобой на этого урядника ко двору королевы приезжали «старцы и мужи» Усвятской волости. «Слуги» Гедройца, которых он, вопреки предыдущим уставным грамотам, «оставил» в этих волостях, запрещали продавать местными жителям меха («куницъ, рысеи, белок, бобров и инъшихъ») «посторонним» людям, самостоятельно скупая эти меха за бесценок. Королева приказывала впредь выкупать товар у усвятчан по нормальной цене, а также вновь касалась вопроса об обязательных ремонтных работах в Витебском замке, требуя от своего державцы не допускать «никоторого обьяженья» по отношению к ее подданным со стороны его «слуг» [11, кн. 36, л. 81—82].

Еще одна уставная грамота Усвятской волости была выдана королевой Боной также в 1555 г. Она была оформлена в виде указ-

ного листа Остафию Богдановичу Воловичу, будущему канцлеру Великого княжества Литовского, который получил от Боны эти земли «в держание» вслед за Гедройцем. Для Усвята и Озерищ устанавливался ежегодный чинш в размере «сороку рублеи широких и по петидесять куниц шерстью». Натуральный оброк, который предполагалось взимать мехами, по просьбе жителей волостей заменялся денежным и составлял три рубля ежегодно. «Устава», данная «до воли и ласки» королевы, вступала в силу в том же 1555 г. При этом Бона освобождала обе волости от налогового сбора за предыдущий год [11, кн. 36, л. 111 об., 110].

Итак, административно-территориальная принадлежность Усвятской волости в первой половине XVI в. именно к Витебскому повету не вызывает сомнений и явствует из ряда документов, связанных с историей местного землевладения. В то же время приграничные волости Усвят и Озерища долгое время являлись объектом споров в дипломатических переговорах между Литовским и Московским государствами. В конце 1537 г. или начале 1538 г., то есть уже после заключения перемирия по результатам Стародубской войны, обеими сторонами конфликта высказывались взаимные претензии о нарушении границ. Московские послы настаивали на том, что «з Витебьска» литовские наместники «уступаются» в волости Усвятскую и Озерищскую, которые якобы отошли к Ивану IV. В ответ послы Сигизмунда передавали следующие слова своего великого князя: «Што ся дотычеть волости н(а)шое Усвятское и Озерищское, которыи брат н(а)шъ своими менует, ино тыи волости Усвятская и Озерищская здавна на нас были держаны и тепере мы их держымъ. И в грамотах н(а)шых перемирныхъ у нашу сторону къ замьку н(а)шому Витебьскому суть описаны» [23, р. 197—198].

Позднее, после взятия Полоцка и Озерищ, московская сторона настаивала на принадлежности Усвятской волости к Полоцкому повету. В качестве одного из аргументов в пользу своих территориальных притязаний послы ссылались на грамоты королевы Боны, вывезенные в Москву: «говорили, что Усвятская волость истари к Озерищам; да и грамоты жаловальные королевы Боны на те обе волости, на Озерищскую и на Усвятскую, послом казывали с ея рукою и с печатью». В своих «ответах» представители литовской стороны, среди которых был и последний усвятский державца Боны Остафий Волович, отрицали такое положение вещей, говоря о том, что «из предков Озерища к Усвяту», а обе волости всегда «писались» к Витебску. Кроме того, ими подчеркивалось,

что грамоты королевы Боны так и не были показаны литовским послам, когда они находились в Москве [14, с. 459, 535—536].

Подлинные грамоты королевы Боны, действительно, какое-то время хранились в Царском архиве — упоминания о них находим в его описи, составленной в 1570-е гг.: «Ящик 227. А в нем... тетрадь рубежу Полотцкому и Озерищскому, писана с воеводцких списков; и грамоты королевы Боны на Усвятцкую волость» [7, с. 43]. Содержание этих документов (следует предположить, что это могли быть уставные листы Боны, списки которых сохранились в Литовской метрике) противоречило показаниям московских дипломатов.

Таким образом, сохранившиеся в составе метрики королевы Боны акты по истории Усвятской и соседних с ней волостей дают богатый материал для изучения этого региона. Комплексному изучению политики, проводившейся на этой территории литовскими и московскими властями, способствует и сохранность писцовых материалов XVI в. Ценным источником по исторической географии и демографии Полоцкой и отчасти Витебской земель (включая и северо-западную часть России) являются писцовые книги Полоцкого повета, которые частично были изданы Н.В. Калачовым и проанализированы Н.Н. Оглобиным в XIX в., а также опубликованная в недавнее время 573-я книга Литовской метрики.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I (1361—1598). — СПб., 1863. — 301 с.
2. Беларускі архіў. Т. II (XV—XVI ст.). Архіў Літоўскай мэтрыкі. Кніга запісаў № 16 (1530—1538 г.). — Менск, 1928. — 392 с.
3. Белоруссия в эпоху феодализма. Т. I. С древнейших времен до середины XVII века. — Минск, 1959. — 518 с.
4. Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. — Киев, 1905. — 476 с.
5. Кром М.М. Стародубская война 1534—1537 гг. Из истории русско-литовских отношений. — М., 2008. — 139 с.
6. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. — М., 1892. — 998 с.
7. Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. — М., 1960. — 195 с.
8. Пежемский В.Г. Волости Озерища и Усвят в XVI в. // Староладожский сборник / отв. ред. А.А. Селин. — 2002. — Вып. 5. — URL: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/pezhemsky/pub129/> (дата обращения: 15.12.2017).

9. Писцовые книги XVI века / под ред. Н.В. Калачова. Ч. I. Отд. II. — СПб., 1877. — 1598 с.
10. Пичета В.И. Белоруссия и Литва в XV—XVI вв. — М., 1961. — 818 с.
11. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18, 29, 32, 36.
12. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовоей книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. — Вильна, 1867. — 381 с.
13. Сапунов А.П. Усвят (местечко Витебской губ.) и святыни его. — Витебск, 1889. — 35 с.
14. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1892. — 807 с.
15. Солодов П.В. Усвяты. — Л., 1986. — 76 с.
16. Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Ключко (1533—1540). Литовская метрика. Книга № 228. Книга судебных дел № 9. — М., 2008. — 525 с.
17. Archiwum Główne Akt Dawnych. Tzw. Metryka Litewska. Dz. III. A/28.
18. Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. IV (1535—1547). — Lwów, 1890. — 686 s.
19. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 1 (1380—1584). Užrašymu knyga 1. — Vilnius, 1998. — 208 p.
20. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499—1514). Užrašymu knyga 8. — Vilnius, 2012. — 709 p.
21. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 12 (1522—1529). Užrašymu knyga 12. — Vilnius, 2001. — 856 p.
22. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 14 (1524—1529). Užrašymu knyga 14. — Vilnius, 2008. — 646 p.
23. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 15 (1528—1538). Užrašymu knyga 15. — Vilnius, 2002. — 448 p.
24. Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32 (1548—1549). Užrašymu knyga 32. — Vilnius, 2012. — 144 p.
25. Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego (1386—1795). — Kraków, 1885. — 357 s.
26. Wolff J. Książowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. — Warszawa, 1895. — 724 s.

«Поучение царем и князем» — неизвестный памятник древнерусской литературы

Аннотация. В статье вводится в научный оборот ранее не исследованный литературный памятник — «Поучение царем и князем». В настоящее время он известен в двух списках, датируемых XIV и XVI в. Анализ текста позволяет предполагать русское, вероятнее всего домонгольское, происхождение памятника. Из поучения следует, что оно должно было читаться на память св. мч. Арефы (24 октября) после его жития. Автор памятника опирается на особую версию славянского жития, содержащую следы вмешательства русского редактора. Эти факты представляют собой важные детали к истории почитания Арефы на Руси.

Ключевые слова: древнерусская литература; славянская переводная литература; агиография; св. Арефа

Konstantin V. Vershinin

“A Sermon to Caesars and Princes” — an uninvestigated literary piece of Old Russia

Abstract. The paper introduces a hitherto uninvestigated literary piece — “A Sermon to Caesars and Princes”. To date it is known in two copies which date back to 14th and 16th centuries. Analysis of the text indicates its Russian, likely pre-Mongol, origin. The sermon declares itself to be read on the commemoration of saint martyr Arethas subsequent to his Vita. The author of the piece draws upon a specific variant of the Vita which contains evidence of the intermediation of Russian redactor. These facts present important particularities of the history of Arethas’ veneration in Rus’.

Keywords: Old Russian literature; Slavic translated literature; hagiography; St. Arethas

Памятник, о котором пойдет речь, до сих пор не привлекал внимания исследователей. В настоящее время известно два его списка, один из которых, хранящийся в Чудовском собрании Отде-

¹ Вершинин Константин Владимирович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра источниковедения истории России Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: versh-kv@yandex.ru

Konstantin V. Vershinin — Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, Center for Source Studies of Russian History, Russian History Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

ла рукописей ГИМ [9, л. 198—200], датируется концом XIV в., но не позднее 1391/1392 г. [14, с. 545—547]; второй, из Центрального архива Нижегородской области [19, л. 294 об.—299], — началом XVI в. [13]¹. Такая орфографическая черта старшего списка (далее — *Ч*), как мена ц/ч («померчающий», «за цесаревица»), позволяет связывать его возникновение с Великим Новгородом. Младший список (далее — *Н*) происходит из Нижегородского Печерского монастыря.

Объем списков различен: старший содержит лишь начало (около четверти) текста, читающегося в младшем списке. Очевидно, на большее не хватило места переписчику, заполнявшему дополнительные пергаменные листы бумажной «Лествицы». Старший список обрывается без какого-либо заключения, которое, между тем, наличествует в младшей рукописи. Впрочем, в манускрипте XIV в. читается ряд кратких пассажей, отсутствующих в списке XVI в. Это заставляет думать, что в последнем памятник дошел до нас в позднейшей обработке, масштабы которой не поддаются определению. В старшем списке текст анонимен, в младшем приписан Василию Великому. Заглавия существенно различаются. В *Ч*: «Поученье святых отец к цесаремъ, и къ князем, и к бояромъ, и къ простымъ людемъ» [9, л. 198]; в *Н*: «Поучение святого отца нашего Василиа Кесарийскаго царем, князем, бояром, к мужемъ и к женамъ» [19, л. 294 об.]. Для краткости предлагается именовать памятник «Поучением царем и князем». Это оправдывается и тем, что главный его адресат — светские власти — заявлен в самом начале текста: «Послушайте, блазии цесарева (в *Н*: «царева нынешнии»). Текст безусловно заслуживает публикации, которой должно, однако, предшествовать разыскание новых списков.

Происхождение памятника следует связывать с Русью. При небольшом объеме текста число лексических русизмов довольно велико, к ним относятся: «резъ» 'процент' [19, л. 295 об.], «волога» 'жидкая или жирная пища' [9, л. 199 об.; 19, л. 295 об.], «наимить» 'наемник' [9, л. 199—199 об.; 19, л. 295—295 об.], «отьнь» (а не «отьчии») 'отцовский' [19, л. 296], союз «то ти» [9, л. 199 об.]², сочетание «како ти» [9, л. 198; 18, л. 294 об.]. Последние два примера обладают датирующим свойством, так как «после XII в. са-

¹ За копию Нижегородского списка выражаю сердечную благодарность Д.Ю. Кривцову и Б.М. Пудалову.

² Об этих русизмах см. [11, с. 107—108, 121—122, 128—129, 132, 139].

мостоятельное употребление частицы *ти* постепенно угасает» [5, с. 197]. Некоторые лексемы не являются русизмами сами по себе, но распространены в древнерусских памятниках: «гостьба» ‘торговля’ [19, л. 296], «поклажай» ‘клад’ [19, л. 297 об.]¹; встречаются также поэтическая формула «туга и печаль» [19, л. 296 об.]² и юридическая — «послухи поставил» [19, л. 297 об.]³. Интересно раннее упоминание мякинного хлеба: «От мякинъ смешень хлебъ» [9, л. 199 об.].

Представленный в нашем памятнике титул «ц(ес)арь» получил особенное распространение на Руси с начала XII в., а после Батыева нашествия в течение двух столетий почти не применялся к русским князьям [3; 4]. В сочетании с данными языка это позволяет относить возникновение текста к домонгольской эпохе. Вероятно, памятник был составлен церковным иерархом для какой-то княжеской фамилии и ее окружения. Распространялся он сразу в письменной форме: «Се писахъ вамъ, да бысте душа своя спасли от греха и от муки вечныя» [19, л. 298].

Поучение приурочено, по словам автора, к памяти (24 октября) мученика Арефы «и иже с ним», пострадавших в 523 г. в городе Награн на Аравийском полуострове⁴: «Помяни сего доброго князя Арефу, егоже дньсь память почитаемъ» [9, л. 199 об.; 19, л. 295 об.]. Нет сомнений, что под «почитанием памяти» книжник имел в виду чтение жития Арефы. Доказывается это не только тем, что основное значение глагола «почитати» в древнерусском языке — именно «читать», но и прямым обращением к описанным в житии событиям: «В сем же чтеньи поминаемая, 12 лет» [9, л. 199; 19, л. 295] (подразумевается одна из дочерей вдовы Синклитикии, пострадавшая вместе с Арефой); «а иного младенца обрящем 4 лет, оная жены красныя сынъ, егоже мы обрящем конецъ слова сего» [9, л. 199 об.]; в *Н* это место сокращено: «А иные (!) 4 лет, егоже муку обрящем конецъ слова сего» [19, л. 295 об.] (отсылка к мученичеству сына безымянной христианки, описанному, действительно, в конце жития Арефы). Русские списки жития Арефы известны лишь с XV в. (ряд их перечислен в [15,

¹ Ср. примеры у И.И. Срезневского: [17, т. I, стб. 570—571; т. II, стб. 1104—1105].

² Ср., например, в Новгородской 1-й летописи под 1231 г.: «нъ бяше туга и печаль» [16, вып. 8, с. 68].

³ Формула известна по Русской правде и другим юридическим текстам [17, т. II, стб. 1258].

⁴ О мученике Арефе см. [18].

с. 22]), так что поучение сохранило ценное свидетельство ранней известности этого переводного текста на Руси. Наш памятник позиционирует себя как своего рода дополнение к житию Арефы.

Содержание поучения можно свести к двум взаимосвязанным идеям. Первая заключается в признании возможности христианского спасения вне зависимости от социального положения; вторая состоит в том, что ничто, а в особенности материальное благосостояние, не достигается без Божией помощи и, следовательно, не является достоянием владельца. При всей распространенности этих мотивов представляет интерес конкретное их развитие книжником, а также особое внимание последнего к «нынешним» ц(ес)арям, превращающее новооткрытое поучение в памятник квазиполитической литературы Древней Руси.

«Добрый» и «дивный» «князь» Арефа, а также упоминаемый в его житии эфиопский царь «блаженный» Елесва(а)н (Елезвой), принявший монашеский постриг, служат автору главными образцами христианского смирения для власть имущих. Книжник приводит и другие примеры и цитаты, показывая знание житий целого ряда святых — Евфросинии Александрийской, Кирика и Иулиты, Евпраксии, Ксенофонта и Марии и т.д. При этом пример слабейших — женщин, детей, стариков, сумевших обрести христианское спасение — приводит автора к мысли, что его адресаты «стомъ частии (то есть «во сто раз». — *К.В.*) сильнейши ихъ» [9, л. 199 об.]; в нижегородском списке место искажено: «Стомъ чястью (!) сильнейша техъ» [19, л. 295 об.]. Им лишь следует верно распорядиться своим богатством. Далее книжник обращается уже не только к «ц(ес)арем и князем», но к «сильным мира» вообще. Интересна рисуемая им картина накопления богатства, где встречаются житейские детали: «Длани его имуща кровавые мозоли, и плещи его погорбевшася, и очи его светлы от многия страды» [19, л. 295 об.]. Воображаемый адресат ищет оправдания в том, что получил «имение» от отца. Но, рассуждает книжник, если отец жил по-христиански, «десятину давалъ нищим», то это имение — «чюжее» и присваивать его — «обида»; если тот копил богатства только для потомков, то он «несть блажен» [19, л. 296]. На реплику другого адресата, что он добыл богатство «руками своими тружася», автор дает категорический ответ: «а от небытия в бытъе самъ ли создалъ ся еси и душу в собе самъ ли вдохнулъ еси?» [19, л. 296].

В тексте присутствует ссылка на «Лествицу» Иоанна Синайского: упоминается александрийский подвижник «Сидоръ, иже

в Лествици глаголемыи железны» [9, л. 200]; в нижегородском списке это место сокращено: «Сидоръ железныи» [19, л. 295 об.] Судя по упоминанию «добраго отрока цесаревица Асафа» [9, л. 199], автор также знал повесть о Варлааме и Иоасафе, древний перевод которой имеет русское происхождение [11, с. 28—30]. Особенно любопытна цитата из «Слова некоего отца к сыну своему», известного, в частности, по Изборнику 1076 г.: «Комуздо нась смерть при дверех стоять, ждеть повеленья Вышняго» [9, л. 198; 19, л. 294 об.]. В Изборнике интересующее нас место утрачено [8, с. 186], приводим его по списку XIV в.: «Смерт (!) бо близъ комуздо нас и при дверех готова, ждущи повеления Господня» [6, с. 33]. Богатым, по словам автора, дано лишь «приставничество над домомъ своимъ, а не обогатити дети, ни роду своего» [19, л. 297]. Этот далеко не тривиальный топос заставляет вспомнить известное по тому же Изборнику 1076 г. анонимное поучение, с которым в данном случае наш памятник близко (хотя не буквально) сходен: «Акы ключарь порученое ти раздаваи... не оставляи последнему роду своему, нъ и дет[и] своя и жену свою и все племя свое поручи Богу» [8, с. 187—188]. Таким образом, из памятника можно извлечь некоторые сведения о распространении конкретных переводных сочинений.

Хотелось бы обратить внимание на особенности славянской рукописной традиции дометафрастовского жития св. Арефы «и дружины его», косвенным образом связанные с рассмотренным памятником. Упомянутое житие, греческий оригинал которого недавно удостоился критического издания [21], известно, как указывает К. Ханник [20, s. 124], в четырех славянских версиях. Две встречаются в южнославянских списках начиная с XIV в. [1, с. 36; 7, с. 264—266], восходят к одному (древнеболгарскому) архетипу и, кажется, не встречаются в русских рукописях. Еще две, напротив, известны только в русских списках. Первая из них, буквально следующая за греческим оригиналом, включена, в частности, в состав Великих миней четых [2, стб. 1839—1862]; другая представляет собой ее переработку. Эта последняя версия являлась, по предварительным наблюдениям автора этих строк, крайне популярной: именно она встречается в большинстве русских октябрьских четых миней. Ниже эта версия цитируется по списку из сборника XVI в. [10, с. 277 об.—290]. В целом житие сильно сокращено, приближаясь местами к вольному пересказу текста, известного по Великим минеям четым. Но в ряде случа-

ев присутствуют интерполяции, выдающие руку древнерусского редактора. Приведем наиболее характерные из них: вместо «отнюдуже (из Индии. — *К.В.*) араматы и попръ, и свила, и многоценнии бисерь приходить» [2, стб. 1841] читаем: «Оттуду добрыя воня и перъ, и бисерь, и камень драгыи, и паволокы драгыя оттуду приходить» [10, л. 278 об.]; вместо «яко много есть имение мое въ злате и в серебре и в меди» [2, стб. 1851] — «яко много есть злата и серебра, и ризы многоценныя, и паволокы, и камени драгаго, и железа и меди и олова» [10, л. 282]. Слово «паволока» неизвестно древней южнославянской письменности [11, с. 139—140], а в сочетании с «каменьем» служило устойчивой формулой русской книжности: ср. «злата много, и паволокы, и камене драгое» в Повести временных лет под 912 г. [12, стб. 38]. Но что особенно важно, именно в этой версии жития имеется вставка, в которой итог, подведенный числу мучеников, противоречит каноническому (4299): «Исъсече безаконнии царь святых мужей и жен 4 тысящи и 9 сот и 40 и 5» [10, с. 287 об.]. Неясно, чем руководствовался книжник в своих подсчетах: из текста жития число 4945 не выводится. Однако оно находит близкое соответствие в нашем поучении, где сказано, что Арефа «укрепивъ на мученье душъ 4 тысящъ и 9 сотъ и 5» [9, л. 198 об.] В *Н* число искажено, так как переписчик вместо «д» (4) прочел «а» (1): «Укрепи на мучение за Христа 1000 и 900 и 5» [19, л. 295]. Пропуск числа десятков (40) можно объяснить утратой в общем протографе сохранившихся списков поучения. Установленная неслучайная связь между двумя памятниками — еще один важный штрих к ранней истории почитания награнских мучеников в Древней Руси.

Список литературы

1. Атанасова Д. Българското царство в предсмъртната молитва на мъченик Арета (Наблюдения върху славянската версия на *Martyrium S. Arethae et Sociorum*) // Старобългаристика/Palaebulgarica. — 2014. — № 1. — С. 32—44.
2. Великие Миней Четии. Октябрь. Дни 19—31. — СПб., 1880. — Стб. 1535—2114.
3. Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры. — М., 2002. — Т. II. Кн. 1. — С. 506—542.
4. Горский А.А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996 г. — М., 1996. — С. 205—212.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — М., 2004. — 872 с.

6. Златая цепь (по Троицкому списку): Тексты. Исследования. Комментарии / Сост., вступит. ст., изд. текста, коммент. М.С. Крутовой. — М., 2003. — 220 с.
7. Иванова К. *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*. — София, 2008. — 722 с.
8. Изборник 1076 года. 2-н изд., перераб. и доп. Изд. подг. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Голыщенко. — М., 2009. — Т. I. — 744 с.
9. ОР ГИМ (Отдел рукописей Государственного исторического музея). Чудовское собрание. № 218. Лествица с дополнительными статьями. Конец XIV в. (до 1391/1392 г.). — 200 л.
10. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Троицкое собрание. № 786. Сборник. XVI в. — 310 л.
11. Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. — М., 2011. — 408 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. — М., 1997. — 496 с.
13. Пудалов Б.М. Рукописные книги Центрального архива Нижегородской области. Научное описание. Часть 1 [Электронный ресурс] // Открытый текст. Электронное периодическое издание. — URL: <http://www.opentextnn.ru/> (дата обращения: 15.11.2017).
14. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). — М., 2002. — 768 с.
15. Сперанский М.Н. Октябрьская Миней-четья до-Макарьевского состава // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб., 1901. — Т. 6. Кн. 1. — С. 57—87.
16. Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1975. — Вып. 1.
17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1912. Т. I—III.
18. Французов С.А. и др. Арефа // Православная энциклопедия. — М., 2001. — Т. 3. — С. 214—216.
19. ЦАНО (Центральный архив Нижегородской области). Ф. 2636. № 52. Сборник. Начало XVI в. — 702 л.
20. Hannick Ch. *Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur* (Wiener Byzantinistische Studien. Band XIV). — Wien, 1981. — 440 s.
21. Le martyre de Saint Aréthas et de ses compagnons (BHG 166). Édition critique, étude et annotation par Marina Detoraki, traduction par Joëlle Beaucamp, appendice sur les versions orientales par André Binggeli (Monographies du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, 27). — Paris, 2007. — 320 p.

О одном малоизвестном свидетельстве относительно ереси «жидовствующих»: к вопросу о бытовании иудейского трактата «Шестокрыл»

Аннотация. В статье рассматривается свидетельство Досифея Топоркова о пасхалиях «жидовствующих». Это свидетельство может быть связано с распространением в среде еретиков иудейского астрономического трактата «Шестокрыл».

Ключевые слова: ересь «жидовствующих»; «Шестокрыл»; эсхатологические ожидания на Руси конца XV в.; пасхалия.

Aleksandr A. Kazakov

ON THE LITTLE-KNOWN TESTIMONY OF "JUDAIZERS" HERESY:
THE USE OF JEWISH TREATISE *SIX WINGS* BY HERETICS

Abstract. This paper deals with Dosifey Toporkov's testimony of judaizers' Easter calendar. This testimony may be related to the use of Jewish astronomical treatise *Six Wings*.

Keywords: heresy of judaizers; *Six Wings*; eschatological expectations in Muscovy in the end of 15th century; Easter calendar.

Известный по публикации К.И. Невоструева (1865) текст «Надгробного слова Иосифу Волоцкому» из утраченной ныне рукописи Московской Епархиальной библиотеки № 664 содержит весьма любопытное свидетельство касательно ереси «жидовствующих», отсутствующее в иных списках этого памятника. «Елици же в Нове граде попы и диякони и дияки, — сообщает автор «Надгробного слова» Досифей Топоков, — свински живуше, начаша учитися поскалиям у жидов и скончанием седмыа тысяща прельстиша их изчадия ехиднова, богоборнии жидове» [6, с. 172, прим. 108]. Особый интерес здесь представляет упоминание не-

¹ Казаков Александр Александрович — соискатель кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. e-mail: astrubal@yandex.ru

Aleksandr A. Kazakov — Competitor of a scientific degree of the candidate of Source Study Department, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

ких «жидовских пасхалий», которые, судя по известиям агиографа, сыграли едва ли не главную роль в распространении ереси.

Из послания архиепископа Геннадия Новгородского владыке Прохору Сарскому известно о бытовании у новгородских еретиков, к которым владыка относил преимущественно представителей новгородского духовенства [3, с. 84—85], иудейского астрономического трактата «Шестокрыл», которым они «прельщают христианство, мня яко же с небеси знамение сводят». Трактат представлял собой руководство для расчета астрономических лунных фаз для 276 лунных (метоновых) циклов по 19 лет. По свидетельству архиепископа, «числа поставлены в Шестокрыле 276 девятнадцати» — охватывая, таким образом, временной интервал в 5244 года. Расчеты архиепископа, однако, имели несколько иной результат: «Ино те числа, что поставлены, — указывает владыка, — 276 девятнадцати лет будет 5228» [4, с. 311]. Нестыковка в расчетах была отмечена исследователями, предположившими, что «вряд ли владыка ошибся в арифметике, скорее эта разница объясняется тем, что, по летоисчислению “Шестокрыла”, в 1487 г. (дата Геннадиевского послания) шел именно 5228 год, и кончаться рассчитанные таблицы должны были только через 16 лет, в 1503 г. ($5244 - 5228 = 16$), тогда как русская пасхалия — через 3 года» [7, с. 54]. Впрочем, датировав послание 1487 г., нужно признать, что русская пасхалия должна была закончиться не через три, а через пять лет — в 1492 г. Но куда более любопытной представляется привязка 5228 г. по иудейскому исчислению лет, принятому в Шестокрыле, к 1487 г. Дело в том, что иудейская и принятая на Руси византийская эры «от Сотворения мира» имели между собой разницу в 1748 лет, поскольку счет лет в раввинистической иудейской календарной традиции начинается с 6 октября 3761 г. до н.э. [9, с. 394; 5, с. 131]. Поэтому 5228 г. по иудейскому летоисчислению указывал на 1468 (6976) г. Вероятно, в руках архиепископа Геннадия оказался список Шестокрыла, в котором крайний, 276-й метоновский цикл был неполным и содержал расчеты не на 19 лет, а всего на три года.

Архиепископа Геннадия, однако, едва ли интересовали такие тонкости. Факт наличия у новгородских попов «Шестокрыла» служил для него достаточным доказательством их воззрений. «Лета христианьскаго летаписца скратишася, а наша пребывают. А то хотят ту прелесть явити, как изойдет наша паскалия... И потому ино у них еще пришествия Христова нет, ино то они ждут

антихриста. Ино прелесть великаа!» — писал святитель [4, с. 318]. Главным открытием архиепископа было то, что, согласно иудейскому счету лет, не пришло еще время воплощения Иисуса Христа, которое, согласно принятой на Руси календарной традиции, произошло в 5508 г. от Сотворения мира. Это давало повод обвинять «жидовствующих» в неверии в Христа как в воплотившегося Сына Божьего и, вероятно, отразилось в соборном приговоре 1490 г. в формулировке, что «инии» от еретиков «Господа и нашего Иисуса Христа Сыном Божиим не звали» [4, с. 383], а затем дало повод Иосифу Волоцкому утверждать, что еретики «наричают Христа Сына Божия, тот еще не родился есть... А его же глаголют христиане Христа Бога, тот прост человек есть, а не Бог, и распят бысть от иудей и истле во гробе. Сего ради, рече, подобает ныне закон Моисеов держати» [4, с. 469].

В историографии, однако, можно встретить мнение, что еретики планировали «возможность перехода к иудаистской традиции, изложенной в “Шестокрыле”, в соответствии с которой год окончания седьмой тысячи лет по православному летоисчислению приходился на 5228 по еврейскому летоисчислению» [1, с. 449]. Последнее заключение, как было показано выше, ошибочно: разница между иудейской и принятой на Руси эрой составляла 92 полных лунных цикла. Причем это расхождение неизвестно было и на Руси. «Учение луннику, преведено от жидовских книг» (XVI в.), обнаруженное и описанное А.И. Соболевским, содержит сообщение о том, что «лето 5226-е» по иудейскому летоисчислению суть «по нашему ученью лето 6974» [10, с. 418]. Примечательно, что дата из «Учения луннику» весьма близка к приведенной в «Шестокрыле»: 1466 г. и 1468 г. соответственно.

В то же время нельзя обойти вниманием тревогу архиепископа Геннадия относительно того, что вскоре «кончается седьмая тысяща», а также свидетельство, что он сам «слыхал», как протопоп Алексей, в котором обличители видели главу новгородских еретиков, говорил: «И мы, деи, тогда будем надобны!» [4, с. 318]. Это заявление владыка склонен был понимать как намек на некое преимущество, которое «жидовствующие» считали возможным получить после наступления 1492 г. и небезосновательно связывал реплику протопопа с теми календарными выкладками, которые оказались в руках «жидовствующих» благодаря «Шестокрылу». Поэтому совершенно очевидно, что новгородские попы либо действительно пользовались списком «Шестокрыла», попавшим

затем к архиепископу, и продолжили расчеты лунных циклов, доведенные только до 1468 г., либо этот список не имел никакого отношения к ереси «жидовствующих».

С одной стороны, известен текст «Шестокрыла» с таблицами и рекомендациями по их использованию для «277 кругов, а всякий круг от сих кругов держит 19 год, а тый 19 год словоет круг лунный» [10, с. 414] и, таким образом, указывает на существование расчетов на 6993—7011 гг. С другой стороны, поскольку известный Геннадий список доведен лишь до 1468 г. и, вероятно, именно этот год использовался в списке как образец для расчетов лунных циклов, не исключено, что он мог попасть в Новгород с неким евреем, о приезде которого владыка упомянул в одном из своих посланий: «Коли был в Новеграде князь Михайло Оленкович, а с ним был жидовин еретик, да от того жидовина распростерлась ересь в Ноугородцкой земли» [4, с. 375]. Князь Михаил, если судить по летописным свидетельствам, прибыл в Новгород осенью 1471 г., «пребысть у них недолго время» и до начала весны 1472 г. покинул новгородские пределы [11, с. 169—171]. Тогда, очевидно, новгородские попы, изучив правила расчетов, вполне могли создать таблицы лунных фаз для 276 и 277 лунных кругов. В этом случае они действительно получили преимущество: русские пасхалии содержали расчеты только по 7000 лето включительно. Окончание пасхалии связывалось непосредственно с концом мира, который означал и конец движения светил. Однако расчеты, выполненные согласно указаниям «Шестокрыла», позволяли сделать вывод, что движение Луны и смена лунных фаз продолжится и после истечения седьмой тысячи лет от Сотворения мира. В этой связи А.И. Плигузов и И.А. Тихонюк предположили, что «еретики имели в проекте заменить истекающую христианскую пасхалию таблицами “Шестокрыла” и собственными календарными выкладками» [7, с. 54].

Можно ли утверждать, что еретики выводили с помощью трактата даты иудейских праздников, в том числе и праздника Песах? Внимательно изучивший «Шестокрыл» архиепископ Геннадий ничего об этом не сообщал, да и опубликованный текст с расчетами на 6993—7011 гг. не оставляет места для такого вывода: трактат носил исключительно астрономический характер, «нимало не касался конфессиональных различий между иудеями и христианами» [3, с. 91]. А единственным явным признаком его иудейского происхождения является наличие в тексте дат по иудейскому летоис-

числению. К тому же в основе иудейской календарно-хронологической традиции лежала «сложная система расчетов, требовавшая не только математических вычислений, но и учета галахических сдвигов», которые использовались «для согласования между недельным и лунными циклами». Так, например, дата иудейского Нового года (*Рош ха-шана*) не должна приходиться на воскресенье, среду и пятницу: «Правило обеспечивает, чтобы Судный день (*Йом-Киппур*), требующий соблюдения строгого шабата, не соседствовал с субботой (во избежание продолжительного бездействия), а требующий активных обрядов праздник *Хошана-Рабба* (Вербный день) не попал на субботу» [5, с. 132]. Так что дата иудейской Пасхи 14 нисана была привязана не только к весеннему новолунию, которое могло быть определено по «Шестокрылу».

Еще более неправдоподобно выглядит предположение, что новгородские попы использовали «Шестокрыл» для составления православной пасхалии, вернее, для вычисления даты пасхальной границы — полнолуния после дня весеннего равноденствия, на первое по которому воскресенье приходилось празднование Пасхи. Примечательно, что дата пасхальной границы в восточно-христианской традиции часто называлась «фаска евреом», хотя, разумеется, никакого отношения к празднику Песах не имела [8, с. 58], а первое «крыло» «Шестокрыла» как раз было посвящено вычислению астрономических полнолуний и новолуний. В действительности, однако, дело обстоит куда сложнее: нужно иметь в виду, что дата пасхальной границы, выпадавшей в период Вербного воскресенья до Великой субботы, была лишь условно связана с реальным изменением лунных циклов, расхождения между расчетными и астрономическими датами полнолуний могли достигать нескольких дней. По словам П.В. Кузенкова, «расхождение пасхалистических (расчетных) полнолуний с реальными... породило особый вид расчетов фаз Луны, которые были ориентированы на практические нужды и точнее отражали астрономические реалии» [5, с. 201].

Основываясь на расчетах «Шестокрыла», «жидовствующие» имели возможность составить таблицы «лунного течения», расчет фаз Луны в которых выходил за пределы 7000 г, знаковой даты для русского средневекового сознания. Затем этот лунник вполне мог распространяться, тем более, «примерно в половине рукописей, имеющих календарные таблицы, представлено сочетание таблиц пасхалии и “лунного течения”» [8, с. 7], то есть быть привязанным к какой-то составленной после наступления 7000 г. пас-

халии, что, вероятно, дало Досифею Топоркову повод говорить о некой «жидовской пасхалии».

Вместе с тем, появление пасхалии на начало восьмой тысячи лет было связано с именем митрополита Зосимы, которого Иосиф Волоцкий довольно яростно обвинял в «жидовстве». Не могли митрополит Зосима использовать основанный на «Шестокрыле» лунник в качестве приложения к составленной им пасхалии?

В пользу этой точки зрения есть некоторые, правда, косвенные доводы. Во-первых, Иосиф Волоцкий в послании владыке Нифонту Суздальскому, выдвигая серьезные обвинения против митрополита, тем не менее, отмечает, что «иные, господине, говорят: “Мы у него не слыхали ничего”» [4, с. 430], то есть связь Зосимы с ересью представлялась далеко не очевидной даже современникам. Во-вторых, текст, содержащий «Изложение пасхалии» и рядовую пасхалию митрополита Зосимы на 20 лет, в сборниках, происходящих из Троице-Сергиева (РГБ, Троиц. № 46, л. 93 об.—94 об.) и Волоколамского (ГИМ, Епарх. № 80, л. 219—226 об.) монастырей, обрывается на 7018 г., то есть конец пасхалии на 7019—7020 гг. утрачен [12, с. 47—49]. Вместе с тем, в сборнике ГИМ, Синод. № 713, вслед за рядовой пасхалией митрополита Зосимы на 7001—7020 гг., следует изложение «лунного течения», «т.е. показания возраста и ущерба луны на 19 лет. На конце замечания о тех днях, когда безвредно пускать кровь, и когда сеять и садить, и когда лес рубить» [2, с. 432], причем есть смысл говорить о связи синодальной рукописи «с митрополичьей канцелярией или Чудовым монастырем» [12, с. 49]. В-третьих, для обвинений митрополита Зосимы в «жидовстве» характерно подчеркивание его связи с протопопом Алексеем, который весьма уповал на востребованность усвоенных им знаний после истечения седьмой тысячи лет. Текст «Изложения пасхалии» в волоколамской рукописи (ГИМ, Епарх. № 80) содержит приписку следующего содержания: «Сий Зосима не священный митрополит, но скверные еретик, тогда тайно имея в себе ересь, Алексеем протопопом научен» [12, с. 60, прим. 64]. Нельзя исключить, что после соборного суда над еретиками в 1490 г. у митрополита Зосимы могли остаться какие-то материалы, так или иначе связанные с «Шестокрылом». Затем они вполне могли быть использованы при составлении лунника к рядовой пасхалии Зосимы в 1492 г. И, наконец, вероятно, не просто так Иосиф Волоцкий писал о митрополите, что тот «антихристов предтеча, иже антихриста ждет» [4, с. 428]. Как было показано

выше, упование еретиков на пришествие антихриста архиепископ Геннадий связывал как раз с иудейским летоисчислением, которое было известно ему из текста «Шестокрыла», так что есть смысл рассматривать высказывание волоцкого игумена в адрес Зосимы как указание на знакомство последнего с иудейским трактатом.

С учетом сказанного свидетельство Досифея Топоркова представляет весьма интересный, но недооцененный источник, в котором сквозь призму восприятия книжника рубежа XV—XVI вв. содержатся любопытные известия относительно ереси «жидовствующих».

Список литературы

1. Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. — М.: Индрик, 2012. — 560 с.
2. Горский А.И., Невоструев К.И. Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. — М.: Синодальная типография, 1869. — Отд. III. Ч. 1 — XXII, 584 с.
3. Казаков А.А. Об истоках «жидовской» ереси в Новгороде конца XV века (некоторые свидетельства архиепископа Геннадия Новгородского) // Историческая психология и социология истории. — 2017. — № 1(19). — С. 81—94.
4. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. — М.; Л., 1955. — 544 с.
5. Кузенков П.В. Христианские хронологические системы: История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции — М.: Русский издательский центр, 2015. — 992 с.
6. Надгробное слово Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его Досифея Топоркова / с предисловием К.И. Невоструева // Чтения в обществе любителей духовного просвещения — 1865. — Вып. 2. — С. I—III, 153—170.
7. Плигузов А.И., Тихонюк И.А. Послание Дмитрия Траханиота к новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси. — М.: Наука, 1988 — С. 51—75.
8. Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV — XVII вв. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. — 432 с.
9. Святский Д.О. Астрономическая книга «Шестокрыл» на Руси // Святский Д.О. Астрономия Древней Руси — М.: Русская панорама, 2007. — С. 384—399.
10. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV — XVII вв.: Библиографические материалы. VI. Литература жидовствующих // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. — СПб., 1903. — Т. 74. — С. 396—436.
11. Софийская вторая летопись: Полное собрание русских летописей — М.: Языки русской культуры, 2001. — Т. VI. Вып. 2. — I—VIII, 240 с.
12. Тихонюк И.А. «Изложение пасхалии» московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII — XVIII вв. — М.: Институт истории СССР, 1986. — С. 45—66.

Церковная карьера в XVII веке: митрополит Маркелл

Аннотация. В статье реконструированы основные вехи биографии и церковной карьеры митрополита Казанского Маркелла (†1698). Он стал одним из первых выходцев из западнорусских земель, кто смог достичь самых высоких церковных постов в России XVII в. (архиепископ Суздальский, затем митрополит Псковский, митрополит Казанский). В 1690 г. Маркелл стал одним из кандидатов на патриарший престол.

Ключевые слова: русская православная церковь; патриаршество; митрополит; церковный собор.

Irina A. Ustinova

CHURCH CARRIER DURING THE XVII CENTURY: METROPOLITAN MARCELLUS

Abstract. The article reconstructs the main milestones of the biography and church career of Metropolitan of Kazan Marcellus († 1698). He became one of the first immigrants from the West-Russian lands, who could reach the highest ecclesiastical posts in Russia in the 17th century. (Archbishop of Suzdal, then Metropolitan of Pskov, Metropolitan of Kazan). In 1690 Markell became one of the candidates for the patriarchal throne.

Keywords: Russian Orthodox Church; patriarchate; Metropolitan; Church Council.

Социальная мобильность в эпоху Средневековья, как известно, была невысока. В условиях чиновной структуры Московского государства XVII в. — почти невозможна. Едва ли не единственным работающим социальным «лифтом» оставалась церковная карьера. Ярким примером достижения высших позиций в государстве и церкви служат биографии патриархов Никона (из крестьян),

¹ Устинова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: ilustinova@yandex.ru

Irina A. Ustinova — Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Centre of history of Russian feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences/ Moscow, Russia

Иова (из посадских людей). Среди русских иерархов XVII в. были выходцы из духовенства, купечества (Никита Тотемский), дворянства (Иоаким (Савелов), патриарх Иоасаф I). В русском епископате XVII в. немало иностранцев — греков (например, патриарх Игнатий, архиеп. Арсений Елассонский, архиеп. Нектарий Вологодский), есть сербы (например, епископ при Архангельском соборе Иоаким (Дьякович), митрополит Белгородский Феодосий), малороссов (например, архиепископ Суздальский Иосиф (Курцевич)).

Изучение биографий русских иерархов XVII в. показывает, что на протяжении столетия церковные биографии становились все более динамичными. Со второй половины столетия все чаще встречаются случаи неоднократного перевода епископа с одной кафедры на другую. Рекорд в этом отношении принадлежит Варсонофию (Черткову-Еропкину), который последовательно занимал Смоленскую, Крутицкую (дважды) и Тверскую кафедры. В XVIII в. переводы архиереев между кафедрами участились.

В контексте вышесказанного весьма интересна церковная карьера митрополита Маркелла (занимал последовательно Суздальскую, Псковскую и Казанскую кафедры). Сведений о его происхождении, имени и фамилии в настоящий момент исследователями не обнаружено. Самые ранние сведения о его карьере относятся к началу 1670-х гг. Исследователи идентифицируют будущего митрополита с писцом Посольского приказа чернецом Маркеллом [13, с. 304; 23, с. 167; 22, с. 256; 1, с. 335; 18, с. 475], обращавшимся с челобитными к царю с 1672 г. (челобитная сохранилась [8, с. 191]). Из челобитной ясно, что Маркелл имел монашеский сан, и, следовательно, принял его до июня 1672 г., а не после 1674 г., как предположил Е.В. Липаков [15, с. 98]. 19 июня 1672 г. «чернец Маркелл» приступил к переписыванию (И.А. Шляпкин ошибочно указал, что он переводил эти книги [23, с. 167] вновь переведенных Николаем Спафарием и Петром Долговым «Книги избраной вкратце о девятих мусах и седмих свободных художествах» (рукопись хранится: ОР ГИМ. Синод. Собр. № 527) и «Хрисмологиона» (рукопись хранится: ГПБ. Эрмитаж. Собр. № 27) [1, с. 335—336]. Квалификация Маркелла, по-видимому, была весьма высока, поскольку менее чем через месяц, к началу июля 1672 г. он подготовил 8 тетрадей в полдсть первой книги и 20 тетрадей в лист — второй [8, с. 191].

Вероятно, к этому моменту Маркелл недолго служил в приказе, поскольку в июне 1672 г. он обратился к царю Алексею Михайловичу с челобитной о назначении ему поденного корма «против моей братьи старцов иноземцов». Спустя несколько дней после подачи челобитной Маркеллу был назначен корм по пяти алтын на день — как и прочим иноземным писцам приказа [8, с. 190—191]. Очевидно, что Маркелл не был великоруссом, но более точных данных о происхождении нет. В литературе его называют и белорусом [13, с. 304], и западнорусом [22, с. 256], и южнорусом [23, с. 167, прим. 1]. В челобитной он сообщил царю о своих знаниях: латинский и польский языки, готовность «нетолко на письмо», но и «на всякое... дело» [8, с. 190]. В свидетельствах современников упоминается о знании им также итальянского и французского [4, с. 301], греческого, немецкого, татарского языков [14, с. 286]. Патрик Гордон лично знал Маркелла и отметил его высокую образованность, ученость, «благовоспитанность» [5, с. 20]. Вероятно, Маркелл успел получить хорошее образование, до того как оказался в России.

Многочисленные навыки вкупе со стремлением обратить на себя внимание властей имели успех: Маркелл стал патриаршим тиуном, потом строителем Свенского Успенского монастыря под Брянском [14, с. 286] и не позднее 1679 г. — первым архимандритом этой обители [21, стб. 907]. Еще через год — в марте 1680 г. — патриарх Иоаким хиротонисал его во архиепископа Суздальского и Юрьевского [7, стб. 140—141]. Таким образом всего за несколько лет иноземец проделал путь от простого чернеца-переписчика на службе в Посольском приказе до главы крупной епархии в центре Московского государства, став одним из первых влиятельных выходцев из западно-русских земель в русской иерархии, число которых возросло в начале XVIII в.

Вероятно, Маркелл не успел по-настоящему вступить в дела управления Суздальской епархией. В августе 1680 г. он присутствовал в Москве на похоронах Симеона Полоцкого [20, с. 629—630], а в сентябре 1681 г. переведен на Псковскую кафедру, получив сан митрополита [21, стб. 380]. В последующие годы он был близок к царскому двору: в феврале 1682 г. вместе с другими «властями» был у руки новой царицы Марфы Матвеевны Апраксиной [9, с. 202], в июне 1682 г. участвовал в церемонии венчания на царство (принимал Мономахову шапку) Иоанна и Петра Алексеевичей [10, с. 39].

На этом этапе одним из основных направлений деятельности Маркелла стала борьба с расколом. В старообрядческих сочинениях он заслужил прозвище «митропилашки», за непримиримую позицию его считали предтечей Антихриста [19, стб. 1042]. Митрополит лично контролировал следствия по раскольничьим делам в его епархии, часто обращался с докладами и просьбами к патриарху. Например, в августе 1684 г. писал патриарху Иоакиму о деле чернеца Иоасафа по прозвищу Сарап [11, с. 208], в 1685 г. вел следствие по делу раскольника Гараски Павлова, у которого были обнаружены книги с «великими и неизреченными хулами» на новые обряды. Маркелл «имал его... перед себя на собор, в том истязался с ним», но успеха не достиг и передал его градским властям. После пыток Гараска покаялся и был направлен в Святогорский монастырь под начало. Сообщая об этом деле царям, митрополит отмечал, что «свободить его раскольника невозможно, потому что великой словесник и книг читатель» [12, с. 102—107].

В 1690 г. Маркелл оказался в центре церковно-политических событий — после смерти патриарха Иоакима юный царь Петр Алексеевич выдвинул его кандидатуру в патриархи. По свидетельству современников, это предложение вызвало противоречия при дворе и среди церковных иерархов. Гордон сообщил, что «большинство великих [епископат. — И.У.] стоят за выбор Маркелла — митрополита Псковского, человека ученого и благовоспитанного, младшие же [архимандриты, игумены. — И.У.] против него» [5, с. 20]. Собеседник Петра I барон Бломберг передал аналогичный рассказ царя о выборах патриарха Адриана [4, с. 301]. 20 июля, когда должен был состояться выбор патриарха, компромисс еще не был найден. О развитии событий рассказал Гордон: в дело вмешался архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий (Римский-Корсаков), который подал царице Наталье Кирилловне челобитную с обвинениями в адрес Маркелла по многим пунктам «и даже в ереси». Тем не менее царь Петр был тверд в своем решении и удалился с братом и всем двором в с. Коломенское [5, с. 21]. По мнению Гордона, основной причиной недовольства кандидатурой Маркелла было опасения, что ввиду своей учености он «станет жаловать католическую и другие религии» [5, с. 21; 4, с. 301]. По мнению И.А. Шляпкина, о Маркелле говорится и в отрывке Жития патриарха Иоакима, где описано избрание патриарха Адриана: «Бысть же... некая распря от некоего, иже бяше

иноплеменник, притворяешься же россиянин, иже не вем, како промчесь, яко произволяешься оному и на патриаршество возведenu быти» [23, с. 167; 18, с. 475]. Опасения вызывала и его близость к кругу Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева [17, с. 221], идеи которых в 1689—1690 гг. были осуждены соборно.

Одним из обвинений в адрес Маркелла стало совершение им обряда рукоположения священников и дьяконов «по обычаю белороссийских архиереев по два купно и по три на единой литургии», однако за это нарушение он прежде (возможно в связи с осуждением хлебопоклоннической ереси в конце 1689 г.) принёс покаяние и «впредь обещася тако не творити» патриарху Иоакиму [6, с. 479]. В какой еще ереси обвиняли противники Маркелла неизвестно.

В литературе высказывалось предположение о том, что обвинения со стороны архимандрита Игнатия повлекли следствие, суд и даже лишение сана [3, с. 375, 407; 2, с. 321—324]. Сведения источников эту версию не подтверждают. Спустя несколько дней после челобитной, 1 августа 1690 г., в с. Преображенском состоялись торжества на праздник Происхождения Креста Господня с крестным ходом, в котором участвовал царь Петр, «а действо освящения воды и божественную литоргию», т.е. церковное возглавление мероприятия осуществлял Маркелл [7, стб. 571—572]. 23 августа 1690 г. он присутствовал на церковном соборе по избранию патриарха, которым стал Казанский митрополит Адриан [16, с. 71; 7, стб. 577], а на следующий день принимал участие в чине возведения новоизбранного на патриарший престол [16, с. 74, 75]. Наконец, 8 сентября 1690 г. [21, стб. 287] он стал митрополитом Казанским и Свяжским, третьим в иерархии русской церкви. Вероятно, между сторонниками и противниками Маркелла был достигнут компромисс. Он просматривается и в отсутствии имени Маркелла среди кандидатов на патриарший престол в официальном чине (ими стали Казанский митрополит Адриан, Коломенский архиепископ Никита и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Викентий [16, с. 71]).

В биографии митрополита нашли отражение процессы перемен в русской церкви второй половины XVII в. — рост числа малороссов в иерархии, увеличение динамики архиерейской службы. Конфликт, возникший по поводу кандидатуры Маркелла демонстрирует, с одной стороны, формирующийся запрос общества и власти на архиереев ученых и «благовоспитанных», а с

другой — сохранение традиционного страха перед «западной» образованностью и подвижностью деятелей церкви. Последующие десятилетия показали, что власть сделала акцент на развитие духовного образования и реформы церкви, а фигуры, подобные митрополиту Маркеллу, в первой четверти XVIII в. заняли ведущие посты в русской иерархии.

Список литературы

1. Белоборова О.А. Маркелл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1993. — Вып. 3. — Ч. 2. XVII в.
2. Богданов А. П. Русские патриархи: (1589—1700). — М., 1999. — Т. 2.
3. Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII в. — М., 2001.
4. Брикнер А.Г. Материалы для источниковедения истории Петра Великого: (1682—1698 гг.) // Журнал министерства народного просвещения. — 1879. — Ч. 204. — № 8.
5. Гордон Патрик. Дневник 1690—1695 гг. / Пер. с англ., ст. и прим. Д.Г. Федосова. — М., 2014.
6. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. — М., 1869. — Отд. II. — Ч. 3. Разные богословские сочинения. № 303.
7. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии. — СПб., 1855. — Т. IV.
8. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1857. — Т. 6. — № 43. IX.
9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1875. — Т. 9. — №. 93.
10. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1867. — Т. 10. — № 15.
11. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1869. — Т. 11.
12. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. — СПб., 1872. — Т. 12.
13. Леонид, архим. Казанский митрополит Маркелл (1698) // Русский архив. — 1889. — Год 27. — № 6.
14. Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А.С. Уварова. — М., 1894. — Ч. 3. — №1720 (575) Книжка Суздальского архиерейского дома 1680 года (без начала иконца) в четверть, скорописью, 13 л.
15. Липаков Е.В. Архипастыри Казанские. 1555—2007 гг. — Казань, 2007.
16. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание Первое. — СПб., 1830. — Т. 3.
17. Прозоровский А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1896. — Ч. 3.

18. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 2004. — Вып. 3. — Ч. 4. Дополнения.
19. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга третья. Т. XI—XV. — СПб., 1851—1879. — Т. XIV.
20. Список с епистолии инок Силивестра Медведева // Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / Подг. текста и комм. А. Хипписли, Л.И. Сазонова. — Кельн, 2000. — Т. 3.
21. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. — СПб., 1877.
22. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. — Казань, 1914. — Ч. 1.
23. Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). — СПб., 1891.

Секция II
История Российской империи
(XVIII в. – 1917 г.)

«Синописис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе

Аннотация. В рамках исследования подвергается проверке распространенное мнение о том, что Киевский Синописис Иннокентия Гизеля являлся первым учебником по русской истории, использовавшимся на протяжении XVIII века.

Ключевые слова: Синописис, образование, учебник, история России, историография.

Victoria V. Tkachenko

SYNOPSIS AND TEACHING OF RUSSIAN HISTORY IN THE XVIII CENTURY: THE HISTORIOGRAPHIC MYTH

Abstract. The study tests the widespread view that Synopsis was the first textbook on Russian history in the 18th century.

Keywords: Synopsis, education, textbook, history of Russia, historiography.

Характеристика Киевского Синописиса как первого учебника по русской истории, кажется, прочно утвердилась в отечественной историографии. Такое определение дают ему словари Брокгауза и Ефрона [37, с. 47], Д.Н. Ушакова [31], Большая советская энциклопедия [4, с. 175], школьная и вузовская учебная литература [17, с. 126]. Признано это и большинством исследователей, так или иначе касающихся Синописиса [12, с. 22; 34, с. 17; 23, с. 7; 15, с. 159 и др.], причем отдельные авторы даже называют его «школьным учебником», использовавшимся с конца XVII и едва ли не до середины XIX в. [14, с. 100; 6, с. 34; 27, с. 97 и др.].

Вместе с тем, широко известен и другой факт. До учреждения Екатериной II народных училищ в 1786 г. история России как предмет в учебных заведениях не преподавалась, а под изучением истории подра-

¹ Ткаченко Виктория Владимировна — соискатель, специалист по учебно-методической работе кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. e-mail: victoria.tkachenko@gmail.com

Victoria V. Tkachenko — Graduate student, Specialist in the teaching and methodological work of the Department of Russian History until the beginning of the XIX century. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

зумевалось изучение истории всеобщей. Этот тезис, подтвержденный исследованиями П.Д. Ерика [11], Л.П. Бушика [7], Г.И. Смагиной [25], М.Т. Студеникина [28] и др. также, на первый взгляд, не вызывает сомнений. Посвятивший докторскую диссертацию изучению школьных учебников по отечественной истории А.И. Фукс сухо констатировал: «Появление специального учебного предмета русской истории относится к концу XVIII века... Однако, общепризнано, что первым учебником в России был Синописис (1674 г.)» [33, с. 53].

Две эти «общепринятые истины», продолжая воспроизводиться из работы в работу, создают, таким образом, ситуацию некоторого историографического парадокса. Если история России не преподавалась, то где же учились по Синописису, пережившему к середине XIX в. около 30 переизданий [12, с. 26; 21]? Ответ на этот, на первый взгляд, нехитрый вопрос требует обстоятельного комментария, связанного не только с изучением исторических реалий XVIII в., но и с вдумчивым пересмотром историографии данных проблем.

Печатная книга, под названием «Синописис, или Краткое описание о начале русского народа» вышла в свет в 1674 г. в типографии Киево-Печерского монастыря по благословлению его архимандрита Иннокентия Гизеля. Ее текст, дополненный в редакции 1678 г. и окончательно сформировавшийся в редакции 1680 г., по своему содержанию распадается на три неравные части. Первая включает в себя основные сведения об истории Киевской Руси, основанные на русских и польских хрониках, вторая — пространное повествование о Куликовской битве, и, наконец, третья рассказывает о дальнейшем возвышении России, Чигиринских походах и оканчивается восхвалением царя Федора Алексеевича, Российской державы и православного воинства.

Едва ли можно говорить о том, что Синописис изначально мог задумываться как учебник. Появившееся через двадцать лет после Переяславской рады, в разгар русско-турецкой войны и борьбы за объединение Украины с Россией, это историческое сочинение преследовало скорее политические и идеологические, нежели педагогические цели. Сохранились сведения о том, что один из экземпляров Синописиса посылался в Посольский приказ в Москву [19, с. 362; 29], а высказанные в нем идеи исконного единства Украины и России неоднократно звучали в дипломатических переговорах [26, с. 143, 149, 163].

Иннокентий Гизель, выступивший если не автором, то по крайней мере редактором Синописиса, действительно имел опыт деятельности

в области образования. По завещанию Петра Могилы он получил титул «благотелья и попечителя киевских школ» и в 1648—1650 гг. был ректором Киево-Могилянского коллегиума [5, с. 84]. Известен рукописный текст лекционного курса «Opus Totius philosophiae» («Сочинение о всей философии») [8], который он читал в 1645—1647 гг. Однако, к моменту публикации Синописиса Гизель уже не вел никаких занятий. Более того, ни история России, ни история Малороссии в Киево-Могилянском коллегиуме на тот момент не преподавалась. Программа обучения здесь строилась по образцу западных учебных заведений. В учебный план входили «три языка: Славянский, Греческий и Латинский, нотное пение, православный Катехизис и Арифметика, Поэзия, Риторика, Философия и Богословие», а также геометрия, музыка и астрономия [5, с. 53]. Класс Всеобщей Истории был открыт в Киевской Академии (такой статус коллегиум получил в 1701 г.) лишь в 1784 г. [5, с. 124].

Само по себе издание Синописиса как печатной книги на русском языке свидетельствует о том, что он первоначально был адресован широкой публике, а не ученикам Киевского коллегиума, где преподавание велось исключительно на латыни. По данным каталога «*Catalogus librorum Bibliothecae Academiae Kiioviensis*», составленного около 1792 г. [1], в библиотеке Киевской академии на тот момент находился только один экземпляр Синописиса (издания 1678 г.), в то время как общее число исторических книг составляет 1313 экземпляров, а многие из них имелись в пяти и более копиях. Примечательно, что Синописис помещен в реестре в раздел «разное», а не в соответствующий исторический раздел. То есть он не рассматривался составителями каталога как специальная литература по истории. Таким образом, использование Синописиса в качестве «учебника» даже после начала преподавания истории в Киевской академии кажется маловероятным.

С начала XVIII в. система образования в России претерпевала множество реформ. Последовательное изучение указов об основании и преобразовании учебных заведений позволяет составить представление об официальном перечне преподаваемых в них дисциплин. Не являясь прикладным предметом, история не входила в учебный план большинства светских учебных заведений, дававших элементарное начальное образование и дальнейшую специальную подготовку: цифирных, гарнизонных, пушкарских, инженерных, навигацкой, горнозаводских и прочих «профессиональных» школ. Тем не менее, она изучалась в духовных семинариях и академиях, об-

щеобразовательных гимназиях (академической и университетской) и некоторых частных школах.

Основные требования к духовному образованию были установлены «Духовным регламентом» Феофана Прокоповича (1721 г.), где в числе прочего постановлялось: «Уча Грамматике, может учитель с нею учить купно и Географию и Историю» [20, с. 333]. Речь шла об использовании исторических текстов для переводов с латинского языка, причем внимание преподавателей специально акцентировалось на том, что следует читать оригинальную, а не переводную литературу («только бы был автор чистого языка Латинского, яковый есть Юстин Историк» [20, с. 334]). Историю же следовало учить «одну внешнюю, либо церковную». То есть, даже осуществленный И. Копиевичем перевод Синописиса на латынь не соответствовал официальным требованиям учебного процесса. Рекомендательный характер этого пункта регламента на практике приводил к тому, что история не преподавалась вовсе. Критикуя обучение в Греко-Латинской академии в 1730-е гг., В.Н. Татищев отмечал: «Истории же с хронологией... в сем училище не токмо шляхтичу, но и подлому научиться нечему» [30, с. 117]. Тем не менее, нельзя исключать возможность самостоятельного ознакомления студентов московской академии с текстом Синописиса. С 1728 г. ее преподаватели и ученики получили право посещать синодальную и типографскую библиотеки (подтверждено в 1736 г.), где, согласно реестру 1760-х гг., имелось как минимум пять экземпляров его изданий разных лет [16, л. 10 об].

Изучение русской истории в светских учебных заведениях в первой половине XVIII в. затруднялось тем, что значительная часть педагогов являлась иностранцами, не имеющими соответствующей подготовки. В московской гимназии пастора Глюка «от исторических авторов Курция и Иусина» [18, с. 44] преподавал Иоан Рейхмут. В основанной Феофаном Прокоповичем школе для детей «всякого звания» занятия по истории вел академик Г.-З. Байер, который, по замечанию А.-Л. Шлецера, не знал русского языка [35, с. 4]. В Академической гимназии в 1760-е гг. учились по «Сокращенной универсальной истории» Г. Кураса [35, с. 124]. В гимназии при Московском университете до конца 1770-х гг. история преподавалась на французском и немецком языках.

Согласно «Проекту об учреждении Московского университета» (1755) в рамках философского факультета открывалась должность профессора истории «для показания истории универсальной и российской, также древности и геральдики», которую занял Ф.-Г. Дильтей [10, с. 27]. Свои учебные разработки он опубликовал

под названием «Первые основания универсальной истории» [9], в предисловии отметив, что «нет ни одной сокращенной истории, которую бы могло юношество пользоваться. А все сокращенные истории, которые находятся, писаны на иностранных языках и не переведены на российской». Истории России в учебнике Дильтея был посвящен только один урок.

Таким образом, складывается впечатление, что многочисленные переиздания Синописиса, осуществлявшиеся на протяжении XVIII в. Академией наук, пользуясь несомненным читательским спросом, тем не менее, оказывались не востребованными в образовательных учреждениях. А.-Л. Шлецер отзывался об нем весьма критически: «Полуобразованный русский с необыкновенною охотою берется за всякое чтение: особенно любит он отечественную историю... Непонятно, как у этой доброй публики не было ни одного удобочитаемого руководства: так называемый киевский “Синописис” не заслуживает этого имени» [35, с. 51]. Н.И. Новиков в 1774 г. отмечал, что книгу «окроме русских купцов да уездных дворян, никто не разумеет» [24, с. 491].

Круг читателей Синописиса в значительной мере удалось очертить А.Ю. Самарину, проанализировавшему владельческие надписи на сохранившихся в российских хранилищах экземплярах Синописиса (85 экз.¹). В ходе исследования им была выявлена лишь одна книга, побывавшая в руках у ребенка (с рисунками на ней), а также две книги с упоминанием слова «учился» [22, с. 56]. Не найдя иных подтверждений принадлежности Синописиса преподавателям либо учащимся, он отмечает, что «сведений об использовании «Синописиса» при изучении отечественной истории не в домашних условиях, а в учебных заведениях немного» [22, с. 65], однако, следуя историографической традиции продолжает называть Синописис учебником, ссылаясь на «общеизвестность» этого мнения [22, с. 35].

Вместе с тем, более убедительным кажется другое предположение Самарина о том, что старопечатные экземпляры Синописиса могли восприниматься и использоваться как душеполезная литература наравне с богослужебными и религиозными книгами. Так, он часто входил в число монашеских келейных книг, мог выступать в качестве вкладной книги в монастырь. Распространены конволюты, объединявшие его с другими текстами богословского содержания. Характер читательских

¹ Из них 55 книг просмотрены А.Ю. Самариным “de visu”, ещё о 32-х ему известно по поэкземплярным описаниям и публикациям прикнижных записей.

маргиналий («Верую во единого Бога» и т.д.) позволяет подтвердить предположение об отнесении кириллических изданий Синописиса к религиозному чтению [22, с. 36—37].

Дальнейшие гражданские переиздания книги были продиктованы значительным интересом к русской истории в обществе, высокими продажами и отсутствием иных аналогичных печатных изданий. Синописис приобретали для своих домашних библиотек крупнейшие государственные деятели и представители средних слоев: офицеры, купцы, посадские люди и т.д. Неоспоримо значительное влияние Синописиса на зарождающуюся историческую науку. На него ссылаются В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов и др. Кажется справедливым замечание А.А. Формозова о том, что Синописис часто воспринимался читателями не как позднее историческое сочинение писателя XVII в., а как подлинная древняя летопись, являющаяся ценным источником сведений о русском прошлом [32, с. 135].

Источником убеждения об использовании Синописиса как учебника по русской истории, по всей видимости, послужило получившее известность высказывание академика А.-Л. Шлецера: «80 лет был он единственною учебною книгою отечественныя истории!» [36, с. рлс]. Это, на первый взгляд, красноречивое и однозначное утверждение, в действительности, было сформулировано его переводчиком — Д. Языковым. Сам А.-Л. Шлецер использовал немецкое слово «Handbuch», которое означает скорее «руководство» или «справочник», нежели «учебник» [2, с. 88]. Почти дословно перевод Д. Языкова был процитирован митрополитом Киевским Евгением (Болховитиновым) к переизданию «Синописиса» 1836 г. Он пишет, что «книга сия по бывшему недостатку других Российской истории книг печатных, была в свое время единственною оной учебною книгою» [3, с. I]. Однако в дальнейшем неосторожно сказанная фраза была неверно интерпретирована в историографии. Уже через год Н.И. Надеждин будет рассуждать о том, что Синописис Гизеля, «ученого ректора и профессора Киевской Академии», замечателен как «первый школьный учебник» [14, с. 100]. Прямо ссылаясь на «предуведомление» Болховитинова, П.Н. Милоков заключает, что он был «действительно, первым и единственным печатным учебником русской истории до самого появления Краткого летописца Ломоносова» [13, с. 7]. После чего в литературе стихийно распространяется мнение о том, будто «Ломоносовский “Летописец” заменил в школах “Синописис” как учебник» [32, с. 136]. Широта этого заблуждения была сильно приумножена попаданием ошибки в словари, в частности, в популярнейший словарь Брок-

гауза и Ефрона, где было сформулировано определение: «Киевский Синописис — первый учебник по русской истории, вышел первым изданием в Киеве в 1674 г.», создающее ложное впечатление того, что по Синописису учились уже в XVII столетии. Таким образом, этот факт вошел в научный оборот, практически перестал подвергаться проверке и стал казаться общеизвестным.

Изучение системы образования и преподавания истории в XVIII в. не позволяет подтвердить данную гипотезу. Без сомнения, являясь популярнейшим и самым доступным историческим сочинением, Синописис, тем не менее, не имел никакого отношения к преподаванию истории в школах или других учебных заведениях. Он использовался для домашнего чтения, а его популярность была вызвана не требованиями учебных программ, а напротив, читательским интересом к отечественной истории, несмотря на фактическое отсутствие ее преподавания вплоть до конца XVIII в.

Список литературы

1. *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae Kiioviensis* // Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. — Отд. II. — Т. V. — Киев, 1908. — С. 300—470.
2. Schlözer A.L. Несторъ: Russische Annalen in ihrer slawonischen Grund-Sprache verglichen, übersetzt und erklärt. — Göttingen: Dieterich, 1802. — 340 pp.
3. Болховитинов Е. Предуповление читателю // Синописис или краткое собрание от различных летописцев. — Киев. 1836. — С. I—II.
4. Большая советская энциклопедия. — Т.23. — М.: Сов. энциклопедия, 1976. — 638 с.
5. Булгаков М. История Киевской Академии. — Спб.: Тип. Константина Жернакова, 1843. — 226 с.
6. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX в.: пространство историческое и литературное: дисс. докт. филос. по русск. лит. — Тарту, 2010. — 207 с.
7. Бушник Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. — М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1961. — 540 с.
8. Гізель І. Твір про всю філософію (Opus totius Philosophiae) // Sententiae. — 2013 — №2 (XXIX). — С. 152—162.
9. Дильтей Ф.-Г. Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею. — М.: Тип. Моск. имп. ун-та, 1768. — 258 с.
10. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подг. Н. А. Пенчко. — Т. 1. — М.: Изд. МГУ, 1960. — 415 с.
11. Ерик П.Д. Преподавание истории в русской школе в XVIII в. // Преподавание истории в школе. — 1960. — № 4. — С.67—74.
12. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. — 1920. — Кн.6. — С. 5—29.
13. Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. — Спб.: Аверьянов, 1913. — 342 с.
14. Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России. 1837 // Библиотека для чтения. — 1837. — Т.20. — Отд.3. — С. 93—136.

15. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. — М.-Л.: Изд. Изд. АН СССР, 1955. — 625 с.
16. ОР РГБ, Ф.173.1, Ед.хр. 106.
17. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. — М.: Проспект, 2006. — 528 с.
18. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. — М.: Польза, 1910. — 240 с.
19. Письма Иннокентия Гизеля // Труды Киевской Духовной Академии. — 1865, июнь. — Т. 2. — С. 362.
20. Регламент или устав духовной коллегии (№ 3718) // Полный свод законов Российской Империи — Т. 6. — СПб: Тип. II отд. С.Е.И.В. канцелярии — С. 314—346.
21. Самарин А.Ю. Краткое собрание от разных летописцев // Историк. — 2015. — №12. — С. 42—46.
22. Самарин А.Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII—XVIII вв). — М.: Изд. МГУП, 1998. — 159 с.
23. Сапожникова О.Я., Сапожников И.Ю. Предисловие // Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). — М., 2006. — С. 3—40.
24. Сатирические журналы Н.И. Новикова / ред. и пред. П.Н. Беркова. — М.-Л.: Изд. АН СССР, 1951. — 616 с.
25. Смагина Г.И. Из истории преподавания русской истории в XVIII веке // Преподавание истории в школе. 1990. № 4. С. 56—63.
26. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI—XII вв. Т. II. — М.: Изд. МГУ, 1946. — 174 с.
27. Соколов С.В. Дискурс «общего прошлого» России и Украины в исторических сочинениях XVII в. в связи с проблемой исторической ответственности // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего. — Екатеринбург, 2016. — С. 92—99.
28. Студеникин М.Т. Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI — начала XX вв. — М.: Прометей, 2011. — 138 с.
29. Сычева М.Б. О предполагаемом Синопсисе 1671 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. — 2006. — Вып. 2., — С. 15—21.
30. Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ. — М.: Унив. тип., 1887. — 171 с.
31. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.4. М.: Советская энциклопедия, Изд. иностранных и национальных словарей, 1940. — 1500 стлб.
32. Формозов А. А. Человек и наука: Из записей археолога. — Москва: Знак, 2005. — 222 с.
33. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII — вторая половина 1930-х гг). — М.: Изд. МГОУ, 2010. — 490 с.
34. Чистякова Е.В. Первая учебная книга по русской истории // Преподавание истории в школе. — 1974. — №3. — С. 12—17.
35. Шлеер А.-Л. Автобиография А.-Л. Шлецера // Сборник отделения русского языка и словесности Академии Наук. — Т. XIII. — СПб., 1875.
36. Шлеер А.-Л. Нестор. Руския летописи на древле-Славянском языке. — Ч. 1. — СПб.: Императорская тип. 1809. — 475 с.
37. Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А. Ефрон. — Т. XXX(59). — СПб.: Типография Акц. Общ. «Издательское дело». 1900. — 480 с.

Управление гражданским здравоохранением на Кавказе в первой половине XIX в.

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в оборот архивных источников рассматривается история создания и функционирования системы гражданского здравоохранения на Кавказе в первой половине XIX в. Автор рассматривает аспекты функционирования врачебных управ в регионе. Отмечается особая роль в этом процессе доктора Эраста Андреевского.

Ключевые слова: история здравоохранения; история медицины; Кавказ; Эраст Андреевский.

Sergey B. Manyshev

GOVERNANCE OF CIVIL HEALTHCARE IN THE CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Abstract. In the article, based on the archival sources introduced for the first time, the history of creation and functioning of the civil health system in the Caucasus in the first half of the XIX century is considered. The author considers aspects of functioning of medical boards in the region. There is a special role in this process of Dr Erast Andreevsky.

Keywords: history of health; history of medicine; Caucasus; Erast Andreevsky.

Система управления гражданским здравоохранением в Российской империи в конце XVIII — начале XIX вв. неоднократно менялась. В самом конце XVIII в. управление было сосредоточено в руках Медицинской коллегии, которая была учреждена по указу императрицы Екатерины II в 1763 г. Однако уже в начале 1790-х гг. стало очевидно, что назрела необходимость реформирования как системы здравоохранения в империи в целом, так и организации ее на местах.

С созданием в 1802 г. министерств Медицинская коллегия была упразднена, а руководство здравоохранением перешло к Министерству внутренних дел, в котором эти вопросы были переданы

¹ Манышев Сергей Борисович — соискатель Центра истории народов России и межнациональных отношений Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: msergey1990@gmail.com

Sergey B. Manyshev — competitor of the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations Center of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

Медицинскому совету, а также второй и третьей экспедициям [5, с. 46]. В 1811—1819 гг. здравоохранением управляло Министерство полиции, а после слияния двух министерств руководство было передано МВД. Низкая компетентность руководителей Медицинского департамента вынудила правительство ввести в 1805 г. должность генерал-штаб-доктора по гражданской части, в круг обязанностей которого входили надзор и экспертиза вопросов практической медицины [8, с. 39]. Однако эффективной работе в области гражданского здравоохранения мешало то, что оно было в ведении нескольких подразделений Министерства внутренних дел.

Главной заслугой Медицинской коллегии стала разработка реформы, завершившаяся созданием врачебных управ, которые унифицировали структуру управления здравоохранением на местах. 19 января 1797 г. во всех губернских городах были учреждены врачебные управы, которым были подчинены все гражданские и военные медицинские учреждения. В функции врачебных управ входил надзор за всеми медицинскими учреждениями и аптеками в губерниях, организация медицинской помощи населению, проведение санитарных мероприятий, борьба с эпидемиями. Кроме того, на инспекторов управ возлагались обязанности по контролю за госпиталями и лазаретами [12, № 17743]. Во врачебной управе полагался инспектор, оператор, акушер, две повивальные бабки, а также писарь. В соответствии с утвержденными штатами в каждый уезд полагался один лекарь с жалованием в 300 руб., один старший лекарский ученик с жалованием в 60 руб., один младший лекарский ученик с жалованием в 45 руб., а также одна повивальная бабка с жалованием в 80 руб. [13, № 24983].

Главным результатом реформы должно было стать обеспечение губерний квалифицированными медицинскими кадрами, которые могли бы в случае необходимости оказывать помощь на самом низовом уровне. С другой стороны, создание коллегиальных собраний медиков на местах должно было оказать благотворное влияние на общую санитарно-гигиеническую обстановку в империи. Результатом всех этих мероприятий должно было стать более четкое управление в отдаленных от столиц губерниях, в соответствии с местными потребностями. Однако нововведения в области здравоохранения не сразу были внедрены в практику: врачебные управы в губерниях созданы не были, а в уездах медицинские штаты оставались прежними и работали в соответствии со старыми правилами [11, с. 501].

На Северном Кавказе вопросами здравоохранения в конце XVIII — первой половине XIX вв. сначала ведала Астраханская врачебная управа, а затем — Кавказская областная, а с 1847 г. — Ставропольская губернская, в состав которых входили аптекарская и ветеринарная части, а также оспенный комитет [15, № 878].

Членами Астраханской врачебной управы со дня ее учреждения были: инспектор — надворный советник Георг Раппе, оператор — штаб-лекарь кавказского корпуса Петр Иванович Шатилович, акушер — штаб-лекарь второго Астраханского батальона Петр Симонтовский. При этом Раппе и Шатилович прекрасно знали Северный Кавказ, так как первый прослужил здесь 15 лет, а второй — более 25. Надзор за медицинскими учреждениями Кизляра и Георгиевска был возложен на П.И. Шатиловича, который всячески старался улучшить быт военных на Кавказе. Именно им было составлено содержательное письмо в адрес директора Медицинской коллегии А.И. Васильева, в котором он изложил свое видение причин экономического упадка Кизляра. Он усмотрел его в неправильном применении медико-санитарных мер, связанных с запретом посевов целого ряда сельскохозяйственных культур, которые, по мнению ряда медицинских работников, способствовали развитию лихорадок в городе. Содержание этого письма было доложено императору Павлу I, который отдал соответствующие распоряжения, и многие из предложений П. Шатиловича были воплощены в жизнь [25, с. 79—87].

Конечно, не стоит идеализировать управление здравоохранением на местах. В силу отсутствия необходимого количества врачей медицинское дело в уездах оставалось на низком уровне. Инспектор Кавказской врачебной управы Ф.М. Меандров, объехавший ряд подведомственных ему населенных пунктов, в том числе Кизляр, Моздок, Пятигорск, а также ряд сел и станиц, констатировал, что, несмотря на все старания врачебной управы и уездных врачей, в Кавказской области невозможно было найти лекарских учеников, которые по своим знаниям приближались бы к фельдшерам военного ведомства. Связано это было с тем, что почти что не было желающих обучаться, а те, кто и хотел, либо не знали русского языка, либо наотрез отказывались заниматься освидетельствованием трупов. «Врачи, имеющиеся в городах, — продолжает Меандров, — почти лишенные помощников, мало что могут сделать для помощи больным жителям. Акушерки и повивальные бабки почти не имеют практики по при-

чине навыка и доверенности жителей призывать к родам простых старух» [22, л. 2].

Такое положение дел сохранялось несмотря на то, что определяемым на службу на Кавказе медикам с самого начала XIX в. предоставлялся ряд преференций. Еще в 1816 г., согласно определению Сената, выпускникам Медико-хирургической академии, направленным на службу в Кавказскую губернию и Грузию и прослужившим в крае не менее шести лет, присваивался чин титулярных советников [14, № 26308]. Чин титулярного советника также присваивался аптекарям, определяемым на Кавказ, кроме того им выплачивались 400 руб. прогонных [14, № 26362].

Другая врачебная управа, которой в первой трети XIX в. подчинялось все здравоохранение Закавказья, была учреждена в Тифлисе 12 сентября 1801 г., по типу прочих управ, действовавших в Российской империи [1, с. 438]. Однако фактически она стала действовать лишь в 1803 г. в связи с начавшейся эпидемией чумы в Грузии. Открытие управы связано с именем ее оператора — штаб-лекаря Измайлова, который поставил вопрос об исполнении постановления от 12 сентября 1801 г. На протяжении 15 лет своего существования во врачебной управе работало всего восемь врачей [23, с. 35].

В 1811 г. Грузинская врачебная управа обратилась к министру полиции с просьбой укомплектовать штат. Однако врачи на Кавказ так и не были направлены, а Комитет министров констатировал, что острая нехватка медицинских чиновников гражданского ведомства связана с их низким жалованием [6, с. 250].

В 1819 г. штат Грузинской врачебной управы был представлен инспектором управы доктором медицины И. Прибилем, который также исполнял обязанности городского и уездного врача, оператором управы штаб-лекарем М. Вороченковым, исполнявшим обязанности врача в карантинном пункте, четырьмя учениками врача и одной акушеркой. Кроме того, по одному врачу находилось в уездах [23, с. 37].

Иван Антонович Прибиль заслуживает отдельного упоминания. Он родился в Богемии, образование получил в Праге, а в 1808 г. по приглашению русского посла в Вене приехал в Россию, где был определен для службы в Грузии. Именно по инициативе И.А. Прибиля в 1820 г. в Тифлисе была открыта первая городская гражданская больница на 20 коек. Помимо всего прочего он выучил грузинский язык, так как был женат грузинке (это едва ли не единственный случай, когда врач настолько погрузился в жизнь Кавказа), и владел им

настолько хорошо, что заслужил у современников прозвище «первого лингвиста на Кавказе» [10, с. 93—94]. Во время пребывания в Грузии А.С. Грибоедова именно И.А. Прибиль лечил его от приступов лихорадки [4, с. 222]. В ведении Грузинской врачебной управы находилось все здравоохранение города Дербента вплоть до создания Каспийской области.

В 1846 г. по инициативе кавказского наместника князя М.С. Воронцова была детально проработана реформа, согласно которой было создано управление медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе [16, № 20724]. Преобразование медицинской части шло в общем русле тех реформ, которые были намечены Воронцовым на Кавказе. Связаны они были прежде всего с упорядочиванием управления вверенного наместнику края. С ним на Кавказ пришла целая команда администраторов, которые уже опробовали некоторые проекты в Новороссийском крае. Перед ним стояла задача путем модернизации интегрировать разнomaстное кавказское общество в социокультурное поле империи [26, р. 133, 136]. К тому же, князь имел определенные представления о Кавказе, так как в начале XIX в. служил здесь. И в данном случае сложно не согласиться с оценкой врача-современника, который писал о Воронцове: «Он привил гражданственность, водворил просвещение, поощрил науку, а главное всего спас армию и край обнародованием здоровых понятий о лихорадке и достаточным отпуском хинина» [20, л. 77].

Управляющему медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе подчинялись все медицинские учреждения Закавказского края и Кавказской области, а также все медицинские чины. В связи с тем, что управляющему медицинской частью подчинялись казенные аптеки, были упразднены должности инспекторов аптекарской части. Управляющий отчитывался исключительно перед кавказским наместником. Согласно утвержденным штатам, на содержание управляющему медицинской частью гражданского ведомства полагалось 1500 руб. жалования и 450 руб. квартирных [16, № 20724].

Одним из людей, пришедших с наместником на Кавказ, был доктор Эраст Степанович Андреевский. Говоря о преобразованиях в области организации здравоохранения, нельзя обойти стороной личность этого незаурядного человека, на протяжении восьми лет занимавшего должность управляющего медицинской частью гражданского ведомства.

Э.С. Андреевский родился 15 апреля 1809 г. в городе Волочиске Волынской губернии в небогатой дворянской семье. Медицинское

образование он получил в Берлине, а в 1833 г. был признан доктором медицины в России [18, с. 48]. С этого года и на протяжении более чем 20 лет он служил под начальством Воронцова сначала в Одессе, а затем и на Кавказе. Именно при нем было налажено изучение Кавказа в медико-топографическом отношении, было описано большинство минеральных вод, в том числе открыт курорт Боржоми [19, л. 3 об., 9 об.]. За время своей службы на Кавказе Андреевский получил чин действительного статского советника и неоднократно поощрялся [21, л. 1].

Наряду со своими достоинствами организатора и врача-практика Андреевский также, по всей видимости, был серым кардиналом кавказской политики, пользуясь неограниченным доверием Воронцова, который свято верил в его медицинские способности. Именно он спас князя от слепоты, втирая ему в глаза мазь, которую до этого никто в России не использовал. «Андреевский сам стал втирать целые часы ртутную мазь вокруг глаза и отстоял его. За то и князь так вверился ему во всех делах, что все желающее успеха восходило чрез Андреевского», — писал современник [20, л. 77]. О медицине ходили легенды. Генерал В.А. Полторацкий в своих мемуарах передает достаточно интересный случай, который прекрасно рисует отношение к Андреевскому у простых людей. Во время одной из прогулок по Тифлису к Воронцову обратился с прошением одетый в лохмотья слуга, который произнес князю следующую фразу: «Вашу сиятельству! С тех пор, как ваша ногу вступила на благословенную Грузию, все несчастья обрушились на страну: холерва, депо (депо русских изделий, открытое в Тифлисе, по распоряжению князя наместника, конкуренцией своего очень подорвавшее торговлю грузин местными произведениями), саранча и доктор Андриевский!» [17, с. 405].

Если верить современникам, то именно Андреевский был поставщиком некачественного мяса, из-за чего в Тифлисе произошли беспокойства горожан [9, с. 300]. Едва ли не все современники отмечали, что он имел огромное влияние на князя Воронцова и всячески его использовал в корыстных целях, а после службы на Кавказе вернулся в Одессу «с очень округленным состоянием» [3, с. 58]. Один из мемуаристов описывал доктора как человека грубого и нахального [24, с. 50], а другой отмечал, что «умный, хитрый человек и большой циник и эгоист, Эраст Степанович думал только о себе» [7, с. 334].

При всех своих человеческих недостатках, Андреевский, тем не менее, был очень хорошим специалистом, который умело сочетал качества врача-практика и организатора здравоохранения в регио-

не. Уже освободившись от должности управляющего медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе, он признавал, что несовершенство устройства системы управления Кавказом в целом также мешало и организации медицинской части: «Встречая таким образом разного рода затруднения, я по медицинскому управлению не был в состоянии сделать всего того, чего желал, и успел только по некоторым предметам» [2, с. 263—264].

Таким образом, система управления здравоохранением на Кавказе в первой половине XIX в. не была единой и унифицированной. С одной стороны, наблюдались не совсем удачные попытки создать единую с империей систему с учреждением врачебных управ. С другой стороны, введение должности управляющего медицинской частью гражданского ведомства, подотчетного исключительно кавказскому наместнику, сыграло положительную роль в налаживании медицинской инфраструктуры в регионе, а также его изучении в медико-топографическом отношении.

Список литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I / под ред. А.П. Берге. Тифлис, 1866. 816 с.
2. Андреевский Э.С. Управление медицинской частью на Кавказе // Из архива К.Э. Андреевского. Т. III / под ред., с предисл. и примеч. С.Л. Авалиани. Одесса, 1914. С. 262—264.
3. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1 (1849—1894): Детство. Царствования Александра II и Александра III / вступ. статья, ред. А.Л. Сидорова. М., 1960. 555 с.
4. Грибоедов А.С. Письма // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. III / под ред. Н.К. Пиксанова. Пг., 1917. С. 121—246.
5. Егорышева И.В. Управление здравоохранением в России в первой половине XIX века // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2003. № 6. С. 46—49.
6. Журналы комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802—1826 гг. Т. II: 1810—1812 гг. СПб., 1891. 756 с.
7. Из записок Н.В. Исакова. Кавказские воспоминания. (Период войны с горцами 1846 и 1848 годов) // Русская старина. 1917. № 3. С. 321—336.
8. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI — начало XX в.) / под ред. Р.У. Хабриева. М., 2014. 244 с.
9. Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год / вступ. статья, коммент. А.Н. Лукирского. СПб., 2003. 606 с.
10. Пирожков В.В. Врачи в воспоминаниях декабристов, сосланных на Кавказ // Казанский медицинский журнал. 1962. № 4. С. 92—94.
11. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. 742 с.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIV: 1796—1798. СПб., 1830. 870 с.

13. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XLIV. Ч. II. Книга штатов. Отделение III и IV. СПб., 1830.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXXIII: 1815—1816. СПб., 1830. 1107 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II: 1827. СПб., 1830. 1138 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXI. Отделение третье: 1846. СПб., 1847. 292 с.
17. Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1893. Т. LI. С. 367—410.
18. Решетов С., Ижик Л. Мария Фердинандовна Кич-Маразли и ее родственное окружение. (Андреевские) // Дерибасовская—Ришельевская: Одесский альманах. Кн. 38 / сост. Ф.Д. Кихрихт и др. Одесса, 2009. С. 47—60.
19. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2484.
20. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 313.
21. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1268. Оп. 5. Д. 3.
22. РГИА. Ф. 1299. Оп. 16. Д. 18.
23. Саакашвили М.Г., Гелашвили А.П., Чейшвили Л.Д., Чхеидзе Ц.Д. Медицина Грузии. Кн. II. Тбилиси, 1986. 200 с.
24. Соллогуб В.А. Воспоминания // Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания / сост., вступ. статья, коммент. И.С. Чистовой. Л., 1988. С. 346—558.
25. Чистович Я. Кизляр и его медицинская топография за 100 лет до настоящего времени. (Окончание) // Военно-медицинский журнал. 1860. Ч. LXXVIII. С. 75—114.
26. Rhinelander L.H. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. Montreal, 1990. 279 p.

Таврический гражданский губернатор Н.И. Перовский: страницы биографии

Аннотация. В статье впервые рассмотрены основные вехи биографии таврического гражданского губернатора Н.И. Перовского. Подробно раскрыты этапы его служебной деятельности, показаны ключевые векторы развития региона в годы его губернаторства.

Ключевые слова: Крым; Таврическая губерния; таврический гражданский губернатор; Н.И. Перовский.

Alexandr S. Kravchuk

TAURIDA CIVIL GOVERNOR N. I. PEROVSKY: BIOGRAPHY PAGES

Abstract. In my article, I consider the biography of Taurida governor N. I. Perovsky. The subject matter of my article is a formation N. I. Perovsky as a person and as a bureaucrat. Moreover, I analyze key development vectors of Taurida Governorate in the years of his management.

Keywords: Crimea; Taurida Governorate; Taurida governor; N. I. Perovsky.

Таврическая губерния в первой четверти XIX в. была одним из слабо развитых районов Российской империи. Тем не менее, в силу географических и климатических условий, а также стратегического значения, регион привлекал внимание высшей администрации государства [20]. В условиях периферии личность губернатора имела одно из важнейших значений в административном аппарате губернии. Период губернаторства Н.И. Перовского пришелся на время смены власти в Новороссийском крае — Александра Федоровича Ланжерона на посту херсонского военного губернатора заменил Михаил Семенович Воронцов. Именно это обстоятельство во многом повлияло на карьеру Перовского.

Николай Иванович Перовский (1785—1858) — внебрачный сын Алексея Кирилловича Разумовского (1748—1822) [25]. Мать будуще-

¹ **Кравчук Александр Сергеевич** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета. Симферополь, Россия. e-mail: alexkravchuk7@gmail.com

Alexandr S. Kravchuk — Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Chair of History, Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia.

го губернатора неизвестна. Перовский — единственный из внебрачных детей А.К. Разумовского с отчеством Иванович, все остальные, рожденные от Марьи Михайловны Соболевской, носили отчество Алексеевич и Алексеевна [21, с. 85]. Фамилия была дана в честь фамильного имени Разумовских — Перово [13, с. 458]. Род получил дворянство в 1796 г., но решение было оспорено и отменено. Лишь благодаря своему положению А.К. Разумовский смог к концу XVIII в. восстановить своих незаконнорожденных детей в дворянском звании.

Детские годы будущий губернатор провел в доме своей тетки Натальи Кирилловны Закряжской (1747—1847). Ф.Ф. Вигель, оставивший о многих своих современниках нелестные воспоминания, так характеризовал воспитание Перовского: «Он с малолетства дышал придворной атмосферой. И надобно сказать правду, он имел все, что отличает русского аристократа: манеры большого света, совершенное знание французского языка, а во всем прочем — большое невежество. Другие братья его, рожденные от последующих сожитий, так же, как и он, получили название свое от Перовой рощи под Москвою, принадлежащей их отцу, но, кажется, были им более любимы и перед старшим имели преимущество носить отеческое его имя и называться Алексеевичами. Они получили тщательное воспитание людей среднего состояния, долженствующих пробиться службой и трудами» [3, с. 227].

Перовский начал службу по гражданскому ведомству. В 1799 г. он был определен в Коллегию иностранных дел студентом с причислением к Константинопольской миссии. В 1800 г. получил звание актуариуса, а в 1801 г. числился переводчиком. Уже в следующем году он был перемещен в Венскую дипломатическую миссию, а в 1803 г. переведен в Дрезденскую [24, с. 141—143]. В 1805 г. отправился с миссией Ю.А. Головкина в Китай, где и познакомился с Вигелем, который дал ему такую характеристику: «Перовский был истинный герой: грудью шел он вперед, продирался, затирав слабых, обходил сильных; дивились его дерзости, смеялись над нею, но не мешали ему. Он, равный всем высшим, преспокойно стал смотреть великим барином... Исключая сына сенатора Теплова, также ничем, кроме дурацкой спеси, непримечательного, да еще меня, Перовский никого из других товарищей своих не устаивал разговорами. Два рисовальщика, данные ему в помощь, Александров и Васильев, довольно хорошо знали свое дело, но были замечаемы тогда только, когда приносили и показывали свои рисунки» [3, с. 227—228].

После возвращения из Китая будущий губернатор продолжил службу по военному ведомству. Участвовал в войне с французами (1805—1807), 24 мая 1807 г. был ранен во время битвы при Гутштадте. За отличие в сражении получил орден Св. Анны III степени. В том же году был снова причислен в звании коллежского асессора к ведомству Коллегии иностранных дел. В 1810 г. получил звание надворного советника и вскоре, 20 мая 1811 г., был направлен к херсонскому военному губернатору для иностранной переписки. В сентябре 1811 г. Перовский вместе с компанией М.А. Нарышкиной отправился в Крым. Вот что писал о нем французский эмигрант, прошедший Наполеоновские войны на стороне России, Луи Виктор Леон де Рошешуар: «За нами ехал Перовский, сын графа Разумовского, он исполнял обязанности секретаря по гражданским делам у герцога Ришелье. Это путешествие было для него одним из самых счастливых, потому что вскоре после того он женился на Шарлотте Петровне де-Салли. Николай Иванович Перовский позднее сделался Симферопольским губернатором. В царствование Александра Павловича графу М.С. Воронцову трудно было сместить его» [16, с. 461]. В браке у четы Перовских родилось трое сыновей: Алексей, Лев и Петр [23, с. 102].

В 1812 г. Перовский продолжил службу в Министерстве финансов, в том же году был определен в Комиссию для составления законов, а в 1814 г. получил звание коллежского советника. В период с 23 декабря 1815 по 17 мая 1816 гг. он был отправлен в Амстердам для контрассигнований частных облигаций по голландскому займу [24, с. 141—146]. С поставленными перед ним задачами он справился успешно и уже в 1817 г. получил звание статского советника с определением 28 мая 1817 г. таврическим вице-губернатором. Через три года, 25 мая 1820 г., Перовский был назначен феодосийским градоначальником, и в том же году ему был пожалован орден Св. Владимира III степени. Он был знатоком истории. Этот факт проявился в его конфликте с основателем Керченского музея древностей П.А. Дюбрюксом (1773—1835). 22 марта 1821 г. он с возмущением писал министру народного просвещения князю А.Н. Голицыну о грабительских раскопках в Керчи и окрестностях, призывал запретить деятельность Дюбрюкса и предлагал собрать вещи, найденные во время раскопок в Феодосийском музее древностей, привлечь внимание правительства и ученых к археологическим находкам в Керчи и начать проведение раскопок «последовательно и со знанием дела» [15, с. 165—166].

Таврическим гражданским губернатором Перовский был назначен 25 февраля 1822 г. и занимал этот пост до 16 октября 1823 г. [17, с. 35]. При этом он сохранил должность феодосийского градоначальника. На фоне внезапной смерти его предшественника, А.Н. Баранова, это назначение выглядело достаточно логичным [18]. Новый руководитель региона был хорошо знаком с местными проблемами. В годы губернаторства Перовского основное внимание уделялось развитию инфраструктуры региона. Наблюдалось активное городское строительство и развитие логистики в губернии. Весной 1822 г. Перовский, понимая выгоды от льготного положения Феодосии, обратился к новороссийскому генерал-губернатору с просьбой предоставить такие же преимущества остальным портовым городам Таврической губернии, однако получил отказ [4, с. 3—4]. Кроме того, новый губернатор составил подробный отчет о состоянии Феодосийского градоначальства, в котором сообщал о необходимости преобразований и улучшения финансирования с целью привлечения в город иностранных купцов. Благодаря его постоянным просьбам к министру внутренних дел в градоначальстве началось возведение нового карантина, строительство которого было завершено уже в годы губернаторства А.И. Казначеева [11, с. 1—27].

Поддерживая правительственную линию регионального развития, губернатор предпринял попытку обустройства и других населенных пунктов. Им был разработан новый план застройки уездных городов Алешек и Орехова [10, с. 1—14], благодаря его содействию началось возведение карантинных и таможенных зданий в Керчи [12, с. 1—4], а в Ялте, Балаклаве и Судак создавались карантинные заставы [8, с. 1—45]. В последнем из населенных пунктов создание заставы стало первым шагом на пути к предоставлению поселению статуса города. Центральные органы власти надеялись, что в будущем этот район Крыма станет крупным центром виноделия, а существование порта позволит сбывать продукцию местных производителей. Началось возведение пристани в Ногайске (ныне г. Приморск Запорожской области, Украина), строительство которой должно было обеспечить сбыт продукции ногайцев, расселяющихся на этой территории.

По инициативе министерства внутренних дел Перовский организовал в Крыму поиски запасов каменного угля и железной руды. Результатом деятельности экспедиции стало обнаружение запасов железа на Керченском полуострове [6, с. 101—122]. Губернатором впервые была проведена оценка состояния и возможности исполь-

зования крымских лесов [9, с. 1—13]. При его непосредственном участии разрабатывался проект создания почтовой дороги через Арабатскую стрелку: был спроектирован мост через Генический пролив и достигнута договоренность с владельцами земель на стрелке о прохождении через их владения почтового пути [5]. Совместно с исполняющим обязанности новороссийского генерал-губернатора И.Н. Инзовым были унифицированы и закреплены на законодательном уровне повинности крымских татар, проживавших на землях помещиков [7, с. 1—34]. За свои труды 30 марта 1823 г. губернатор получил звание действительного статского советника, в том же году, 16 августа, — орден Св. Анны I степени.

После назначения на пост новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова между двумя администраторами разгорелся конфликт. В результате Перовский вынужден был покинуть занимаемый пост. Сменил Перовского на посту губернатора ставленник М.С. Воронцова и его троюродный брат — Д.В. Нарышкин [19]. В 1824 г. он был уволен в отпуск, по истечении которого, 24 марта 1825 г., его причислили к Государственной коллегии иностранных дел. На службу он так и не вернулся, выйдя в отставку проживал в своем имении Алькадар в дер. Бельбек Симферопольского уезда. Генерал-губернатор не скрывал своей неприязни к коллеге из Симферополя. В письме к Н.Н. Раевскому от 13 марта 1842 г. он указывал на чрезмерную жестокость бывшего руководителя губернии по отношению к крымским татарам и на злоупотребления местной администрации в годы его губернаторства [1, с. 169—170]. Тем не менее приведенные сведения не находят подтверждения в других источниках.

В Крыму у четы Перовских было несколько имений, полученных в наследство или приобретенных покупкой: при дер. Кильбурун (современное с. Пионерское Симферопольского р-на); дача Новоникольская (современное с. Родниковое Симферопольского р-на), Приморская (под Севастополем) и Нинега (район пгт. Гаспра Ялтинского горсовета). По роду службы Николая Ивановича и свойственному Перовским гостеприимству они общались со многими известными людьми, бывавшими в Крыму: государственными и военными деятелями, поэтами, писателями, учеными, путешественниками. Начиная от декабристов М.С. Лунина и Н.М. Муравьева, семейства Раевских, А.С. Пушкина, дипломата и исследователя древностей И.М. Муравьева-Апостола, вплоть до членов царской семьи. Путешествовавший в 1825 г. по Крыму А.С. Грибоедов заезжал в имение Кильбурун и отметил в своем дневнике

24 июня: «Вверх по Салгиру верхом. Сады, минареты, Перовского дачка — приятной, легкой архитектуры домик» [14, с. 421].

Побывавший у них автор одного из первых путеводителей по Крыму Шарль Генри Габриэль Монтандон так изложил свои впечатления от имения Кильбурун: «Великолепные пейзажи... и вид самого местечка, особенно когда выходишь на Алуштинскую долину, представляют собой одну из самых пленительных картин». В 1834 г. Перовский был одним из первых, кто начал разведение в Крыму канареек [22]. Он заложил первые виноградники в имении Алькадар, а в 1846 г. на Всероссийской выставке его вина получили хорошую оценку. Во время губернаторства он сдружился с поэтом К.Н. Батюшковым, который в это время находился на лечении в Крыму [2, с. 577—578].

Период управления Таврической губернией Перовским слишком короток, чтобы определить личный вклад губернатора в развитие региона. Тем не менее на его примере можно судить о том, насколько важным было явление покровительства в развитии чиновничьей карьеры в Российской империи. Отсутствие у него весомой протекции привело к завершению карьеры в возрасте всего лишь 39 лет. Кроме того, конфронтация между Воронцовым и Перовским дает возможность рассмотреть малоизученные аспекты деятельности всесильного новороссийского генерал-губернатора. В историографии персоне Воронцова посвящен значительный пласт работ, но отсутствуют труды в которых проводится анализ его кадровой политики.

Список литературы

1. Архив Раевских: в 5 т. / под ред. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Из-во П.М. Раевского, 1912. Т. 4. 726 с.
2. Батюшков К.Н. Сочинения: в 3 т. СПб., 1886. Т. 3. 804 с.
3. Вигель Ф.Ф. Записки / под ред. С.Я. Штрайха. Т.1. М., 1928. 379 с.
4. Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО). Ф. 1. Оп. 219. Д. 12 (1821).
5. ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 15 (1823).
6. ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 61 (1823).
7. ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 75 (1823).
8. ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 58 (1823).
9. ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 6 (1823).
10. ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 49 (1823).
11. ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 45 (1823).
12. ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 50 (1823).
13. Головкин Ф.Г. Двор в царствование Павла I: портреты и воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 479 с.

14. Грибоедов А.С. Сочинения / сост. и подг. С.А. Фомичев. М.: Художественная литература, 1988. 750 с.
15. Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и глав. ред. И.В. Тункина. СПб.: Коло, 2010. Т. 2. 312 с.
16. Из воспоминаний графа Рошешуара / Л.В. де Рошешуар // Русский архив. 1890. № 4. С. 473—500.
17. Кравчук А.С. Губернаторский корпус Таврической губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2014. Т. 27(66). № 2. С. 34—49.
18. Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора Александра Николаевича Баранова, 1793—1821 // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 59—73.
19. Кравчук А.С., Непомнящий А.А. Дмитрий Васильевич Нарышкин: к биографии таврического гражданского губернатора [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. 2016. Т. 12. Вып. 1.: Крымоведение: пространство и время Крыма. Стационарный сетевой адрес: 2227—9490e-aprov_east12—1.2016.12.
20. Кравчук А.С. Механизмы бурного развития: южная провинция России по отчетам таврических губернаторов // Родина. 2015. № 1. С. 143—144.
21. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. 488 с.
22. Объявления // Таврические губернские ведомости. 1846. № 8. 25 февраля.
23. Перовский В. Л. Воспоминания о сестре [Софье Перовской]. М.; Л.: Госиздат, 1927. 115 с.
24. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1688.
25. Русский биографический словарь. Т.: Павел, преподобный / под ред. А. А. Половцова. — Петр (Илейка). СПб., 1902. С. 550—551.

Подготовка сенаторских ревизий в конце XVIII — первой половине XIX в.

Аннотация. Статья посвящена проблемам организации сенаторских ревизий в конце XVIII — первой половине XIX в. Автор рассматривает процесс принятия решения о назначении ревизии, характеризует подготовительные мероприятия, уделяя внимание таким сюжетам, как подбор ревизора и его помощников, финансовое обеспечение командировки, подготовка к приезду сенатора на местах. Автор приходит к выводу, что организация подготовки сенаторских ревизий напрямую зависела от личности императора и степени его непосредственного участия в решении внутривластных задач.

Ключевые слова: сенаторская ревизия; местное управление; губерния; первая половина XIX в.; Российская империя.

Olesya A. Plekh

SENATORIAL REVISIONS PREPARATION IN THE END OF XVIII — FIRST HALF OF XIX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the problems of organization of the senatorial revisions in the end of XVIII — first half of the XIX century. The author analyzes the process of elaborating a decision about revision appointment, characterizes preliminary work, focusing on various issues such as selection of an inspector and his assistants, financial providing of his secondment and preparations for an arrival of a senator. The author concludes that organization of preparations for senatorial revisions directly depended on a personality of the emperor and on an extent of his direct involvement in solving the problems of internal policy.

Keywords: senatorial revisions; local governance; first half of the XIX century; the Russian Empire.

¹ Плех Олеся Анатольевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX — начала XX вв.» Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: plekh@mail.ru
Olesya A. Plekh — Candidate of Historical Sciences, researcher, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

Институт сенаторского инспектирования занимал особое место среди государственных контрольных инстанций¹. Он представлял собой чрезвычайную форму контроля, которой были присущи свои особенности. Сроки и масштабы ревизий законодательно не определялись, а цели проверок в каждом случае были различными. Как правило, поводом к их назначению служили злоупотребления в системе местного управления. Перед направляемым в губернию сенатором ставилась задача исследовать сложившуюся ситуацию, собрать все необходимые сведения и материалы и представить их вместе с отчетом.

Сенаторские ревизии на протяжении уже нескольких десятилетий являются объектом пристального внимания историков, изучающих местное управление Российской империи [3; 16; 17; 18; 25; 26; 28; 30; 35; 36; и др.]. Исследователи, изучая материалы той или иной ревизии, стремятся выявить причины ее назначения, охарактеризовать проводимые мероприятия, оценить результаты проверки. Что же касается процедуры ревизии, то связанные с этим вопросы редко находят отражение в имеющихся на сегодняшний день публикациях.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе выявленных архивных материалов, а также имеющихся в научной литературе сведений осветить сюжеты, связанные с подготовкой сенаторских ревизий в конце XVIII — первой половине XIX вв., что позволит расширить представление не только об институте сенаторского инспектирования, но и о его месте и роли в системе государственных контрольных инстанций.

¹ Институт сенаторского инспектирования существовал на протяжении двух веков. Его зарождение принято связывать с указами Петра I, в которых Сенату предписывалось ежегодно отправлять с проверкой в губернии и провинции своих представителей [38]. Однако в XVIII в. такая форма контроля не получила широкого распространения. Первую значимую попытку внедрения института сенаторского инспектирования в систему государственных контрольных инстанций мы можем увидеть только на рубеже XVIII—XIX вв., когда Павел I инициировал одновременную масштабную ревизию всей империи с целью, по-видимому, получить представление о реальном состоянии местного управления [25, с. 323]. На первую половину XIX в. пришлось наибольшее число сенаторских проверок. По имеющимся в литературе данным за период правления Александра I и Николая I было проведено не меньше 85 ревизий, причем 50 за первую четверть XIX в. Инспектированию подверглись почти все территории Российской империи, но особенное внимание было уделено следующим губерниям: Вятская и Курская — были обревизованы 5 раз; Казанская, Пензенская, Псковская, Саратовская и Слободско-Украинская — 4; Астраханская, Вологодская, Воронежская, Калужская, Костромская, Новгородская и Тамбовская — 3 [24, с. 503—507, 513—516].

Ввиду того, что процедура организации сенаторской ревизии законодательно не была урегулирована, охарактеризовать ее можно только лишь, обращаясь к практике проведения проверок. По нашему мнению, весь процесс ревизии целесообразно разделить на три основных этапа в соответствии с задачами, на решение которых они были направлены: 1) подготовительный (подбор и назначение ревизора и его помощников, производившиеся в центре, подготовка к приезду ревизора на месте); 2) основной (непосредственное проведение ревизии); 3) итоговый (подготовка отчетной документации, принятие решений и организационных мер по результатам проверки). Попытаемся охарактеризовать первый этап, сопоставляя материалы сенаторского инспектирования по разным губерниям Российской империи, что позволит выявить как общие черты, так особенности.

Подготовка к ревизии начиналась сразу же после принятия решения о необходимости откомандировать сенатора в губернию. Ревизии всегда назначались «по высочайшим повелениям», император контролировал весь процесс подготовки, лично утверждал кандидатуры сенаторов. Однако из имеющихся в литературе сведений далеко не всегда можно установить, по чьей именно инициативе проводилась та или иная ревизия.

Павел I был решительно настроен на получение «достоверной информации о состоянии государственного аппарата на местах» [25, с. 321]. Возможно, как утверждала Э.С. Паина, позиция императора нашла отражение в записке канцлера А.А. Безбородко «О потребностях империи» 1799 г., где, в частности, указывалось: «Государь, не могучи объять своим собственным осмотром столь обширную империю, обзирает оную по губерниям, чрез доверенных его особ» [29, с. 152]. Так или иначе, но Павел I принимал непосредственное участие в подготовке ревизий. 6 октября 1799 г. в своем указе Сенату он распорядился «об избрании кандидатов в обеих столицах из сенаторов для объезда и осмотра по всей империи всего принадлежавшего до гражданской части» [39]. В этом же указе император отразил намерение проводить ревизии каждые три года и выразил свое доверие Сенату, «яко первенствующему во всей империи нашей трибуналу», которому была поручена вся подготовительная работа, включая и подбор кандидатов в ревизоры. Уже к 1 декабря 1799 г., во исполнение «высочайших» распоряжений, Сенат представил на утверждение Павла I доклад «о разделении губерний, для удобнейшего объезда и осмотра

гг. сенаторов, на 8 частей» и кандидатах на проведение ревизий, а также инструкцию «в наставление и руководство гг. сенаторам» [8; 9]. Таким образом, мы видим, что сенаторское инспектирование конца XVIII в. организовывалось по инициативе императора и при деятельном участии Сената. Следует также указать, что именно в этот период была предпринята единственная попытка провести обследование почти всей территории Российской империи одновременно (в дальнейшем сенаторские ревизии не превратились в регулярные мероприятия и носили в основном характер чрезвычайных проверок).

Относительно ревизий первого десятилетия XIX в., отличившегося высокой интенсивностью их проведения, мы располагаем весьма скромными данными. Известно, что в 1801—1810 гг. было проведено не менее 25 ревизий. Известно также, что в своей деятельности сенаторы руководствовались разработанной в конце прошлого века инструкцией, которая была расширена и дополнена указом от 1 августа 1805 г. [7] Давая общую оценку ревизиям этого периода, дореволюционный исследователь И.А. Блинов указывал, что инициатива их назначения «часто принадлежала Сенату и министру юстиции, но по мере утраты этим последним высокого политического значения... он становится равнодушнее к сенаторским ревизиям и испрошение высочайших повелений о их назначении переходит к министру внутренних дел» [23, с. 631]. Опровергнуть или подтвердить это умозаключение на основе изученных к настоящему моменту ревизий начала XIX в., мы, к сожалению, не можем. В нашем распоряжении имеются лишь отрывочные данные, почерпнутые из разных источников. Так, И.Б. Пестель вспоминал, что в сентябре 1801 г. Д.П. Трошинский, пригласив его к себе, сообщил ему «волю монарха», чтобы он «на правах сенатора, предпринял обревизование Вятской губернии, на счет управления которой был сделан донос» [4, с. 372]. По «Запискам» Г.Р. Державина можно установить, каким образом было принято решение о ревизии Калужской губернии в 1802 г. Император вызвал его к себе и, ссылаясь на дошедшие до его сведения многочисленные жалобы на действия губернатора Д.А. Лопухина, поручил ему проведение внезапной ревизии. На следующий день был подписан «указ», которым Державину было приказано отправиться «секретно под предлогом отпуска в Калугу, и там сперва поверить извет с гласом народа, и когда они явятся сходны, тогда открыть формальное свидетельство губернии» [15, с. 445]. При

этом Сенату через генерал-прокурора было объявлено, что Державин «высочайше отпущен в отпуск». А.Н. Бикташева, изучая материалы ревизии Казанской губернии 1808 г., установила, что указание сенатору М.И. Донаурову было дано также лично Александром I [2, с. 286]. Исходя из вышесказанного можно предположить, что в первое десятилетие XIX в. наблюдалась ситуация, схожая с павловским временем, когда император лично контролировал процесс подготовки ревизий и во многом именно по его инициативе сенаторы посылались на места.

Изменения произошли в первые послевоенные годы, когда в практике сенаторского инспектирования значимую роль начал играть Комитет министров. Так, в 1813 г. министр финансов Д.А. Гурьев обратил особое внимание «на сильное и внезапное накопление недоимок в Вологодской губернии: еще в 1811 г. они составляли только 339 000 р., а в 1813 г. уже равнялись 3 000 000 рублей». В связи с этим Комитет решил отправить как в Вологодскую губернию, так и в соседнюю Вятскую, «где недоимки достигли даже 4 000 000 р.», сенатора А.З. Хитрово [21, с. 436; 32, л. 5, 9 об.]. В 1814 г. в Комитет стали поступать взаимные обвинения М.И. Комбурлея, управлявшего Волынской губернией на правах генерал-губернатора, и графа Я.Н. Булгари, начальника Радзивиловского таможенного округа. Было решено создать специальную комиссию для расследования ситуации на месте, которая, однако, работала крайне медленно и безрезультативно, а в центр продолжали поступать жалобы на лихоимство волыньских чиновников и злоупотребления по таможенной части. В такой ситуации для ревизии губернии был направлен сенатор Ф.Ф. Сиверс [21, с. 439]. В 1819 г. по предписанию Комитета сенаторами С.С. Кушниковым и графом П.Л. Санти была обревизована Казанская губерния [21, с. 444].

Конечно, приведенные примеры вовсе не означают, что инициатива в назначении сенаторских осмотров полностью перешла к Комитету министров. В 1810-е гг. ряд ревизий был осуществлен по указанию Александра I (например, инспектирование Н.Е. Мясоедовым Тульской губернии в 1815 г., Курской и Орловской — в 1816 г. [21, с. 451; 31, с. 41]). Более того, известно, что в 1816 г. Комитет министров «возбудил вопрос об обревизовании чрез сенаторов тех губерний, в которые давно уже сенаторы не посылались» [23, с. 624]. Было составлено примерное расписание предстоящих ревизий, обсуждалась необходимость пересмо-

тра сенаторской инструкции с целью более подробного описания «предметов» проверки и способа производства ревизии (по сути предлагалось обратиться к ревизионной практике Павла I). Однако в 1817 г. «при подписании этого журнала Комитета Аракчеев объявил, что государь “разрешение относительно командирования сенаторов представляет себе; касательно же составления новой сенаторской инструкции его величеству благоугодно, чтобы Сенат теперь же занялся сим делом и чтобы инструкция сия внесена была в Комитет министров”» [20; 23, с. 624]. Таким образом Александр I вполне отчетливо изложил свою позицию по вопросу о назначении ревизий, оставляя за собой инициативу. Особую роль при этом сыграло и то, что к этому времени, по-видимому, император уже обдумывал необходимость изменений в системе надзора за местным управлением. Это находит подтверждение в последующем создании наместнических округов и поручении генерал-губернаторам провести осмотр подведомственных им губерний на основании инструкций ревизирующим сенаторам (см., например, указ от 17 марта 1820 г. генерал-губернатору А.Ф. Клокачеву [19]). Решение императора относительно разработки нового закона, регламентирующего осмотр губерний, было исполнено к 1819 г. [6] В 1820—1825 г. сенаторами было проведено шесть ревизий, из них пять для взыскания недоимок и оказания продовольственной помощи голодающему населению [29, с. 160]. Очевидно, что в последние годы правления Александра I в системе контроля за деятельностью местного аппарата главенствующее положение занял генерал-губернаторский надзор.

Во второй четверти XIX в. особую роль начало играть учрежденное в 1826 г. III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии (далее — С.Е.И.В.К.). Как и в предыдущее время, инициатива в назначении сенаторских осмотров главным образом принадлежала императору, однако решение о необходимости командировать в губернию ревизора принималось после продолжительной переписки, нацеленной на прояснение сложившейся на местах ситуации (бумаги, адресованные в центральные и местные учреждения, как и жалобы и донесения, поступавшие на высочайшее имя, проходили через III Отделение). Большую роль в этом процессе играла позиция шефа жандармов, к мнению которого Николай I, безусловно, прислушивался. Так, анализируя материалы ревизии Д.О. Барановым Олонекской губернии в 1827—1828 гг., В.В. Ефимова установила, что резолюция Николая I

«о назначении сенатора для ревизии» последовала после представленного 21 сентября 1827 г. всеподданнейшего доклада «О злоупотреблениях, лихоимстве и корыстолюбии Олонецкой губернии чиновников», составленного в III Отделении на основании рапорта подполковника Корпуса жандармов Яковлева [17, с. 11].

В 1830 г. после многочисленных жалоб и донесений, поступавших из Архангельской губернии, а также взаимных обвинений в злоупотреблениях генерал-губернатора С.И. Миницкого и губернатора В.С. Филимонова, император поручил сенатору графу А.Д. Гурьеву незамедлительно отправиться в Архангельск, указав, что «случившееся там происшествие... выходит из всех мер порядка и терпимости», и уполномочил его «остановить действия генерал-губернатора, есть ли найдете их неправильными, объявив ему повеление отправиться в Санкт-Петербург; есть ли же виновным окажется гражданский губернатор, то отрешив его от должности, и в обоих случаях донести мне немедленно» [цит. по: 16, с. 107]. Почти сразу после этой ревизии император вновь повелел провести проверку. Однако теперь в качестве обследуемой территории значились уже две губернии (Архангельская и Вологодская). Кроме того, было приказано отправить не одного, а двух сенаторов. Кандидатов также лично отобрал император. Судя по документам сначала планировалось командировать А.М. Корнилова и того же Гурьева, однако по возвращении последнего из Архангельска Николай I велел не включать его в число сенаторов, отправляющихся для повторной ревизии Архангельской губернии; на его место был назначен В.Ф. Мертенс [34, л. 1—10].

В нашем распоряжении также имеются данные по ревизии Новгородской губернии сенатором Б.Я. Княжниным. Из отношения шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа к министру внутренних дел Д.Н. Блудову от 6 ноября 1838 г., мы узнаем, что «император, получая беспрерывно самые неблагоприятные сведения о беспорядках, вкравшихся по управлению Новгородской губернией, высочайше повелеть соизволил, для узнания в какой степени справедливы доходящие до его величества слухи, нарядить одного сенатора, для обревизования всей губернии и для формального исследования поведения гражданского губернатора генерал-майора Суковкина» [14, л. 61—61 об.]. Подбор кандидата в ревизоры был поручен министру юстиции.

В научной литературе также описаны случаи, когда непосредственная инициатива в назначении ревизии исходила именно от

шефа жандармов. Так, Г.Н. Бибилов, изучив материалы, касающиеся расследования действий начальника Оренбургской губернии И.Д. Талызина, установил, что после продолжительной переписки, касающейся состояния дел в этом крае, 28 мая 1842 г. Бенкендорф при докладе Николаю I заключил: «Признаю нужным формально исследовать и обнаружить все вообще его злоупотребления и незаконные действия, послав в Оренбургскую губернию кого либо из заслуживших особенную доверенность высшего правительства лиц, а потом предать его, Талызина, суду» [цит. по: 1, с. 18]. Шеф жандармов предложил «направить сведения министру внутренних дел для распоряжения о назначении ревизии сенатора». В свою очередь, министр внутренних дел Л.А. Перовский также посчитал, что ситуация с Талызиным не может «далее оставаться без исследования формальным порядком». Вслед за этим Николай I велел назначить ревизию [36, с. 48]. Приведенные примеры свидетельствуют, что во второй четверти XIX в. назначению проверки предшествовал продолжительный сбор сведений о ситуации на месте, по результатам которого и принималось решение.

Если при Павле I отправляемые на места ревизоры работали в паре, то в первой половине XIX в., как правило, для проверки назначался один человек, редко двое (известно 15 таких случаев за весь период). По всей видимости, последнее считалось необходимым тогда, когда целью ревизии являлась проверка деятельности всех местных учреждений, т.е. необходимость получить общее представление о состоянии местного управления отдельной губернии, либо когда обследуемая территория включала несколько губерний.

Процесс подбора кандидатов в ревизоры являлся главной и самой сложной задачей. В одних случаях, как это было продемонстрировано на конкретных примерах, император сам подбирал ревизоров, в других — сенаторы утверждались по представлениям. И.А. Блинов пришел к выводу, что при Павле I и в первые годы правления Александра I эта обязанность возлагалась на Сенат, в последующем подбор кандидатур поручался министру юстиции, а с 1840-х гг. это право перешло к министру внутренних дел [23, с. 633]. В дополнение к этому О.В. Морякова утверждает, что «в царствование Николая I сенаторов избирал преимущественно Комитет министров, Сенат, иногда сам император» [28, с. 30]. Еще раз подчеркнем, что окончательное решение по поводу того, кого именно отправить, принимал государь.

Установить, какими принципами руководствовались при подборе кандидатур, трудно. Утверждения Блинова, что принимались во внимание обстоятельства, которые могли отразиться на успешности ревизии: «стремление посылать сенаторов в местности им уже знакомые по прежней службе», а также, что «избирались сенаторы наиболее дельные и опытные, и к тому же, по возрасту и состоянию здоровья способные еще к труду» [23, с. 633], по меньшей мере спорны. На наш взгляд, большую роль все-таки играли неформальные факторы и личные предпочтения высших должностных лиц, участвовавших в процессе подбора кандидатов. Достаточно посмотреть на состав сенаторов-ревизоров начала XIX в. (Г.Р. Державин, А.Б. Куракин, И.В. Лопухин, А.С. Строганов и др.), чтобы понять, что это были государственные деятели, приближенные к императору. В своих «Записках» уже упоминавшийся Пестель отметил, что он, «будучи только несколько месяцев сенатором, был избран самим монархом на одно важное следствие в Вятской губернии» [4, с. 372]. До этого сенатор не был знаком с деятельностью местных учреждений. Более того, ему в пару был назначен 72-летний Н.Н. Салтыков, очень богатый и честный человек, но «никогда порядочно не служивший» и не выезжавший из Москвы далее Петербурга и Калуги, где находилось его имение. Показателен и еще один пример — ревизия Оренбургской губернии 1842—1843 гг. Для проверки был назначен А.Н. Пешуров, который на момент объявления «высочайшего повеления» находился в продолжительном отпуске. И.М. Гвоздиков пришел к заключению, что кандидатура ревизора подбиралась основательно и решение вызвать из отпуска сенатора не было случайным. «Император остановился на 63-летнем сенаторе... которого хорошо знал как опытного и энергичного губернатора Витебской, а затем Псковской губерний» [10, с. 142].

Немаловажным фактором, конечно, была репутация сенатора. Так, известный своей строгостью и принципиальностью Н.Е. Мясоєдов в 1815 г. осматривал Тульскую губернию, а в 1816 г. — Курскую и Орловскую. Деятельным и беспристрастным чиновником зарекомендовал себя А.З. Хитрово, ревизовавший в 1814 г. Вологодскую, Вятскую и Воронежскую губернии, в 1815 г. — Пензенскую, в 1819 г. — Подольскую. Сенатор Д.Б. Мертвого в своих «Записках» написал, что во время производства им ревизии во Владимирской губернии он получил приказание по окончании работы отправляться сразу на Кавказ и в Астрахань, также с це-

лью ревизии. При этом он отметил, что Комитет министров предложил для осмотра южных окраин сенаторов Саблина и Гермеса, «но Государь, поморав имя Саблина, написал мое» [27, стб. 333]. Александр I знал, что Мертваго находился во Владимире, но, несмотря на это, отдал распоряжение командировать вместо Саблина именно его, по всей видимости, считая его более «строгим и беспристрастным сенатором». Впоследствии, в 1820 г., Мертваго был назначен ревизовать Смоленскую губернию.

Указание Блинова на то, что имело место «стремление посылать сенаторов в местности им уже знакомые по прежней службе», конечно, опровергнуть нельзя. Такие случаи встречались в ревизионной практике. К примеру, П.С. Рунич, командированный в 1808 г. для осмотра Вятки, был ранее начальником этой губернии [37, с. 334]. Также с особенностями местного управления хорошо были знакомы сенаторы А.Ю. Денфер и И.Э. Курута, бывшие новгородский и владимирский губернаторы, которым были поручены ревизии: первому — Саратовской губернии в 1837 г., а второму — Тамбовской, в 1843 г. [28, с. 30—31].

Всего за изучаемый период в ревизиях было задействовано не менее 71 сенатора, при этом только восемь человек направлялись в командировки более двух раз (Д.О. Баранов, И.С. Горголи, Е.А. Дурасов, М.Н. Жемчужников, Д.Б. Мертваго, Н.И. Огарев, П.С. Рунич, А.З. Хитрово) [24, с. 509—512].

Ситуации, когда сенаторы отправлялись на места в одиночку (как, например, это наблюдалось в ходе «тайной» ревизии Калужской губернии в 1802 г. [15, с. 445—446]), в ревизионной практике единичны. Как правило, в помощь назначались чиновники из центральных учреждений. Ответить на вопрос, сколько именно человек отправлялось в губернию, довольно сложно. В ходе организации ревизий конца XVIII в. каждой паре сенаторов, согласно указу от 1 декабря 1799 г., полагалось по одному секретарю и курьеру из канцелярии Сената [9]. В дальнейшем же, при разработке новых сенаторских инструкций, этот вопрос не пересматривался. Соответственно, формально действовало правило, закрепленное в указе 1799 г. Но на практике мы видим иную ситуацию. А.Н. Бикташева, проанализировав материалы ревизии Казанской губернии, проводившейся в 1808 г. сенатором М.И. Донаутовым, указала на то, что «сенатора сопровождал положенный канцелярский штат из четырех чиновников с выплатой им жалованья» [2, с. 287]. Осталось неясным, в каких документах этот

«канцелярский штат» был зафиксирован, но из приведенных сведений следует, что сенатора сопровождало четыре человека. Согласно сведениям ревизии Оренбургской губернии 1842—1843 гг., приведенным в статье Гвоздиковой, к Пешурову были прикомандированы один старший чиновник, лично знакомый ему по службе, три младших чиновника и курьер [10, с. 144].

Из имеющихся в нашем распоряжении источников можно установить, что в 1827 г. И.С. Горголи прибыл в Вологодскую губернию с шестью помощниками [5, с. 534]; в 1830 г. вместе с Корниловым и Мертенсом в Вологодскую и Архангельскую губернии отправилось также шесть помощников, среди них: двое старших (штаб-офицер жандармского корпуса и чиновник Министерства юстиции), осуществлявшие вместе с сенаторами ревизионные мероприятия, и четверо младших (канцелярские служители Сената, занимавшиеся в основном «письмоводством»), а также два курьера [34, л. 15—16, 142]. Сенаторам разрешалось самостоятельно отбирать помощников из «благонадежных лиц», в том числе и тех, с кем были лично знакомы.

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что численность чиновников, сопровождавших ревизоров, в каждом конкретном случае могла различаться. Однако следует согласиться с Блиновым, указывавшим, что в начале XIX в. она обычно не превышала трех человек, а 1840-е гг. достигала 6—8 [23, с. 634]. Следует также подчеркнуть, что с 1830 г. обязательным правилом стало прикомандирование к ревизору жандармского штаб-офицера. В официальном отношении Бенкендорфа к министру юстиции Д.В. Дашкову, датированном 31 января 1830 г., была изложена «высочайшая воля», «чтобы каждый раз, при назначении сенатора на ревизию губернии, прикомандирован был к нему штаб-офицер жандармского корпуса» [13, л. 1]. Впервые это распоряжение было реализовано в ходе сенаторской ревизии Рязанской губернии М.А. Салтыковым и Н.И. Огаревым (1830 г.).

Немаловажным является вопрос и о том, насколько дорогостоящим мероприятием являлась ревизия. В литературе имеются сведения относительно стоимости сенаторского инспектирования, предпринятого Павлом I в 1799 г.: «На путевые издержки каждому сенатору отдельно было назначено по 3 000 руб., а отправлявшимся в Сибирь — по 4 000 р.», кроме того, «секретарю и курьеру положено было 500 р. прогонов (на отделение) и 300 р. — на курьерские посылки». Таким образом, «все расходы на ревизии

были исчислены в размере в 31 600 руб. (из которых 25 000 на расходы сенаторов, а остальные — на канцелярию)» [22, с. 758].

Относительно размеров издержек казны в первой половине XIX в. мы располагаем отрывочными и разрозненными данными. Так, в многотомном издании «История Правительствующего сената за двести лет» указано, что размеры ассигнований, определенные в 1799 г., сохранялись и в начале XIX в. [23, с. 635], а в дальнейшем постепенно стали увеличиваться (ввиду обесценивания ассигнационного рубля). В 1830-е гг. выплаты достигли: 1) для сенаторов — 5—10 тыс. руб. подъемных, а также ежемесячно по 1 тыс. руб. столовых; 2) для состоящих при сенаторах старших чиновников — 1 500—2 500 руб. подъемных и ежемесячно по 60 руб. суточных; 3) для младших — 500—1 000 и 45, соответственно [23, с. 636].

Подтверждение этим цифрам мы находим в архивных источниках. В 1830 г. Корнилову и Мертенсу, отправлявшимся в Вологодскую и Архангельскую губернии, было ассигновано «на подъем и путевые издержки по 5 000 руб. каждому и прогонных денег, сколько оных отсюда [*Санкт-Петербург — О.П.*] до Архангельска через Вологду причитаться будет, а равно о выдаче таковых же денег, сверх прогонов, чиновникам, с ними отправляющимся, двум старшим по 1 500 руб. и 4 младшим по 500 руб. каждому» [34, л. 28]. Таким образом, не считая прогонов, из казначейства было выделено 15.000 руб., что, для сравнения, составляло в те годы половину от суммы, ежегодно выделяемой на жалованье и расходы по губернскому правлению, земским судам, городничим и уездным землемерам целой губернии [11, л. 33 об.—54 об.].

Важной составляющей подготовительного этапа senatorской ревизии была деятельность на местах. Вопреки расхожим представлениям, почерпнутым из художественной литературы, в изучаемый период senatorские ревизии в виде «тайных проверок» являлись скорее исключением, чем правилом. Таковой была ревизия Державиным Калужской губернии в 1802 г., о чем уже упоминалось. Элемент «внезапности» был присущ и ревизии Хитрово Вологодской и Вятской губерний в 1814 г. В первом случае перед чиновником была поставлена задача негласным порядком проверить правдивость дошедших до государя слухов о злоупотреблениях и, если они подтвердятся, начать официальное расследование, во втором senator, прибыв на место, сразу же объявил губернскому правлению о начале ревизии и ее цели («для

изыскания причин накопления недоимок казенных сборов») [12, л. 13 об.]. В связи с этим секретность поручения, данного Державину, выглядит вполне оправданной и логичной, что же касается ревизии Хитрово, остаются не совсем ясны причины внезапности его приезда. Конечно, неожиданное его появление стимулировало деятельность местных чиновников, которые начали проявлять небывалую активность по делам о взыскании недоимок. По всем подведомственным учреждениям губернские власти стали рассылать указы с требованием в кратчайшие сроки предоставить сведения об имеющихся «недоборах» («сколько числится» и «на ком именно»), устанавливали сроки исполнения предписаний и грозили санкциями в случае их несоблюдения, «вспомнили» и о делах, по которым на протяжении долгих месяцев не было никакого движения [12, л. 15—135 об.]. Однако все это никоим образом не повлияло ни на ход ревизии, ни на мнение сенатора. Можно с уверенностью сказать, что даже если бы известие о грядущей проверке поступило заранее, скрыть нарушения в порядке управления, приведшие к миллионным недоимкам, они все равно не смогли бы.

В большинстве своем сенаторские ревизии в изучаемый период не являлись внезапными мероприятиями, нацеленными на то, чтобы застать чиновников врасплох. Еще при Павле I признавалась необходимой практика оповещения местной администрации: в ноябре 1799 г. Сенат уведомил провинциальные учреждения о предстоящих ревизиях с тем, чтобы к их началу были подготовлены все необходимые ведомости и отчеты, а выехали сенаторы на место только в январе 1800 г. [25, с. 326].

В последующие десятилетия наблюдался схожий порядок событий: как только в центре принималось решение о назначении ревизии и определялось конкретное лицо, направляемое в командировку, официальное извещение о прибытии сенатора поступало в главный губернский орган — губернское правление, которое, в свою очередь, уведомляло все остальные провинциальные учреждения. Время с момента получения известия до приезда столичного чиновника могло исчисляться днями, а в некоторых случаях и месяцами. Так, 25 февраля 1830 г. министр внутренних дел А.А. Закревский сообщил генерал-губернатору С.И. Миничкову о назначении ревизии, а 28 февраля граф А.Д. Гурьев уже прибыл на место [16, с. 107—108]. Сенаторы Корнилов и Мертенс «предложениями» из Санкт-Петербурга от 19 мая 1830 г. предписали «Вологод-

скому губернскому правлению и казенной палате о изготовлении к [их — О.П.] приезду... надлежащих ведомостей и сведений... чтоб благовременно приготовлены были» [33, л. 1—1 об.]. Позднее в своих отчетах по результатам ревизии сенаторы упоминали, что «таковое распоряжение ускорило начало нашей ревизии так, что мы, прибыв в Вологду, около 5 июня, могли уже с половины сего месяца заняться самою ревизией» [33, л. 1 об.]. Интересным примером служит проверка Оренбургской губернии в 1842 г.: известно, что губернское правление и гражданский губернатор И.Д. Талызин получили указ о предстоящей ревизии 20 июля, а сенатор Пешуров прибыл только к концу сентября [36, с. 49].

Очевидно, что местных чиновников предупреждали о приезде сенатора с вполне определенной целью: чтобы присутственные места подготовили соответствующие отчеты и ведомости, привели в порядок делопроизводство. Это приобрело особую актуальность во второй четверти XIX в., когда в ходе ревизий проверке документации стало уделяться значительное внимание. Назначение «тайных» проверок в большинстве случаев не имело смысла, поскольку времени, которое отводилось на подготовку, было явно недостаточно для исправления масштабных нарушений (учитывая состояние дорог в изучаемый период, корреспонденция с известиями из центра могла прибыть в губернию одновременно с сенатором). Однако его вполне хватало для систематизации документации, что, в конечном итоге, вело к сокращению сроков проведения проверки. В этом были заинтересованы и сами сенаторы, и верховная власть, для которой организация ревизии являлась дорогостоящим мероприятием.

Подводя итог, отметим, что организация подготовки сенаторских ревизий напрямую зависела от личности императора и степени его непосредственного участия в решении внутривластных задач. Павел I впервые предпринял попытку превратить сенаторское инспектирование в регулярно действующий институт контроля за местным управлением и инициировал единовременную масштабную ревизию всей империи. Он принимал деятельное участие в ее подготовке, поручил создание необходимых нормативных документов и подбор кандидатов в ревизоры Сенату и непосредственно контролировал его работу. При Александре I мы наблюдаем совершенно иную картину. Если в довоенное время император хотя и не регулярно, но довольно часто принимал решения о необходимости командировать сенатора в губер-

нию, лично контролировал процесс подготовки ревизий (в чем было сходство с предшествующим периодом), то после 1812 г. его инициативность угасает, а в подготовке ревизий значимую роль начинает играть Комитет министров. В последние годы правления Александра I в системе контроля за деятельностью местного аппарата практика сенаторского инспектирования начинает уступать место генерал-губернаторскому надзору. Особую позицию по отношению к ревизиям демонстрировал и Николай I, который, не отказываясь полностью от применения этого института, прибегал к нему лишь в определенных, сложных случаях, когда требовался обстоятельный разбор ситуации на месте. Назначению ревизии предшествовали продолжительная переписка и сбор разного рода сведений и справок. При этом особую роль играло III Отделение С.Е.И.В.К. и непосредственно мнение шефа жандармов.

Список литературы

1. Бибииков Г.Н. III Отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И.Д. Талызина // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2017. № 50. С. 12—23.
2. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с.
3. Бикташева А.Н. Местное управление в России в первой четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 3. С. 691—698.
4. Бумаги Ивана Борисовича Пестеля / сообщ. С.И. Пестель // Русский архив. 1875. № 4. С. 369—423.
5. Бурцев Е. Спас на Кокшенге // Вологодские епархиальные ведомости. 1908. № 23. С. 534—535.
6. Высочайше утвержденная инструкция сенаторам, назначаемым для обревизования губерний, от 17 марта 1819 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. [В 45 т.]. Т. 36. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 27722.
7. Высочайше утвержденная инструкция сенаторам, назначаемым для осмотра губерний, от 1 августа 1805 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. [В 45 т.]. Т. 28. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 21861.
8. Высочайше утвержденные пункты, служащие в наставление и руководство гг. сенаторам, избранным для объезда и осмотра губерний, от 1 декабря 1799 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. [В 45 т.]. Т. 25. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 19212.
9. Высочайше утвержденный доклад Сената от 1 декабря 1799 г. «О разделении губерний, для удобнейшего объезда и осмотра гг. сенаторов, на 8 частей, и о назначении каждому из отправляющихся сенаторов прогонов и на канцелярские расходы суммы» // Полное собрание законов Российской империи,

- с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. [В 45 т.]. Т. 25. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 19211.
10. Гвоздикова И.М. Миссия сенатора А.Н. Пещурова. Сенаторская ревизия в Оренбургской губернии. 1842—1843 гг. // Бельские просторы. 2007. № 6 (103). С. 141—162.
 11. Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 388. Оп. 8. 1824 г. Д. 103. Расписание доходам и расходам по Вологодской губернии на 1824 г.
 12. ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. 1814 г. Д. 66. Журналы заседаний Вологодской городской думы за 1814 г.
 13. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. 1 эксп. Оп. 5. 1830 г. Д. 62. О прикомандировании к гг. сенаторам, ревизующим губернии, жандармских штаб-офицеров. Тут же донесения Корпуса жандармов полковника Вульфберта о ревизии Рязанской губернии.
 14. ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 13. 1838 г. Д. 1. О неправильных действиях бывшего новгородского гражданского губернатора Суковкина.
 15. Державин Г.Р. Записки Гавриила Романовича Державина. 1743—1812 / с лит. и ист. прим. П.И. Бартенева. М.: Рус. беседа, 1860. VI, 502 с.
 16. Ефимова В.В. Ревизия сенатора А.Д. Гурьева в 1830 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 104—114.
 17. Ефимова В.В. Ревизия сенатора Д.О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии во второй четверти XIX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2 (93). С. 10—23.
 18. Иванова Е.С. Сенаторские ревизии Костромской губернии в первой половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 4. С. 37—41.
 19. Именной, данный архангельскому генерал-губернатору Клокачеву, указ от 17 марта 1820 г. «О принятии ему в свое управление Олонецкой и Вологодской губерний, и о обревизовании оных» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. [В 45 т.]. Т. 37. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 28202.
 20. Именной, объявленный Сенату министром юстиции, указ от 14 марта 1817 г. «О рассмотрении вновь общему Сенату собранию сенаторской инструкции, и о внесении оной в Комитет министров» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. [В 45 т.]. Т. 34. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 26728.
 21. Исторический обзор деятельности Комитета министров: [в 5 т.]. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого / сост. С.М. Середонин. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. IX, 607, II с.
 22. История Правительствующего сената за двести лет, 1711—1911 гг.: в 5 т. Т. 2. / сост. А.Е. Пресняков, Н.Д. Чечулин. СПб.: Сенат тип., 1911. 806 с.
 23. История Правительствующего сената за двести лет, 1711—1911 гг.: в 5 т. Т. 3. / сост. Э.Н. Берендтс, В.А. Гаген, С.К. Гогель, И.А. Блинов. СПб.: Сенат. тип., 1911. 712 с.
 24. История Правительствующего сената за двести лет, 1711—1911 гг.: в 5 т. Т. 4. / сост. И.А. Блинов, В.А. Гаген, С.К. Гогель [и др.]. СПб.: Сенат. тип., 1911. 529 с.

25. Ковальчук А.В. Состояние местного государственного аппарата по материалам сенаторских ревизий 1799—1800 гг. // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти проф. А.А. Преображенского: сб. статей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 318—343.
26. Кондалова Н.А. Сенаторские ревизии в механизме обеспечения государственной безопасности и общественного порядка в Пензенской губернии в первой половине XIX в. // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 1 (28). С. 158—164.
27. Мертваго Д.Б. Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1790—1824. М.: Тип. Грачева и К, 1867. XIV, 340 стб.
28. Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1994. № 6. С. 28—38.
29. Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX — начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в.: сб. статей. Л.: [Б.и.], 1967. С. 147—175.
30. Плех О.А. Сенаторские ревизии в северных губерниях России в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2012. № 11. С. 82—96.
31. Пупарев А. Две сенаторские ревизии Орловской губернии при губернаторе Яковлеве // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1894. Вып. 4. Орел: Тип. С.А. Зайцевой, 1895. С. 39—77.
32. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1286. Оп. 2. 1814 г. Д. 32. О злоупотреблениях по Вологодской губернии и об отзывании тамошнего губернатора Барша от должности и о поручении оной действительному статскому советнику Винтеру.
33. РГИА. Ф. 1341. Оп. 32. 1831 г. Д. 768а. По ревизии гг. сенаторами Мертенсом и Корниловым Вологодской губернии.
34. РГИА. Ф. 1405. Оп. 28. 1830 г. Д. 2513. По ревизии Вологодской и Архангельской губернии.
35. Савченко Н.А. Исторический опыт осуществления сенаторских ревизий в Российской империи (на примере Курской губернии) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 3 (55). С. 93—97.
36. Семенова Н.Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842—1843 гг. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4 (123). С. 46—51.
37. Столетие Вятской губернии. 1780—1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка: Вят. губ. стат. ком., 1880. III, 388, 110 с.
38. Указ от 4 апреля 1722 г. «О ежегодном отправлении в губернии одного сенатора ревизором, о принесении на него жалоб Сенату, когда учинит он не правое по делу решение, или причинит кому несправедливость» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. [В 45 т.]. Т. 6. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 3931.
39. Указ от 6 октября 1799 г. «Об избрании кандидатов в обеих столицах из сенаторов для объезда и осмотра по всей империи всего принадлежащего до гражданской части» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. [В 45 т.]. Т. 25. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 19139.

Работа над ошибками во время второй эпидемии холеры в Санкт-Петербурге (1847—1849 гг.)

Аннотация. В царствование императора Николая I Санкт-Петербург пережил две масштабные эпидемии холеры. Первая из них известна благодаря холерному бунту на Сенной площади, а вторая стала самой большой по числу заболевших и умерших. Исследуя вторую эпидемию, мы разбираем какие ошибки 1831 г. были учтены и какая работа над ними была проделана в 1848 г.

Ключевые слова: эпидемия; холера; Санкт-Петербург; больницы.

Kseniya S. Barabanova WORK ON BUGS AT THE SECOND EPIDEMIC OF CHOLERA IN SAINT-PETERSBURG (1847—1849)

Abstract. In the reign of Emperor Nicholas I St. Petersburg experienced two large-scale epidemics of cholera. The first of these is known due to the cholera riot on Sennaya Square, and the second one has become the largest in terms of the number of diseased and deceased. Investigating the second epidemic, we analyze what mistakes were made in 1831 and what work was done on them in 1848.

Keywords: epidemic; cholera; St. Petersburg; hospitals.

В 1847 г. Санкт-Петербург начал готовиться ко второй эпидемии холеры. С 1831 г., когда город впервые посетила холера, эта страшная болезнь стала постоянной гостьей в столице Российской империи вплоть до 1918 г. Эпидемиям способствовало плохое санитарное состояние города: 20—30-е гг. XIX в. стали временем, когда население Санкт-Петербурга стремительно увеличивалось за счет рабочих фабрик и заводов, которых в городе насчитывалось не менее 300. Один из признаков крупного города — скопление значительных людских масс на ограниченной территории, что уже создает благоприятные условия для распространения инфекционных заболеваний. Не случайно эпидемии так часто вспыхивали

¹ Барабанова Ксения Сергеевна — кандидат исторических наук, преподаватель АНО ВПО «Петербургский институт иудаики». Санкт-Петербург, Россия. e-mail: barabanova13@gmail.com

Kseniya S. Barabanova — candidate of Historical Sciences, lecturer in St. Petersburg Institute of Jewish Studies. St. Petersburg, Russia.

во время войн: в лагерях многотысячных армий тиф, дизентерия, чума и холера были почти постоянными гостями.

Город являлся центром притяжения для огромного числа людей, имевших множество мотивов для его посещения. Многочисленное население требовало подвоза колоссальных объемов продовольствия, а транспортные технологии того времени предполагали наличие значительного по численности персонала на каждую тонну доставленного груза. Это приводило к тому, что вместе с товарами в Санкт-Петербург прибывали люди, обеспечивавшие их перевоз, охрану, складирование и т.д.

Важнейшими транспортными артериями, питавшими Санкт-Петербург в первой половине XIX столетия, были три водные системы — Вышневолоцкая, Тихвинская и Мариинская. Их объединяло то, что они брали свое начало в Волге: первая — в районе Твери, а другие — возле Рыбинска. Таким образом, образовывался активно действующий водный путь от устья Невы до Каспийского моря, местность вокруг которого считается эндемичной для ряда инфекционных заболеваний. Более того, по этому пути далеко на север зараза могла проникнуть из стран Центральной и Южной Азии, а также с Ближнего Востока, поскольку примыкающее к Каспийскому морю Закавказье являлось местом пересечения многочисленных трасс так называемой восточной торговли между собой и с миграционными потоками кочевников.

Эпидемии распространялись вместе с людьми в первую очередь по водным путям, поскольку даже при невысокой скорости судов, не имевших механического двигателя, время их перемещения из одного пункта в другой оказывалось во многих случаях меньшим, чем проявление симптомов, и носитель заболевания попадал в место назначения до того, как его задерживали на карантине или укладывали в могилу.

Крупные города, расположенные на речных или морских путях, таким образом, оказывались под постоянной угрозой. Можно сказать, что эпидемии стали неизбежным следствием модернизации, при которой рост городов сопровождался интенсивным притоком сезонных рабочих, быстрым и хаотичным развитием городской инфраструктуры, отсутствием должного контроля за санитарным состоянием городской среды. Особую опасность на протяжении всего XIX в. представляла холера, от которой умирали тысячи городских жителей стран Европы и Америки в период индустриализации и урбанизации.

Первая эпидемия холера разразилась летом 1831 г. Именно по одному из водных путей, связывавших Санкт-Петербург с бассейном Волги, по Мариинской системе, прибыло судно, на котором 14 июня 1831 г. у заболевшего пассажира доктором Д.Д. Бланком была диагностирована холера. К тому времени сам пассажир и все контактировавшие с ним находились в столице уже 18 дней, так как указанное судно пришло в город еще 28 мая. Это был первый случай выявления данного заболевания, и, возможно, главный источник заражения. В то же время, вполне возможно, что холера проникла в то лето в город и другими путями, но документальных подтверждений этого не обнаружено. Нельзя исключать сокрытие иных случаев заболевания, поскольку в условиях чрезвычайной ситуации чиновники предпочитали дистанцироваться от возможных обвинений в недосмотре, а также постановки ошибочных диагнозов, поскольку уровень диагностики в первой трети XIX в. был невысок.

Первый больной холерой был спасен доктором Бланком, однако болезнь проникла в город и стала быстро распространяться. В тот же день 14 июня в четыре часа утра в Рождественской части, находящейся на восточной окраине города, в доме купца Богатова признаки заболевания обнаружили у работника живописного мастера. Через 15 часов после освидетельствования больной скончался и стал первой официально зафиксированной жертвой холеры. Затем больные были обнаружены и в других частях — Литейной, 2-й Адмиралтейской. Мы можем предположить, что распространение эпидемии началось от районов, наиболее близких к Неве. Всего по официальным данным с 14 июня по 5 ноября в Петербурге заболело 9 245 человек, из которых умерло 4 757, т.е. более половины [8].

В разгар эпидемии среди петербуржцев быстро распространялись слухи о том, что холеры не существует, а люди умирают от отравления мышьяком, говорили об неких отравителях, кто-то утверждал, что они поляки, а врачи с ними заодно. Самым популярным следует назвать слух о том, что во временные холерные больницы забирают насильно, а там здоровых людей убивают.

Недовольство горожан вызывало прежде всего насильственное помещение заболевших в холерные больницы. В воспоминаниях современников прослеживается общая черта: авторы были уверены в том, что в больницы забирают всех без исключения, и единственный способ выжить — это избежать госпитализа-

ции. Во время холерных волнений горожане нападали на холерные кареты и освобождали из них больных, кареты опрокидывали или скидывали в каналы, а возчиков избивали [9, стб. 962; 14, л. 1—6 об.].

Нельзя исключать, что в холерные больницы попадали здоровые горожане, которые были отправлены туда в нетрезвом состоянии. Придя в себя, начинали дебоширить и старались уйти из больницы, представляющей собой, как отмечал А.В. Никитенко, «только переходное место из дома в могилу» [3, с. 107]. Для этого они прибегали к различным хитростям, подкупам, а иногда даже дрались с докторами и сторожами. Вырвавшись из больницы, дома они появлялись на людях нередко в одном больничном халате, рассказывая всем, что в больницы отправляют здоровых.

Такие случаи усиливали слухи о взаимодействии «отравителей» и врачей, которые открыли больницы, куда народ свозила подкупленная ими полиция. Одной из причин недоверия, а иногда даже и ненависти к врачам, была уверенность горожан в том, что медики невнимательны к больным до того, что не могут отличить больных от здоровых, а мертвых от живых.

Страх перед новой и неизвестной болезнью, многочисленные слухи и неграмотно организованные противоэпидемические мероприятия в совокупности привели к холерным волнениям.

22 июня И.В. Селиванов стал свидетелем того, как толпа разрушила больницу на Подъяческой улице и «разобрала дом до основания». В тот же день была буквально стерта с лица земли холерная больница в Таировском переулке рядом с Сенной площадью. Разогнать толпу тогда были призваны учебный саперный батальон, Измайловский батальон, потом взвод жандармов и 2 орудия. На следующий день к вновь собравшейся толпе прибыл император Николай I. 23 июня 1831 г. в Московской части толпа напала на штаб-лекаря Московской части коллежского асессора Ф.Ф. Кралицкого [4, с. 71]. Медика стащили с дрожек и избили. До этого Кралицкий был награжден орденом Св. Анны 3 степени за помощь пострадавшим от наводнения в 1824 г. [11, л. 78 об.]. 25 июня нападению подвергся частный медик Каретной части штаб-лекарь Костылев. Врач ехал к пациентке, когда его остановили на улице и попросили оказать помощь больному, который уже не мог говорить. После осмотра Костылев констатировал смерть и приказал фурманщикам отвезти тело в съезжий дом. Оказалось, что больной был еще жив и даже двигался. Тол-

па пришла в волнение, слышались обвинения в адрес доктора. Когда через четверть часа Костылев возвращался той же дорогой, на него напала толпа, обыскала и избила. Несмотря на то, что многие участники событий ранее прибегали к профессиональной помощи Костылева, его обвинили в том, что он отравил мужика. Прибывшие вскоре военные команды отбили штаб-лекаря [4, с. 81]. Всего в ходе от беспорядков пострадало и было убито несколько врачей. Было даже сделано специальное заявление от лица городских властей, что те, кто, продолжит беспорядки и убийства, не будет повиноваться полицейским или другим представителям власти, а тем более продолжат охоту на врачей, будут наказаны [6].

Самым известным эпизодом эпидемии стал Холерный бунт на Сенной площади 22—23 июня 1831 г., запечатленный на одном из барельефов на постаменте памятника Николаю I работы П.К. Клодта [1; 2; 5]. Выбор такого сюжета свидетельствует, что появление императора перед толпой во время холеры в XIX в. осмысливалось как одно из четырех важнейших событий его правления, было важной частью николаевского «сценария власти» [10, с. 397]. Оно символически приравнивалось к таким деяниям как составление Полного собрания законов, строительство железной дороги «Москва — Петербург», спасение монархии во время восстания декабристов.

Разделяя эпидемию 1831 г. на два этапа, четко просматривается, что до выхода горожан на улицы, власти пытались справиться с чрезвычайной ситуацией административными ресурсами. Город был разделен на 13 частей, во главе которых были назначены попечители¹, которые должны были обеспечить введение противоэпидемических мероприятий, таких как принудительная госпитализация, строительство больниц и прочее. Рассматривая состав чиновников, которые были привлечены к работе в чрезвычайных

¹ Попечители частей: сенатор С.С. Уваров (1-я Адмиралтейская часть), сенатор И.С. Горголи (2-я Адмиралтейская часть), действительный статский советник А.П. Дмитриев (3-я Адмиралтейская часть), сенатор Г.С. Вистицкий (4-я Адмиралтейская часть), сенатор П.И. Полетика (Петербургская часть), сенатор М.Ф. Ставицкий (Литейная часть), генерал-майор П.П. Черкасов (Каретная часть), сенатор В.И. Болгарский (Васильевский остров), граф П.Ф. Буксгевден (Рождественская часть), действительный статский советник князь П.А. Голицын (Нарвская часть), сенатор С.Ф. Маврин (Выборгская часть), тайный советник К.И. Баумгартен (Московская часть), генерал-майор А.И. Михайловский-Данилевский (Охтинская часть).

органах по борьбе с холерой, следует отметить, что все они обладали опытом работы в условиях чрезвычайного времени. Многие из них были участниками войны 1812 г. Некоторые боролись с последствиями наводнения 1824 г. Император доверял чиновникам и, возможно, поэтому посетил столицу только тогда, когда ситуация вышла из-под контроля окончательно.

Борьба с эпидемией исключительно административными мерами, жестокость противоэпидемических мероприятий, в том числе принудительная госпитализация, привели к холерным волнениям. Период с момента приезда Николая I на Сенную площадь 23 июня 1831 г. и до официального окончания эпидемии 5 ноября 1831 г. можно обозначить как второй этап. В это время расширяется состав акторов, задействованных в противостоянии с холерой, меняются отношения власти и местного общества.

После холерных волнений были внесены коррективы в состав «Комитета для принятия мер против холеры», в него были введены члены городской администрации, врачи. Эти изменения позволили улучшить работу чрезвычайных органов, более прочно вписали их в систему уже существующих. Ответом на холерные волнения также стало учреждение новых чрезвычайных должностей. Отметим, что после этих изменений состав «Комитета» стал схожим с московским «Соединенным советом» 1830 г.

На втором этапе эпидемии круг акторов был расширен. Как наиболее активная часть петербургского общества были привлечены купцы, сумевшие в последствии организовать новые холерные больницы и наладить оказание медицинской помощи. 30 июня 1831 г. после холерных волнений в Петербурге была расширена система попечительства. Вместе с попечителями «правительственными» организацией противоэпидемических мероприятий в медицинских частях должны были заниматься «попечители от купечества»¹.

¹ Попечители от купечества: П.П. Сыренков (1-я Адмиралтейская часть), купец 1-й гильдии И.Ф. Эгерман (2-я Адмиралтейская часть), купец 1-й гильдии Н.Н. Меншиков (3-я Адмиралтейская часть), купец 1-й гильдии Е.И. Петров (4-я Адмиралтейская часть), купец 1-й гильдии И.Д. Устинов (Петербургская часть), купец 1-й гильдии П.Ф. Миняев (Литейная часть), купец 1-й гильдии П.А. Панов (Каретная часть), купец 1-й гильдии К.И. Мейснер (Васильевская часть), купец 1-й гильдии П.П. Янков (Рождественская часть), купец 1-й гильдии И.М. Глушков (Нарвская часть), купец 1-й гильдии В.М. Зверков (Московская часть), купец 2-й гильдии А.Ф. Буренин (Выборгская часть), купец 3-й гильдии В.И. Конев (Охтинская часть).

3 июля 1831 г. городской глава Н.И. Кусов передал петербургскому купечеству распоряжение императора о немедленном устройстве во всех частях столицы особых больниц для больных холерой, каждую на сто кроватей [7]. На их устройство из государственного казначейства отпускалось 130 тыс. руб. ассигнациями. Суммы, сверх выделенных, должны были собрать сами купцы [13, л. 15].

На организацию холерных больниц и их обустройство петербургское купечество пожертвовало один процент «с объявленного по каждой гильдии капитала», что составило примерно 160 тыс. руб. Кроме того, у городского главы Кусова была открыта подписка «о добровольных приношениях Санкт-Петербургского купечества, сверх пожертвованного оным одного процента». По этой подписке было собрано еще 50 тыс. руб. Городские старосты должны были открыть подписку на сбор пожертвований сверх процента с капитала [13, л. 18]. Таким образом, на создание временных больниц было выделено не менее 340 тыс. руб.

В связи с проблемами с арендой помещений для больниц петербургскому купечеству не удалось организовать 13 больниц на 1300 мест, но к 30 июля было открыто 12 больниц на 633 мест [13, л. 96—97 об.]. 13 августа была открыта тринадцатая больница для Литейной части в доме Байбакова на 60 кроватей [13, л. 103]. К концу августа 1831 г. в Санкт-Петербурге работало 13 больниц на 693 места, организованных петербургским купечеством.

Таким образом, купечество выполнило, хоть и не в полном объеме, задачу, поставленную перед императором. Отремонтированные после холерных волнений и открытые новые больницы вместе с отменой принудительной госпитализации отвечали потребностям Петербурга в июле-августе 1831 г.

Во время эпидемии холеры в Петербурге были применены мероприятия, которые зарекомендовали себя с положительной стороны во время эпидемий чумы. В начале эпидемии была организована помощь заболевшим в медицинских частях, принудительная госпитализация и открыты временные холерные больницы. Все эти мероприятия не удалось провести сразу. В городе начались нападения на врачей и больницы, после которых в столице было введено военное положение. Первым шагом для нормализации ситуации была отмена мероприятий, которые вызывали недовольство у петербуржцев. Таким образом, изменения в мерах по борьбе с эпидемией были внесены не под влиянием экспертного знания, а под натиском недовольной толпы.

После 1831 г. эпидемия холеры в Российской империи начала утихать и следующая ее вспышка началась в 1847 г., тогда же началась подготовка к возможной эпидемии в Петербурге. Сама же эпидемия пришлась на 1848 г. и стала самой крупной в истории Санкт-Петербурга. В этом году в Петербурге заболело 32.326 человек, из которых умерло 16.509. Таким образом, перед нами встает вопрос, был ли использован опыт эпидемии 1831 г. во время второй эпидемии?

Город был вновь разделен на 13 медицинских частей, во главе которых были поставлены медицинские инспекторы. К их обязанностям добавилось наблюдение за качеством продуктов для горожан [14, л. 65].

В каждом квартале были учреждены врачебные дежурства, в которые назначалось несколько врачей [12, л. 64—64 об.]. В самом дежурстве должна была храниться «Книга для врачебного дежурства», которая содержала расписание, подтвержденное инспектором части, составленное так, чтобы в квартале постоянно находился хотя бы один врач. Так, следует предположить, что в 1848 г. отечественная медицинская корпорация обладала большим авторитетом и выступала в глазах власти как опытный эксперт.

Во время второй эпидемии холеры в Петербурге отказались от практики принудительной госпитализации. В каждой городской части должна была быть открыта временная холерная больница, т.е. 13 больниц на 1020 мест. Кроме того, в городских гражданских больницах следовало подготовить к открытию особые отделения для холерных больных на 675 кроватей [12, л. 60]. Больные лечились в них бесплатно и не должны были предоставлять паспорт [12, л. 63 об.]. Врачи и фельдшера в больницы назначались комитетом. Остальной штат, в том числе прислуга, приискивался попечителями заранее, но приступить к работе мог только после открытия больницы [12, л. 60].

В каждую из 13 городских частей были назначены два попечителя, которые должны были «пользоваться уважением и доверием» [13, л. 63 об.]. Один попечитель был от дворянства, а второй от купечества. Одной из обязанностей попечителей было посещение квартир нуждавшихся и осмотр помещений для рабочих на заводах и фабриках. Как и в 1831 г., они должны были следить за тем, чтобы жилища были просторными, а пища была здоровой. Особо в инструкции к попечителям была прописана необходимость обеспечения горожан чистой водой. Вопрос о чистой воде

как способе не заразиться холерой только начинает обсуждаться в медицинских работах того времени. Отметим, что попечители не должны были принуждать заболевших обращаться в больницу. Попечение о сиротах стало новой обязанностью попечителей, они, в свою очередь, должны были привлечь для этого благотворителей [12, л. 63]. Таким образом, на должность, которую в первую эпидемию занимали опытные чиновники, во вторую уже назначают людей, которые имеют вес в городском сообществе. Можно предположить, что такой шаг продиктован опытом событий 1831 г. и попыткой наладить взаимодействие чрезвычайных органов периода эпидемии и городских обывателей.

Вся тяжесть заботы об охране горожан от холеры и обеспечения помощи заболевшим ложилась на плечи попечителей от купечества, так как на попечителя от дворянства были возложены обязанности по оказанию помощи только дворянам. В круг обязанностей попечителей входила организация временных холерных больниц и руководство обслуживающим персоналом, в свою очередь, медики подчинялись инспектору. Еще до начала эпидемии в 1847 г. было определено, что для руководства холерными больницами попечитель должен быть известен «усердием к общей пользе», он мог быть выбран из числа почетных граждан, главными претендентами на эту должность являлись представители купечества [12, л. 33]. За хозяйственную часть больниц отвечали непосредственно попечители от купечества и их помощники. Так же они отвечали и за расходование и отчетность по финансам больницы, ее обеспечение медикаментами.

Таким образом, рассматривая вторую эпидемию холеры, мы можем прийти к выводу, что в 1840-х гг. был использован опыт предшествующей эпидемии и учтены ошибки 1831 г. Здесь важно отметить, что практика привлечения купечества к работе с которой не могли справиться чиновники зарекомендовала себя еще во время самого масштабного наводнения в Санкт-Петербурге в 1824 г. Новый же комплекс мероприятий, использовавшийся в Петербурге во вторую половину эпидемии 1831 г., а позднее и принятый на вооружение во время второй эпидемии 1848 г., был изначально разработан в Москве в 1830 г.

Список литературы

1. Клодт Г.А. «Лепил и отливал Петр Клодт...». М.: Сов. художник, 1989. 235 с.
2. Кривдина О.В. Скульптор Петр Карлович Клодт: новые материалы. СПб.: Сударыня, 2005. 265 с.
3. Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1826—1857 / подгот. текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока; под общ. ред. Н.Л. Бродского. М.: Гослитиздат, 1955. XLIV, 543 с.
4. Пупарев А.Г. Холерный месяц в Петербурге. Июнь 1831 г. // Русская старина. 1884. Т. 44. № 12. С. 401—416.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 789. Оп. 2. Д. 151.
6. Северная пчела. 1831. № 141. 26 июня.
7. Северная пчела. 1831. № 147. 4 июля.
8. Северная пчела. 1831. № 253. 7 ноября.
9. Селиванов И.В. Холера в Петербурге в 1831 г. Рассказ очевидца // Русский архив. 1868. № 6. Стб. 958—962.
10. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 187. Оп. 1. Д. 96.
12. ЦГИА СПб. Ф. 192. Оп. 1. Д. 597.
13. ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 2. Д. 28.
14. ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 343.

Жизнь и деятельность волостного старшины Федора Куликова в свете исторических источников

Аннотация. В статье повествуется о жизни и деятельности крестьянина Федора Куликова, занимавшего пост волостного старшины Московской губернии в царствования императоров Александра II и Александра III. На основе широкого круга исторических источников (архивных материалов, фотографий и воспоминаний членов его семьи) в статье показаны особенности функционирования механизма крестьянского самоуправления в пореформенной России на сельском и волостном уровнях.

Ключевые слова: крестьянство; крестьянское самоуправление; волость; волостной старшина; волостной писарь; волостной сход.

Mikhail A. Vinogradov

LIFE AND ACTIVITIES OF THE VOLOST FOREMAN FEDOR KULIKOV THROUGH HISTORICAL SOURCES

Summary. In this article it is narrated about life and activity of the peasant Fedor Kulikov holding a post of the volost foreman of the Moscow province in reigns of emperors Alexander II and Alexander III. It is based on a wide range of historical sources (archival materials, photos and memoirs of members of his family), which show peculiarities of how the mechanism of the peasant's self-government function in post-reform Russia at the rural and volost levels.

Keywords: peasantry; country self-government; volost; volost foreman; volost clerk; volost descent.

В пореформенной России должностные лица волостного уровня хорошо осознавали свою значимость, выполняя посреднические функции между крестьянством и монаршей властью, соприкасаясь с инстанциями уездного и губернского уровней, дворянскими по своему составу. Волостной старшина С.И. Матвеев и писарь Н.М. Астырев, к примеру, представили в печати содержательные обзоры своей жизни и деятельности [2; 4].

¹ Виноградов Михаил Анатольевич — кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ «Школа № 1797 «Богородская». Москва, Россия. e-mail: mavinograd@mail.ru

Mikhail A. Vinogradov — Candidate of Historical Sciences, teacher of history at «Bogorodskaya» School No. 1797, Moscow, Russia.

Жизнь и деятельность старшин и писарей можно изучить на основе ряда исторических источников. Так, например, была воссоздана биография старшины Порецкой волости Можайского уезда Московской губернии Федора Ермолаевича Куликова (1842—1889).

Самую большую группу источников, безусловно, составляют архивные материалы. Во-первых, следует обратить внимание на комплекс метрических книг, содержащих ценную информацию о жизни волостного старшины [1; 9; 13]. Родился Ф.Е. Куликов 10 февраля 1842 г. в дер. Заполье Порецкого церковного прихода в семье крепостных крестьян графа С.С. Уварова Ермолая Афанасьева (1818—1848) и Марьи Гавриловой (1819—1894) [10, л. 1377 об.]. Крестными родителями младенца стали крестьянин соседней дер. Замощье (Песочни) Иван Кононов и тетка новорожденного Марья Васильева. Заполье являлось заштатной деревней, находящейся в 144 верстах от Москвы и в 47 — от уездного города Можайска. Здесь, на самой границе со Смоленской губернией, насчитывалось всего восемь дворов с населением 80 человек [19, л. 766 об.—767]. Куликовы проживали в Заполье с конца 1780-х гг., составляя почти половину населения деревни. В возрасте шести лет маленький Федор лишился отца, скончавшегося от чахотки. Воспитанием мальчика занялся дядя Антон Афанасьев (1807—1888). В возрасте 18 лет, 17 января 1860 г., Федор Ермолаевич сочетался браком с 16-летней девицей из дер. Медведки Ксенией (Аксиньей) Яковлевой [11, л. 1470 об.—1471]. Поручителями на свадьбе были родственники жениха из Заполья Антон Афанасьев, Парфен Петров и Аввакум Стефанов, а также крестьянин дер. Старая Тяга Владимир Васильев. В этом браке родилось 12 детей: Иван, Михаил, Матвей, Тихон, Филипп, Акулина, Анна, Наталья, Илья, Сергей, Павел, Родион (пятеро из них скончались в младенчестве). О рождении первых семи детей записи, к сожалению, пока не обнаружены. При жизни Федора женились его сыновья Иван (1880 г.) и Матвей (1889 г.), у Ивана родилось четверо сыновей. Метрические книги не только свидетельствуют о многочисленности рода Куликовых вообще и семьи Федора Ермолаевича в частности, но и реконструируют круг общения волостного старшины. 4 мая 1860 г. он был поручителем на свадьбе крестьянина Смоленской губернии Бельского уезда Василия Иванова и девицы из дер. Глядково Прасковьи Гавриловой, приходящейся ему двоюродной сестрой. В более поздних метри-

ческих книгах тесные контакты двух семей продолжают подтверждаться. Согласно метрическим записям, Федор Куликов был близок со своим дальним родственником Парфеном Петровым Куликовым (1821—1878) — бывшим писарем и одним из порецких волостных старшин. Федор Ермолаевич в 1872 г. являлся поручителем на свадьбе Куликова, а затем стал крестным отцом его сыновей Сергея и Ивана. По-видимому, эта дружба способствовала карьерному росту Федора Куликова: в 1875 г. он был избран кандидатом волостного старшины Евстигнея Васильева Киселева (1824—1896). Заняв место старшины, Ф.Е. Куликов сблизился с волостными писарями: Сергей Семенов Комаров крестил его детей Наталью и Илью, жена Никифора Тимофеева Халютин — сына Сергея, Алексей Гаврилов Слезкин — сыновей Павла и Родиона. Старшина также стал крестным отцом дочери Н.Т. Халютина Марии и сыновей А.Г. Слезкина Василия и Георгия. Таким образом, деловые связи старшины и писарей скреплялись и личными, семейными. Этот вывод противоречит укоренившемуся в исторической науке взгляду о соперничестве ведущих деятелей волостного аппарата [2; 3].

Во-вторых, переписные книги, ревизские сказки и исповедные ведомости предоставляют возможность отразить основные этапы истории крестьянского рода Куликовых начиная с XVII в. [5; 18; 12]. Этот круг источников позволяет выявить в других деревнях родственников старшины, занимавших нередко почетные должности в сельской и волостной администрациях. Его родственниками, например, были сельские старосты Антон Кириянов (дер. Наречино), Сергей Трофимов и Григорий Яковлев (дер. Медведки). Что касается самого Федора Ермолаевича, то его имя часто встречается на страницах исповедных ведомостей (до 1865 г.) и ревизских сказок (до 1858 г.).

В-третьих, следует обратить особое внимание на данные хозяйственных переписей, проводимых земскими учреждениями в 1869 и 1883 гг. В первой переписи указано, что семья ткача сукна Федора Ермолаева владеет двумя домами в Заполье и скотом (две лошади, три коровы и три головы мелкого скота) [7, л. 147]. Видимо, до отмены крепостного права будущий волостной старшина работал на графской мануфактуре в с. Поречье. Перепись, проведенная через 14 лет, когда Федор Куликов руководил Порецкой волостью, представляет хозяйство крестьянина заметно солиднее: четыре лошади, семь коров и семь голов мелкого скота [8, л. 31об.].

Семья Куликова располагала наделом на 3,5 души (13 домохозяев делили земельный фонд деревни на 26 душ). Федор Ермолаевич арендовал покосов на 15 руб. Хозяйство старшины было самым богатым в волости. Статистическая ведомость 1883 г. отмечает, что из 13 грамотных крестьян Заполя в доме старшины проживали трое (дополнительно указывался один учащийся). Видимо, в источнике речь идет о старшине и его сыновьях Михаиле, Матвее и Филиппе (есть сведения, что старший сын Иван был безграмотным).

В-четвертых, безусловно, основную информацию о работе Куликова в качестве волостного старшины предоставляет документация волостного правления и других инстанций уездного и губернского уровней. Согласно этим документам, в 1875 г. Федор был избран кандидатом волостного старшины Е.В. Киселева, а 1 ноября 1877 г. занял его место [16, титул; 20, л. 4]. Новому начальнику волости было 35 лет. Ему полагалось жалование 450 руб., но вменялось в обязанность за свой счет отапливать и освещать здание правления, а также приобретать необходимые канцелярские товары. Сохранились приговоры трех волостных сходов об избрании Федора Куликова старшиной [21, л. 17—20 об.; 24, л. 23—25; 27, л. 15—19]. В 1879 г. он одержал победу на выборах, соревнуясь с Николаем Петровым, получившим на 20 голосов меньше и ставшим его кандидатом. На следующих выборах 1882 г. победа досталась Куликову еще более тяжело (Петров набрал всего на шесть голосов меньше). Выборы 1885 г. отличались особым духом борьбы за власть в волости — претендентов было пятеро. Федор Куликов одержал тогда уверенную победу, набрав 67 голосов (на втором месте с 29 голосами оказался Терентий Кириллов, ставший его кандидатом). Приговор Порецкого волостного схода 1888 г. об избрании волостного старшины обнаружить к настоящему времени не удалось.

Родственники Федора Куликова нередко окружали его на работе. В 1879 г. сторожем при волостном правлении состоял крестьянин дер. Медведки Данила Абрамов, дядя жены старшины, а рассыльным, направляемым посланником по делам волости, был старший сын Куликова Иван [22, л. 2].

Документацию волостного правления вели писари (С.С. Комаров, Н.Т. Халютин, А.Г. Слезкин), старшина только удостоверял служебные бумаги своей подписью (наиболее часто встречается «Ф. Куликов»). Однако удалось выявить несколько предложений, бесспорно написанных рукой старшины и содер-

жащих несколько грамматических ошибок. Удостоверяя свои показания, данные непременно члену Можайского уездного присутствия Ф.В. Смольянинову 26 июля 1878 г., начинающий глава волости написал свою должность и поставил подпись: «Порецкой волосной старшина Ф. Куликов» [23, л. 8]. В баллотировочном списке 8 мая 1882 г. в графе «Примечания» напротив своей фамилии он удостоверил личный результат, написав собственноручно: «Изберательных педесят семь неизберательных семь шаров Федор Ермолаев Куликов» [24, л. 23]. Малограмотность волостных старшин не была исключительным явлением в крестьянском самоуправлении первых пореформенных десятилетий. Владение грамотой заметно повышало квалификацию должностных лиц сельской и волостной администраций. Сведения об образовании Федора Ермолаевича не выявлены. Скорее всего, его обучение проходило в Поречье.

Призванный законом опекать интересы подведомственного ему крестьянства, Федор Ермолаевич достойно выполнял свои обязанности. Правда, за годы пребывания Куликова во главе волостного аппарата конфликты все же случались. Пожалуй, наиболее громким делом, озадачившим старшину на несколько лет, стало разбирательство по жалобе крестьянина и бывшего сельского старосты дер. Ягодино Матвея Васильева [25]. Отношения между Куликовым и Васильевым обострились в 1880 г., когда старшина подал на старосту жалобу за невзыскание волостных и страховых сумм, а тот, в свою очередь, обвинил начальника волости в самовольной выдаче паспортов четырем крестьянам «без удостоверения старосты». Но настоящий конфликт разгорелся позже. 17 мая 1882 г. Васильев подал в Можайское уездное по крестьянским делам присутствие прошение, в котором обвинял волостного старшину и судей в нарушении закона. «Порецкий старшина такую имеет злобу на меня, что уже проходят целые года в разных несправедливых доносах и незаконных обвинениях, особенно в минувшее время, когда я находился в заработках по паспорту, ему никак нельзя было ничем уязвить меня, так что же вместо меня он своею властью невольно заставил моих малолетних 3-х детей и жену переносить разные истязания с нанесением побоев и не давали им пищи, выгоняли их вон из дома и выбрасывали на снег малолетних детей», — так Васильев характеризовал действия старшины [25, л. 1—1 об.]. 19 марта 1883 г. обиженный крестьянин подал очередное прошение, в котором обвинял Федора Ермола-

евича в рукоприкладстве прямо в здании правления: «Волостной старшина схватил меня за ворот и толкал в грудь и сердце, душил всячески» [25, л. 14]. Куликов отвергал все предъявленные ему обвинения. Для установления истины потребовались показания свидетелей. Опрошенные крестьяне отказались поддерживать слова Матвея Васильева, чем дали основание уездному присутствию закрыть дело с полной реабилитацией старшины. Интересно, что в указанных материалах можно проследить отношение крестьян к старшине: Матвей Васильев, например, называет его «господином», чрезмерно выделяя из среды сельских обывателей [25, л. 2 об.]. Следует отметить, что крестьянин Васильев на протяжении нескольких десятилетий обременял инстанции губернского, уездного и волостного уровней жалобами, обвиняя во всевозможных злоупотреблениях не только должностных лиц крестьянского самоуправления, но и членов своей семьи.

Одним из наиболее сложных вопросов, с которым столкнулся старшина при исполнении своих обязанностей, стало взимание податей [15; 16; 17]. Подведомственное ему крестьянство и вышестоящее начальство предъявляли начальнику волости взаимоисключающие требования. Федор Куликов, став жертвой обстоятельств, неоднократно подвергался штрафам и арестам за неудовлетворительные сборы податей. Например, в июне 1880 г. «за совершенную бездеятельность по взысканию денежных повинностей волостной старшина подвергнут денежному штрафу в размере 4 рублей 50 копеек» (при ежемесячном жаловании в 37,5 руб.), а в ноябре того же года «волостной старшина за недостаточное наблюдение за взысканием денежных повинностей подвергнут аресту на три дня» [16, л. 5, 10].

Вершина карьеры волостного старшины Куликова пришлась на последние годы царствования Александра II и большую часть правления императора Александра III. В этот период монархии был брошен ряд вызовов. Весть о 1 марта 1881 г. всколыхнула всю Россию. На увековечивание памяти Царя-Освободителя повсеместно стали собираться внушительные пожертвования. При активном участии Куликова волостной сход, собравшийся 3 апреля 1883 г., «изъявил свое желание приобрести икону Александра Невского в киоте с лампадою, которая будет гореть неугасимо в память в Бозе почившего Государя Императора Александра II», потратив на приобретение святыни 200 руб. (почти полугодовое жалование старшины) [26, л. 17—19].

Помимо архивных документов следует отметить важность еще двух исторических источников: фотоматериалов и воспоминаний членов семьи старшины. Семейный архив Куликовых сохраняется автором работы.

Известны три фотографии Ф.Е. Куликова, выполненные в конце 1870—1880-х гг. На них предстает суровый и физически развитый мужчина с окладистой бородой. Фото в форменной одежде с бронзовым знаком волостного старшины, возможно, было изготовлено в мае 1883 г. во время поездки в Москву для участия в торжествах, посвященных коронации Александра III. Фото с коллегами по работе, видимо, было выполнено в здании волостного правления или в трактире, находящихся в селе Поречье. Мальчик и один из мужчин занимаются сервировкой чайного стола. Двое других мужчин выступают собеседниками Федора Ермолаевича. Можно предположить, что они занимали посты волостного писаря и кандидата старшины. На третьей фотографии Куликов представлен в окружении своей семьи: мать Марья Гаврилова, жена Акимья Яковлева и пятеро детей (Михаил, Матвей, Тихон, Филипп и Наталья). Если учесть, что дочь Наталья родилась в августе 1879 г., то можно датировать указанный фотографический снимок рубежом 1879—1880 гг. В силу неизвестных обстоятельств, на нем отсутствуют дядя старшины Антон Афанасьев и старший сын начальника волости Иван.

Основная часть воспоминаний о Федоре Ермолаевиче собрана его младшим внуком Андреем Филипповичем Куликовым (1915—1992) и записана по прошествии почти ста лет с момента жизни и деятельности старшины. В этих материалах содержится описание внешнего вида и внутреннего убранства дома волостного старшины, разобранного в 1908 г. Особое место в доме занимала изразцовая печь, символизировавшая достаток семейства. Внучка Куликова М.Ф. Виноградова (1901—1993), родившаяся в усадьбе старшины, утверждала, что при жизни деда «дом Куликовых был в великой славе», принимая многочисленных крестьян-посетителей и сослуживцев начальника волости. В бумагах А.Ф. Куликова есть сведения об отношениях Федора Ермолаевича со своими близкими (например, выбор невесты и свадебные подарки 1860 г.). Разумеется, потомки не могли не зафиксировать информацию о работе волостного старшины. Акимья Куликова неоднократно просила мужа оставить место старшины из-за арестов по решению уездных властей, но он не соглашался, так как ина-

че относился к временным лишениям своей свободы (крестьяне подведомственной ему волости являлись к «опальному» старшине с подношениями, в том числе с «вином»). Наконец, в воспоминаниях членов семьи старшины особое место занял рассказ об обстоятельствах трагедии, приведшей к преждевременной смерти Ф.Е. Куликова в 1889 г.

Обстоятельства болезни и смерти старшины реконструируются по семейным воспоминаниям и архивным источникам. Эти материалы содержат уникальную информацию о событиях 1889 г. и дополняют друг друга, представляя целостную картину произошедшего. В метрической книге Поречья указывалось, что Федор Ермолаевич скончался 5 ноября 1889 г. в возрасте 47 лет от сердечного удара [14, л. 341 об.—342]. В документе есть указание на составленное 9 ноября отношение станового пристава, занимавшегося выяснением обстоятельств преждевременной кончины старшины, но этот документ пока не обнаружен. В ведомости о происшествиях по Можайскому уезду за первую половину ноября 1889 г. содержится важное уточнение: параличных ударов было два, а последовали они «от излишнего употребления вина» [6, л. 17 об.]. В этом документе есть указание на дознание товарища прокурора, но материалы расследования к настоящему времени обнаружить не удалось. Семейные предания Куликовых также отмечают склонность старшины к крепким напиткам. В условиях того времени и положения начальника волости иначе и быть не могло. Старинные обычаи крестьянской общины предполагали каждое существенное мероприятие отмечать коллективной выпивкой. Старшина, в ведении которого находилось 5000 крестьян, обязан был следовать неписанному закону сельской жизни. Однако материалы семейного архива Куликовых свидетельствуют также и о том, что болезни Федора Ермолаевича предшествовал несчастный случай: возвращаясь из Можайска, куда необходимо было доставить рекрутов, он провалился в реку вместе со своими санями. Скорее всего, это могло произойти зимой 1888—1889 гг., и практически до смерти старшина был лишен возможности полноценно работать в Поречье.

Погребение старшины Ф.Е. Куликова состоялось 8 ноября 1889 г. Траурную церемонию возглавлял священник Поречья Василий Егорович Петров. В этот день состоялось и погребение дочери крестьянина дер. Заполье Ивана Иванова Анисьи, умершей в младенчестве. Редким событием в Поречье было одновременное

погребение людей из одной деревни, тем более такой небольшой, как Заполье. Могила Федора Куликова до настоящего времени не сохранилась, но в архивных документах и материалах семьи старшины осталась память о незаурядном русском крестьянине, прожившем насыщенную и яркую жизнь в условиях перехода от периода крепостничества к эпохе модернизации Российской империи.

Список литературы

1. Архивный отдел администрации Можайского муниципального района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52—54.
2. Астырев Н.М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. 324 с.
3. Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914 гг.) // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 226—302.
4. Матвеев С.И. Записки волостного старшины // Русское богатство. 1912. № 2. С. 74—101.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1, 2.
6. Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА г. Москвы). ОХД до 1917 г. Ф. 17. Оп. 72. Д. 221.
7. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2240.
8. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2381.
9. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745.
10. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 1588.
11. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 745. Д. 2095.
12. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 747.
13. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780.
14. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 203. Оп. 780. Д. 1187.
15. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 493. Оп. 1. Д. 273.
16. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 493. Оп. 1. Д. 343.
17. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 493. Оп. 1. Д. 550.
18. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 8.
19. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 51. Оп. 8. Д. 270.
20. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 1362.
21. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 437.
22. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 445.
23. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 513.
24. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 722.
25. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 741.
26. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 802.
27. ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 589. Оп. 1. Д. 949.

К вопросу о развитии концепции крейсерской войны в России в последней трети XIX в.

Аннотация. Статья посвящена развитию теории крейсерской войны в России в 1880—1890-е гг. На этот период выпал Афганский кризис 1885 г., явившийся одним из ключевых моментов эволюции теории крейсерской войны. На примере одного корабля — винтового клипера «Стрелок» — показано как русскими офицерами воспринималась угроза возможности начала войны с Англией.

Ключевые слова: теория крейсерской войны; военно-морские круги; Афганский кризис 1885 г.; винтовой клипер «Стрелок»; Е.И. Аренс; А.Е. Конкевич.

Vasily A. Boltrukevich

THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF CRUISING WAR IN RUSSIA IN THE LAST THIRD OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the development of the theory of war cruising in Russia in 1880—1890-ies. In this period fell the Afghan crisis of 1885, which is one of the key points of evolution theory a cruising war. For example, one of the ship — screw clipper *Strelak* — shown as Russian officers perceived threat of possible outbreak of war with England.

Keywords: theory of the cruisers war; naval circles; the Afghan crisis of 1885; screw clipper *Strelak*; E.I. Ahrens; A.E. Conkievich.

В последней трети XIX столетия в среде военно-морской общественности России по-прежнему оставались лица, считавшие, что ставка на действия крейсеров, крейсерская война являются одними из наиболее результативных способов сдерживания Англии. Именно на этот период пришелся новый виток русско-английского противостояния. Он был связан с Афганским кризисом 1885 г., являвшимся одним из наиболее острых осложнений между Российской Империей и Великобританией. По мысли современника описываемых событий, капитан-лейтенанта А.Е. Конкевича, эта конфликтная ситуация яви-

¹ **Болтрукевич Василий Анатольевич** — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Москва, Россия. e-mail: tikuma@mail.ru

Vasily A. Boltrukevich — Candidate of Historical Sciences, independent researcher. Moscow, Russia.

лась моментом, оправдавшим расчеты русских военно-морских кругов на практику использования крейсеров [4, с. 7]. Фактологическая сторона действий русского флота в ходе указанного конфликта достаточно подробно освещена в историографии [8; 9]. Мы ограничимся тем, что рассмотрим, как воспринималась эта ситуация в кают-компании одного отдельно взятого корабля — клипера «Стрелок». Нашим источником будут воспоминания Е.И. Аренса, служившего в то время на этом крейсере минным офицером.

Первая информация о возможном столкновении с Англией оценивалась в кают-компании «Стрелка» крайне противоречиво: «Известие произвело некоторое впечатление... Не то, чтобы пугала сама война (в нее, к тому же, плохо верилось), а невольно смущали опасения насчет весьма возможных изменений по программе нашего дальнейшего плавания, которое могло затянуться на неопределенное время» [2, с. 582].

Главной проблемой в длительном автономном плавании была невозможность своевременного получения известий и непредсказуемость событий: «Разве что вот сейчас встретим английское военное судно с самой последней новостью — в виде ядра», — писал Аренс. «От подобного сюрприза мы решительно ничем не были гарантированы, а это ставило нас в такое критическое положение, в каком приходится быть только морякам. К тому же, не совсем рыцарские традиции нашего противника давали право ожидать с его стороны нападения, даже до формального объявления войны, как это случалось иногда в прежние времена, если обстоятельства благоприятствовали такому беззаконию» [2, с. 618].

Общее состояние постоянного ожидания открытия боевых действий воздействовало на людей: «В кают-компании шли разговоры о международном праве, об исторических примерах нарушения его воюющими сторонами, о морской тактике вообще и, в частности, как следовало бы лучше поступить при встрече с Англичанином. Тактические рассуждения отличались, впрочем, довольно отвлеченным характером, так как еще неизвестно было, каков будет этот противник: такой же как Стрелок легкий авизо или чудовищный броненосец в роде *Téméraire*. В последнем случае нас ожидала вероятно весьма незавидная участь, но и погибнуть надлежало с честью!» [2, с. 619]. Однако «Стрелку» так и не довелось встретиться с сильным противником. В Гаване, куда по приказанию Главного Морского Штаба зашел клипер, находился лишь британский стационар — винтовой корвет «Гарнет».

Учитывая, что, по мнению Аренса, «встреча... с ним ввиду ожидаемого со дня на день объявления войны ставила нас уже заранее в положение противников», представляется актуальным сравнить боевую силу обоих крейсеров. Оба корабля, и «Стрелок», и «Гарнет», являлись ровесниками и представляли собой композитные суда. Если английский корвет имел четырнадцать артиллерийских орудий, то русский клипер — всего семь. Однако необходимо было учитывать и различное расположение артиллерии на обоих кораблях: британец имел по шесть орудий с каждого борта и по одному в оконечностях. У клипера же из его орудий «три крупнейшие из них, будучи поворотными, могли действовать на оба борта». Кроме того, все орудия клипера — казнозарядные, а корвет имел только дульнозарядные. В итоге получалось, что «Garnet в общем выводе был несколько сильнее Стрелка, но не настолько, однако, чтобы последний не мог победить его в одиночном бою» [3, с. 54, 55]. Нам остается добавить, что «Гарнет» имел крайне неудачные обводы корпуса, что сказывалось на его мореходности и скорости [11, с. 31].

Британский корвет после встречи с клипером неотступно следовал за ним, сопровождая его в плавании по американским портам. Это не ускользнуло от внимания местной прессы: например, американская газета «Нью-Йорк Геральд» прямо указывала, что британец преследует русский крейсер. Все же, несмотря на всю настойчивость английского корабля, «Стрелку» удалось тайно от своего конвоира ускользнуть из Норфолка. Вот как это описывает Аренс. Для маскировки команда была отпущена на берег, а командир с офицерами присутствовал на концерте. На этом же мероприятии были и англичане. Наши моряки во время одного из номеров концерта тайно поспешили вернуться на клипер, который уже имел пары поднятыми. Несмотря на луну, взошедшую, когда клипер проходил мимо британца, прорыв удался [3, с. 62—83]. К тому моменту, когда «Гарнет» вновь обнаружил «Стрелку», напряженность в русско-английских отношениях стала спадать. В связи с этим клипер получил разрешение вернуться домой, а корвет был вынужден идти в Галифакс.

Необходимо отметить, что слежка англичан за русскими кораблями была вполне обычным делом. Достаточно вспомнить, что 2-я Тихоокеанская эскадра во время своего беспримерного перехода на Дальний Восток постоянно сопровождалась британскими кораблями [10, с. 34, 39]. В такой ситуации вопрос о взаимоотношениях

между потенциальными противниками становился весьма актуальным. Согласно свидетельствам источников, здесь все зависело от конкретной ситуации и индивидуальных качеств как командира, так и офицеров и команды. Например, отношения между «Стрелком» и «Гарнетом» были в целом неплохими: «Как бы то ни было, отношения наши отличались утонченной вежливостью, граничащей с некоторой неизбежной в таких случаях натянутостью» [3, с. 57].

В качестве противоположного примера можно указать на инцидент с полуброненосным фрегатом «Владимир Мономах», произошедший в разгар кризиса 1885 г. Вскоре после его прихода в Иокогаму туда же пришла британская эскадра во главе с броненосцем «Агамемнон». При этом английский флагман прошел в опасной близости от нашего корабля, что вынудило вице-адмирала А.Е. Кроуна, державшего свой флаг на фрегате, приказать навести на британца орудия. В результате объяснений, английским кораблям, учитывая напряженные отношения между двумя странами, пришлось уйти в другой японский порт, где не было русских кораблей [1].

Дальневосточный корреспондент газеты «Новое Время» А.Я. Максимов указывал, что англичане, организовав надзор над нашими крейсерами, пренебрегли элементарными понятиями о национальной чести. Он отмечал, что наглость англичан, беззастенчиво следивших за русскими кораблями, может быть пресечена только энергичными действиями, аналогичными «кроуновским» [11, с. 128, 135]. Однако существует и другая точка зрения. По мысли Р.В. Кондратенко, подобные действия русского адмирала были чреваты эскалацией конфликта и перерастанием его в горячую фазу [8, с. 198, 199]. Мы позволим себе не согласиться с подобной точкой зрения. Действительно, применительно к общим нормам действия А.Е. Кроуна вполне возможно было рассматривать как крайне рискованные меры. Однако нужно учитывать фактические обстоятельства, а именно вполне реальную возможность из-за беспечности самому стать жертвой подобной провокации. Такое развитие событий тем более являлось возможным, если учитывать некоторые национальные особенности менталитета нашего потенциального противника.

Кризис в отношениях с Англией, вызванный разграничением сфер влияния в Афганистане в 1885 г., являлся прекрасной иллюстрацией того факта, что действия крейсеров, кроме прямого, имеют еще и косвенное влияние. В воспоминаниях Аренса содержатся интересные наблюдения, позволяющие продемон-

стрировать это в полной мере. На пути к Гаване клипер «Стрелок» встретил английского купца, который, идя сзади и очень близко от клипера, «чувствовал себя... в нашем присутствии не совсем ловко и некоторое время нарочно отставал». Однако, по мере приближения к месту назначения, он «становился все смелее и вскоре обогнал нас, не отсалютовав даже флагом». Еще более наглядно это противостояние было продемонстрировано уже во время стоянки клипера в Норфолке, когда «некоторые английские купцы не решались в нашем присутствии покинуть Норфолк, а четыре стоявшие здесь русские судна лишились фрахта и никто не брался их страховать» из-за опасения скорого начала войны [3, с. 54, 72]. В свою очередь в 1885 г. было «достоверно известно... что страховые премии английских судов сразу поднялись на значительный процент в Лондоне, что много было произведено фиктивных перепродаж английских судов в посторонние руки из одного только опасения угрозы, таившейся в русских крейсерах» [4, с. 7, 8]. Аналогичное мнение имел и капитан I ранга Е.В. Березин: «Зло, причиненное каперами, не может быть измеримо только количеством взятых ими призов» [6, с. 228].

Одним из непосредственных отзвучиваний на события Афганского кризиса стало появление литературного произведения «Крейсер “Русская Надежда”» — первой части трилогии Конкевича, посвященной пропаганде его точки зрения на развитие морских сил России. Хотя сегодня это произведение, как и последовавшие за ним «Роковая война 18??» и «Морские твердыни России», практически неизвестны, именно они стали одним из венцов развития теории крейсерской войны в России. Здесь мы можем согласиться с современным историком В.В. Носковым, который характеризует трилогию следующими словами: «Общая картина, конечно, выглядит фантастично, но это лишь фон, на котором преподносились вполне здравые мысли и обоснованные рекомендации» [13, с. 198]. Более того, фантазия «Крейсер “Русская Надежда”» сразу же после своего выхода была замечена в Англии, поскольку эта книга «обеспечивала такое проникновение в суть русского флота, его целей и теорий, как никогда не делалось ни до, ни после» [13, с. 198, 199].

В конце 1880-х — 1890-е гг. вопрос о действиях крейсеров на коммуникациях потенциального противника по-прежнему занимал значительное место в теоретических построениях многих русских морских офицеров и общественных деятелей. Одним из представителей подобного направления в военно-морских кругах

был публицист, писатель и путешественник К.А. Скальковский. Обосновывая возможность ведения крейсерской войны для России, он указывал, что не может быть знака равенства между русскими потерями на море и «убытками Англии» во время войны, вследствие того, что русская морская торговля представляла собой «малое дитя перед английской». Тем самым «в случае войны, бездействие торгового флота, принося ущерб отдельным лицам, в общей экономии России заметной роли играть не будет». С другой стороны, торговый флот для Англии — «один из самых крупных элементов ее благосостояния. Трудно исчислить барыши, доставаемые им стране» [14, с. 99].

Уже упоминавшийся публицист А.Я. Максимов подчеркивал, что, «если припомнить все наши недоразумения с Англией, нельзя отрицать следующего факта: просвещенные мореплаватели всегда *«играли отбой»*, как только Россия проявляла энергичное намерение воспользоваться своим крейсерским флотом для улажения возникших недоразумений» [11, с. 123]. Флаг-капитан Его Императорского Величества вице-адмирал Н.Н. Ломен отмечал, что как в 1881 г., так и в 1899 г., крейсерская война «почти единственное и весьма сильное средство для нанесения существенного вреда торговым интересам неприятеля и для отвлечения его сил от наших берегов» [7]. Это мнение разделялось и Н.А. Шавровым. Он указывал, что именно «опасность прекращения подвоза жизненных припасов и сырья, а также прекращения вывоза произведений английской промышленности, — служила бы такой сильной, реальной угрозой для благосостояния Англии, что неизбежно заставило бы ее государственных людей крепко подумать о последствиях каждого дипломатического шага враждебного или оскорбительного для Русского Правительства» [15, с. 44]. Подобные надежды русских военно-морских кругов на положительный исход крейсерской войны были подтверждены Конкевичем. Он, исходя из опыта общения с англичанами, писал: «Чем долее я живу в Англии, чем более знакомлюсь с ее портами, торговлей и судоходством, тем более убеждаюсь, что наш расчет верен... Знакомство с экономическим бытом Великобритании доказывает, что наш крейсерский флот мог бы быть неотразимо страшным оружием, мог бы даже предотвратить кажущееся неизбежным и, во всяком случае, нежелательным столкновение двух великих народов» [5, с. 423, 432].

Можно констатировать, что в конце XIX в., по мнению русского военно-морского сообщества, практика использования тео-

рии крейсерской войны оставалась одним из самых эффективных средств сдерживания потенциального противника. Необходимо отметить, что на это время пришелся один из самых острых конфликтов между Россией и Англией — Афганский кризис 1885 г. С одной стороны, он стал еще одной возможностью для реализации теоретических наработок в сфере действия крейсеров на коммуникациях потенциального противника и, как писал А.Е. Конкевич, важным этапом становления этой концепции, с другой — продемонстрировал необходимость дальнейших усовершенствований в практике их использования.

Список литературы

1. Аллилуев А.А. Полуброненосные фрегаты типа «Дмитрий Донской» (1881—1905). Самара: Издатель Р.Р. Муниров, 2006. 92 с.
2. Аренс Е.И. Из плавания на клипере «Стрелок» в 1883—1885 гг. // Русское Обозрение. 1890. № 8. С. 573—619.
3. Аренс Е.И. Из плавания на клипере «Стрелок» в 1883—1885 гг. // Русское Обозрение. 1890. № 9. С. 53—106.
4. Беломор А.Е. Из Русско-японской войны. (Крейсерская деятельность). СПб.: тип. «С.-Петерб. Вед.», 1909. 62 с.
5. Беломор А.Е. Письма из Англии // Рассказы и мечты старого моряка. СПб.: тип. В.И. Штейна, 1894. 457 с.
6. Березин Е.В. Морская тактика. Часть историческая. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1880. 278 с.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 601. Оп. 1. Д. 443.
8. Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: ЛеКо, 2006. 344 с.
9. Кондратенко Р.В. Русский флот и Афганский кризис 1885 года // Цитадель. 2004. Вып. 11. С. 81—90.
10. Кравченко В.С. Через три океана. Воспоминания морского врача о морском походе в Русско-японскую войну. 1904—1905. СПб.: Гангут, 2002. 250 с.
11. Максимов А.Я. Наши задачи на Тихом океане. Политические этюды. СПб.: Типо-лит. и фототип. П.И. Бабкина, 1894. 144 с.
12. Ненахов Ю.Ю. Энциклопедия крейсеров. 1860—1910. Минск: Харвест, 2006. 464 с.
13. Носков В.В. Войны и вымысел капитана Конкевича (вымысел и реальность в произведениях А.Беломора) // Новый часовой. 2000. № 10. С. 196—201.
14. Скальковский К.А. Внешняя политика России и положении иностранных держав. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1897. 560 с.
15. Шавров Н.А. Колонизация, ее современное положение и меры для русского заселения Мурмана // Русское Судостроение. 1898. № 2. С. 1—68.

Отражение несостоявшейся реформы управления дворцовыми городами при Александре III в структуре местной администрации

Аннотация. Статья анализирует один из аспектов предпринятой в годы правления Александра III очередной попытки административного размежевания императорских резиденций и владений Придворного ведомства и, собственно, самих городов. При этом автор отмечает, что эта реформа потерпела неудачу по объективным и субъективным причинам. Для местной администрации она отразилась лишь во временном введении должностей управляющих дворцовыми городами с возвратом практически к статус-кво.

Ключевые слова: Александр III; Министерство императорского двора; дворцовые города; местное управление.

Andrei A. Yefimov

REFLECTION OF THE UNREALIZED REFORM OF THE CITY MANAGEMENT OF THE PALACE TOWNS UNDER ALEXANDER III IN THE STRUCTURE OF LOCAL ADMINISTRATION

Abstract. The article analyses the reform of the palace towns' local administration undertaken in 1880-s. It pursued an aim to delimit the real estate of the Court Department and towns' property. However, like the previous attempts, due to different reasons it ended in almost nothing except temporal division of position of town manager into two posts with return to status quo.

Keywords: Alexander III; the Ministry of the Imperial Court; palace towns; local administration.

Изучение истории любого населенного пункта невозможно без обращения к вопросу о существовавшей в нем в тот или иной период времени системе управления. Применительно к городам Царскому Селу, Петергофу и Гатчине, имевшим особый статус «дворцовых городов» и находившихся в ведении Министерства императорского двора, речь будет идти о дворцовых управлениях.

¹ **Ефимов Андрей Александрович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: aaefimov5@gmail.com
Andrei A. Yefimov — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Scientific and Historical Archive Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, Russia

Попытки распространить действие Городового положения 1870 г. на дворцовые города и изменить систему управления ими несколько раз предпринимались еще при Александре II. Однако все они оканчивались на уровне обсуждений в различных внутриминистерских комиссиях [1, с. 1315—1316]. Новая попытка проведения реформы была предпринята вскоре после восшествия на престол Александром III. В начале февраля 1882 г. император распоряжается о передаче дворцовых городов Царского Села, Петергофа и Гатчины в управление Министерства внутренних дел. Мотивировалось это излишней разнородностью вопросов, которые должны были решать дворцовые управления [4, л. 3; 6, л. 1, 17]. При этом в ведении Министерства императорского двора по-прежнему должны были находиться расположенные в этих населенных пунктах императорские и великокняжеские резиденции, служебные постройки при них, оранжереи и парки, а также здания учреждений Придворного ведомства [6, л. 1]. Тотчас были подготовлены и разосланы соответствующие предписания, в которых предлагалось сформировать на местах специальные комиссии для размежевания дворцовой и городской собственности и перераспределения финансов с разделением сумм, необходимых на содержание императорской резиденции и имущества Придворного ведомства и требовавшихся для нужд городского хозяйства. В состав этих комиссий должны были входить представители местного дворцового правления, городских органов общественного управления (при наличии) или полиции и домовладельцев [4, л. 1, 4—4 об.; 6, л. 1, 2—2 об.].

Координировать работу по претворению будущих преобразований в жизнь было поручено юрисконсульту Придворного ведомства. Это предусматривало как личные встречи и переписку с чиновниками, так и обязательный сбор материалов «по трем городам Петергофу, Царскому Селу и Гатчине о тех дворцовых землях, зданиях и постройках, равно о суммах, которые могли бы быть окончательно отделены от Дворцовых управлений и переданы вместе с названными городами в общую администрацию Министерства внутренних дел» [4, л. 3—5 об.; 6, л. 17].

Одновременно с провозглашением курса на будущую реформу были осуществлены изменения в верхушке местного руководящего аппарата. Так, в Гатчине «временно до введения Городового положения» из ведомства Гатчинского дворцового правления были выделены Императорский дворец, дворцовые здания и парки, управлять которыми стал особый чиновник — заведующий императорским Гатчинским дворцом; тогда как должность управляющего Гатчин-

ским дворцовым правлением, который отныне руководил непосредственно и только самим городом, «впредь до особого распоряжения» стала именоваться «управляющий городом Гатчино» [6, л. 1—1 об.; 7, л. 1]. Точно такие же изменения произошли и с другими дворцовыми городами, в которых появились две отдельные должности для управляющих резиденциями и недвижимым имуществом Дворцового ведомства и для руководителей самих городов [4, л. 4 об.]. При этом оба начальника населенных пунктов по-прежнему оставались в подчинении Министерства императорского двора.

Чины администрации дворцовых городов отнюдь не испытывали воодушевления от планируемого «раздела имущества». Так заведующий Петергофскими дворцами К.У. Арапов в декабре 1883 г. представил юрисконсульту Министерства императорского двора П.Т. Кितिцыну по просьбе последнего свои соображения относительно будущей передачи дворцовых городов под общее управление Министерства внутренних дел. В этом письме отмечалось, что «Петергоф по расположению своему имеет столько особенностей, что даже одно отделение городского управления от дворцового поставит в полный разлад местные условия императорской летней резиденции». Во-первых, в ситуации недостаточного количества военных постов с прекращением участия чинов городской полиции возникли бы трудности с охраной императорской резиденции. Во-вторых, при отсутствии централизованного водопровода, когда все водоемы принадлежали к системе фонтанных резервуаров, обеспечение Петергофа водой осуществлялось главным образом благодаря административному единству города и дворца. В-третьих, отмечалось, что разные участки местных дорог и системы городского освещения оказались бы подведомственны независимым структурам, что осложнило бы решение вопросов благоустройства. Кроме того, планируемое разделение, сопровождаемое прекращением выделения участков из Дворцового ведения, могло затруднить территориальное развитие Петергофа. В итоге Арапов отмечал, что лично он не понимал, «каким образом к Петергофу, лишенному... хозяйственной самостоятельности может быть применено общее Городовое положение» [4, л. 7—9 об.].

Специальная министерская Комиссия, членами которой были, в том числе, полковник К.К. Гернет, флигель-адъютант полковник С.И. Сперанский, подполковник М.М. Аничков и В.С. Кривенко, пришла к выводу о невозможности раздельного существования дворцового и городского хозяйства в дворцовых городах. Причины

этого виделись как в скудости непосредственно городских доходов, не позволявших полноценно обеспечивать городские нужды, так и в связи с невозможностью организации в этих населенных пунктах, представлявших на тот момент «лишь дачные местности», городского общественного самоуправления. Комиссия посчитала необходимым упразднить Царскосельскую и Петергофскую городские ратуши. Управление городским хозяйством в дворцовых городах было предложено возложить на дворцовые управления, возглавить которые должны были особые чиновники Придворного ведомства, «Заведывающие Императорскими дворцами и городами Дворцового ведомства», подчинявшиеся обер-гофмаршалу Высочайшего двора. При этом руководствоваться эти должностные лица должны были бы специально разработанным «Положением об административно-полицейском и хозяйственном управлении в городах Дворцового ведомства», поскольку редактирование статей общегосударственных законодательных актов потребовало бы излишних трудозатрат [3, л. 213—217]. Этот доклад был направлен в Канцелярию Министерства императорского двора и, возможно, был представлен не только министру, но и императору. В пользу этого предположения говорит последующее развитие событий.

Пробуксовка реформы, вызванная как объективными причинами, так и противодействием служащих местных администраций чиновников Придворного ведомства, вынудила императора все же принять решение возвратиться к *status quo* в системе управления дворцовыми городами. Этот процесс занял два этапа. На первом — 29 декабря 1884 г. Александр III подписывает распоряжение, по которому «впредь до окончательного преобразования загородных дворцовых управлений на началах общего заведывания дворцовым хозяйством и делами дворцовых городов» обязанности по управлению дворцовыми городами передавались заведующим дворцами. Новые должности отныне обозначались как «заведывающий... дворцом и городом» [8, л. 73, 77]. Окончательно же в системе управления дворцовыми городами все «вернулось на круги своя» весной-летом 1891 г. 16 апреля министр императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков представил императору «всеподданнейший» доклад «О присвоении учреждениям, заведующим дворцами и дворцовыми городами наименования Дворцовых управлений и об уравнении вообще служебного и материального положения начальников этих управлений и их помощников». В нем отмечалось, что в результате преобразований 1886 г. и 1888 г. администрации

дворцовых частей в Москве и Варшаве стали именоваться дворцовыми управлениями, в то время как подобные структуры в Царском Селе, Петергофе и Гатчине назывались «заведованиями». Министр предлагал в рамках проходившего тогда реформирования Главного дворцового управления переименовать заведования дворцами и дворцовыми городами в дворцовые управления, а должности «заведывающих дворцами и городами» и помощников их в должности «начальников дворцовых управлений» и «помощников начальников дворцовых управлений». Одновременно следовало унифицировать классы должностей и оклады содержания. Должности начальника дворцового управления присваивался IV класс с жалованием 2500 руб., 2500 руб. столовых и 1000 руб. на разъезды, а помощнику начальника дворцового управления — VI класс с жалованием 1500 руб., 1500 руб. столовых и 500 руб. на разъезды [2, л. 27—27 об.].

Практическая реализация предложений, изложенных в докладе, началась через два месяца. 15 июня 1891 г. Александр III подписал соответствующее повеление, а 17 июня по учреждениям Придворного ведомства был разослан особый циркуляр. Одновременно с этим министром императорского двора были подписаны письма бывшим «заведывающим дворцами и дворцовыми городами» об их переназначении на переименованные должности «начальников дворцовых управлений» [5, л. 1—2 об.; 8, л. 77].

Таким образом, идея глобальной реформы системы управления дворцовыми городами во многом благодаря противодействию бюрократического аппарата оказалась низведена чуть ли не до банальной «смены вывески», с включением последнего этапа этого процесса в рамки общего капитального преобразования Придворного ведомства, проходившего при Воронцове-Дашкове.

Список литературы

1. Большакова Л.З. Проект «Положения об устройстве общественного управления в городах дворцового ведомства»: нереализованные планы // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. №4. С. 1315—1319.
2. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 472. Оп. 22. Д. 17.
3. РГИА. Ф. 472. Оп. 60. Д. 2363.
4. РГИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 3666.
5. РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 532.
6. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1.
7. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 5.
8. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 378.

Дискуссия среди духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX в. о необходимости создания епархиальных пенсионных касс

Аннотация. В статье рассматривается история эмеритальных споров духовенства Центрального Черноземья во второй половине XIX в. На основе опубликованных источников и архивных материалов автор исследует причины возникновения противоречий среди священно- и церковнослужителей и анализирует основные подходы, предлагаемые клириками к разрешению противоречий. Автор приходит к выводу о том, что духовенство затягивало с созданием собственных источников вспомоществования по причине отсутствия достаточных средств и опыта в осуществлении финансовых операций.

Ключевые слова: Православная Церковь; Российская империя; Центральное Черноземье; приходское духовенство; материальное положение духовенства; пенсионное обеспечение.

Sergey A. Ikonnikov

DISPUTES BETWEEN PRIESTS OF THE CENTRAL BLACK EARTH OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY OVER THE ESTABLISHMENT OF PENSION FUNDS

Abstract. In the article the history of disputes between priests of the Central Black Earth of the second half of the 19th century over the establishment of pension funds is considered. On the basis of the published sources and archival materials the author studies the causes of contradictions between priests and considers the main approaches to a solution of the problem of diocesan pension system. The author comes to conclusion that clergy were afraid to create pension funds because they did not have sufficient resources and experience in participating in financial transactions.

Keywords: Orthodox Church; the Russian empire; Central Black Earth; parish clergy; material security of parish clergymen; provision of pensions.

¹ Иконников Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I. Воронеж, Россия. e-mail: ikonnikovsergey88@mail.ru

Sergey A. Ikonnikov — Candidate of History, The Senior Lecturer, The Dept of history, philosophy and Russian language, Voronezh State Agricultural University. Voronezh, Russia

Материальное положение православного приходского духовенства являлось одной из наиболее обсуждаемых тем церковно-общественной дискуссии второй половины XIX в. Священно- и церковнослужители играли важную роль в жизни империи, выполняя не только религиозные функции по духовному окормлению паствы, но и активно участвуя в общественно-политической жизни страны. Народное образование, просветительская деятельность, борьба с сектами, социальными пороками оставались предметом попечения пастырей на протяжении всего синодального периода. Часто представители Церкви были единственно образованными людьми среди безграмотного крестьянства, что позволяло коронной власти использовать их в качестве проводника официальной государственной идеологии. Святитель Филарет (Дроздов), желая подчеркнуть значимую роль приходских причтов в жизни и духовном просвещении народа, писал: «Со времени принятия христианства и до настоящего времени, русский народ не имел других учителей, кроме духовенства, то есть служителей Церкви, устами которой они и учили» [9, с. 6].

От социального и материального положения священнослужителей в конечном счете зависело очень многое, особенно в российской глубинке. По воспоминаниям протопресвитера Г. Шавельского, храм в дореволюционной России являлся по сути единственным духовным, культурным и образовательным центром в жизни крестьян. Последнему главе военного и морского духовенства нередко приходилось видеть картину, когда мать, по причине своей неграмотности, вынуждена была идти за 30 верст в ближайшую церковь, чтобы просить местного псаломщика написать письмо служившему в армии сыну (ведь нередко на волесть с населением 10 тыс. человек приходилась лишь одна школа на 30—40 детей) [19].

Государство старалось уделять вопросам финансового обеспечения клириков определенное внимание. В ходе преобразований императора Александра II было создано Присутствие по делам православного духовенства, в задачу которого вошел сбор информации о состоянии быта духовного сословия и необходимых в нем изменений. Проведенный в 1863 г. опрос показал, что подавляющее большинство священно- и церковнослужителей испытывали крайнее недовольство своим положением. Требоисполнение — основной источник материального обеспечения причтов — не приносил желаемых доходов. К тому же он был сопряжен с целым рядом трудностей. Собранные Присутствием данные показывают, что средний доход одного причта за требоисполнение в Воронежской епархии составлял

388 руб. 59 коп. в год, в Курской — 333 руб. 57 коп., в Орловской — 396 руб. 5 коп., в Тамбовской — 294 руб. 81 коп. [6, с. 8—9]. Подобные цифры, естественно, не устраивали православных клириков. Но даже эти скудные доходы часто приходилось добывать, выпрашивая плату у прихожан. Архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) в епархиальном отчете за 1913 г. писал: «Доброхотные даяния прихожан количественно значительно сократились, так как в сознании народа неизменно сохраняется мысль, что духовенство все же хорошо обеспечивается и получает довольно солидную доходность. И никто не желает считаться с тем, что духовенство и в силу своего положения и силой требований и запросов времени поставлено в неизбежную необходимость делать громадные затраты как на свое содержание, так и на содержание своих семейств» [12, л. 53—53 об.].

Другой важнейший источник существования клириков — церковная земля — заставлял священнослужителей отвлекаться от исполнения прямых пастырских обязанностей. Чем больше времени духовные лица уделяли заботам о своем хозяйстве, тем меньше его оставалось на развитие народного образования, проповедническую и миссионерскую деятельность, духовное служение. Священник Тамбовской епархии Иоанн Димитриевич Кобяков емко охарактеризовал земледелие как источник обеспечения приходских причтов: «Это доброе вовсе не к рукам, а особенно в отношении к священнику» [15, л. 150 об.]. В рассматриваемое время земля воспринималась многими священнослужителями как источник материального обеспечения, не вполне совместимый с пастырским призванием. Клирикам, часто единственно грамотным людям в селе, приходилось значительное время уделять богослужению, просветительской деятельности. Работа на земле заставляла забывать о своем пастырском служении. Причт Покровской церкви с. Грязная Потудань Новооскольского уезда Курской губернии во главе с иереем Иоанном Логгиновым в 1863 г. писал в Синод о трудностях, возникающих при использовании земли в качестве источника материального обеспечения: «Как вообще сельские священно-церковнослужители живут мирским подаянием за отправление треб, которое бывает так ничтожно, что даже и священник, не говоря уже о причте, не в состоянии бывает нанять для себя работника для обработки земли и нередко бывает, что сам должен пахать, косить и вообще обрабатывать оную, что лишает его возможности не только жить прилично званию его сана, но и назидать в свое время в церкви прихожан своим объяснением Слова Божия» [14, л. 127 об.].

Несмотря на проблемы в материальном положении пастырей, жизнь штатного духовенства была гораздо более сносной, чем судьба клириков, уволенных за штат. В своем особом мнении епископ Орловский и Севский Поликарп (Радкевич) писал, что именно вдовы, сироты и заштатные клирики испытывают наибольшие трудности в обеспечении себя и своих близких. «Я нахожу, что представления их о настоящем их быте не подлежат никакому сомнению, что бедность большей части из них неописана и нищета не выразима, а особенно тех, у кого многочисленно семейство, состоящее из престарелых, дряхлых, а иногда и увечных заштатных священно- и церковнослужителей, вдов и сирот, и что только одна необходимость и привычка к такому быту могла сделать его сносным для них» [13, л. 2 об.—3].

Заштатное духовенство являлось наименее защищенным в материальном отношении. Это объясняется достаточно долгим процессом складывания церковной пенсионной системы. Первые попытки учреждения пенсионного фонда для духовенства предпринимались еще в годы правления Екатерины II. 11 декабря 1791 г. императрица подписала указ, по которому ежегодно накопившиеся средства синодальной типографии следовало помещать в Заемный Банк для того, чтобы получаемые проценты использовались на оказание помощи заштатным священнослужителям. Эта мера положила начало созданию пенсионного фонда для духовенства. Согласно указу, выплаты могли производиться по усмотрению Святейшего синода заштатным клирикам соборных и приходских церквей, которые «до глубокой старости или неизлечимых ради болезней служения своего исправлять не могут» [7, с. 286]. С тех пор на протяжении почти целого столетия государство пыталось распространить пенсионную систему на все категории священнослужителей. С 1 января 1879 г. пенсии священнослужителям подверглись очередной индексации. Священнослужители и протодиаконы стали получать оклады в размере 130 руб. в год, их вдовы — 65 руб. (по 90 вдовам, имевшим малолетних или больных детей) [2, с. 272]. Дьяконам, отслужившим не менее 35 лет, пенсии были назначены лишь с 1 января 1880 г. в размере 65 руб. в год (вдовам — 40 руб., имевших малолетних или больных детей — 50 руб. в год). [5, с. 60—64].

Таким образом, постепенно пенсионное обеспечение распространилось на священников и дьяконов. Псаломщики право на получение пенсионных окладов не имели. Как видно из приведенных цифр, размеры пособий не могли удовлетворить даже самым элементарным потребностям в жилье, одежде и пропитании.

В 1902 г. был принят новый пенсионный устав, который несколько увеличил размеры пенсий для духовных лиц и предоставлял право псаломщикам претендовать на пенсию [17].

В условиях крайней неразвитости пенсионной системы, низких размеров вспомоществования в епархиях Православной Российской Церкви с середины XIX в. все чаще раздаются призывы создать альтернативные пенсионные кассы — эмеритур, призванные оказывать помощь нуждавшимся штатным священно- и церковнослужителям и членам их семей. Сама по себе идея находила массу сторонников. Однако, как показывает история учреждения эмеритур в центрально-черноземных епархиях, открытие местных пенсионных касс затянулось. В Воронежской епархии эмеритальная касса начала функционировать с 1899 г. [4, с. 27], в Курской — с 1897 г. [11, л. 4], в Орловской — с 1896 г. [8, с. 1], в Тамбовской — с 1890 г. [3, с. 25]. Как видно, пенсионные кассы возникли достаточно поздно, в конце XIX в., несмотря на то, что предложения по их открытию раздавались с 1860-х гг. Задержка объясняется серьезными спорами, возникшими по поводу устройства эмеритур.

Наиболее дискуссионным вопросом являлась проблема источников формирования пенсионного капитала. За счет каких средств следовало пополнять фонд местных касс? Священнослужители выдвигали свои проекты организации пенсионных учреждений, публикуя их для обсуждения в церковной печати. Некоторые авторы предлагали обложить всех штатных клириков обязательным взносом в пользу будущего капитала кассы. Не все духовные лица были готовы пойти на это. При нестабильных источниках дохода и низком уровне обеспечения священнослужители, особенно бедных сельских приходов, считали каждую копейку. Несправедливым полагали другие взимать одинаковый процент с доходов бедных и богатых приходов. Состоятельное духовенство должно было и платить больше. Возражая данной точке зрения, священник Воронежской епархии И. Владимирцев писал: «Малосостоятельное ровно и несостоятельное духовенство епархиальное отнюдь не имеет права в устройстве у себя эмеритур возлагать розовые надежды на поддержку капитальных своих собраний, но... должно теснее сплотиться и всюю душою примкнуть к тому именно проекту, который более отвечает нашим немощным силам» [1, с. 975].

Еще одним камнем преткновения для духовенства являлся вопрос о категориях лиц, на которых должны были распространяться эмеритальные выплаты. Авторы некоторых проектов считали важ-

ным охватить выплатами всех нуждавшихся духовных лиц. Придерживавшихся такой точки зрения современники называли «отцами-филантропами». Другая часть клириков видела возможность выплачивать средства лишь родственникам тех лиц, которые с самого начала вступили в эмеритальную операцию и делали взносы в течение всего периода формирования капитала. «Учреждая эмеритуру каждый из нас решается платить деньги в обеспечение, прежде всего, себя и своих присных а потом уже и бедных», — писал священник Воронежской епархии М. Чув [18, с. 965].

Среди духовенства Орловской епархии также возникали дискуссии по целому ряду вопросов, связанных с учреждением эмеритальной кассы. В проекте устава епархиальной эмеритуры, составленном протоиереем А. Павловским и опубликованном в Орловских епархиальных ведомостях [10], говорилось о том, что членами кассы могли являться лишь лица, состоявшие на действительной службе. Священно- и церковнослужители полагали, что этот пункт требовал изменения. Получалось, что духовные лица, уволенные за штат по болезни, не имели возможность принять деятельного участия в работе пенсионной кассы, а значит и претендовать на полноценное вспомоществование. «Но устав эмеритальной кассы не принимает этих людей, как будто они люди не одной с нами семьи, как будто они не должны заботиться о судьбе своих, быть может, многочисленных семейств», — писал на страницах Орловских епархиальных ведомостей С.П. Сомов [16, с. 756].

Развернувшаяся полемика продолжалась и по целому ряду других вопросов на протяжении всей второй половины XIX в. Неспособность найти наиболее подходящие источники финансирования, отсутствие опыта участия в финансовых операциях, нежелание рисковать тормозили дело развития эмеритальных учреждений. Именно заштатные священнослужители и члены их семей являлись наименее защищенными в социальном и экономическом отношении. Несмотря на возникавшие противоречия и дискуссии, к началу XX в. во всех епархиях Центрального Черноземья существовали эмеритальные кассы. Священнослужители вынуждены были уступать друг другу и находить точки соприкосновения в решении вопросов о создании собственных пенсионных капиталов, так как полноценный пенсионный устав для духовенства появился очень поздно (в 1902 г.). Однако в условиях отсутствия единодушия среди духовенства и достаточных материальных ресурсов епархиальные пенсионные кассы не могли ока-

зывать реальной поддержки всем нуждавшимся вдовам, сиротам и заштатным клирикам.

Список литературы

1. Владимирцев И., свящ. Последнее слово об эмеритуре // Воронежские епархиальные ведомости. 1880. № 24. С. 973—994.
2. Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по Ведомству Православного исповедания за 1878 г. СПб.: Синодальная тип., 1879. 401 с.
3. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов: Типо-лит. Н. Бердонова и Ф. Пригорина, 1911. 909 с.
4. Никольский П.В. Справочная книга для духовенства Воронежской епархии на 1900 год. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1900. 223 с.
5. О Высочайшем соизволении на назначение с 1-го января 1880 г. пенсий дьяконам и их семействам // Воронежские епархиальные ведомости. 1880. № 7. С. 60—61.
6. О мерах к улучшению материального обеспечения православного сельского духовенства (По Высочайше учрежденному Присутствию по делам православного духовенства). СПб.: Синодальная тип., 1880. 37 с.
7. Об отдаче накопившейся типографской суммы в Заемный Банк, для обращения из процентов, и о составлении из оной капитала для раздачи пенсий духовным и светским лицам, в ведомстве Синода служащим // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 23. № 17004.
8. Отчет о движении дел и действиях Эмеритальной кассы духовенства Орловской епархии за 1902 год. Прилож. к офиц. отд. № 29 Орлов. Епарх. Ведом. // Орловские епархиальные ведомости. 1903. № 29. С. 1—7.
9. Преображенский И.В. Исторические заслуги нашего духовенства пред престолом и отечеством. СПб.: тип. Э. Арнгольда, 1900. 128 с.
10. Проект устава эмеритальной кассы духовенства Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. 1882. № 6. С. 372—382.
11. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2153.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2610.
13. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 43.
14. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3. Д. 188.
15. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Разд. 3. Д. 395.
16. Сомов С.П. По поводу проекта устава эмеритальной кассы // Орловские епархиальные ведомости. 1882. № 12. С. 755—759.
17. Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 22. Ч. 1. № 21564.
18. Чуев М.К., свящ. Эмеритурный вопрос в нашей епархии // Воронежские епархиальные ведомости. 1880. № 24. С. 963—973.
19. Шавельский Г., прот. Русская церковь пред революцией. [Электронный ресурс] // Гродненская епархия. URL.: http://orthos.org/biblio/history_scan/arhiv (дата обращения: 04.02.2018).

Применение метода статистического анализа в работе с источниками по истории монастырей (на примере ведомостей монашествующих женских монастырей Вологодской епархии конца XIX — начала XX в.)

Аннотация. В статье приводится пример использования статистического метода в работе с историческими источниками, в данном случае с ведомостями о монашествующих. На основе полученных сведений дается анализ возрастного и социального состава женских обителей Вологодской епархии в конце XIX — начале XX в.

Ключевые слова: базы данных; ведомости о монашествующих; Вологодская епархия; женское монашество; монастыри; статистический метод.

Natalya A. Ovchinnikova

APPLICATION OF THE METHOD OF STATISTICAL ANALYSIS IN WORKING WITH THE SOURCES ON THE HISTORY OF MONASTERIES (FOR EXAMPLE, STATEMENTS ABOUT THE FEMALE MONKS OF THE MONASTERIES IN THE VOLOGDA DIOCESE OF THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES)

Abstract. The article provides an example of the use of statistical method in the work with historical sources, in this case with the statements about monastics. Based on the obtained information provides an analysis of the age and social composition of the women's monasteries of the Vologda eparchy in the late XIX — early XX centuries.

Keywords: database; information about religious; Vologda diocese; female monasticism; monasteries; statistical method.

Развитие современных технологий приносит изменения в различные сферы жизни нашего общества, в том числе и в науку. Анализ исторических источников требует нового подхода, позволяющего с большей вероятностью и точностью сгруппировать,

¹ **Овчинникова Наталья Андреевна** — заведующая отделом информационно-поисковых систем Государственного архива Вологодской области. Вологда, Россия. e-mail: baraewa.n@yandex.ru

Natalya A. Ovchinnikova — Head of Information Retrieval Systems department, Vologda State archive. Vologda, Russia

подсчитать данные из них. Одним из современных методов, помогающих наиболее полно проанализировать сведения, является статистический анализ. Наиболее прост он в работе с программой Microsoft Office Excel. С нашей точки зрения, данные из практически любого источника можно обработать в ней, лишь правильно создав необходимые графы.

В настоящей статье рассматривается пример такой работы с одним из важнейших источников по истории монастырей: ведомостями о монашествующих женских монастырях Вологодской епархии. Эти документы мало изучены и содержат информацию, которую легко обработать именно статистическим методом. Его применение позволило сделать нам ряд выводов, которых без этого совершить было бы или невозможно, или достаточно трудно.

Структура изучаемых документов следующая. Первая часть ведомостей посвящена истории монастыря. Вторая представляет послужные списки настоятеля пустыни, монашествующих и послушников. Здесь указываются имя, духовная должность, возраст, образование, описание жизни до пострига, достижения и награды, личные качества монахов. Третья часть состоит из списка лиц, проживающих в пустыни в качестве послушников. В данной статье представлен анализ второй части ведомостей, который позволил нам сделать интересные выводы, в первую очередь, по численности женского монашества Вологодской епархии, возрастном и социальном составе монахинь. Хронологические рамки данного исследования включают конец XIX — начало XX в.: именно в этот период происходит большой численный рост женских монастырей и их насельниц, несколько меняется их социальный состав.

С помощью Microsoft Office Excel были созданы 35 граф, включающие практически все сведения из второй части ведомостей. Всего было проанализировано 25 источников за 1890—1915 гг. по шести женским монастырям.

Ведомости содержат информацию по общей численности монахинь (постриженных в монашество и давших обеты), послушниц (определенных указом Вологодской духовной консистории, взятых на испытание и имевших право покинуть монастырь) и трудниц. Количество женщин, населявших обитель, может быть подытожено настоятельницей монастыря. В большинстве случаев, подсчет приходится осуществлять самостоятельно, суммируя данные. Анализ ведомостей показывает, что число монахинь и послушниц обителей Вологодской епархии увеличилось со 112 в

1890 г. до 421 в 1915 г., из них монахинь с 39 до 93 (см. табл. 1). Число трудниц также возросло более чем в 2 раза: так, в Успенском Горнем с 43 человек в 1890 г. до 121 в 1915 г., в Иоанно-Предтеченском с 81 до 289, соответственно.

Полученные данные с помощью простого подсчета приводят нас к выводу, что с 1890 по 1915 г. наблюдается увеличение числа монашествующих женщин, и позволяют предположить, что это было связано с несколькими факторами. Для начала XX в. характерен общий рост населения губернии с 1863 по 1914 гг. на 80% [27]. Женщине проще стало уйти из более многочисленной семьи, где уход в монастырь означал в первую очередь освобождение от забот по ее обеспечению. После ряда реформ 1860-х гг. были ослаблены сословные рамки, что позволило сделать монашество более доступным для крестьян, представлявших основную массу населения. Вероятно, немаловажную роль сыграли духовные потребности женщин, так, по мнению некоторых исследователей, в указанный период наблюдались процессы феминизации монашества [26, с. 21].

Обработка данных в Microsoft Office Excel позволила получить нам ряд сведений о возрастном составе женских монастырей: выделить возрастные группы, выяснить возраст женщин при поступлении в обитель и постриге, их соотношение, продолжительность жизни. В основу подсчета легло сравнение всех дат, указанных в ведомостях в графе о послушаниях (поступление в монастырь, переход в другой, если таковой имелся, постриг). Большую часть монашествующих в вологодских обителях составляли женщины в возрасте старше 50 лет:

Отмечаются некоторые изменения в соотношении возрастных групп. Так, число женщин в возрасте от 40 до 50 лет увеличивается, а от 60 до 80 лет снижается. Происходит омоложение монашеского состава обителей, связанное с притоком насельниц именно среднего возраста.

Анализ возраста монахинь при поступлении в обитель показывает, что приходили в основном женщины от 20 до 30 лет (см. табл. 3), меньше — от 11 до 20 лет и от 30 до 40 лет. После получения данных статистического анализа ищем причину такого явления и, с нашей точки зрения, она заключается в том, что после реформ 1860-х гг. женщина этого возраста получила больше свободы в выборе своей дальнейшей судьбы. Также в условиях модернизации страны женские обители начали притягивать к себе личностей, не сумевших себя реализовать себя в этом процессе или ищущих

Таблица 1

**Численность монахинь и послушниц в монастырях Вологодской
епархии за 1890—1915 гг.**

Год	Монастыри						
	Успенский Горный (г. Вологда)	Иоанно-Предтеченский (г. Великий Устюг)	Крестовоздвиженский (Яренский уезд)	Арсениево-Комельский (Грязовецкий уезд)	Знаменско-Филиппо- вский Яиковский (Великоустюгский уезд)	Троицкий Гledenский (Великоустюгский уезд)	ИТОГО
Численность (чел.)							
1890	77	35	—	—	—	—	112
1891	73	34	—	—	—	—	107
1892	73	35	—	—	—	—	108
1893	71	33	—	—	—	—	104
1894	70	32	—	—	—	—	102
1895	69	32	11	—	—	—	112
1896	65	44	11	—	—	—	120
1899	72	48	25	—	—	—	145
1900	71	48	27	—	—	—	146
1901	70	54	27	—	—	—	151
1902	69	77	25	—	—	—	171
1903	73	88	38	—	—	—	199
1904	72	92	42	—	—	—	206
1905	78	136	42	13	—	—	269
1906	77	117	51	13	—	—	258
1907	75	132	63	13	—	—	283
1908	72	152	63	29	6	—	322
1909	70	177	75	29	11	—	362
1910	68	190	84	20	11	—	373
1911	68	191	83	23	9	—	374
1912	67	206	94	24	9	9	409
1913	64	200	107	24	9	17	421
1914	63	194	106	23	10	17	413
1915	63	191	115	22	10	20	421

[Сост. по: 1—24].

Таблица 2

**Возрастные группы монашествующих в женских обителях
Вологодской епархии в конце XIX — начале XX вв.**

Год Возрастная группа	1890		1900		1906		1915	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
40—50 лет	5	11	12	27	14	24	20	25
51—60 лет	13	35	17	38	25	43	33	41
61—70 лет	11	30	10	22	11	19	17	21
71—80 лет	7	19	5	11	6	10	7	9
81—90 лет	2	5	1	2	2	4	3	4
Всего	38	100	45	100	58	100	80	100

[Сост. по: 1—24].

Таблица 3

**Возрастной состав монашествующих женских обителей
Вологодской епархии в конце XIX — начале XX вв.**

Возраст при поступлении в монастырь						
Возраст	с 7 до 10 лет	с 11 до 20 лет	с 21 до 30 лет	с 31 до 40 лет	с 41 до 50 лет	с 51 до 60 лет
Человек	6	22	45	26	14	5
Возраст при постриге						
Возраст	с 34 до 40 лет	с 41 до 50 лет	с 51 до 60 лет	с 61 до 70 лет	с 71 до 80 лет	
Человек	12	80	30	5	3	

[Сост. по: 1—24].

пути, возможности для этого. Программа Excel позволяет сравнить этот показатель по двум наиболее старым женским монастырям Успенскому Горнему и Иоанно-Предтеченскому. Это показывает, что в первом возрастной состав был несколько шире: от 20 до 40 лет (см. табл. 4). Скорее всего это было связано с местоположением обителей: Успенский, был ближе к центру, женщины могли приходить из других уездов в более осознанном возрасте, уже целенаправленно, а в Иоанно-Предтеченский — пожелавшие только узнать о монастырской жизни, познакомиться с ней.

Группировка данных о возрасте женщин при постриге показывает, что в большинстве случаев он составлял от 40 до 50 лет,

меньше — от 50 до 60 лет. Это же можно увидеть, если сравнить Успенский Горный и Иоанно-Предтеченский монастыри (см. табл. 3, 4). Верхняя граница 40 лет была связана с церковным законодательством, позволявшим постриг с 40 лет [25, с. 159]. Отступления были, но при рассмотрении ходатайств Синодом. В результате нашего исследования таких женщин выявилось семеро (от 34 до 39 лет). В 34 года была подстрижена исполняющая обязанности настоятельницы Крестовоздвиженского монастыря в Яренском уезде монахиня Иулия, принявшая постриг в Троицкой Шенкурской обители Архангельского уезда.

Статистический метод позволяет выявить соотношение возраста между поступлением в монастырь и постригом. Так, в Успенском Горнем и Иоанно-Предтеченском монастырях женщины ожидали пострига в среднем 20 лет (см. табл. 5). Это были послушницы, поступившие в обитель с 13 до 42 лет и принявшие постриг с 39 до 67 лет. Самой пожилой женщиной, принявшей постриг в 80 лет, являлась монахиня Иоанно-Предтеченского монастыря Зинаида, ожидавшая этого момента 36 лет.

С помощью статистического метода мы выяснили продолжительность жизни монахинь, которая составляла в среднем от 60 до 80 лет. За несколько лет до ухода из жизни в ведомостях о монашествующих в графе «послушания» у той или иной монахини значились записи «в годах», «болеет», «слабая здоровьем». Так, за 1890—1915 гг. в возрасте старше 80 лет умерли пять монахинь, четверо из них были из Иоанно-Предтеченского монастыря. Позднее всех в возрасте 88 лет скончалась монахиня Евпраксия из Успенского Горнего монастыря. В возрасте от 40 до 60 лет умерли только три женщины.

Группировка данных в Microsoft Office Excel помогла выявить изменения в социальном составе. Крестьянки составляли основное число монахинь, причем процент их с 1890 по 1915 г. увеличился с 50 до 78 (см. табл. 6). Число представительниц других социальных групп, таких как дворяне, купцы, мещане, с 1890 по 1915 г. снижается: дворян с 10 до 1%, купцов с 8 до 2%, мещан с 29 до 9%. Анализ цифровых данных приводит нас к выводу о том, что социальный престиж монастырей падает. Освободившееся пространство начинают заполнять представительницы крестьянства. Показательно изменение в социальном составе игумений. Так, за 1890—1915 гг. в Успенском Горнем и Иоанно-Предтеченском монастырях их сменилось трое. В Успенском Горнем это были: с 1872 г. — Арсения, дворянка, с 1894 г. — Сергия, дворянка и с 1909 г. — Михаила, кре-

Таблица 4

Возрастной состав монашествующих Успенского Горнего и Иоанно-Предтеченского монастырей в конце XIX — начале XX вв.

Возраст при поступлении в монастырь												
Возраст	с 7 до 10 лет		с 11 до 20 лет		с 21 до 30 лет		с 31 до 40 лет		с 41 до 50 лет		с 51 до 60 лет	
Монастырь	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский
Человек	2	3	7	9	13	17	12	8	3	8	2	1
Возраст при постриге												
Возраст	с 34 до 40 лет		с 41 до 50 лет		с 51 до 60 лет		с 61 до 70 лет		с 71 до 80 лет			
Монастырь	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский	Успенский Горний	Иоанно-Предтеченский		
Человек	2	4	27	25	12	12	1	4	—	3		

[Сост. по: 1—24].

стьянка. В Иоанно-Предтеченском: с 1891 г. — Флорентия, мещанка, с 1899 г. — Паисия, мещанка, с 1913 г. — Аркадия, крестьянка. В монастырях, образованных в конце XIX в., игумены были крестьянского происхождения. Причины этого процесса, с нашей точки зрения, следующие. Сказывалось влияние реформ 1860-х гг., сделавших монастыри более открытыми для крестьянства. С появлением в конце XIX в. новых веяний в экономической, политической жизни, престиж монашества в дворянской среде падает, появляются другие возможности для реализации своих интересов. Для

Таблица 5

**Соотношение возраста между поступлением в монастырь
и постригом в Успенском Горнем и Иоанно-Предтеченском
монастырях в конце XIX — начале XX вв.**

Разница между возрастом от поступления в монастырь до пострига	Возраст при поступлении в монастырь		Возраст при постриге		Количество человек	
	Успенский Горний монастырь	Иоанно-Предтеченский монастырь	Успенский Горний монастырь	Иоанно-Предтеченский монастырь	Успенский Горний монастырь	Иоанно-Предтеченский монастырь
2—5 лет	от 34 до 54	48 и 56 лет	от 36 до 58	51 и 61 год	2	6
6—17 лет	от 24 до 51	от 25 до 46	от 41 до 57	от 41 до 57	12	12
18—30 лет	от 18 до 39	от 13 до 42	от 40 до 58	от 39 до 67	22	18
31—50 лет	от 7 до 30	от 8 до 30	от 43 до 63	от 45 до 80	12	7

[Сост. по: 1—24].

Таблица 6

**Социальный состав монашествующих в женских обителях
Вологодской епархии в конце XIX — начале XX вв.**

Социальная категория	Год							
	1890		1900		1906		1915	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Дворяне	4	10	2	4	1	2	1	1
Купцы	3	8	3	7	3	5	2	2
Мещане	11	29	8	18	7	12	7	9
Крестьяне	19	50	29	65	41	71	62	78
Духовенство	1	3	3	6	6	10	8	10
Итого	38	100	45	100	58	100	80	100

[Сост. по: 1—24].

крестьян монастырь, наоборот, был местом, обеспечивающий жильем и продуктами питания, особенно в пореформенный период.

Итак, применение метода статистического анализа в работе с важнейшими источниками по монастырской истории помогает получить нам интереснейшие данные. Без его применения сделать это очень затруднительно, а в некоторых случаях — невозможно. В данной статье приведен лишь небольшой пример обработки данных в Microsoft Office Excel. Потенциал такой работы огромен. Сведения, которые можно получить в результате, могут стать ценнейшими для изучения монастырской истории России начиная с петровских времен и заканчивая 1917 г.

Список литературы

1. Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 16268.
2. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16361.
3. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16488.
4. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16597.
5. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16745.
6. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16902.
7. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17106.
8. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17426.
9. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17662.
10. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17771.
11. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17897.
12. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18003.
13. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18146.
14. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18214.
15. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18366.
16. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18484.
17. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18678.
18. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18722.
19. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18874.
20. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19011.
21. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19211.
22. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19376.
23. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19521.
24. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19701.
25. Емченко Е.Б. Православные женские общины в России в последней трети XVIII — начале XIX века // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 151—161.
26. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002.
27. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813—1913). Статистические очерки. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: istmat.info/node/72 (дата обращения: 16.10.2017).

Бюрократический коллапс: государство, община и продовольственное дело в России, 1891—1914 гг.

Аннотация. В статье исследуется взаимодействие между государством и крестьянской общиной в сфере помощи голодающим, которую российская власть оказывала в пореформенный период. Демонстрируется, что главным препятствием эффективной помощи была неспособность государства собрать информацию о положении отдельных крестьянских хозяйств. Предпринята попытка выяснить, какими способами государство обходило эту трудность.

Ключевые слова: Российская империя; община; продовольственное дело; голод.

Evgeniy V. Belokurov

BUREAUCRATIC COLLAPSE: THE STATE, THE PEASANT
COMMUNE AND FAMINE RELIEF IN RUSSIA, 1891—1914

Abstract. The article explores the interaction between the state and the peasant communes in the field of famine relief efforts taken by the Government in the late Imperial Russia. It is shown that the main obstacle in the effective relief efforts was the lack of state capacity to gather the information about the condition of the individual peasants households. Attempts are made to reveal the ways which the state used to bypass this obstacle.

Keywords: Russian Empire; peasant commune; famine relief; famine.

С момента отмены крестного права в 1861 г. и практически до самого начала столыпинских реформ в 1906 г. государство в России проводило политику сохранения правовой и экономической обособленности крестьянского сословия. Основным пунктом этой политики была поддержка общины (сельского общества) — органа сословного самоуправления, который обладал значительной властью над своими членами. Крестьянскому самоуправлению были частично делегированы некоторые государственные функции (например, налоговая и судебная). При этом государство редко взаимодействовало с

¹ Белокуров Евгений Владимирович — независимый исследователь. Санкт-Петербург, Россия. e-mail: evg.belokurov@gmail.com

Evgeniy V. Belokurov — Independent Researcher. Saint-Petersburg, Russia.

конкретными крестьянскими хозяйствами, не говоря уже об отдельных крестьянах, предпочитая вести все дела с ними через общины. Этот способ управления имел и плюсы, и минусы: с одной стороны, он позволял содержать компактный бюрократический аппарат, частично переложив бремя управления на плечи самих управляемых [9, с. 435—438, 476—480]; с другой — такая система годилась для решения ограниченного круга управленческих задач. Она была нацелена в первую очередь на извлечение ресурсов (налогов, рекрутов, рабочей силы) из деревни. Например, при сборе налогов общинам просто сообщали величину причитающейся с них суммы, а самая трудная задача — распределение налога между отдельными хозяйствами — предоставлялось самой общине. Государство, в сущности, не волновало, кто именно заплатит налоги; важно было, чтобы налоги были уплачены. Для гарантии этого существовала круговая порука [о налогах, взимаемых с крестьян см.: 31, р. 237—292].

Аппарат управления испытал серьезный кризис во время голода 1891—1892 гг., поставившего неожиданную задачу: ресурсы необходимо было не забрать, а наоборот — распределить. Очевидно, что помощь должна была оказываться конкретным хозяйствам, а не общине в целом, поскольку в ней присутствовали как нуждающиеся, так и более благополучные хозяйства. Однако воспользоваться старым механизмом управления и предоставить общине самой распределять государственную помощь было невозможно: не было никаких гарантий, что помощь дойдет до действительно нуждающихся. В.Г. Короленко, одним из первых отметивший это обстоятельство, писал: «Помощь попадает не туда, куда надо, получают не те, кому, по нашему мнению, следует получить. Мир в целом, со своим “равнением по душам”, становится между голытьбой и помощью. Первую партию муки, присланной в начале осени, крестьяне тотчас же раздробили на микроскопические доли. Досталось каждому по пяти фунтов! “Пошло на распыл”, — острили по этому поводу. В одном уезде исправник, получив сто рублей от благотворительного комитета, сдал их на руки властям большого села для помощи наиболее нуждающимся. “Мир” с быстротой паровой машины разделил деньги опять “по душам”: пришлось на душу по семи копеек» [6, с. 18—19].

Кроме того, у общины был стимул заносить в число нуждающихся всех своих членов, чтобы получить как можно больше помощи. Хотя последняя и оказывалась в ссуду, размер которой был не слишком велик (30 фунтов зерна на взрослого едока в месяц до 1900 г. и 1 пуд. — после), ее можно было продать по высоким ценам

голодного года. К тому же долги по продовольственным ссудам часто прощались государством [5, с. 143, 267—273]. Наконец, по продовольственным долгам до 1901 г. существовала круговая порука, из-за чего более зажиточным крестьянам приходилось отвечать за бедняков, почти никогда не имевших возможности вернуть долг. Следовательно, и зажиточным также было выгодно требовать ссуду, чтобы как минимум не остаться в убытке. Между тем после 1891 г. ассигнования на продовольственное дело из бюджета стали ежегодными, превысив к 1912 г. отметку в 600 млн руб. Самыми крупными продовольственными кампаниями были те, что последовали за неурожаями 1906 и 1911 гг. [подсчит. по: 11, с. 151; 12, с. 47]¹.

По закону списки нуждающихся, составлявшиеся сельскими обществами, должны были удостоверяться волостными правлениями, а затем проверяться: до 1901 г. — уездными земскими управами [28, с. 12], а после 1901 г. — сначала волостными старшинами, затем земскими начальниками и, в случае сомнений, уездными съездами [14, с. 774]. Однако эта стройная вертикаль существовала лишь на бумаге. В реальности она заканчивалась на уровне земских начальников. Представители крестьянского самоуправления не имели никаких стимулов вычеркивать из списков не нуждающихся в помощи. Скорее они не делали этого, поскольку не желали ссориться с односельчанами [22, л. 25—26]. Крестьяне, в свою очередь, часто стремились ввести проверяющих в заблуждение. По наблюдениям чиновника МВД В.В. Ковалевского, «население, привыкшее к пользованию ссудной помощью, прибегает к всевозможным ухищрениям для ее получения и, всемерно затрудняя обследование, превращает его в своеобразный сыск» [20, л. 90 об.]. По словам управляющего Земским отделом МВД Я.Я. Литвинова, «нередко в селах происходит настоящая погоня за ссудами, крестьяне доходят до того, что прячут свое имущество в колодцах, лишь бы быть внесенными в списки нуждающихся» [25, л. 153 об.].

Проверка списков, таким образом, всецело ложилась на плечи земских начальников и уездных земств. Однако их численность

¹ Причины, по которым именно после 1891 г. государство стало так активно помогать голодающим, сами по себе заслуживают отдельного рассмотрения. В настоящей статье укажем лишь, что необходимым условием этого стало появление в бюджете излишков в результате финансовой политики И.А. Вышнеградского [35, р. 7—8]. Большую роль сыграла активизация оппозиционной общественности, для которой голод был наглядным свидетельством провала аграрной политики самодержавия [см., напр.: 10, с. 262—266].

была ничтожно мала по сравнению с подотчетным крестьянским населением. Из данных таблицы 1 следует, что на одного земского начальника в губерниях, где чаще всего случались неурожаи, приходились десятки, а то и сотни деревень с десятками тысяч жителей, к тому же разбросанных на огромной территории. Конечно, не все сельское население подавало прошения о ссуде, однако задача, стоящая перед земскими начальниками, все равно была практически невыполнимой. Число фактически получавших продовольственную помощь на пике продовольственной кампании 1891—1892 гг. (февраль-июнь 1892 г.) составляло 10—12 млн человек [2, с. 42—43]. В разгар кампании 1906—1907 гг. помощь получали ежемесячно свыше 14 млн [3, с. 277], а в 1911—1912 гг. — 8,9 млн [12, с. 76]. Чтобы представить масштаб задачи, стоявшей перед земскими начальниками, рассмотрим лишь один пример. Так, в марте 1907 г. число получателей продовольственных ссуд в Самарской губернии составило 1939 тыс. человек (62% населения), в Казанской — 1523 тыс. (67%), в Саратовской — 1309 тыс. (52%), в Симбирской — 1032 тыс. (64%) [3, с. 277]. Следовательно, в среднем каждому земскому начальнику Самарской губернии за несколько месяцев пришлось «проверить» нужду 24,5 тыс. человек (3—4 тыс. семейств), Казанской — 23,4 тыс., Саратовской — 17,2 тыс., в Симбирской — 22 тыс. Разумеется, такая «проверка» (если она вообще состоялась), даже с учетом привлечения разного рода добровольцев и участковых попечителей, о которых мы расскажем ниже, сколько-нибудь тщательной быть не могла. А ведь земские начальники имели массу других служебных обязанностей, помимо надзора над продовольственным делом.

Присланные из Петербурга ревизоры отмечали, что списки нуждающихся недостаточно проверяются земскими начальниками [17, л. 14 об.; 24, л. 44—44 об.] и даже что последние «склонны с излишком оказывать помощь ради избежания упреков в недосмотре и столкновений с населением» [23, л. 16 об.—17]. О том же свидетельствовали и некоторые податные инспектора [4, с. 69, 71—72]. Действовала и обратная тенденция: земские начальники и губернские присутствия произвольно убирали нуждающихся из списков [21, л. 21—21 об., 23—23 об.]. Слишком ретивые земские начальники превращали проверки в полноценные обыски. Короленко, занимавшийся благотворительностью в Лукояновском уезде Нижегородской губернии во время голода 1891—1892 гг., красочно описал методы, применявшиеся местной властью: «Проверка списков — дело, по-видимому, довольно мирное. Но в Лукояновском, а порой в других уездах оно

Таблица 1

**Площадь, сельское население и число земских начальников
в некоторых губерниях, 1913 г.**

Губернии	Площадь, тыс. км ²	Сельское население, тыс. чел.	Количество волостей	Количество сельских поселений	Число земских начальников
Астраханская	235,8	1100,7	94	1223	29
Бессарабская	44,4	2266,1	225	3573	55
Воронежская	65,9	3262,6	244	5055	67
Вятская	153,7	3806,4	324	22743	95
Казанская	63,7	2555,6	182	3620	65
Пензенская	38,8	1703,2	231	2806	50
Рязанская	41,9	2499,1	251	9316	60
Самарская	151,0	3514,5	318	6174	79
Саратовская	84,5	2720,9	291	4693	76
Симбирская	49,5	1886,8	153	3593	47
Тамбовская	66,6	3203,1	337	6159	81
Тульская	31,0	1639,4	266	6008	57
Уфимская	122,0	2874,4	198	4379	69

[Сост. по: 27, с. 1—13, 33—46].

принимало вид настоящих военных экспедиций. В один прекрасный день к правлению голодающего села или деревни стремительно подкатывает несколько саней. Впереди и сзади скачут полицейские урядники и сотские, и весь отряд, едва зайдя в правление, отправляется по селу с обысками, чтобы застигнуть “виновных” врасплох. На селе тревога, бабы и мужики куда-то шмыгают, что-то прячут на задворках, усердные полицейские их настигают, земские начальники врываются в избы, открывают заслонки печей, “шарят по подклетьям и в подпольях”, взламывают даже половицы, вытаскивают на свет божий то каравай хлеба, то мерку муки или зерна и составляют протоколы, точно им удалось раскрыть следы ужасающего преступления... Часа через два или три, победоносные и торжествующие, они удаляются с трофеями в виде протоколов о найденных “запасах”... Там-то обнаружена мера овса, там-то в печи оказался большой горшок каши, в третьем месте — мягкий, только что выпеченный хлеб... Разумеется, о тех случаях, когда не найдено ничего, — протоколы умалчивают, и в ближайшем заседании уездной комиссии участники экспедиции радостно излагают ее результаты: голода нет... в участке П.Г. Бобоедова обнаружены скрытые запасы» [6, с. 111].

Конечно, такие обыски не могли быть массовыми — у земских начальников просто не хватило бы возможностей тщательно проверить всех. Частные благотворители, нередко сталкивавшиеся с теми же трудностями и, разумеется, не имевшие возможности прибегать к обыскам, использовали более тонкие методы. Например, отряд В.А. Оболенского, прибыв в одну из деревень, обзавелся своеобразным «шпионом» из крестьян. «Во время опроса на сходе он сел рядом со мной и, при произнесении имен крестьян, не нуждающихся в помощи, толкал меня под столом коленкой. Крестьяне были в полном смущении от моей проницательности и с недоумением поглядывали друг на друга» [10, с. 273]. Помочь явно этот крестьянин не мог, потому что, по его словам, мужики сжили бы его со света.

Проблема малочисленности чиновников хорошо осознавалась местной администрацией, которая рекомендовала привлекать в проверке списков «уважаемых в участке добровольцев»: волостных судей, священников, учителей [18, л. 76—76 об.]. Уже во время голода 1891—1892 гг. структура местной власти была укреплена новыми временными органами — попечительствами из волостных старшин, судей и священников [35]. В 1901 г., с введением в действие нового продовольственного закона, эти органы решили сделать постоянными. Уезды были поделены на продовольственные участки, во главе с попечителями, заведовавшими продовольственным делом и подчинявшиеся земскому начальнику. На должности попечителей предлагалось назначать местных землевладельцев, приходских священников или людей из «среды местных крестьян и других лиц, проживающих в данной местности и заслуживающих доверия». Если таковых невозможно было найти, должность автоматически занимал волостной старшина [14, с. 767].

Поскольку продовольственный участок в норме должен был быть равен волости, у местных властей мог бы появиться значительный контингент близких к крестьянству помощников, что сильно облегчило бы их задачи. Проблема, однако, заключалась в том, что должность попечителя не оплачивалась. Из-за этого большинство мест заняли волостные старшины. Например, сразу по учреждении должности таковые стали попечителями на всех участках Пермской, Тамбовской и Тверской губерний. В Рязанской губернии из 250 попечителей 205 (82%) были старшинами [16, л. 13 об., 14 об., 56, 288—301], в Калужской губернии в 1906 г. — 58% [19, л. 4 об.]. Даже в Киевской губернии, где процент крестьянского населения был значительно ниже, чем в великорусских губерниях, треть должностей вынуждены были

занять старшины [подсчит. по: 15, л. 369—379]. Таким образом, едва ли институт участковых попечителей серьезно изменил ситуацию.

Возможным выходом из этой ситуации мог бы стать путь, по которому пошла британская колониальная администрация в Индии, столкнувшаяся с аналогичной проблемой — нехваткой административного ресурса для персонального отбора нуждающихся в помощи [34, р. 36]. В результате колониальные чиновники придумали несколько «самоочевидных» способов определения степени нужды (т.н. *self-acting tests*). Самым распространенным из них было предоставление помощи в виде общественных работ, на которые принимали также женщин и детей (*labour test*). Лишь неспособным работать помощь оказывалась безвозмездно [29, р. 29—31]. При этом специально оговаривалось, что заработок на общественных работах должен быть не больше, чем это необходимо для поддержания здоровья [33, р. 36]. Предполагалось, таким образом, что только действительно нуждающиеся согласятся работать в буквальном смысле за еду¹.

Во время премьерства П.А. Столыпина Россия также стала делать шаги в сторону общественных работ [1, с. 59—62]. Во время продовольственной кампании 1911—1912 гг. расходы на их организацию достигли внушительной цифры в 42,7 млн руб., или 26% всех расходов по этой кампании [12, с. 465—468]. В работах участвовало 3,2 млн человек [13, с. 109]. Несмотря на масштаб работ, крестьян, участвовавших в них, все равно было намного меньше, чем получавших ссуды, которых было, как мы упоминали выше, 8,9 млн чел. (хотя в значительной степени эти категории пересекались). Следовательно, несмотря на размах общественных работ 1911—1912 гг., российская продовольственная политика так и не пошла по британскому пути. Избранная российской бюрократией дорога была, скорее, противоположной. Если британцы мало считаясь с человеческими жертвами, всячески ограничивали расходы на помощь голодающим, то в России, как показывают имеющиеся данные, масштабы помощи были значительно более существенными. В 1891—1892 гг. на пораженной голодом

¹ Существовали и другие виды проверок. Например, проверка на расстояние (*distance test*) означала, что помощь в той или иной форме предоставлялась только жителям отдаленных, а не близлежащих селений: предполагалось, что только действительно нуждающиеся решатся пуститься в дальний путь за скромным пайком. В другом случае просителям предлагалось в обмен на помощь переселяться из своих деревень в богадельни или рабочие казармы, жертвуя тем самым привычным образом жизни (*residence test*), в третьем (*cooked food test*) — помощь предоставлялась только в виде приготовленной пищи, что было неприемлемо для религиозных индусов, поскольку пища могла быть приготовлена членами низшей касты.

территории, по официальным данным, проживало, не считая городского населения, 36,8 млн чел. Максимум число получателей продовольственной ссуды достигло в апреле 1892 г. — 11,9 млн человек (в январе — 7,7 млн чел., в феврале — 9,7, в марте — 11,5, в мае — 11,7). Следовательно, в апреле ссуду получило 32% всего сельского населения. При этом по отдельным губерниям доля получателей помощи распределялась неравномерно: в Херсонской губернии максимальный месячный показатель получателей ссуды составлял только 4,5% сельского населения, в Пермской — 15%, зато в Казанской губернии этот показатель равнялся 57,6%, в Пензенской — 60,4%, а в Симбирской — 63,5% [2, с. 43, 62]. Для сравнения, в 1896—1897 гг. в Британской Индии случился голод, охвативший территорию с населением 62 млн человек. Максимальное число получивших помощь за отдельный месяц составило 3,9 млн, или 6,3%. Если учесть, что большая часть помощи оказывалась в наиболее пострадавших округах с населением в 32 млн человек (что сопоставимо с голодом 1891—1892 гг. в России), то и тогда доля не превысит 12,2% (конечно, цифра населения включает и горожан, но их доля невелика) [32, р. 196, 206].

У нас нет полностью сопоставимых данных по продовольственной кампании 1906—1907 гг., однако, согласно официальной статистике, в 26 губерниях, пострадавших от неурожая, более 50% домохозяев-плательщиков продовольственного сбора (а фактически все крестьяне являлись таковыми) получили ссуды. При этом в Уфимской губернии ссуды получили 71,7% домохозяев, в Самарской — 77,6%, в Саратовской — 81,2%, в Тульской — 85%, в Казанской — 85,6%, а в Пензенской губернии — рекордные 93,6% [3, с. 275—276]. В значительной степени здесь повлияла специфическая ситуация аграрных волнений 1905—1907 гг., однако принципиального отличия в масштабах помощи от кампании 1891—1892 гг. нет. В 1911—1912 гг. доля воспользовавшихся продовольственной ссудой составила всего 20% от сельского населения неурожайных губерний. При этом в эту продовольственную кампанию, как мы уже упоминали, значительная часть помощи была оказана путем общественных работ, а также другими способами (например, продажей хлеба по заготовительной цене). Максимум ссудной помощи дали все те же Уфимская (39% сельского населения), Саратовская (36%), Пензенская и Самарская губернии (по 34%), к которым добавились Тобольская губерния (39%) и Тургайская область (34%) [подсчет. по: 12, с. 76; 26, с. 33—57]. Хотя напрямую сравнивать цифры за три продовольственные кампании нельзя,

все они тем не менее показывают, что помощь оказывалась довольно значительному проценту сельского населения.

Можно предположить, что местные власти, не имея возможности проверить степень нужды просителей ссуд, сознательно шли на преувеличение необходимого, по их мнению, объема помощи. Логика при этом была простой: как писал в своем отчете один податной инспектор, лучше дать лишнее, чем заставлять голодать [цит. по: 4, с. 69]. (При этом важно отметить, что львиная доля средств на помощь выделялась из государственного бюджета, т.е. местные власти не были финансово ответственны за свои решения; Петербург же не имел возможности проверить сведения местных властей и, несмотря на требования уменьшить запросы с мест, был так или иначе вынужден на них ориентироваться). Разумеется, это не значит, что помощь получили поголовно все нуждающиеся и никто из них не умер от голода. Поскольку разрешение ссуды во многом зависело лично от членов крестьянского самоуправления, земских начальников и других должностных лиц, число конкретных трагических и конфликтных ситуаций могло быть огромным. Однако в пользу того, что оказываемая государством помощь была в общем и целом достаточной, говорит и тот факт, что голод 1891—1892 гг. был последним массовым голодом в истории дореволюционной России [30, р. 54—61]. После 1892 г. неурожай больше не сопровождался повышением смертности [7, с. 98—102]. Да и в 1892 г. значительная часть смертности приходится не непосредственно на голод, а на эпидемию холеры, которую тогда не умели лечить [8, с. 472]. Таким образом, российская бюрократия довольно успешно справлялась с проблемой голода, однако расходы на продовольственное дело были велики и постоянно росли, а моральные риски, возникавшие при этом, все больше беспокоили чиновников [1, с. 50—52]. Новые бюрократические задачи подталкивали российскую власть к преобразованию системы управления деревней, которое становилось все труднее откладывать.

Список литературы

1. Белокуров Е.В. К истории столыпинской модернизации: реформа продовольственного дела (1909—1917 гг.) // Российская история. 2017. № 4. С. 47—62.
2. Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел. № 28. 1894. Статистические данные по выдаче ссуд на обсеменение и продовольствие населению, пострадавшему от неурожая в 1891—1892 гг. СПб.: Издание ЦСК МВД, 1894. 125 с.
3. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб.: Алетейя, 2010. 832 с.

4. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб.: Алетейя, 2016. 1080 с.
5. Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Т. 1. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1909. XII, 599 с.
6. Короленко В.Г. В голодный год (Наблюдения и заметки из дневника) // Короленко В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 5. СПб.: Изд. Товарищества А.Ф. Маркс, 1914. С. 3—221.
7. Круглов В.Н. Царь-голод. Факты против мифов // Сборник Русского исторического общества. Т. 11 (159): Правда истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 87—106.
8. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
9. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 912 с.
10. Оболенский В.А. Воспоминания о голодном 1891 году // Современные записки (Париж). 1921. Кн. VII. С. 261—285.
11. Отчет по продовольственной кампании 1908—1909 гг. СПб.: Тип. МВД, 1910. LXV, 163, 79 с.
12. Отчет по продовольственной кампании 1911—1912 гг. Т. 1. СПб.: Тип. МВД, 1913. XVI, 653, 105 с.
13. Отчет по продовольственной кампании 1911—1912 гг. Т. 2. СПб.: Тип. МВД, 1913. 231, 156 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 20 (1900 г.). Отд. 1. СПб., 1902. 1168, 10 с.
15. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1291. Оп. 130 (1901 г.) Д. 18а.
16. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130 (1901 г.). Д. 18б.
17. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130 (1901 г.). Д. 266.
18. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130 (1905 г.). Д. 9.
19. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130 (1906 г.). Д. 29.
20. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131 (1908 г.). Д. 67.
21. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131 (1910 г.). Д. 518.
22. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132 (1912 г.). Д. 370.
23. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132 (1912 г.). Д. 371.
24. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132 (1912 г.). Д. 375.
25. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132 (1914 г.). Д. 203.
26. Статистический ежегодник России. 1912 год (год девятый). СПб., 1913. Отд. I.
27. Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). СПб., 1914. Отд. I.
28. Устав о обеспечении народного продовольствия // Свод Законов Российской империи: в 5-ти кн. Кн. 5. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 1—80.
29. Drèze J. Famine prevention in India // The Political Economy of Hunger / Drèze J. and Sen A., eds. Vol. 2: Famine Prevention. Oxford: Clarendon Press, 1991. P. 13—132.
30. Dronin N., Bellinger E. Climate Dependence and Food Problems in Russia. 1900—1990. The Interaction of Climate and Agricultural Policy and Their Effect on Food Problems. New York, Budapest: Central European University Press, 2005. XVII, 366 p.
31. Kotsonis Y. States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto et al: Toronto University Press, 2014. XIX, 483 p.
32. Report of the Indian Famine Commission. 1898. Simla: Government Central Printing Office, 1898. 20, 371 p.
33. Report of the Indian Famine Commission. 1901. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1901. 132 p.
34. Report of the Indian Famine Commission. London: Her Majesty's Stationery Office, 1880. IV, 264 p.
35. Robbins R.G. Famine in Russia, 1891—1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York; London: Columbia University Press, 1975. XVI, 262 p.

Переселенческий опыт Российской империи в свете «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»

Аннотация. В статье проведен анализ переселенческого опыта Российской империи конца XIX — начала XX в. с точки зрения возможности его использования при реализации современной концепции миграционной политики Российской Федерации. Акцент сделан на выявлении степени соответствия теоретических и правовых оснований переселенческого дела ключевым положениям «Концепции». Определена степень эффективности реализации переселенческих мероприятий в Сибири и на Дальнем Востоке в сравнении с планируемыми на период 2012—2025 гг. результатами.

Ключевые слова: миграционная политика; переселенческое дело; Российская империя; Сибирь; Дальний Восток; Комитет Сибирской железной дороги.

Alexander V. Filimonov

**THE RESETTLEMENT EXPERIENCE OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LIGHT OF THE CURRENT “CONCEPT OF THE STATE
MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION UNTIL 2025”**

Abstract. The article analyzes the resettlement experience of the Russian Empire of the late XIX — early XX centuries from the point of view of the possibility of its use in the implementation of the current concept of the migration policy of the Russian Federation. The accent is made on revealing the degree of conformity of the theoretical and legal bases of the resettlement business to the key provisions of the “Concept”. The degree of effectiveness of the implementation of resettlement activities in Siberia and the Far East is determined in comparison with planned results for 2012—2025.

Keywords: migration policy; resettlement; Russian Empire; Siberia; Far East; Siberian Railway Committee.

¹ **Филимонов Александр Викторович** — аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Омск, Россия. e-mail: aleks.filimonoff@yandex.ru
Alexander V. Filimonov — Post-graduate student of the Department of Pre-Revolutionary Russian History and Documentation, Omsk State University. Omsk, Russia

Социально-экономические и политические изменения 1990-х гг. вызвали резкое ухудшение демографической ситуации в Сибирском и Дальневосточном регионах. Традиционно самая низкая по стране плотность населения дополнилась ощутимым оттоком населения как в европейскую часть страны, так и за пределы Российской Федерации. Только по данным переписей населения в 1989 г. и 2002 г. уменьшение населения составило около 1 млн человек для Сибирского региона и 1,25 млн для Дальневосточного [15, с. 13—14; 6]. Кроме того, наблюдалась устойчивая тенденция отрицательного естественного прироста.

Со второй половины 1990-х гг. государство неоднократно обращалось к разработке программ по решению данной проблемы. Федеральные программы «Сибирь» (1998), «Стратегия экономического развития Сибири» (2002), «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» (2009), «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года» (2010) указывали на низкую плотность населения в качестве одного из ключевых факторов, сдерживающих экономическое развитие регионов [13, с. 6]. Для решения проблемы предполагалось проводить целенаправленную миграционную политику, однако указанные выше программы не содержали соответствующих механизмов. В результате за период между переписями 2002 г. и 2010 г. было зафиксировано дальнейшее ухудшение демографической ситуации: в Сибирском федеральном округе уменьшение населения составило около 800 тыс. человек, в Дальневосточном — около 400 тыс. [6; 19, с. 73, 81].

Для объединения миграционных мероприятий государства в рамках единого плана 13 июня 2012 г. был утвержден документ, получивший название «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Документ разбит на семь основных частей и определяет цели, принципы, задачи, основные направления, механизмы и этапы реализации миграционной политики. В качестве целей «Концепции» указываются «стабилизация и увеличение численности постоянного населения» и обеспечение «потребности экономики... в рабочей силе, модернизации, повышении конкурентоспособности ее отраслей» [12]. Достижение данных целей предполагается на основе взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, а также органов местного самоуправления, учета особенностей регионального развития, открытости и доступности информации о

миграционных процессах и научной обоснованности принимаемых государством решений.

Стремление активизировать процесс освоения и хозяйственного развития окраинных территорий было присуще российскому государству на протяжении многих веков. К разработке общего плана государственных миграционных мероприятий неоднократно обращались многие имперские эксперты конца XIX — начала XX вв. (А.И. Васильчиков, Ф.Г. Тернер, А.М. Беркенгейм, Г.К. Гинс и др.) [3; 4; 8; 23]. Предлагавшиеся концепции содержали сходный набор идей и были постепенно инкорпорированы в правительственную политику. В ретроспективном отношении, по мнению ряда представителей современной историографии, данная политика реализовывалась достаточно эффективно и имела возможности для дальнейшего развития [2; 20, с. 118—119]. В то же время, поскольку переселенческий опыт дореволюционной России использовался при проведении плановой миграционной политики советского правительства в 1920-х гг., возникает вопрос о возможности применения указанного опыта в современных условиях. В связи с этим представляется значимым провести сравнение «Концепции» и переселенческого опыта Российской империи по основным направлениям миграционной политики и механизмам ее реализации, а также определить степень эффективности проводившихся в конце XIX — начале XX вв. мероприятий с точки зрения планирующихся на период 2012—2025 гг. результатов.

Обозначенные в «Концепции» основные направления миграционной политики РФ включают в себя ряд мер в отношении внутренней миграции, отчасти совпадающих с действиями российского правительства в конце XIX — начале XX вв. В первую очередь предполагается упрощение процедур регистрационного учета для снятия барьеров при смене места жительства [12]. Сложный и длительный порядок получения законного разрешения на переселение и водворение на новом месте, сохранявшийся на протяжении 1860—1880-х гг., в дальнейшем смягчился и стал более удобным для переселенцев. Для переселения постепенно открывались новые территории (Степной край, Восточная Сибирь, Алтайский округ). Нивелирование юридических различий официальных и самовольных переселенцев способствовало расширению государственной поддержки в пути и на месте водворения. Так, в 1896 г. было подтверждено право самовольных переселенцев на получение ссудной помощи наравне с крестьянами, отправившимися в путь с государственного разрешения [14, с. 586].

Другим направлением содействия внутренней миграции является «обеспечение доступа граждан к социальным, медицинским и иным видам услуг по месту фактического проживания» [12]. В начале XX в. государственная поддержка новоселов постепенно приобретала новые формы. Врачебная помощь, первоначально оказывавшаяся переселенцам только в путевых пунктах, со временем начала распространяться на территории водворения крестьян [18, с. 39—40]. Благодаря активной деятельности местных чиновников была организована сеть складов, обеспечивавшая доступ новоселам к современному сельскохозяйственному инвентарю отечественных и зарубежных производителей [18, с. 87—88]. В первой половине 1910-х гг. особое внимание было уделено развитию агрономической помощи, а также устройству ветеринарных пунктов для борьбы с эпизоотиями [18, с. 43].

В качестве еще одного важного направления, обозначенного в «Концепции», выступает развитие внутренней транспортной инфраструктуры, внутренних и межрегиональных пассажирских перевозок [12]. Первые попытки государства решить проблему отсутствия стабильного дорожного сообщения с отдаленными регионами относятся к 1880-м гг., в частности, были организованы морские перевозки для заселения Южно-Уссурийского края. Выявившиеся на практике недостатки такого способа, в том числе ограниченность числа перевозившихся мигрантов и проблемы с медицинским обеспечением, подтолкнули правительство перейти к железнодорожному строительству [14, с. 802]. В конце XIX — начале XX вв. Сибирь и Дальний Восток были соединены с Европейской Россией Транссибирской магистралью, последним участком которой стала Амурская железная дорога; также планировалось проведение ряда вспомогательных железнодорожных линий в Степном крае, Алтайском округе, Восточной Сибири [16, с. 298]. Не меньшую роль играло активизировавшееся со второй половины 1900-х гг. дорожное строительство для обеспечения связи переселенческих участков с административными и экономическими центрами. В начале 1910-х гг. для быстрой транспортировки переселенцев от железнодорожных пунктов к местам водворения Переселенческое управление начало организацию автомобильного и водного сообщения [18, с. 231].

Переходя к механизмам, с помощью которых «Концепция» предполагает реализовывать государственную миграционную политику, необходимо отметить практически полное их совпадение с имперскими. Первым пунктом в документе указывается «дальнейшее совершенствование законодательства... в сфере миграции с учетом

норм международного права» [12]. Переселенческое законодательство Российской империи постоянно корректировалось и дополнялось в зависимости и от собственного опыта проведения переселенческих мероприятий, и от экспертных исследований теории и практики колонизационно-переселенческих процессов в других государствах (Великобритании, США, Германии, Бразилии, Китае) [3; 4; 8; 23].

Следующим сходным аспектом является «включение задач и мероприятий по реализации государственной миграционной политики... в государственные, федеральные и региональные программы» [12]. КСЖД отводило переселениям важную роль в составе «вспомогательных мероприятий» при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали [14, с. 406—407]. Реализация аграрной реформы Столыпина проводилась в тесной связи с переселенческой политикой под общим руководством ГУЗиЗ. Деятельность Комитета по заселению Дальнего Востока строилась вокруг необходимости обеспечить большую привлекательность региона для переселенцев [7, с. 344—345].

Положение о необходимости учета «задач государственной миграционной политики... при формировании федерального и регионального бюджетов» и концентрации «финансовых и материальных ресурсов на реализации приоритетных направлений и задач государственной миграционной политики» также было в полной мере характерно для периода конца XIX — начала XX вв. [12]. С 1893 г. задачи переселенческой политики регулярно учитывались при составлении ежегодной государственной сметы расходов: до 1905 г. стабильность финансирования обеспечивал особый фонд вспомогательных предприятий КСЖД, впоследствии издержки вошли на постоянной основе в состав государственной сметы расходов, утверждавшейся депутатами Государственной думы [11, с. 15—16]. Денежные ресурсы распределялись в соответствии с отраслевой приоритетностью: в 1890-е гг. главное увеличение произошло за счет врачебно-продовольственной помощи, землеотводных мероприятий, гидротехнического строительства. После изменения приоритетов при проведении переселенческой политики в сторону эффективности заселения территорий в 1910—1914 гг. были существенно увеличены расходы на научные исследования, общественные нужды новоселов, дорожные и корчевальные работы [9, с. 341—343].

«Формирование приоритетных направлений государственной миграционной политики... для различных типов регионов с учетом складывающейся миграционной ситуации» получило наибольшее развитие со второй половины 1900-х гг., когда правительство на-

чало учитывать региональную специфику при реализации переселенческих мероприятий [12]. Так, в связи с особой популярностью Западной Сибири у переселенцев Переселенческое управление сделало акцент на расширение заготовки земельных участков, своевременной выдаче хозяйственных ссуд. Проблемы с обеспечением новоселов водой в степных областях решались за счет содержания большого числа гидротехнических чинов [18, с. 292, 300, 302]. Колонизационный потенциал Восточной Сибири планировалось раскрыть за счет проведения масштабных научных исследований и развития инфраструктуры (строительства дорог, устройства сельскохозяйственных складов и т.д.) [18 с. 87, 143—144, 240—241].

Начиная с 1890-х гг. происходило «совершенствование системы взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов... органами местного самоуправления и институтами гражданского общества в сфере миграции» [12]. В рамках КСЖД было обеспечено эффективное взаимодействие центральных и местных государственных учреждений: в заседаниях регулярно участвовал ряд министров (финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, военный, морской и др.), государственный контролер, часто приглашались степной, иркутский и приамурский генерал-губернаторы [20, с. 84]. В 1907—1908 гг. началось налаживание отношений между представителями Переселенческого управления, переселенческой и бюджетной комиссиями Государственной думы. Первоначально переселенческая политика правительства вызывала резкую критику депутатов, однако благодаря внесению ряда корректив и улучшению постановки дела на местах, засвидетельствованной в ряде статистических и публицистических работ, уровень сотрудничества заметно вырос [5, с. 58—60]. Некоторых успехов удалось добиться в отношении установления взаимодействия с органами местного самоуправления. На земском съезде 1907 г. в Харькове с участием Переселенческого управления была определена единая позиция в отношении переселенческого движения [17, с. 401]. Тогда же земским органам была поручена организация переселения в местах выхода крестьян. Кроме того, они командировали своих агентов для исследования состояния переселенческого дела за Уралом. С целью компенсации соответствующих расходов Переселенческое управление переводило земским органам небольшие суммы денег [21, л. 1, 22].

Последние два пункта раздела («постоянный мониторинг и анализ происходящих на территории Российской Федерации миграционных процессов и их влияния на социально-экономические, демо-

графические и иные аспекты развития страны, а также последующая корректировка конкретных мер государственной миграционной политики Российской Федерации» и «развитие научных исследований в сфере миграций») реализовывались в конце XIX — начале XX вв. во взаимосвязи [12]. На регулярной плановой основе были организованы статистический учет и научные исследования миграционных процессов [5, с. 63—64, 73—74]. В зависимости от сведений, поступавших в Переселенческое управление от научных экспертов и районных заведующих, корректировался общий курс и конкретные меры переселенческой политики, а также финансовые сметы. Кроме того, был организован выпуск ряда научно-публицистических изданий (например, «Вопросы колонизации», «Азиатская Россия», «Переселение и землеустройство за Уралом») для обнародования актуальной информации о состоянии переселенческого дела.

Важнейшие результаты современной миграционной политики РФ вытекают из целей «Концепции». Помимо общей для всех регионов идеи дать толчок развитию экономики и обеспечить ее отрасли достаточным количеством рабочей силы, в рамках Сибири и Дальнего Востока также предполагается к 2021 г. приостановить отток населения, а к 2026 г. обеспечить приток мигрантов [12]. Для сравнения с предполагаемыми результатами реализации «Концепции» необходимо обратиться к данным об основных итогах проведения переселенческой политики Российской империи.

В конце XIX — начале XX вв. число крестьян, получивших официальное разрешение переселиться, постепенно росло, что было связано с постановкой государством все более масштабных задач. За период 1883—1899 гг. в Южно-Уссурийский край в связи со сложностью морских перевозок крестьян удалось переселить чуть более 41 тыс. человек [10, с. 93]. В течение 1896—1905 гг. ежегодно по проходным свидетельствам в Сибирь направлялось более 60 тыс. человек (без учета самовольных переселенцев) [24, с. 225]. С начала проведения аграрной реформы, даже несмотря на временный рост процента самовольных миграций, число крестьян, прибывших в Сибирь с официального разрешения, в среднем составляло более 200 тыс. человек в год [24, с. 225]. В целом, по данным издания «Азиатская Россия», накануне Первой мировой войны русское население за Уралом составляло около 10 млн человек, более трети которых переселилось за период 1894—1914 гг. [1, с. VI]. Исследователи закономерно считают подобный результат серьезным достижением для одних из самых малонаселенных территорий Российской империи.

Важно отметить, что, несмотря на неоднократные попытки государства использовать переселение крестьян на окраины для решения аграрных проблем, наибольшего успеха оно добивалось в те периоды, когда приоритетным становилось развитие заселяемого региона. Так, благодаря опыту переселения в Южно-Уссурийский край в 1880—1890-х гг. удалось не только увеличить русское население в регионе, но и развить транзитную и торговую деятельность перевозившего крестьян Добровольного флота. Политика, проводившаяся по инициативе ведущих членов КСЖД (Н.Х. Бунге, А.Н. Куломзина, С.Ю. Витте), способствовала развитию за Уралом сельского хозяйства, денежных отношений, транспортной сети, инфраструктуры. Подобный эффект в больших масштабах наблюдался в 1911—1914 гг. после перехода к обозначенному в «записке» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина курсу на качественное проведение переселенческих мероприятий.

Многими исследователями отмечалась позитивная динамика в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока с началом массовых переселений. Так, В.Г. Тюкавкин на основе данных известных имперских переселенческих экспертов В.К. Кузнецова, В.Я. Нагнибеды, И.Л. Ямзина, В.П. Вошинина пришел к выводу об улучшении экономического положения значительного числа крестьян, переселившихся в Сибирь во время столыпинской аграрной реформы [24, с. 280—281]. Д.Н. Белянин на примере Томской губернии доказывал, что прямым следствием переселенческой политики 1906—1914 гг. стало активное развитие производства товарного зерна, масла и мяса, повсеместное применение в хозяйстве сельскохозяйственных машин и орудий [2]. Переселенцы приносили с собой товарно-денежные отношения, развивались рынок наемного труда, биржевая торговля, росла локальная и региональная конкуренция при сбыте сельскохозяйственной продукции. Инфраструктура, организованная государственными переселенческими учреждениями (врачебные, пункты, агрономическая и ветеринарная помощь, сельскохозяйственные склады, гидротехнические сооружения), при необходимости могла замещать деятельность других ведомств, обслуживая местное население [20, с. 118—119].

Говоря о результатах, необходимо учитывать, что переселенческая политика конца XIX — начала XX вв. требовала от правительства больших денежных затрат. Если в 1880-х гг. ежегодные расходы на переселенческие цели не превышали нескольких сот тысяч руб., то с учреждением КСЖД они выросли до нескольких миллионов, а в период 1906—1914 гг. — десятков миллионов. Несмотря на отсутствие

точных сметных подсчетов в «Концепции», можно предполагать, что ее полноценная реализация также обойдется в значительную сумму. Тем не менее необходимость и эффективность подобных трат в среднесрочной и долгосрочной перспективе также подтверждается опытом Российской империи.

Не ограничиваясь положительными чертами переселенческой политики Российской империи, необходимо также указать на присущие ей недостатки. Важной проблемой было медленное развитие транспортной сети Сибири и Дальнего Востока. Опыт второй половины 1900-х гг. показал, что при массовом переселении за Урал транспортная система, строившаяся на единственной железнодорожной магистрали, не могла справиться с потоком мигрантов — регулярно возникали такие проблемы, как нарушение расписания поездов, чрезмерная скученность людей в вагонах, задержки багажа переселенцев [5, с. 91—93]. План строительства за Уралом новых железных дорог был разработан достаточно поздно, и в итоге его реализация была прервана началом Первой мировой войны.

Серьезным недостатком, неоднократно отмечавшимся на центральном и местном уровнях, было слабое развитие средств передачи информации. Несвоевременно полученные директивы из центра или сведения с мест, а также задержки при переводе финансовых средств нередко вызывали серьезные проблемы. Председатель Подготовительной комиссии КСЖД А.Н. Куломзин указывал на слабую обеспеченность Сибири средствами связи (почтовые отделения, телеграф), усугубленную большими расстояниями между административными центрами и местами работы отдельных чиновников [14, с. 526—527]. В отчете о своей первой поездке в Сибирь в 1896 г. он констатировал, что лишь небольшая часть новоселов получала своевременную финансовую помощь [14, с. 665].

Не менее существенной проблемой была слабая координация различных отраслей переселенческой политики, приводившая к таким последствиям, как несвоевременная подготовка инфраструктуры для мигрантов. А.Н. Куломзин отмечал несовпадение темпов заготовки переселенческих участков и обеспечения их гидротехническими сооружениями (колодцами, плотинами, каналами), что приводило к образованию «мертвого» земельного фонда [14, с. 853]. Депутат Государственной думы Н.Л. Скалозубов позднее писал о неправильной постановке Переселенческим управлением агрономической помощи, важность которой для успешного ведения хозяйства новоселами он считал первостепенной [22, с. 6—7].

В целом представляется перспективным использовать переселенческий опыт Российской империи для выработки ряда экспертных рекомендаций по реализации основных положений «Концепции» с учетом определенных ограничений и недостатков (комплекс объективных и субъективных условий исторического периода, включая преимущественно аграрный характер переселений конца XIX — начала XX вв., слабость развития транспортной сети и средств передачи информации и т.д.). Переселенческая политика совершенствовалась по многим направлениям: упрощался порядок переселения, открывались новые территории для заселения, развивалась инфраструктура для своевременной помощи крестьянам в пути и на месте водворения. Финансирование государственных мероприятий постоянно увеличивалось, при этом средства переселенческого бюджета распределялись в соответствии с отраслевыми приоритетами. Переселенческие задачи учитывались при обсуждении более широких планов на общегосударственном и региональном уровнях. Улучшалось взаимодействие по переселенческим вопросам между государственными учреждениями различных уровней. Активно развивались научные исследования миграционных процессов, их результаты учитывались государством при принятии решений. Можно констатировать достаточно высокую эффективность имперского варианта переселения: в период 1893—1905 гг. была выполнена задача по заселению ближайших к Сибирской железной дороге местностей, в 1906—1914 гг. значительный приток населения стал основой быстрого экономического развития территорий за Уралом.

Список литературы

1. Азиатская Россия: в 3 т. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. 586 с.
2. Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906—1914 гг.) // История государства. URL: http://statehistory.ru/books/Dmitriy-Belyanin_Stolypinskaya-pereselencheskaya-politika-v-Tomskoy-gubernii--1906--1914-gg--- (дата обращения: 28.02.2018).
3. Беркенгейм А.М. Переселенческое дело в Сибири (по личным наблюдениям и официальным данным). М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 62 с.
4. Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: в 2 т. Т. II. СПб., 1876. 458 с.
5. Воинин В. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. СПб., 1912. 149 с.
6. Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность населения России и ее территориальных единиц по полу // Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg1.php (дата обращения: 28.02.2018).

7. Высочайше утвержденное положение Совета Министров об образовании Комитета по заселению Дальнего Востока // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С. 344—347.
8. Гинс Г.К. Переселение и колонизация: в 2 ч. Ч. I. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 48 с.
9. Зуева Н.С. Переселенческая политика в период столыпинских реформ: Проблемы бюджетного финансирования // Преподаватель XXI век. 2015. № 3. С. 339—346.
10. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX века). Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1976. 200 с.
11. Карпинец А.Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896—1916 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 24 с.
12. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 13 июня 2012 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/> (дата обращения: 28.02.2018).
13. Кузьмин А.А. Опыт институционального анализа переселенческого освоения новых территорий (на примере земледельческого освоения Сибири). М.: Директ-Медиа, 2013. 150 с.
14. Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2016. 1038 с.
15. Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.
16. Особое Совещание для обсуждения вопроса о разработке сети железных дорог и водных путей, приспособленной для нужд колонизации // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 297—308.
17. Первый областной переселенческий съезд в г. Харькове // Вопросы колонизации. 1908. № 2. С. 399—404.
18. Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. (Отчет о работах Переселенческого управления в 1913 г.). Пг., 1914. XV, 402 с.
19. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011. 87 с.
20. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск: На-ука, 2013. 248 с.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1006.
22. Скалозубов Н.Л. Расходы на агрономическую помощь в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 15/16. С. 5—9.
23. Тернер Ф.Г. Государство и землевладение: в 2 ч. Ч. II: Крестьянское землевладение. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1901. 422 с.
24. Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.

Реализация обязательных постановлений московской власти во время декабрьского вооруженного восстания 1905 г.

Аннотация: В статье рассматривается реализация обязательных постановлений генерал-губернатора Ф.В. Дубасова, изданных в порядке чрезвычайной охраны в период Декабрьского вооруженного восстания, и ее результаты. Автор приходит к выводу, что в силу ряда факторов итоги применения данных мер оказались очень противоречивыми для власти.

Ключевые слова: положение чрезвычайной охраны; генерал-губернатор; Ф.В. Дубасов; Г.П. Медем; обыватели; патрули; обязательное постановление.

Michail G. Almazov

THE IMPLEMENTATION OF THE COMPULSORY REGULATIONS OF THE MOSCOW ADMINISTRATION DURING THE 1905 DECEMBER ARMED UPRISING

Abstract. The article deals with the implementation of compulsory regulations issued by Moscow Governor-General F.V. Dubasov in the order of the emergency state during the December armed uprising and its results. The author draws to the conclusion that because of different factors the results of the application of these measures were very controversial for the administration.

Keywords: emergency state; Governor-General; F.V. Dubasov; G.P. Medem; citizens; patrols; compulsory regulation.

Настоящая статья посвящена проблеме реализации обязательных постановлений, изданных московским генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым в порядке режима чрезвычайной охраны в целях борьбы с Декабрьским вооруженным восстанием, и ее результатам. Изучение данной темы позволяет выявить специфику применения административных мер в период открытого противо-

¹ Алмазов Михаил Григорьевич — аспирант кафедры истории России XIX — начала XX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. e-mail: vnm128@mail.ru
Michail G. Almazov — Post-graduate of the Department of the Russian History of the XIX and the beginning of the XX centuries of the Historical Faculty, Moscow State University. Moscow, Russia.

яния местного аппарата самодержавия с революционерами и их эффективность в процессе подавления мятежа.

Основными источниками при исследовании данного вопроса послужили материалы делопроизводства, отложившиеся в фондах Управления московского генерал-губернатора и градоначальника (ЦГА Москвы), Московского Отделения по охранению общественной безопасности и порядка (ГАРФ), Штаба Московского Военного Округа (РГВИА), а также дневники и мемуары членов гражданского и военного руководства Москвы, городских обывателей, деятелей революционного движения.

Следует отметить, что в историографии исследуемый вопрос не получил всестороннего освещения. Даже в наиболее обстоятельных работах по истории Декабрьского вооруженного восстания (в том числе принадлежащих перу В.Н. Сторожева, Н.Н. Яковлева, Н.В. Шатиной, А.С. Вальдина) либо давался пересказ обязательных постановлений, либо делались выводы об их реализации без развернутой аргументации [1, 15, 22, 31, 32].

7 декабря 1905 г. в связи с началом железнодорожной забастовки Дубасов объявил Москву на положении чрезвычайной охраны [30, с. 48]. Сделал он это на основании Высочайшего указа Правительствующему сенату от 29 ноября, дозволявшего местным властям объявлять вверенные им регионы в состоянии данного режима в случае железнодорожных и почтово-телеграфных забастовок [30, с. 48]. Однако, как заметил В.Н. Сторожев, данное распоряжение было сделано на основании еще не опубликованного указа: широкая публика ничего о нем не знала [22, с. 81]. Поэтому введение режима чрезвычайной охраны без всяких, как казалось населению, законных оснований вызвало недовольство, по свидетельству К.Н. Левина, даже «буржуазии», возмущавшейся попранием законности [13, с. 235].

Более того, уже тогда далеко не до всех москвичей доходила верная информация о предпринимаемых властью мерах. Так, Л.А. Тихомиров записал в дневнике 7 декабря, что, по слухам, объявлено военное положение и только некоторое время спустя с помощью телеграфного агентства получил информацию, что «объявлена чрезвычайная охрана [*подчеркнуто в источнике — М.А.*], но что есть слухи о военном положении, и они ждут ночью известия об этом» [9, с. 169]. Графиня Е.Л. Камаровская отмечала в своем дневнике, что ее семья узнала о введении чрезвычайной охраны от своих знакомых, которым сообщали информацию непосредственно из «губернаторского дома» [10, с. 71].

Конкретным содержанием (помимо арестов) режим чрезвычайной охраны стал наполняться лишь четыре дня спустя, в момент наибольшего обострения ситуации в Москве. С 11 декабря генерал-губернатор Дубасов издал ряд обязательных постановлений в рамках установленного порядка охраны. Так, было выпущено распоряжение, предписывавшее домовладельцам и «заведовавшим домами» запирать «наружные ворота», «принимать все... меры», чтобы «из окон, дверей, ворот и крыш» их домов не производилось стрельбы и бросания «взрывчатых веществ». Виновных в неисполнении подобного предписания, вне зависимости от их способности или желания предотвратить подобное нарушение порядка, ждал штраф в 3000 рублей или арест на три месяца. Вступить в силу данное постановление должно было со дня опубликования, т. е. с 11 декабря. На имущество же квартирантов, из окон квартир которых производилась стрельба или метание бомб, накладывался арест [16, л. 2; 30, с. 48].

12 декабря Дубасов выпустил постановление, воспрещавшее в местах, «где прекращено освещение», с наступлением темноты «открывать форточки или окна, обращенные на улицы», стекла же таких домов нужно было завешивать. Кроме того, вводился своеобразный комендантский час: с 9 часов вечера до 7 часов утра всем лицам, кроме должностных при исполнении обязанностей, запрещалось выходить на улицу. Виновные подвергались той же каре, что была обозначена в предыдущем постановлении [16, л. 3; 30, с. 50].

Еще более суровым было следующее постановление, изданное в тот же день. Московские обыватели получали целый комплекс правил. Во-первых, все, кто появлялся на улице позже 6 часов, должны были подвергаться обыску, а в случае наличия оружия без надлежащего на него разрешения, подвергаться аресту и взысканиям в силу подлежащего обязательного постановления. Во-вторых, против групп более трех человек (поскольку таковые «всегда являются прикрытием для мятежников») войсковые патрули могли смело применять оружие. В-третьих, ставились преграды деятельности чрезвычайно распространившихся в те дни санитарных пунктов. Зачастую оказывавших помощь и революционерам: в случае, если подобные организации действуют «в соучастии с мятежом», то их надлежало задерживать и подвергать «законному преследованию», а если их члены «сами действуют оружием» (уверялось, что «такие случаи уже установлены») или «смешиваются с мятежнической толпою», то им грозил обстрел (в телефонном разговоре с управляющим МВД в тот же день Дубасов куда лаконичнее выразил суть этого распоряжения: «Образовали Красный

Крест, я объявил, что будут расстреливать» [30, с. 50]. Наконец, суровые кары обещались за порчу телеграфа и телеграфных столбов (столбы и проволока часто использовались для баррикад 11—12 числа): «лишение всех особенных прав», «заключение в арестантские отделения», «лишение всех прав состояния», «ссылка в каторжные работы», «в особенных случаях даже смертная казнь», причем «при затруднительности и... невозможности задержания таких преступников» войскам разрешалось открывать огонь [16, л. 3; 30, с. 50].

Наконец, с подачи градоначальника 13 декабря было издано постановление, запрещавшее все «народные, общественные и частные собрания», кроме заседаний «правительственных, городских и земских учреждений» [16, л. 6; 30, с. 52].

Таким образом, как видно, 11—13 декабря режим чрезвычайной охраны и его направленность на жесткие меры борьбы с «крамолой» на уровне распоряжений вырисовались достаточно четко. Посмотрим теперь, как это работало на практике. В реализации обязательных постановлений можно выделить несколько общих черт.

В условиях недостаточности и в известной степени недееспособности полицейского аппарата власть вынуждена была привлечь к делу претворения в жизнь обязательных постановлений военных [18, л. 137; 19, л. 212]. Свидетели (вне зависимости от своих политических взглядов) единодушны в том, что привлечение войск к исполнению этой задачи имело немало негативных последствий (хотя и оценивали они их по-разному). Выражались они в жестокости, часто чрезмерной, и злоупотреблениях при производстве обысков и разгоне «толп» (групп более трех человек) [13, с. 248; 25, л. 56—57 об.; 27, л. 245; 29, л. 77 об., 82 об.]. Массовый характер приобрел разгром артиллерией домов, из которых производились выстрелы [2, с. 702—707]. Наконец, особой «любовью» солдат пользовались медицинские пункты, действующие под знаком Красного Креста [11, с. 181—183]. Более того, бывали случаи собственной интерпретации командирами содержания обязательных постановлений в сторону ужесточения наказаний [27, л. 81]. Вполне естественно, что подобное исполнение порождало двоякие ощущения среди москвичей: деморализацию и страх, с одной стороны, с другой — резкую критику действий властей и озлобление против них [3, л. 574 об.; 12, с. 23; 14, с. 201; 25, л. 57, 61—62 об.].

Не менее существенным фактором, влиявшим на процесс исполнения обязательных постановлений обывателями, был своеобразный «информационный вакуум». В условиях забастовки генерал-губернатор Дубасов мог рассчитывать только на типографию штаба МВО,

обладавшую, по его собственному признанию, весьма скромными возможностями [2, с. 689]. Это приводило к тому, что на улицах вывешивалось весьма небольшое количество экземпляров «правил». Более того, они, по-видимому, неоднократно срывались [3, л. 578; 5, л. 79—79 об.; 6, л. 222; 14, с. 91], причем, ввиду малочисленности полиции и войск (до 15 декабря) на улицах Москвы в ряде районов срыв предписаний не представлял затруднений. Также не удалось обнаружить свидетельств ознакомления с содержанием подобных афиш тех домовладельцев и квартирантов, кто не покидал своих домов.

Данные обстоятельства порождали подчас полную неосведомленность ряда обывателей о сути распоряжений администрации (например, известного консервативного публициста Л.А. Тихомирова) [9, с. 173—175; 23, л. 22 об.]. Другие же жители Москвы (как это следует из дневников гласного Московской городской думы Н.П. Вишнякова и Е.Л. Камаровской) далеко не сразу знакомились с содержанием обязательных постановлений, вследствие чего потенциально оказывались в «группе риска» [10, с. 79, 81; 29, л. 80, 82—82 об.]. Часто незнание оборачивалось настоящей трагедией. Например, К.Н. Левин констатировал, что множество народа стало жертвой распоряжения о расстреле групп более трех человек, «о котором почти никто ничего не знал» [13, с. 248]. Этот «информационный вакуум» порождал слухи, далеко не благоприятные для администрации в целом и для генерал-губернатора Дубасова лично (например, о приказе главы Первопрестольной расстреливать дома из артиллерии, что не соответствовало действительности) [3, л. 549; 13, с. 248]. Подобные слухи порождали недовольство действиями власти даже в консервативной среде [9, с. 174].

Следует также отметить еще одно обстоятельство, отмеченное еще в работе Н.В. Шатиной и тесно связанное с малочисленностью личного состава полиции и гарнизона — неравномерное исполнение обязательных постановлений по районам. Окраины столицы действительно зачастую находились вне зоны действия данных распоряжений (в Сущевском районе революционеры даже сами принялись издавать постановления) [5, л. 239—239 об.; 6, л. 225—226 об.; 7, с. 6, 10; 17, л. 8].

Кроме того, наказания, предусмотренные обязательными постановлениями, были суровыми, но все-таки не исключительными, угрожавшими смертью лишь разрушителям телеграфа, сотрудникам самочинных медицинских организаций и случайным прохожим, оказавшимся на улице в числе более трех человек. Серьезно запугать профессиональных революционеров они не могли (равно как и лиц, принуждаемых ими к саботажу обязательных

постановлений), о чем прямо писали Дубасову некоторые московские обыватели [23, л. 28, 33; 29, л. 83 об.].

Надо также отметить и особенности наложения взысканий за нарушение обязательных постановлений. Протоколы — основания для вынесения решения — в условиях малой численности полицейских чинов составлялись крайне нерегулярно [26; 28, л. 249]. Более того, при наложении взысканий градоначальник Г.П. Медем и генерал-губернатор Дубасов нередко довольствовались небрежно составленными протоколами: известен случай, когда решение было вынесено на основании одних только свидетельских показаний исполнявшего должность московского губернатора В.Ф. Джунковского [26, л. 1, 3, 8—8 об., 72—72 об., 79]. Сам процесс наложения взысканий по обязательным постановлениям приходился на период после восстания и не мог оказать серьезного влияния на его ход [26, л. 1, 5, 86].

После рассмотрения особенностей механизма действия обязательных постановлений в дни восстания, обратимся в свете выявленных нами черт, к их результатам.

Эффективность выполнения обязательных постановлений о закрытии ворот, дверей, окон и недопущении из них выстрелов, а также о закрытии форточек в темное время суток по-разному оценивалась очевидцами [2, с. 702; 8, с. 120; 12, с. 19—20; 13, с. 241; 21, с. 14]. Можно сделать вывод, что разные местности дают нам весьма пеструю картину исполнения данных распоряжений. В случае отсутствия военных и полицейских сил (особенно на окраинах города) факты нарушения постановлений могли остаться безнаказанными [5, л. 94—94 об., 96]. Формальное исполнение данных распоряжений не всегда означало безопасность дома для властей [3, л. 483]. Таким образом, видна крайняя неравномерность и неоднозначность исполнения данных постановлений.

Более успешным представляется результат действия «правил», претворение в жизнь которых возлагалось главным образом на войсковые патрули: запрещение появляться на улице с позднего вечера до раннего утра, ходить «толпами» более трех человек; право представителей власти подвергать обыску лиц, вышедших на улицу после шести часов вечера (а фактически и ранее); охрана телеграфа. Жесткие методы, практиковавшиеся последними (обстрел групп, обыски, происходившие часто и днем), оказывали, несмотря на возмущение, сильное деморализующее влияние на население Москвы. В итоге центр города в ночное время, по свидетельству различных очевидцев, представлял собой безлюдное пространство [12, с. 20; 13, с. 245, 247;

20, л. 347 об.; 28, л. 77 об.]. Проведение обысков с привлечением воинских патрулей давало возможность даже задерживать весьма ярких врагов режима [4, л. 28]. Однако здесь все так же зависело от состояния военных и полицейских сил [3, л. 483; 6, л. 226—227 об.]. Представляется, что целесообразность применения означенного выше комплекса мер против дружинников, с их тактикой действия мелкими группами и мгновенного их исчезновения (а надо учитывать и то, что не все ворота домов были закрыты), вызывает вопрос [2, с. 665].

Хуже ситуация была с нелегальными митингами и собраниями. Преследуемые, они в массовом порядке происходили в тех участках районов, которые не были обеспечены достаточными возможностями для их прекращения (естественно, что особенно многочисленными они были на окраинах) [2, с. 678, 684, 686; 6, л. 226—227 об., 239; 32, с. 200—201]. О проведении многих из них даже центральная полицейская власть знала, но до поры не могла предпринять никаких мер [2, с. 678].

С особым упорством, как было уже отмечено, чины полиции и войск преследовали санитарные отряды и перевязочные пункты [5, л. 57; 11, с. 181—182]. При этом оговорка о применении оружия и о преследовании в случаях, когда санитары содействовали «мятежникам», явно была отброшена [11, с. 181]. Не лучшим образом вели себя и полицейские, подчас не допуская врачей «стихийно организованных» пунктов к раненым [11, с. 181]. Бывали случаи своеобразной «кооперации» действий полиции и войск в борьбе с медпунктами [4, л. 93]. Ходили слухи и о взаимодействии военных и полицейских при обстреле домов, где они располагались [26, л. 131—131 об.].

Применение подобных мер приводило к дезорганизации деятельности перевязочных пунктов, боязни санитаров помогать раненым [7, с. 9; 11, с. 182—183]. Некоторые обыватели, опасаясь расстрела их домов, принуждали перевязочные пункты к самоликвидации [11, с. 183]. Генерал-губернатор Дубасов не собирался отменять свое постановление, хотя и согласился легализовать санитарные отряды и перевязочные пункты, которые брала под свое крыло Московская городская дума [24, л. 7—7 об.].

Как видим, итоги применения обязательных постановлений генерал-губернатора, изданных в порядке режима чрезвычайной охраны, были неоднозначны. Данные меры исполнялись далеко не в равной мере, а итогом их претворения в жизнь было не только успокоение (касавшееся преимущественно мирного населения), но и озлобление против власти.

Список литературы

1. Вальдин А.С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) восстания: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 277 с.
2. Высший подъем революции. Вооруженные восстания: ноябрь-декабрь 1905 года. Ч.1 // Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. 50 лет. 1905—1955. М., 1955. 950 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 63. Оп. 25. Д. 785.
4. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 833.
5. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 870.
6. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 912. Т. 1.
7. Декабрьские дни 1905 г. в Москве (Дневник очевидца). Б.м.: б.и., б.г. 16 с.
8. Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. Т.1: [1905—1915 гг.]. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 733 с.
9. Дневник Л.А. Тихомирова 1905—1907 гг. / сост.: А.В. Репников, Б.С. Котов; [автор предисл., коммент. и примеч. А.В. Репников]. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 599 с.
10. Записки графини Е.Л. Камаровской // Власть и общество в Первой российской революции 1905—1907 гг. Документальные свидетельства / отв. ред. П.Ю. Савельева; сост., ред. и предисл. А.П. Ненарокова, П.Ю. Савельева, А.А. Чернобаева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С.68—93
11. Из истории московского вооруженного восстания. Документы и материалы / сост.: Г. Костомаров, В. Симоненко, А. Дрезен. М.: Моск. Рабочий, 1930. 232 с.
12. Климков В.И. Расправы и расстрелы: (Письма, очерки и наброски спец. кор. газеты «Русь» («Молва»). М.: тип. А.П. Поплавского, 1906. 238, II с.
13. Левин К.Н. Вооруженное восстание в Москве (Дни 7—19 декабря 1905 года). Отрывки из дневника // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний / под ред. Н. Овсянникова. М.: Государственное издательство, 1920. С. 232—261.
14. Москва в декабре 1905 г. М.: Кохманский, 1906. 246 с.
15. Первая революция в России. Взгляд через столетие / отв. ред.: А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
16. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 9. Оп. 1. Д. 427.
17. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 1606. Оп. 1. Д. 388.
18. РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 575.
19. РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 440.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10.
21. Ржанов И.Н. Декабрьское Московское вооруженное восстание в 1905 г. (7—31 дек. 1905 г., из зап. листов очевидца и наблюдателя) / изложил старый москвич И.Н. Ржанов. М.: тип. Имп. Моск. Ун-та, 1905. 39 с.
22. Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний / под ред. Н. Овсянникова. М.: Государственное издательство, 1920. С. 60—207.
23. Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 16. Оп. 95. Д. 294.
24. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2.
25. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 229. Д. 50.
26. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 89. Т. 1.
27. ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 90. Т. 1.
28. ЦГА Москвы. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114.
29. ЦГА Москвы. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 18.
30. Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905—1907 гг. Документальные свидетельства / отв. ред. П.Ю. Савельева; сост., ред. и предисл. А.П. Ненарокова, П.Ю. Савельева, А.А. Чернобаева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 38—67.
31. Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией: (На прим. Москвы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 227 с.
32. Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. М.: Госполитиздат, 1957. 549 с.

Образы позднеимперской России в драме К.Р. «Царь Иудейский»

Аннотация. В статье рассмотрена история создания художественного текста драмы «Царь Иудейский», написанной великим князем Константином Константиновичем в 1912 г. Автор статьи показывает, как с помощью изучения творческого процесса и образов произведения можно выявить черты позднеимперской эпохи, в которой жил и творил поэт. Автор приходит к выводу, что драма «Царь Иудейский» может служить оригинальным источником по истории России конца XIX — начала XX вв.

Ключевые слова: великий князь Константин Константинович; «Царь Иудейский»; позднеимперский период; художественный образ.

Ksenia V. Sak

IMAGES OF RUSSIA OF THE LATE IMPERIAL ERA IN THE DRAM OF K.R. “THE KING OF THE JEWS”

Abstract. In the article the history of creation of the artistic text of the drama “The King of the Jews” written by the Grand Duke Konstantin Konstantinovich in 1912 is considered. The author shows how, by studying the creative process and the images of the text, it is possible to reveal the features of the late imperial era in which the poet lived and worked. The author comes to the conclusion that the drama can serve as an original source on the history of the late XIX — early XX centuries.

Keywords: Grand Duke Konstantin Konstantinovich; “The King of the Jews”; late imperial period; artistic image.

9 января 1914 г. на сцене Эрмитажного Императорского театра состоялась премьера пьесы «Царь Иудейский». В главной роли выступал автор произведения — великий князь Константин Константинович, поэт К.Р. В основе сюжета лежали евангельские события от входа Господня в Иерусалим до Его Распятия и Вознесения. События эти произошли почти 2 тыс. лет назад и имели,

¹ Сак Ксения Васильевна — кандидат исторических наук, специалист по учебно-методической работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия. e-mail: ksenia.sak@gmail.com
Ksenia V. Sak — Candidate of Historical Sciences, specialist in teaching and methodical work, historical faculty of Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

казалось бы, мало общего с началом XX в. Однако при работе над текстом «художник бессознательно, не придавая этому художественного значения, переносит в создаваемый им мир явления действительности или представления и понятия своей эпохи» [9, с. 77], а личность автора, отраженная в художественных произведениях, своею уникальностью раскрывает «нечто из уникальности» ее времени [7, с. 9]. Обстоятельства создания драмы и сам текст, передающий через художественные образы восприятие члена династии Романовых последних лет империи, могут служить оригинальным источником по позднеимперскому периоду.

Драма К.Р. была широко известна и неоднократно переиздавалась при жизни автора. Затем, в советское время, она была предана забвению, и лишь в 1990-х гг. поэзия К.Р. стала широко печататься вновь. Наиболее подробное исследование «Царя Иудейского» приведено в научно-популярной монографии писателя и литературоведа В.В. Петроченкова «Драма Страстей Христовых (К.Р. “Царь Иудейский”)» [12]. В ней автор подробно воссоздает процесс написания и постановки драмы, широко используя цитаты из дневников К.Р. Однако он не ставит перед собой задачу вписать драму в контекст тех острых общественно-политических событий, в которых жил и творил великий князь Константин Константинович. Описательный подход в исследовании его творчества характерен для литературоведческих работ. Историками же драма как исторический источник не рассматривалась вовсе.

Великий князь Константин Константинович родился в 1856 г. в семье выдающегося реформатора великого князя Константина Николаевича, то есть он приходился внуком Николаю I, а Николаю II — двоюродным дядей. На протяжении своей жизни К.Р. сделал типичную для членов династии карьеру: высшие посты — командир Преображенского полка, главный инспектор военно-учебных заведений и президент Императорской Академии наук. Однако из среды своих августейших родственников он невольно выделялся. Это подмечали и сами Романовы, называя его «белой вороной», и современники, указывая на нехарактерную для его круга просвещенность и широту взглядов. Причиной тому служили его профессиональный интерес к изящной словесности и увлечение поэзией.

Поэзии Константин Константинович придавал исключительное значение. Его социальный статус не давал возможности публично заявлять о своих литературных талантах, однако К.Р. это не останавливало. В конце царствования Александра II он пошел на крайне

болезненный конфликт с отцом, возглавлявшим в то время Морское ведомство, который планировал для сына блестящую карьеру во флоте. Константин Николаевич начал продумывать варианты устройства сына «по гражданской части», однако с воцарением Александра III об этом не могло быть и речи. Император строго следил за дисциплиной в семействе и согласился лишь на перевод своего двоюродного брата из флота в Измайловский гвардейский полк.

В это же время К.Р. активно занимался поэзией и в стихотворении «Баловень судьбы» (1883) объяснил, какое место занимает поэзия в его жизни. По его словам, своим рождением он был призван к величию. Но «роскошь, золото, власть и сила» не привлекают юного поэта, так как их ожидает лишь «беспристрастная могила». Константин Константинович обладает, по его мнению, «божественным, бесценным» даром: «Когда же звуки песни вдохновенной / Достигнут человеческих сердец, / Тогда я смело славы заслуженной / Приму неувядаемый венец». Таким образом автор противопоставлял строго регламентированные великокняжеские обязанности и свое поэтическое дарование. Не имея возможности воплотить в жизнь мечту и заниматься проблемами образования и просвещения, Константин Константинович объявил о своем намерении служить «родному православному народу», «священный подвиг совершив певца».

В 1886 г. вышел первый сборник стихов К.Р., на который он получил массу положительных отзывов. Это породило в молодом поэте творческий порыв, и именно в это время он задумывает написать драму на евангельский сюжет. Во время прогулки по парку он начинает фантазировать: «Мне тут же стали мерещиться диалоги между Никодимом и кем-нибудь другим, сцены в доме Пилата и т.д. Я даже начал сочинять стихи, первые стихи» [12, с. 44]. В том же году он написал несколько стихов на евангельские мотивы, но непосредственно к драме так и не приступил.

Константин Константинович был глубоко верующим и религиозным человеком. Это было результатом, с одной стороны, воспитания родителей, с другой — переживания личного опыта. Камнем преткновения для К.Р. стали гомосексуальные наклонности, которые мучили его на протяжении всей сознательной жизни и в которых он «не раз, краснея, был принужден каяться на исповеди». 1886 г. в этом отношении был также знаковым. После женитьбы на Елизавете Маврикиевне в 1883 г. великий князь подавлял в себе противоестественное желание. Но после рождения первенца он впервые после долгого молчания записывает в

дневнике, что его семейную жизнь нельзя назвать благополучной и что прежний грех его снова мучает и, на этот раз, побеждает. Покаяние великий князь приносил не только на исповеди, но и в своих стихах, многие из которых пронизаны глубоким религиозным чувством. Обостренное ощущение своей греховности побудило его обратиться к христианским образам в поэзии и сыграло не последнюю роль в воплощении замысла «Царя Иудейского».

Прошло долгих 25 лет, прежде чем К.Р. приступил к реализации своей задумки. В Великий пост 1911 г. он начинает «помаленьку двигать» свою «Евангельскую драму». Работа над текстом превращается для него в своего рода вопрос жизни и смерти. В конце 1911 г. обостряется почечная болезнь — та, от которой умерла его мать. В ночь, когда К.Р. заканчивает писать второе действие, у него случается уремический приступ такой силы, что доктор не отпускает Елизавету Маврикиевну дальше соседней комнаты, а в Мраморный дворец съезжаются все дети. 26 февраля 1912 г. великий князь пишет «начисто» свое завещание. В то же время он отмечает в дневнике: «Как я благодарен Богу за долгую болезнь, мало мучительную, за вызванное ею долгое одиночество, полную свободу, отдых, а главное — за возможность всецело отдаться моей драме» [6, с. 157]. Однако поэт страдает не только телесно, но и духовно. В записях за 1911 г. нередко можно встретить обреченные признания: «Опять одолевают грешные мысли. В церкви за всенощной вместо молитвы предавался им»; «Баня; Сергей Сыроежкин» [6, с. 150]. Как и много лет назад, духовная борьба с пороком вызывает покаянное чувство и усиливают творческий порыв.

Константин Константинович не имел первоначального плана драмы. Он шел за текстом Евангелия, но при этом использовал внушительное количество вспомогательных источников. Особенно глубоко он погрузился в выбранную тему во время составления примечаний, объем которых сопоставим с текстом самой драмы. Он использует работы древнеримских и древнегреческих авторов, труды современников на русском, английском и французском языках, некоторые сюжеты брал из апокрифов и даже прибег к консультации археолога, профессора древней истории Петербургского университета М.И. Ростовцева. Такое щепетильное отношение к достоверности деталей было проявлением характера К.Р., который отличался строгостью к себе и педантичностью. В то же время он рассчитывал на то, что с пьесой познакомится как можно больший круг читателей, и поэтому стремился избе-

гать ошибок. Не менее внимательно К.Р. относился к восприятию текста. Неоднократно он спрашивал мнения о драме не только своих близких, жену и сестру, но и А.Ф. Кони, почетного академика Пушкинского отделения изящной словесности, академика и филолога Ф.Е. Корша. Особое значение поэт придавал замечаниям Н.И. Ермолинского, воспитателя его трех младших сыновей.

Другим ориентиром служили для К.Р. произведения признанных авторов: «Очень меня заботит, что моя драма слишком длинна. Уже теперь по числу стихов мои 3 ½ акта равняются всему “Рюи Блазу” и длиннее “Эрнани” В.Гюго. Принялся беспощадно урезывать и сокращать» [6, с. 169]. Скорее всего, расчет был на то, что «Царь Иудейский» войдет в историю мировой литературы. Во время интенсивной работы над текстом и внесения правок К.Р. общался с переводчиком И. фон Понтером, который должен был обеспечить издание стихов августейшего поэта на немецком языке. Параллельно с этим Понтер взял на себя обязательство найти за границей издательство, которое обеспечило бы перевод и напечатало 50 томов классики русской литературы. По мнению курировавшего этот проект академика Шахматова, великий князь среди этого изобилия рассчитывал на том и своих сочинений: «Мой юный друг, это и есть сердцевина, без которой весь проект — только пустая иллюзия. Этот том, а лучше два тома — рычаг, на котором поднимется все. Без собрания сочинений великого князя мы не получим деньги на Пушкина с Лермонтовым. Думаете, стал бы Его Императорское Высочество великий князь Константин так пекся об издании русских классиков, если бы не надеялся занять свое место в их рядах? Однако, — заключил он, — грандиозность замысла такую жертву оправдывает» [4, с. 363—364].

Константин Константинович, еще не закончив драму, решает, что она непременно должна быть не только издана, но и поставлена на театральной сцене. Он имел большой театральный опыт и не раз выступал в роли актера. Домашние театральные представления были не редкостью в аристократической среде. Великий князь выбирал для себя героические роли. Столичным зрителям он особенно запомнился в роли Гамлета в постановке по его же переводу (1909). После посещения спектакля генеральша и известная столичная сплетница А.В. Богданович записала в своем дневнике: «На театре в Царском Селе вел. кн. Константин Константинович плохо играл. Охота ему играть в его годы!» [14, с. 457]. А.С. Суворин отозвался куда более критично: «Я прослушал сцену в театре, где вел. князь полз по эстраде, на кото-

рой происходило представление. Все это было глупо и по-детски воистину. Когда король со свитой ушел, великий князь три раза принимался хохотать, и это было еще глупее. И чего им надо, этим великим князьям? Зачем они маленьких Неронов разыгрывают и заставляют себе аплодировать эту челядь петербургскую?» [5]. Это едкое замечание довольно точно передает суть дела. Конечно, Константин Константинович никогда в повседневной жизни не претендовал на место хотя бы правой руки императора, какое в свое время занимал его отец. Напротив, он считал, что мало смыслит в политике, и предпочитал держаться от нее подальше. Однако те роли, которые он для себя выбирал, и острое желание произвести впечатление на зрителей своей игрой говорят о его личности. Героические роли давали ему возможность почувствовать свою значимость и наделить себя теми чертами, которыми он не обладал. Не стал исключением и «Царь Иудейский», в котором Константин Константинович выбрал для себя роль благородного и самоотверженного Иосифа, которого отличала храбрость и решимость в исполнении своего долга.

К.Р. практически всю драму пишет за весну 1912 г. «Сидя на полукруглой чугунной скамейке у лаун-тенниса против вольера» [6, с. 173], 6 апреля он пишет заключительные слова своего героя. «Известие о воскресении Христа сочинял со слезами восторга», — запишет он в дневнике на следующий день [6, с. 173]. Уже 14 апреля великий князь устроил первое публичное чтение в Мраморном дворце. В качестве знатоков театральной цензуры и сцены он пригласил директора Эрмитажа Д.И. Толстого и режиссера Н.Н. Арбатова, который впоследствии занимался постановкой и давал много дельных замечаний по сокращению текста. Чтение продолжалось четыре часа. «Многие, особенно дамы, высказывали, что едва ли драму допустят на сцену: слишком осязательна близость, хотя и незримого, Христа Спасителя» [6, с. 175].

Следующее чтение состоялось на «Измайловском досуге», литературно-театральном кружке, который организовал Константин Константинович, когда командовал Измайловским полком. Именно с помощью участников «Досуга» он планировал осуществить постановку «Царя Иудейского». Слушатели остались в восторге и выразили ту реакцию, на которую рассчитывал К.Р.: «Большинство выражало удивление: не ожидали, что драма захватит, взволнует. Иные, особенно из относящихся равнодушно к вопросам веры, вначале слушали скептически, полагая, что в драме

будет скучное, приевшееся прославление Христа. После III действия кто-то неверующий заявил: “Однако, черт возьми!” — Эта самая лестная оценка. По окончании чтения долго и много рукоплескали. Говорили, что нет скучных мест, что краски яркие, что очень сильно. — Я торжествовал, наслаждался и в душе благодарил Бога» [6, с. 177]. Дело оставалось за главным — получить разрешение цензуры на постановку пьесы.

Константин Константинович не стал пассивно ожидать решения цензуры, а начал действовать, используя личные связи. Первым делом он обратился к Николаю II и попросил его разрешить постановку в Китайском или Эрмитажном театре. «Я задался целью дать русскому театру, — объясняет он в письме свои мотивы, — в особенности народному, пьесу, возвышающую душу и отвечающую религиозным потребностям и запросам, в противовес большинству современных театральных сочинений, часто полных низменных тенденций, пошлости и безнравственности... полагаю, что встречу в Тебе сочувствие задаче облагородить наш театр, которому следует быть школой добрых нравов, чувств и убеждений» [6, с. 405]. С гражданской цензурой проблем не возникло. Начальником и председателем Главного управления по делам печати был граф С.С. Татищев. «Гуля», как называл его К.Р., служил в Преображенском полку под его командованием. По-другому дело обстояло с духовной цензурой, но и здесь у Константина Константиновича нашлись связи. Он написал обер-прокурору Святейшего синода В.К. Саблеру с просьбой взять прохождение пьесы под свой контроль. Вскоре К.Р. по указанию врачей уехал лечиться за границу. Дальнейшее ведение дел он поручил Ермолинскому.

Неизвестно, как повернулось бы прохождение пьесы, останься Константин Константинович в Петербурге. Ермолинский хоть и был воспитателем детей великого князя, но не имел и толики того веса и возможностей влиять на ход событий, какими обладали члены династии. Сам Саблер уехал в отпуск и дело перешло в руки архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия. Архиепископ, подчеркнув достоинства драмы, написал в ответ, что она не может идти в театрах: «Надеяться на то, что введение в театральный репертуар пьес, подобных “Царю Иудейскому”, облагородит самый театр, делает его проводником евангельской проповеди, невозможно, так как для этого необходимо было бы удалить из него все пьесы иного характера, а также и исполнителей их; актеров, из обычных профессиональных лицедеев, превратить в своего рода духовную

корпорацию, с соответствующим укладом жизни. Но все это немислимо до тех пор, пока театр остается театром, т.е. в лучшем случае, для художников — храмом искусства для искусства, в худшем же, для обыкновенных посетителей театра, — местом, прежде всего, развлечений. Скорее наоборот, драма “Царь Иудейский”, отданная на современные театральные подмостки и в руки современных актеров, не только не облагородит театра, но и сама утратит свой возвышенный, духовный характер, превратившись в обычное театральное лицедейство, при котором главный интерес не в содержании, а в том, насколько искусно играет тот или другой актер» [10].

Однако К.Р. не отчаивался. Он рассчитывал — уже «по крайней мере» — добиться постановки в придворных театрах, репертуар в которых утверждался императором и от цензуры не зависел. Константин Константинович не сомневался в силе своей драмы и без лишней скромности сравнивал себя с Н.В. Гоголем и писал Кони: «Не знаю, поможет ли Государь по примеру своего Прадеда, повелевшего, несмотря на запрещение цензуры, поставить “Ревизора”, дать мне очутиться в положении Гоголя» [6, с. 407]. Этот же аргумент К.Р. высказал Императору.

Николай II, после прочтения драмы вслух вместе с Александрой Федоровной, согласился с мнением Синода: «Она произвела на нас весьма глубокое впечатление — у меня не раз навертывались слезы и щемило в горле. Я уверен, что видеть твою драму на сцене, слышать в красивой перефразировке то, что каждый знает из Евангелия, все это должно вызывать в зрителе прямо потрясающие чувства! Поэтому я всецело разделяю мнение Св. Синода о недопустимости постановки ее на публичной сцене» [6, с. 410]. Кроме того, он усмотрел опасность политического характера: «Я высказал в разговоре с твоей женой, что при чтении твоей драмы кроме тех высоких чувств, кот[орые] она вызывает, у меня вскипела злоба на евреев, распявших Христа. Думаю, что у простого русского человека возникло бы то же самое чувство, если бы он увидел драму на сцене, а отсюда до возможности погрома недалеко» [6, с. 410]. Действительно, в тексте драмы множество указаний на то, что именно по воле евреев казнили Христа. Причем больше всех не любит евреев Понтий Пилат «Одним презренным иудеем меньше будет», «легче целый день в бою кровавом германцев отражать, чем полчаса с еврейскою толпою препираться», народ Иудеи «строптивный, мстительный, упорный, склонный к раздорам, проiscaм и мятежу» и, наконец, «О, жестоковыйный

/ Израильский народ! Народ строптивый! / Сыны погибели, вы позабыли, / Оставили вы Бога!» [13]. Формально автор лишь пересказывал Евангельские события, но фактически он высказал и свое негативное отношение к евреям. Например, великий князь писал о Кишиневском погроме после разговора с С.Ю. Витте: «Он обвиняет правительство и покойного Плеве в искусственном подстрекательстве русских на евреев; я же думаю, что евреи во многом сами виноваты» [3, с. 156].

Однако вопросы у зрителей могли возникнуть не только по поводу евреев. Возможно Николаю II следовало пристальнее всмотреться в образ Понтия Пилата. Главной чертой его характера, не раз проговоренной в тексте драмы, была слабая воля: «Заметь, в угоду лишь толпе он Иисуса решил подвергнуть наказанию»; Прокула, обращаясь к мужу перед судом, говорит ему: «Понтий, будь тверд на этот раз, я умоляю», а когда суд совершился, она констатирует: «Да, сделка с совестью, уступка силе. Ведь это слабость, малодушие, низость!». Если же открыть дневники К.Р., то можно увидеть, что именно эти черты, в том числе и во время прохождения пьесы через цензуру, он отмечает у самого Николая II. «Будь у него сильная воля и не согласись он со взглядами Синода, я бы мог надеяться, что царское слово откроет “Царю Иудейскому” сцену если не общественных театров, то Эрмитажного или Китайского. Но твердость не есть отличительная черта Государя. Возможно, что если даже он и согласится со мной, то Саблер и другие убедят его во вреде появления моей драмы на подмостках» [6, с. 210].

Особая роль в пьесе отведена жене прокуратора Прокуле. Именно через нее Иосиф пытается воздействовать на решение Понтия Пилата о помиловании Иисуса Христа. Могла ли императрица Александра Федоровна послужить прообразом для этого персонажа? Прямые параллели между характеристиками Прокулы и жены Николая II в дневнике автора не выражены. Однако многие августейшие родственники сходились на том, что Аликс оказывает чрезмерное влияние на политические решения своего венценосного мужа. Его мать, императрица Мария Федоровна, писала в 1915 г.: «Мне так жаль моего любимого Н[ики], который обладает всеми качествами, чтобы достойно и разумно управлять империей, вот только силы характера ему не хватает, иначе он бы избавился от ее влияния, а сейчас находится у нее под каблуком, и непостижимо, что он сам этого не чувствует» [8, с. 201]. Но в самой драме Прокула так и не смогла повлиять на решение мужа.

Было над чем задуматься в драме и Синоду. Следуя тексту Евангелия, Константин Константинович винит в распятии Христа не только прокуратора, но и членов Синедриона. Синедрион, как и Синод, был высшим церковным учреждением. Поэтому зрители вполне могли сделать ненужные выводы. К.Р. писал про Синедрион: «Уже давно у нас подменены / Святой закон и заповеди Божьи; / У нас царит обрядность вместо веры, а вместо Господа — синедрион». Досталось и иудейским священникам. Великий князь в роли Иосифа пробует встать на их защиту, не вполне убедительно говоря, что «божественную истину и веру священники незлыблемо хранят». Однако его партнер по сцене в роли Никодима куда более аргументированно обвиняет духовенство в присвоении себе божественной истины: «Они ее упрятали в Святая / Святых за пышнотканую завесу / И, в серебро и золото заковав / И драгоценными убрав камнями, / Заволокли куреньем фимиама».

К.Р. видел корень кризиса веры в революции 1905 г. По его словам, она «посеяла безверие и разнузданность», в результате чего «народ в церковь почти не ходит» [6, с. 189]. Упоминание в дневниках первой русской революции в связи с «Царем Иудейским» не случайно. Вероятно, в драме опосредованно отразились переживания великого князя по поводу своего бездействия в кризисный для русской монархии момент. Он отказался от предложения объединить великих князей для поддержки Николая II, поскольку испытывал личную неприязнь к некоторым своим родственникам и, в целом, считал это бессмысленным («разве это поможет?»). В драме же герой К.Р. действует иначе. Он, став случайным свидетелем заговора против Иисуса, говорит, что «молча слушать» извергов и убийц выше его сил. Несмотря на уговоры Никодима, Иосиф отправляется к Прокуле. Он рассказывает ей о готовящемся преступлении и просит ее предупредить об этом мужа Понтия Пилата. Более того, он сам идет к прокуратору и пытается лично повлиять на его решение. Но Понтий Пилат поддался натиску обезумевшей толпы, и с этого момента ход истории было не остановить — Христос был распят. Нечто подобное Константин Константинович писал в дневнике по поводу манифеста 17 октября 1905 г. Он считал, что это решение было не проявлением свободной воли, а уступкой, вырванной у власти насильно [3, л. 70]. Это признавал и сам Николай II: «Со всей России только об этом и кричали, и писали, и просили... Исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят» [11,

с. 168]. Подобно прокуратору Иудеи оказавшийся перед судьбоносным выбором император поставил крест на судьбе монархии в России. Отсюда напрашивается параллель между евангельской историей, пересказанной К.Р. незадолго до Великой русской революции, и судьбой Российской империи. И в этом отношении драма была провидческой.

На премьере спектакля, состоявшейся в годовщину Кровавого воскресенья 9 января 1914 г., присутствовала высокопоставленная публика. К сожалению, дневников К.Р. за это время не сохранилось, но осталось свидетельство его сына Гавриила: «Спектакль прошел очень удачно. Громадное впечатление производила музыка Глазунова. Он прекрасно изобразил бичевание Христа. Императорский оркестр играл очень хорошо. После спектакля Государь пошел за кулисы говорить с отцом. Отец был чрезвычайно взволнован, с его лица тек пот, он тяжело дышал. Я никогда не видел его в таком состоянии. Когда он играл, он священнодействовал. На этом спектакле были также и некоторые члены Семейства. Говорили, что прежде, чем ехать на спектакль, великая княгиня Мария Павловна спросила священника, можно ли ехать, так как Синод был против постановки пьесы. Великий князь Николай Николаевич и Петр Николаевич с женами на спектакле не были. Должно быть, они были одного мнения с Синодом» [2]. Не посетили спектакль и некоторые другие родственники: «Д[ядя] Петюша говорил мне в театре, что не может решиться посмотреть “Царя Иудейского”; ни он, ни брат его, ни их жены, так и не побывали на Эрмитажных репетициях: смущало их евангельское содержание драмы и появление на сцене святых Иосифа, Никодима, центуриона (Лонгина Сотника) и Иоанны. Конечно, я не спорил. Марина, Надя и Роман тоже не были, о чем я оч[ень] жалею» [1, с. 436]. Хотя отсутствовавшие члены династии объяснили свою позицию вполне благовидно, но их демонстративное поведение не могло остаться незамеченным для зрителей, не посвященных во все эти нюансы. Так в этом небольшом эпизоде проявилось отсутствие единства Романовых, сыгравшее роковую роль в предреволюционный период.

Драма «Царь Иудейский» не вошла в анналы классической русской литературы и известна лишь узкому кругу поклонников творчества великого князя. Слог несовременный, читается она трудно. Однако текст и история его создания обладает несомненной ценностью в качестве образной иллюстрации процессов в

высшем обществе позднеимперского периода. Кризис монархической власти, выраженный в неспособности императора принимать твердые решения, кризис веры, на которой зижились монархические принципы, — все это, невольно высказанное августейшим поэтом К.Р. в своей драме, дает возможность глубже понять эпоху.

Список литературы

1. Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874—1918 гг. / авт. предисл., коммент. и сост. Т.А. Лобашкова. М.: Буки Веди, 2013. 960 с.
2. Гавриил Константинович (Вел. кн.). В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. Нью-Йорк, 1955. [Электронный ресурс] // Румянцевский музей. URL: <http://gummuseum.info/node/1588> (дата обращения: 01.02.2018).
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55. Л. 70, 156.
4. Понтер И. фон. Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном. М.: Молодая гвардия, 2010. 526 с.
5. Дневник А.С. Суворина. Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. 451 с. [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/s/suworin_a_s/text_1907_dnevnik.shtml (дата обращения: 11.01.2018).
6. Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911—1915 гг. / отв. ред., сост., автор вступ. ст. В.М. Хрусталева. М.: ПРОЗАиК, 2013. 624 с.
7. История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. 720 с.
8. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
9. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1969. № 8. С. 74—87.
10. Одинцов М.И. Крестный путь патриарха Сергия: документы, письма, свидетельства современников (к 50-летию со дня кончины). [Электронный ресурс] // Российское объединение исследователей России. URL: <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-057/> (дата обращения: 01.11.2017).
11. Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.) // Красный архив. 1923. № 3 (22). С. 121—159.
12. Петроченков В.В. Драма страстей Христовых (К.Р. «Царь Иудейский»). СПб.: Журнал «Нева», 2002. 288 с.
13. Романов Константин Константинович. Царь Иудейский. [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд «Предание». URL: <http://predanie.ru/romanov-konstantin-konstantinovich/book/70822-car-iudeyskiy/> (дата обращения: 01.11.2017).
14. Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1924. 572 с.

Секция III
История России
в XX – начале XXI в.

Городское хозяйство России после прихода к власти большевиков: проблема организации управления (конец 1917 — 1918 гг.)

Аннотация. В статье изучается проблема организации управления городским хозяйством после прихода к власти большевиков. Автор отмечает, что в конце 1917 г. большевики пытались ограничить деятельность органов городского самоуправления хозяйственными вопросами и деполитизировать, а затем передали их полномочия городским советам. В 1918 г. властям не удалось сформировать единую политику по вопросу, сохранять ли организационное единство муниципального хозяйства или рассредоточить по отделам советов.

Ключевые слова: городское хозяйство; самоуправление; городские советы; большевики; управление; революция; гражданская война.

Andrey V. Mamaev

THE CITY ECONOMY IN RUSSIA AFTER BOLSHEVIKS COMING TO POWER: THE PROBLEM OF MANAGEMENT ORGANIZATION (LATE 1917 — 1918)

Abstract. This article examines the problem of city management after the Bolsheviks coming to power. The author notes that at the end of 1917 the Bolsheviks tried to limit bodies of city self-government by administrative issues and to depoliticize it. Then the Bolsheviks handed city economy over to the city councils. In 1918 radical socialists failed to establish a unified policy on the question of whether to preserve the organizational unity of municipal economy or disperse it among different departments of city councils.

Keywords: municipal economy; self-government; city councils; the Bolsheviks; management; revolution; civil war.

После захвата власти перед российскими радикальными социалистами встал вопрос, как организовать управление страной на основе Советов. Четкой концепции, что делать с органами самоуправления в думской форме, управлявшими местным хозяйством,

¹ **Мамаев Андрей Владимирович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: andreydx2006@yandex.ru
Andrey V. Mamaev — Candidate of Historical Sciences, Researcher, Center of Economic History of Russia, Institute of Russian history of RAS. Moscow, Russia.

не было. Избранные на демократической основе муниципалитеты противопоставлялись административным органам, как остаткам царской бюрократической системы. Придя к власти, большевики стали передавать городам и земствам новые полномочия от прежних административных органов [2, № 1. 27 декабря. С. 13—14]. Росту децентрализации способствовали издаваемые в первые месяцы декреты нового правительства, которые носили характер резолюций, не имевших обязательного характера [16, с. 65—66]. Это было связано не только со слабостью новой власти, но и с представлениями социалистов о будущем строе, в котором решения принимаются на местах, а центр играет координирующую роль.

После захвата власти на местах сторонниками радикальных социалистов городские думы, как правило, оказывались на стороне их политических противников и при этом находились в крайне сложном финансовом положении, приближавшемся к банкротству. Большевикам пришлось заниматься конструированием таких органов самоуправления, которые могли бы действовать, не вступая в неразрешимые противоречия с новой властью. С этим были связаны попытки в конце 1917 г. ограничить муниципалитеты только решением хозяйственных вопросов, переизбрать городские думы и сформировать лояльные новой власти составы. После роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г. большевики взяли курс на объединение местной власти в городских советах, которым следовало передать не только политические, но и хозяйственные функции муниципальных органов.

Споры вызывал вопрос, как объединять Советы с муниципалитетами: путем создания особых автономных муниципальных отделов или рассредоточив полномочия самоуправления между отделами Советов. По мнению главы наркомата по местному самоуправлению, левого эсера В.Е. Трутовского, при передаче Советам существо ведения муниципального дела должно было остаться прежним, измениться следовало только «тому «законодательному» органу, перед которым ответствен орган исполнительный и весь связанный с ним механизм» [1, 1 марта. С. 7—8]. Большевики не поддерживали тактику левых эсеров на сохранение организационной и функциональной автономии муниципалитетов в качестве отделов советов, настаивая на их полном организационном и функциональном слиянии. В подконтрольном большевикам НКВД была подготовлена инструкция от 20 января 1918 г., которая отмечала: «Городские советы — это прежние го-

родские думы с той только разницей, что их выбирает только трудящийся народ, и буржуазия от участия в управлении устранена. Поэтому городской Совет исполняет прежнюю работу городских дум, а исполнительный комитет Совета — работу городской управы» [12, с. 385]. Никакого муниципального или городского отдела создавать не предлагалось. «Все хозяйство бывших городских и земских самоуправлений должно быть распределено по соответствующим отделам совета», — отмечал заведующий отделом местного хозяйства НКВД А.П. Смирнов [1, 27 мая. С. 1].

В Москве после роспуска городской думы в начале ноября 1917 г. действовал временный орган — Совет районных дум. В связи с решением передать муниципальные функции Советам на заседании представителей районных дум 18 марта 1918 г. был принят предварительный вариант объединения Совета районных дум и Московского совета, который отражал влияние взглядов левых эсеров. Он предполагал создание единого отдела городского хозяйства при Моссовете. Для руководства им следовало сформировать Совет городского хозяйства из представителей центрального и районных советов, исполнительным органом становилась городская советская управа, члены которой избирались Советом городского хозяйства и включались в состав исполкома Моссовета. Председатель управы входил в президиум Моссовета [15, л. 43].

После разрыва правительственной коалиции с левыми эсерами 20 марта 1918 г. Комиссариат по самоуправлению был ликвидирован как самостоятельное учреждение [1, 8 апреля. С. 2], а большевики получили возможность воплотить свою концепцию в реальность. Проект слияния муниципальной организации с Советом в Москве буквально за неделю был радикально переработан в большевистском духе. Если первоначальный вариант сохранял обособленность, автономию муниципального отдела под общим руководством Моссовета, то новый проект предусматривал создание «одной революционной базы местного управления — Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов». Устанавливалось разделение Совета на 17 отделов, причем в их числе не было отдела городского хозяйства. Органы по управлению хозяйством и отдельные муниципальные учреждения должны были быть сосредоточены между советскими отделами местных предприятий, финансово-податным, экономическим, имущества, культурно-просветительским, благоустройства и т.д. Именно второй вариант проекта был принят [14, л. 44, 66—66 об]. Муниципальное

хозяйство в Москве полностью поглощалось Советом и лишалось былой обособленности.

В губернских и уездных городах на базе упраздненных органов городского самоуправления в думской форме были созданы отделы, носившие разное наименование: городского хозяйства, местного хозяйства, коллегия городского самоуправления и т.д., сохранившие в целом организационную структуру, персональный состав и функции, которые имелись у старых муниципальных органов. Так, в Вятке 7 марта 1918 г. общее собрание горсовета одобрило роспуск думы [6, 9 марта]. Все служащие самоуправления оставались на своих местах, законодательные функции думы передавались совету, а исполнительные — Коллегии по самоуправлению, которая находилась на положении одного из отделов совета. В Коллегию должны были войти 3 представителя от совета, которым принадлежала руководящая роль, а также 3 представителя бывшей городской управы и муниципальных служащих [13, с. 263—264; 6, 9 марта].

Там, где городских советов не было, или они не контролировались большевиками, муниципальные отделы передавались в ведение уездных или губернских исполкомов, осуществлявших административное управление в пределах губернии или уезда. К примеру, в Туле сконструировали Совет городского хозяйства Тулы, ответственный перед губернским советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и сформированный из 5 представителей губисполкома советов и 5 делегатов ЦК союза городских работников Тулы. Комиссаром городского хозяйства стал лидер тульских большевиков, гласный городской думы Г.Н. Каминский [10, л. 1—1 об.]. В подмосковном Серпухове в конце февраля вместо думы и управы была образована городская комиссия по самоуправлению при уездном исполкоме [9, л. 96, 112 об.]. Аппарат городского самоуправления вливался в состав уездного совета.

Единые «муниципальные» отделы, Советы городского хозяйства возникли во многих городских или уездных советах. Основу их сотрудников составлял аппарат бывших городских самоуправлений, финансирование отделов велось по муниципальным сметам, зачастую составленным еще демократическими составами дум, сохранялись прежние механизмы организации работы. Центральная власть весной-летом 1918 г. не обращала внимания на возникновение и функционирование этих отделов, прямых наследников ликвидированной системы городского самоуправле-

ния в думской форме. Сломать исторически сложившееся и обоснованное в практическом плане единство управления городским хозяйством оказалось не так просто, тем более, что многим в Советах не хотелось вместо политической и классовой борьбы заниматься хозяйственной рутинной, а у советских деятелей, как правило, не было времени на продолжительную работу, требовавшую затраты всех сил и компетентности.

В конце июля 1918 г. вместо А.П. Смирнова новым заведующим отделом местного хозяйства НКВД был назначен Б.М. Эльцин, являвшийся делегатом 1-го Всероссийского съезда председателей губернских советов и заведующих губернскими отделами управления от Уфимской губернии. Еще на съезде в заседании 30 июля 1918 г. он предложил строить власть на местах «по образцу земского управления», «земской автономии» [11, с. 19]. Эльцин начал курс на сохранение организационного единства муниципального хозяйства в одном отделе в составе горсоветов. Он отмечал, что «совнархоз должен прежде всего вести национализированные, государственные предприятия, но никак не местные коммунальные». Эльцин предложил всем исполкомам организовывать на местах «коммунальные отделы, которые бы, объединяя бывшее земское и городское хозяйство, вели бы его нераздельно, регулировали бы, направляли местную деятельность, проводя на деле рабочую муниципальную политику и преобразуя в социалистическом духе строй, быт, жизнь, экономические навыки и муниципальные производительные отношения». А со стороны отдела местного хозяйства его руководитель обещал «суммировать местные опыты, объединить местную деятельность и всеми мерами способствовать развитию местной муниципальной жизни» [1, 20 октября. С. 7—8].

Заведующий отделом местного управления НКВД В. Тихомиров, недовольный чрезмерной вертикальной централизацией, главкизмом и падением на местах роли исполкомов, также выступил за усиление роли местных советов как органов самоуправления. Он отмечал в конце 1918 г.: «Настало время упереть на те стороны Советского строя, которые наиболее определенно подчеркивают коммунальный характер его устройства» [4, 1 декабря. С. 12].

По итогам семинара по вопросам муниципализации в НКВД 1—9 ноября 1918 г. были приняты положения, разработанные Эльциным: «необходимо... выделение коммунально-муниципальных отделов (отделов местного хозяйства) в самостоятельные ор-

ганы при исполкомах»; «должно быть раз навсегда разъяснено и внедрено на местах, что задачи этих отделов резко отличаются от задач СНХ». На основе коммунальных отделов, в соответствии с рекомендациями Эльцина, должны были быть сформированы иерархически построенные коммунальные отделы на уровне уездов, губерний. Вершиной структуры должен был стать центральный коммунально-муниципальный орган — отдел местного хозяйства НКВД, при котором регулярно должны были созываться съезды муниципальных работников [4, 1 декабря. С. 20].

Последовательностью политика центральной власти в этой сфере не отличалась. Спустя всего два месяца после заявлений Эльцина, на 2-м Всероссийском съезде совнархозов (декабрь 1918 г.), большинство его участников не поддержало действия НКВД, заявив, что они ведут «к вредному параллелизму». В итоге было принято противоположное намерениям Эльцина решение: слить организационно хозяйственный аппарат бывших городских и земских самоуправлений с аппаратом СНХ, для чего, на основе преобразования соответствующего отдела НКВД, при ВСНХ, губернских и уездных совнархозах создавались отделы местного хозяйства [7, № 1—2].

Но Эльцин не сдавался. 21 декабря 1918 г. на заседании Коллегии НКВД большинством голосов после споров были приняты тезисы «Задачи коммунальных отделов», обрисовавшие картину будущего «социалистического преобразования муниципального строя» [4, 27 декабря. С. 9—10]. Будущее муниципальной организации, как оно представлялось деятелям НКВД в конце 1918 г., состояло в превращении городов и деревень в коммуны: «Трудовые артели с развитым местным хозяйством и своими распределительными аппаратами всех продуктов питания, средств отопления, освещения... с местными учреждениями коммунального потребления, как, например, чайные, столовые и прочее». Коммуны «должны явиться самостоятельными хозяйственными единицами, которые поведут между собой социалистический обмен продуктами, делая друг другу определенные хозяйственные заказы». Предполагалось, что коммуны будут объединяться в районы или округа и в коммунальные области [4, 15 декабря. С. 5—8].

Внутри НКВД по вопросу об организации местного хозяйства единства также не было. Если большинство в коллегии НКВД шло за Эльциным, то выразителем взглядов меньшинства НКВД на страницах ведомственного журнала «Власть Советов» явил-

ся Ю. Михайлов. Коммунальные отделы, по мнению противников политики Эльцина внутри НКВД, являлись «межеумочной Советской организацией», «трансформированным наследием буржуазных муниципалитетов и злополучных теорий о каком-то Коммунальном хозяйстве, существующем вне общей системы народного хозяйства». Меньшинство в НКВД предлагало передать коммунальные функции городским советам, распределив их по соответствующим отделам, т.е. вновь растворить организационно и функционально муниципальную организацию в советской [5, № 8—9, с. 6].

В январе 1919 г. Эльцин вернулся в Уфу, а пришедший в НКВД в качестве заместителя народного комиссара М.Ф. Владимирский поддержал его противников, выступив за объединение органов управления хозяйством городов и уездов. Он считал представление о том, что у городов имеются «свои отличные от деревни “специфическо-городские” нужды, наилучшее удовлетворение которых “может быть осуществлено в полной мере только местными силами, местными самоуправляющимися единицами”, ошибочным. Воплощением на практике этих взглядов и являлись коммунальные отделы, которые он назвал «остатками от прежних городских управ, при чем связь их с прежним строем проявляется иногда даже тем, что во главе этого отдела стоят бывшие члены городской управы». Владимирский предлагал лишить коммунальные отделы их территориального характера через выход за пределы городов: «Коммунальный отдел или точнее: Отдел местного хозяйства должен стать отделом уездного исполкома, обслуживать «местные» нужды как города, так и деревни» [3, с. 18—19, 22].

К концу 1918 г. единой политики в деле организации управления муниципальным хозяйством большевикам сформировать не удалось. Отдел местного хозяйства НКВД разослал в 321 город анкету с вопросами об организации и деятельности коммунальных отделов. Пришло лишь 95 ответов. Из них выяснилось, что отделы коммунального хозяйства в составе городских советов функционировали в 22 городах (23% от общего числа ответивших на этот вопрос отделов), в составе совнархозов находилось 32 отдела местного хозяйства (34% от ответивших отделов), в составе губернских или уездных исполкомов действовал 41 коммунальный отдел (43%). Основными предметами ведения коммунальных отделов, по данным анкеты, являлись жилищное дело, благоустройство, предприятия общего пользования, сельскохозяйственное и

похоронное дело, реже — распределение продовольствия, предметов первой необходимости, топлива [5, № 8—9, с. 3—6].

Несмотря на победу большевистского подхода к ликвидации органов городского самоуправления в думской форме, разрушить единство муниципального хозяйства и организационно рассредоточить его отделы до конца не удалось. Функции самоуправления после ликвидации демократических органов в думской форме оказывались в непосредственном ведении муниципальных отделов советов, унаследовавших аппарат прежних органов городского самоуправления. Даже в случае формальной ликвидации единого муниципального отдела прежние городские учреждения пытались координировать свою деятельность. С июля 1918 г. НКВД стал проводить курс на сохранение единого и автономного в рамках местных советов муниципального аппарата и городского хозяйства. Его твердой реализации препятствовали разногласия внутри наркомата и с другими центральными ведомствами, прежде всего Совнархозом, а также процесс централизации. В некоторых городах отдельные отрасли муниципального хозяйства передавались управлявшим государственной собственностью местным советам народного хозяйства, либо происходило объединение муниципального и земского хозяйства с целью достижения «смычки» между городом и деревней. С централизацией народного образования, медицины, развитием деятельности совнархозов постепенно размывалась сфера компетенции муниципально-хозяйственных органов.

Если в политической сфере после прихода к власти на местах большевиков городским советам формально довольно быстро удалось занять место, которое в 1917 г. готовилось для городских дум — роль органов, объединявших государственную власть и самоуправление на местах, то воспринять и творчески трансформировать хозяйственное наследие «буржуазных» муниципалитетов сразу не получилось. Это ярко проявилось в виде возникновения и второго рождения на основе санкции сверху в конце 1918 года особых коммунальных отделов. Новые органы оказались в руках не избираемых, а назначаемых советами лиц. Городское хозяйство было выведено из сферы борьбы партий и политических сил.

К концу 1918 г. территориальное городское самоуправление в советской форме находилось в кризисном положении: в условиях Гражданской войны и хозяйственной разрухи упала его ценностная значимость, в части городов оно было ликвидировано,

в остальных — серьезно ограничено и лишено ряда признаков, свойственных институту самоуправления.

Список литературы

1. Вестник НКВД. 1918.
2. Вестник отдела местного управления КВД. 1917.
3. Владимирский М.Ф. Организация Советской власти на местах. М.: Гос. изд-во, 1919. 64 с.
4. Власть Советов. 1918.
5. Власть Советов. 1919.
6. Вятская правда. 1918.
7. Вятское народное хозяйство. 1919.
8. Гимпельсон Е.Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 — июль 1918 г.). М., 1958. 179 с.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 3. Д. 225.
10. Государственный архив Тульской области. Ф. 2711. Оп. 1. Д. 39.
11. Протоколы 1-го съезда председателей губернских советов и заведующих губернскими отделами управления. Екатеринослав, 1919. 115 с.
12. Триумфальное шествие Советской власти. Часть 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 492 с.
13. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: сб. документов. Киров, 1957. 624 с.
14. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 8.
15. Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 1364. Оп. 1. Д. 14.
16. Яцечко В.И. Депутаты и избиратели в советском государстве в доконституционный период // Вопросы теории права и государственного строительства. Вып. III. Томск: Изд-во Томского университета, 1979. С. 64—68.

«Наша партия пухнет не потому, что наши принципы признаются верными»: проблема реконструкции представительства партии левых эсеров в уездных Советах Центрально-Черноземного региона в марте—июле 1918 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема реконструкции представительства партии левых эсеров в уездных советах весной-летом 1918 г. Автор приходит к выводу о том, что восстановить партийный состав некоторых советов Центрально-Черноземного региона России возможно с помощью исследования анкет делегатов IV и V Всероссийских съездов Советов.

Ключевые слова: левые эсеры; большевики; советы; партийная история; Центрально-Черноземный регион; политическая борьба

Илья А. Kontsevoy

“OUR PARTY SWELLS NOT BECAUSE OUR PRINCIPLES ARE RECOGNIZED BY TRUE”: THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION THE REPRESENTATION OF THE PARTY OF THE LEFT SOCIATIST-REVOLUTIONARIES IN THE COUNTY SOVIETS OF THE CENTRAL BLACK SOIL REGION IN MARCH—JULY 1918

Abstract. The article deals with the problem of reconstructing the representation of the Left Socialist-Revolutionary Party in the county Soviets in the spring and summer of 1918. The author comes to the conclusion that it is possible to restore the party composition of some Soviets of the Central Black Soil region of Russia by studying the questionnaires of the delegates of the Fourth and Fifth All-Russian Congresses of Soviets.

Keywords: the Left Socialists-revolutionaries; the Bolsheviks; Soviets; party history; the Central Black Soil region; political struggle

Вопросы, связанные с политической историей партии левых социалистов-революционеров, исследовались как в советской, так и в современной историографии, однако некоторые аспекты данной проб-

¹ **Концевой Илья Анатольевич** — аспирант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, специалист 1-й категории Государственного архива Российской Федерации. Москва, Россия. e-mail: ilkontsevoy@gmail.com

Илья А. Kontsevoy — Post-graduate student of the Lomonosov Moscow State University, specialist of the 1st category of the State Archive of Russian Federation. Moscow, Russia

лематики остаются малоизученными. Одной из таких тем является реконструкция представительства партии левых эсеров в местных советах летом 1918 г. Данные события изучались различными авторами. Одними из первых к подобной проблеме обратились К.В. Гусев и Х.А. Ерицян, определившие партийный состав уездных советов и съездов в первой половине 1918 г. на основе архивных документов наркомата внутренних дел РСФСР [2]. Главной заслугой ученых стало довольно точное установление численности большевистских и левоэсеровских делегатов в советах различных уровней весной 1918 г. По их подсчетам, в период между созывами IV и V Всероссийских съездов Советов большевики составляли 58% от общего числа членов уездных советов, а левые эсеры — 33% [2, с. 442—447].

Однако составленные данными авторами таблицы состава советов содержат ряд неточностей. Во-первых, исследователи использовали анкеты о составе местных советов, составлявшиеся в НКВД после событий 6 июля 1918 г. Так как партийный состав уездных советов сильно изменился после ликвидации левоэсеровского восстания, данные о составе советов из этих анкет неточно отражают партийное представительство левых эсеров накануне созыва V съезда. Во-вторых, авторы не пытались определить процентное соотношение представителей большевиков и левых эсеров в советах непосредственно перед съездом, включив в свою статистику данные по уездным советам, характеризовавшие их партийный состав в конце мая — начале июня 1918 г.

Изучением партийного состава советов занимался также О.Ф. Сокольников, который высчитал процентное соотношение большевиков и левых эсеров в советах Северной области и сравнил его с представительством партий в советах Советской России в целом. По этим данным, в январе-марте 1918 г. большевики составляли 66% от общего числа делегатов советов, тогда как левые эсеры только 18,9%. В апреле-июле левые эсеры увеличили свое представительство в советах до 23,1%, а процент делегатов-большевиков сократился до 44,8%. При этом процентное соотношение беспартийных возросло почти на 18%, достигнув значения в 27,1% от общего числа делегатов советов [8, с. 49]. Однако исследователь ограничился установлением партийного состава делегатов Северной области и не рассматривал губернии Центрального промышленного и Центрально-Черноземного регионов.

Определенный вклад в изучение данной проблематики внесла Т.В. Осипова, рассмотревшая состав исполкомов уездных советов в 1918 г. По подсчетам автора, в июле 1918 г. левые эсеры

увеличили свое представительство в исполкомах уездных советов на 11,5%, так как в апреле-мае они имели 23,1% от общего числа членов исполкомов, а в июле — 34,6% [5, с. 144]. Однако данная статистика не говорит нам о партийном составе советов конкретных губерний. Таким образом, установление соотношения партий большевиков и левых эсеров в уездных советах в начале июля 1918 г. представляет собой важную исследовательскую проблему.

Главной задачей настоящего исследования является изучение динамики представительства партии левых эсеров в уездных советах Центрально-Черноземного региона. Данный регион представлял особую важность для партии левых эсеров, поскольку в нем проживало значительное число крестьянского населения, которое являлось социальной базой партии социалистов-революционеров [9, с. 50].

Для проведения исследования динамики представительства ПЛ-СР(и) в уездных советах необходимо обратиться к массовым источникам, какими являются анкеты делегатов IV и V Всероссийских съездов Советов. Данные источники позволяют реконструировать партийный состав множества региональных советов в период с марта по начало июля 1918 г. Реконструкция партийного состава местных советов может дать ответ на вопрос о том, как изменилось представительство партии левых эсеров на региональном уровне.

В марте 1918 г. в большинстве уездных советов губерний Центрально-Черноземного региона левые эсеры имели небольшое представительство по сравнению с большевистскими делегатами. Так, согласно данным анкет делегатов IV Всероссийского съезда Советов, в уездных советах Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний члены РКП(б) составляли 76,5% от общего числа делегатов советов, тогда как левые эсеры только 15,9%, а представители других социалистических партий — 4,5% [1].

К началу июля политическое представительство партий в советах значительно изменилось. Согласно анкетам делегатов V Всероссийского съезда Советов, в уездных советах, делегаты которых назвали точные данные об их составе, представительство левых эсеров возросло, тогда как численность делегатов от РКП(б) сильно сократилась. Так, по данным анкет, в начале июля 1918 г. в уездных советах Центрально-Черноземного региона большевики составляли 52,8% от числа делегатов советов, а левые эсеры 37,5%. Еще 7% делегатов являлись беспартийными [1]. Стоит отметить, что подсчет делегатов уездных советов можно провести лишь по тем советам, состав которых точно указывался делегатами V съезда.

Таблица 1

**Изменение представительства партий в уездных советах
в марте—июле 1918 г.**

Представительство партий в уездных советах	РКП(б)	ПЛСР(и)	Беспартийные	Прочие
Март 1918 г.	76,5%	15,9%	3,1%	4,5%
Начало июля 1918 г.	52,8%	37,5%	7%	2,5%

Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 3. Д. 24—29; Оп. 4. Д. 40—48.

Во множестве советов, представители которых не указывали точный партийный состав, большевики и левые эсеры также занимали главенствующее положение, однако подсчитать число делегатов этих советов весьма затруднительно. В связи с недостатком источников по множеству уездных советов выяснить партийное представительство левых эсеров во всех уездных советах не представляется возможным, однако по имеющимся в нашем распоряжении данным о составе некоторых уездных советов можно говорить о тенденциях в настроениях жителей тех или иных губерний.

Изменения представительства партий в советах в период с марта по конец июня 1918 г. демонстрируют ярко выраженную тенденцию в отношении населения к деятельности советского правительства и партии большевиков. В первую очередь изменения были вызваны началом политики продовольственной диктатуры РКП(б), целью которой было изъятие зерна у зажиточных крестьян [5, с. 104]. Не довольные созданием продотрядов и введением комитетов бедноты крестьяне стали выражать свой протест путем выборов левоэсеровских делегатов в советы разных уровней.

В мае-июне 1918 г. благодаря значительной поддержке населения левые эсеры стали играть заметную роль в губернских исполнениях Центрально-Черноземного региона. Так, в июне в четырех губерниях этого региона ПЛСР(и) принадлежало 37% от общего числа членов губисполкомов, а большевиками являлись 62%.

Критика политики продовольственной диктатуры и комбедов действительно приводила к тому, что многие крестьяне становились сторонниками левоэсеровской партии или членами уездных советов от ПЛСР(и). Об этом на заседании III съезда партии левых эсеров заявил Я.М. Фишман, который, говоря про ПЛСР(и), отмечал, что «наша партия пухнет не потому, что ее принципы признаются верными», а потому, что трудящиеся массы отрицательно относятся к

Таблица 2

**Партийный состав губисполкомов Центрально-Черноземного
региона России в июне 1918 г.**

Губерния	РКП(б)	ПЛСР(и)	Беспартийные	Прочие
Воронежская	25	14	—	—
Курская	25	20	—	—
Орловская	15	9	—	1
Тамбовская	18	7	—	—
Всего делегатов (в %)	83 (62%)	50 (37%)	—	1 (1%)

Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 4. Д. 40—48; Борьба за советскую власть в Воронежской губернии 1917—1918 гг. (Сборник документов и материалов). Воронеж, 1957; Борьба за установление и упрочение и Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. Курск, 1957; *Шпаковский В.В.* Борьба Тамбовской партийной организации за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти в 1918 г. Тамбов, 1962.

большевизму» и примыкают к «единственно оставшейся Советской партии, в которой они видят оппозицию большевикам» [6, с. 339].

В ряде уездов Центрально-Черноземного региона левым эсерам удавалось взять советы и исполкомы под свой контроль. Так, в конце июня 1918 г. в Корочанском уезде Курской губернии левые эсеры совместно с беспартийными составляли подавляющее большинство членов уездного совета, а в Суджанском уезде той же губернии представители ПЛСР(и) имели 20 делегатов в совете, тогда как большевики — только 9. Левые эсеры также взяли под контроль Львовский уезд данной губернии [1].

В Орловской губернии ПЛСР(и) также имела в успех в нескольких уездах, где представители этой партии возглавили уездные исполкомы. В Ливенском уезде левые эсеры составляли большинство совета, а в Карачевском уезде вместе с беспартийными и представителями других партий значительно превосходили большевиков по представительству в уездном совете [1]. Присутствие беспартийных в уездных советах Центрально-Черноземного региона отмечалось в Новооскольском, Щигровском, Болховском и Корочанском уездах, однако они нигде не возглавляли исполкомы и не являлись значительной политической силой.

В связи с ростом процентного соотношения левоэсеровских делегатов в уездных советах и поддержки данной партии любопытным выглядит сравнение представительства большевиков и левых эсеров в Центрально-Черноземном регионе с данными о партийном составе уездных советов или исполкомов Советской России в

середине 1918 г. Так, в уездных советах Центрально-Черноземного региона левых эсеров было на 2,9% больше, чем в целом в уездных советах (исполкомах) России. При этом численность большевиков в уездных советах данного региона также превышает показатели представительства РКП(б) в масштабах всей России [1].

Таблица 3

Сравнение представительства большевиков и левых эсеров

Регион	Большевики (в %)	Левые эсеры (в %)
Центрально-Черноземный	52,8%	37,5%
Вся территория Советской России	44,8%	34,6%

Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 4. Д. 40—48; *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001.

Значительная численность делегатов-большевиков может объясняться поддержкой данной партии представителями рабочего класса и других слоев населения в крупных городах Воронежской, Курской и Орловской губерний. Представительство левых эсеров в уездных советах обосновывается большим числом крестьянского населения губерний Центрально-Черноземного региона, Их поддержка различными слоями деревни, недовольными продовольственной политикой Совнаркома, приводила не только к преобладанию представителей этой партии в ряде уездных советов, но и к отказу этих советов от продовольственной диктатуры и создания комбедов. В июне 1918 г. на съезде советов Корочанского уезда Курской губернии была принята резолюция против создания комитетов бедноты [4, с. 58]. 27 июня 1918 г. исполком Карачевского уездного совета Орловской губернии, где преобладали левые эсеры, отклонил резолюцию большевиков об отправке реквизиционных отрядов в деревню [7, с. 206]. Делегаты Шацкого уездного совета Тамбовской губернии также не поддерживали введение комбедов и приняли решение об отказе помогать бедноте в деле изъятия излишков зерна [5, с. 138].

Таким образом, увеличение представительства левых эсеров в уездных советах и попытки противодействия продовольственной политике СНК в деревне свидетельствовали о росте популярности и влияния ПЛСР(и) среди населения Центрально-Черноземного региона России, что превращало ее в крупную оппозиционную партию, способную в рамках советской системы бороться за государственную власть и проведение в жизнь своей политической программы. Совместная работа большевиков и левых эсеров в уездах формиро-

вала основы советской двухпартийности, которая характеризовалась участием представителей обеих партий в управлении советами различных уровней. Левозэсеровское восстание 6 июля стало отправной точкой для раскола и постепенной ликвидации ПЛСР(и) на местах.

После раскола партии левых эсеров в ряде уездов Орловской и Курской губернии левозэсеровское влияние сохранялось, что привело к крестьянским восстаниям в Льговском и Ливенском уездах [5, с. 171—172]. Однако эти события носили локальный характер и не имели значительных последствий для политической жизни Центрально-Черноземного региона.

Период конца июня — начала июля 1918 г. являлся временем наибольшей популярности левых эсеров среди населения данного региона, что и отражают статистические данные о составе уездных советов. Наличие сильной оппозиционной партии придавало ранней советской политической системе своеобразие и делало советы реально работающими учреждениями, способными влиять на проведение внутренней политики в рамках отдельных уездов. Ликвидация левозэсеровской партии привела к падению роли советов в управлении уездами и превращению советов в фактически безвластные учреждения, которые никак не могли повлиять на политику правительства или руководства губернии.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235. Оп. 3. Д. 24—29; Оп. 4. Д. 40—48.
2. Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции. Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. — М., 1968. — 448 с.
3. Кононов Н.К. Борьба коммунистической партии против левых эсеров за крестьянство в первый год советской власти (по материалам Центрально-Черноземных губерний): дис. ... канд. ист. наук. — М., 1968. — 279 с.
4. Леонтьев Я.В. Выборы на V Всероссийский съезд Советов и кризис правительственного блока большевиков и левых эсеров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). — М., 2016. — С. 38—63.
5. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. — М., 2001. — 397 с.
6. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. — М., 2010. — Т. 2. — Ч. 1. — 772 с.
7. Соболев П.Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской революции. — М., 1977. — 320 с.
8. Сокольников О.Ф. Большевики Северной области в борьбе за политическое руководство Советами в 1918 г. // Борьба коммунистической партии за защиту социалистической революции и построение социализма в СССР. — Л., 1976. — Вып. 4. — С. 25—56.
9. Статистический ежегодник России. 1916 (год тринадцатый). — Пг., 1918. — Вып. 1. — 121 с.

Участие дезертиров в антибольшевистском повстанческом движении в Пермской губернии в 1918—1920 гг.

Аннотация. Статья посвящена истории антибольшевистского повстанческого движения в Пермской губернии в 1918—1920 гг. Материалами для написания статьи послужили не опубликованные документы пермских архивов. Их анализ показал, что на формирование движения повлияли взаимоотношения крестьян с советской властью в условиях ее борьбы с дезертирством и бандитизмом.

Ключевые слова: дезертирство, бандитизм, Гражданская война, Пермская губерния, антибольшевистское повстанческое движение, крестьяне.

Angela V. Dolgova

PARTICIPATION OF DESERTERS IN ANTI-BOLSHEVISTIC REBEL MOVEMENT IN PERM REGION IN 1918—1920

Abstract. The article is devoted to the history of anti-Bolshevistic rebel movement in Perm region in 1918—1920. Writing paper were perm archive unpublished documents. Their analyze showed that mutual relations between peasants and the Soviets had an impact on anti-Bolshevistic rebel movement under the conditions its struggle against desertion and banditry.

Keywords: Desertion, banditry, the Civil War, Perm region, anti-Bolshevistic rebel movement, peasants.

В России дезертирство как социально-политическое явление приобрело широкие масштабы в последний год Первой мировой войны. Большевики, до своего прихода к власти в России в октябре 1917 г., самым непосредственным образом способствовали разложению армии, в том числе путем стимулирования дезертирства, которое стало наиболее острым в рядах царской армии. Дезертирство было одной из причин бандитизма [10, с. 175]. Бандитизм — организация вооруженных групп (банд, шаяк) для нападения на государственные, общественные учреждения, предприятия, либо на отдельных лиц, а

¹ Долгова Анжела Валерьевна — кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ «Школа № 37». Москва, Россия. e-mail: angela_dol@mail.ru
Angela V. Dolgova — Candidate of Historical Sciences, teacher of history, State budget educational institution School № 37. Moscow, Russia.

также участие в таких бандах и совершаемых ими действиях. В годы Гражданской войны бандитизм выражался в организации массовых беспорядков, убийствах партийных и советских работников, грабежах, насилиях и других чисто уголовных деяниях [1, с. 153].

Летом-осенью 1919 г. в Пермской губернии дезертирство стало почвой для расцвета бандитизма, который парализовал деятельность местных советских организаций. В преступную деятельность были вовлечены как органы власти, так и местные жители. Борьба дезертиров-бандитов с советской властью имела разные формы: открытую — в виде одиночных нападений и хорошо организованных крупных восстаний — и скрытую, в виде подрывной деятельности против власти и политики большевиков в деревне.

В начале 1920 г. в Пермской губернии существовало несколько организованных бандитских групп, численностью от 15 до 30 человек: банда «черных гусаров», банда И.А. Вотова (27 лет), банда Пыстова [2, л. 196]. 2 января в районе завода Курашим (Пермский уезд) нападению подверглись сотрудники военкомата и исполкома. Время было выбрано подходящее — некому было оказать сопротивление. Целью было ограбление и убийство: почти все имущество бандиты вынесли, увезли, а затем убили сторожа. Остальным работникам удалось спастись бегством. Для расследования дела из ГубЧК был направлен военный комиссар П.А. Плессов, который, опросив свидетелей, восстановил картину случившегося. По словам очевидцев, бандиты — уроженцы Курашимской волости в количестве 15 человек — напали на исполком в 19:30. В здании оставался дежурный милиционер, посыльные и сторож. Сначала бандиты постучались в дверь, но их не пустили. Сломал окно, они проникли внутрь. Все, кто находились в исполкоме, испугались настолько, что не приняли никаких мер сопротивления, хотя было оружие. Позднее уцелевшие работники исполкома вспоминали: «Бандиты первым делом арестовали одного посыльного и посадили под арест. Другого посыльного заставили держать ихнюю лошадь, а милиционеру Сенокосову приказали указать, где что имеется доброго в исполкоме. Забрали книги, документы, которые хранились в архивах десятки лет, бумагу, чернила и даже ручки. Закончив дело с бумагами, они принялись разбивать денежный ящик, принадлежащий кредитному товариществу... и увезли».

То же самое бандиты проделали с военкоматом. Вечером в здание ворвались восемь человек и приказали находившимся в нем служащим: «Вы арестованы, руки вверх». По словам комиссара

Лопатина, он выбежал из канцелярии в соседнюю комнату за револьвером и бомбой, «но путь ему преградили... однако он не растерялся, выбросился из окна второго этажа, благодаря чему спасся. По нему был открыт огонь, но безрезультатно». Бандиты же в комиссариате унесли все, что только было, и, по словам свидетелей, «там, кроме поломанных столов не осталось ни одного клочка бумаги, ни ручки, ни чернил. Сделав грязное дело, как в исполкоме, так и в комиссариате, они забрали ящик несгораемый, книги и документы. Милиционера Сенокосова убили и зверски изуродовали его в трех верстах от Курашима» [3, л. 7—8].

Данный документ — свидетельство того, что даже при наличии оружия служащие волисполкома и военкомата не всегда могли отстоять имущество и защитить себя от бандитов. Внезапность нападения, вечернее время суток, нерешительность, неосторожность, отсутствие опыта борьбы с бандитизмом — вот факторы, стоившие жизни многим советским и партийным работникам. Бандиты были прекрасно осведомлены о своих жертвах и о том, как они будут себя вести во время нападения. Надо принять во внимание, что в условиях кадровой проблемы партийные и советские работники в массе своей не были предназначены и подготовлены для ведения подобного рода борьбы, а потому были легкой добычей. Не могли они «взять ни количеством, ни качеством». Те, кто действительно смогут вести эту борьбу, появятся позднее и будут отличаться от бандитов лишь принадлежностью к власти.

В январе в Осинском уезде с особой жестокостью были убиты красноармейцы. В протоколе от 3 января 1920 г. комиссией в составе представителей уездной комиссии по борьбе с дезертирством — Малкова, исполкома — Гамова, фельдшера Анисимова было обследовано тело убитого И. Постникова: рассеченная челюсть, сквозное ранение груди, пулевое ранение в сердце; тело Н. Устинова: перерезано горло, разбита челюсть, травма теменной кости, пулевое ранение в правое плечо, перелом левой голени; тело И. Чебыкина: огнестрельная рана в шею, перерублено горло, сквозное ранение правой ключицы, правая рука совсем перерублена по кисти, перелом левого бедра, «связка левой ступни перерублена напроць, на правой ступне две раны, отбит правый малый палец» [4, л. 248, 250, 251]. 3 июля 1920 г. в районе дер. Кайдалы Осинского уезда было совершено нападение на инструктора отряда по борьбе с дезертирством. Бандиты жестоко расправились с его женой, заколов ее штыком и ранили семилетнюю дочь [5, л.

20]. В сводках Пермской ГубЧК за период с 15 по 31 августа 1920 г. по всей Пермской губернии отмечались факты дезертирства, концентрации вооруженных дезертиров в лесах, нападений на членов продотрядов и милицию, грабежей [9, л. 81 об.].

Советские работники в то время небезосновательно считали, что совершаемые дезертирами преступления в отношении крестьян были мстью за их поворот в сторону власти Советов: «Почва злостных дезертиров самая зверская к населению, которое идет навстречу нашим отрядам. Дезертиры мстят, уводят лошадей, забирают имущество» [9, л. 31]. Член Осинской комиссии по борьбе с дезертирством И.К. Попов в докладе в Пермский губком партии большевиков от 20 октября 1920 г. отмечал во всем уезде большую концентрацию вооруженных дезертиров, вести борьбу с которыми не было никакой возможности из-за их рассеянности в лесах, и что нападали в основном на должностных лиц советских учреждений [11, л. 33].

Бандиты наносили ущерб крестьянским хозяйствам во время полевых работ, срывали любые начинания советских организаций, особенно, если дело касалось сдачи хлеба и других сельхозпродуктов по продразверстке. При этом действовали быстро и слаженно. Иногда им даже не требовалось применять оружие, чтобы получить хлеб: достаточно было переодеться в форму Красной армии. В таких случаях в сводках сообщалось: «Дезертиры напали под видом красноармейцев». В дер. Краснояр Сарашевской волости Осинского уезда дезертиры в количестве 60 человек напали на исполком. По словам очевидцев, «советские работники были все в панике». При перестрелке один бандит был убит, при нем обнаружили винтовку, две ручные гранаты, более 100 патронов [12, л. 58]. В Филатовской волости Пермского уезда ночью в волисполком прибыл отряд с красноармейскими значками в числе от 22 до 40 человек — часть конных, часть на подводах. На тот момент в здании находилось примерно 12 человек. Неизвестные лица потребовали от членов исполкома и сотрудников ГубЧК документы о ходе мобилизации, после чего попытались их арестовать. Заподозрив неладное, один из работников сумел убежать. Утром следующего дня два члена исполкома были выведены бандитами во двор и расстреляны. Узнав о расправе с сослуживцами, оставшиеся пленники выходить отказались, часть из которых была зверски убита в здании. Другую часть бандиты увезли с собой в неизвестном направлении. Позже отправленный на поиски отряд из Усолья обнаружил тела убитых служащих. Самих же бандитов поймать не удалось [7, л. 70].

По количеству совершаемых дезертирами преступлений на первом месте был Осинский уезд. Дезертирство и бандитизм в мае, июне, июле достигли громадных масштабов. Только в июле 1920 г. за две недели здесь было выявлено 1500 дезертиров [12, л. 57]. В сводках губЧК говорилось: «По случаю сильно развившегося за лето бандитизма и дезертирства партийная работа совсем встала. Бандитизм еще не изжит, и в связи с этим многие волячейки падали духом» [13, л. 13 об.], «жить страшно, много дезертиров, много убивают людей» [3, л. 495], «работать стало очень плохо, много дезертиров, которые очень вредят и убивают советских работников» [3, л. 495 об.].

В середине июня вблизи дер. Дубовая гора и Шлыки советские работники регулярно подвергались нападению банды в 80 человек. В с. Елово убили работника политического бюро уездного управления милиции Овчинникова. В том же селе был совершен налет на волостного военкома Шадрина. Обстреляв весь дом, бандиты оставили ему записку: «Если не убит, иди к нам добровольцем, брось комиссарство и коммуны» [6, л. 96].

В июле в районе станции Шабуничи промышляла банда в 20 человек, во главе с бывшим красным командиром А.М. Нечаевым, уклонявшимся от службы в течение двух лет, и бывшим прапорщиком Т.С. Трубиным. Участники банды по 6—8 человек промышляли в разных деревнях Стряпунинской волости Оханского уезда: А. Лошахин — в дер. Лошахино, П.Ф. Евстафеевич — в Кинино. Бандиты проживали в землянках, устроенных в логу вблизи дер. Кошки и Одина. Продовольствие получали от лесника Корнила Нечаева, жителя Одина. Бандиты проводили тайно собрания, на которых говорили: «Вот мы скоро сформируем настоящий отряд и будем действовать самостоятельно». В августе количество грабежей, насилий и убийств возросло. В сводках Пермской ГубЧК сообщалось: «Своих средств в борьбе с дезертирством у местных властей не хватает и вся надежда на недопущение развития дезертирства в Оханском и Усольском уездах на быструю деятельность троек и ВОХР» [6, л. 94].

В сентябре подверглись нападению крестьяне Курашимской, Юго-Камской и Ново-Ильинской волостей Пермского уезда. Одного крестьянина дезертиры раздели донага, избили, отобрали 6 пудов хлеба и 15.000 рублей старыми деньгами. В Степановской волости Осинского уезда промышляла банда в 30 человек во главе с офицером и полицейским урядником [6, л. 139].

В октябре бандитизм распространился во всех уездах, проявляясь, по оценке чекистов, «в чистой бандитской форме». В дер.

Молебка Кунгурского уезда вооруженные бандиты вместе с крестьянами той же деревни терроризировали советских работников. В дер. Воробьи и Романовка Пермского уезда орудовала банда в количестве 20 человек. При облаве было обнаружено 10 хороших снабженных обмундированием и продовольствием землянок, где нашли 4 винтовки и 800 патронов [6, л. 126].

Помимо открытой вооруженной борьбы бандиты вели скрытую подрывную деятельность с целью разрушения власти изнутри. Под видом советских работников бандитам удавалось не только уклониться от службы и избежать наказания за уклонение (устроившись на работу в местные учреждения), но и войти в доверие к властям с целью саботировать мероприятия, настроить крестьян против большевиков, получить ценные сведения. Так, в сводках Пермской ГубЧК за период с 19 по 25 августа 1920 г. говорилось, что помощник командира 1-го батальона полка тылового ополчения Власов — бывший штабс-капитан, служил командиром батальона 16-го штурмового полка армии Колчака — арестовывал коммунистов, расстреливал и избивал шомполами красноармейцев. В Чусовских городках комендант Л.С. Артюхов помогал противникам большевиков в установлении враждебного отношения крестьян к Красной армии и советской власти [7, л. 3].

В 1920 г. возникла и долго существовала особая форма бандитизма: в волостях, где органы власти были слабы, неустойчивы, угрозами и запугиванием бандиты устанавливали контроль над советскими работниками, а с их помощью — и над местным населением. О приближении отрядов доносили крестьяне-осведомители соседних волостей и бандиты уходили в лес. Как только опасность миновала, они возвращались. Выходило, что, как и раньше, деревня продолжала жить по общинному принципу круговой поруки. Если в деревне, где резко преобладали антибольшевистские настроения, кто-то из крестьян, членов сельских органов самоуправления и советских учреждений, не выполнял требования бандитов (отказывал в выдаче хлеба, денег, имущества), а также способствовал их розыску — тот подлежал жестокой расправе или становился изгоем. Например, местные органы власти конфисковывали его имущество с последующим перераспределением среди членов общины.

Подобные случаи отмечались уже в 1918 г. В Пермско-Останинской волости Пермского уезда существовала дер. Милково, в которой было всего восемь жителей. Так бы никто и никогда не узнал о ней, если бы ее совершенно случайно не обнаружили в

1920 г. заблудившиеся молодые красноармейцы из отряда Пермской уездной комиссии по борьбе с дезертирством. В Пермском уезде в то время насчитывалось 50 волостей, вследствие чего контролировать территорию было очень трудно. Борьба с дезертирством здесь осуществлялась по мере возможностей и сил. 19 сентября 1920 г. отряд под командованием Желнина получил приказ произвести облаву в лесах Пермско-Останинской волости. Ввиду того, что «проводник попал малоопытный, то ушли по другому ложному пути». «Проведя одну безрезультатную ночь, и не имея компаса», наутро бойцы двинулись в путь. Только 21 сентября они вышли к Милково, а 22 сентября вблизи этой деревни нашли и землянку на 10—12 человек. Землянка оказалась пуста, однако были обнаружены в большом количестве хлеб и мука. Бойцы приступили к обыску жителей, который дал следующие результаты: две винтовки, 50 патронов, охотничье ружье, капсули для бомб. На деревню был наложен штраф 77 тыс. руб., а ее жители привлечены за укрывательство к принудительным работам на 15 суток.

Во время пребывания в Пермско-Останинской волости отряд произвел три облавы в лесу и 12 в деревнях. Было поймано два вооруженных дезертира, скрывавшихся больше года, арестовано 17 укрывателей. Позднее Желнин в своем докладе комиссии отметил: «Настроение населения волости, кроме деревни Милкова, кулаческое. Деревни Милкова — к Советской власти, в частности, к отрядам, резко враждебное... Семья контрреволюционная». От местных крестьян бойцы узнали подробности того, что происходило в этой волости. Вся деревня — 8 человек — с 1918 г. регулярно производила нападения на проходящих красноармейцев, обезоруживая и убивая их. Со слов свидетелей, пострадало порядочное количество людей. Во время восстания в том же 1918 г. в деревне были расстреляны красноармейцы и коммунисты — 7 человек. Трех крестьяне зарыли тут же на месте, в трех саженьях от дороги, двух других спустили под лед р. Косьвы. Бойцы нашли и вскрыли могилу, обнаружив в ней останки пяти тел.

В ходе расследования были опрошены крестьяне. Выяснилось, что вся волость принимала участие в пособничестве и укрывательстве бандитов. Запасы оружия также были обнаружены в дер. Тихой, Красной, Юрухайновой, Панылках и Вяткиной. Но главное, что удалось выяснить — участие в преступной и антисоветской деятельности местной партийной ячейки, ее руководителя В.С. Чащина. Желнин писал: «Даже члены ячейки принимали участие в позорном нашествии колчаковских банд и теперь ясно, что ячейка

организована не ради помощи Советской Республике, а для того, чтобы скрыть все тайности. Отлично обо всем знали члены ячейки и работники Советской власти... Приняты меры постановлением председателя опертройки и начальника отряда просить переорганизацию всех учреждений и организаций волости» [8, л. 107—107 об.].

Особенностью 1920 г. является начавшийся раскол в среде дезертиров, на который повлияли два процесса. Первый — окончательное утверждение советской власти. В связи с этим появились так называемые дезертиры-мирохоты, стремившиеся вернуться к мирной жизни, воспользовавшись амнистией, объявленной ВЦИК ко второй годовщине Октябрьской революции, и дезертиров-бандитов, которые не желали смириться с победой власти Советов и продолжали с ней открытую борьбу по типу партизанского движения.

Второй процесс связан с поворотом крестьян. Если ранее они поддерживали дезертиров-организаторов (срывали мобилизации, препятствовали проведению разверстки, устраняли неугодных партийных и советских работников), то с разгромом Колчака и перемещением фронта на Дальний Восток они уже не видели в этом смысла. Постепенно крестьяне стали сознавать, что лучше всего было бы поддерживать большевиков, помогать им в деле борьбы с дезертирством и бандитизмом. К этому их подталкивали также ненависть и желание отомстить за пострадавших от рук бандитов родных и близких. В результате большинство крестьян заняло лояльную позицию по отношению к власти.

Список литературы

1. Военный энциклопедический словарь. — М.: Издательский дом «Оникс XXI век», 2002. — 1432 с.
2. Государственный архив Пермского края (ГАПК) Ф. Р-532. Оп. 3. Д. 197.
3. ГАПК. Ф. Ф. Р-532. Оп. 3. Д. 1.
4. ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 528.
5. ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 544.
6. ГАПК. Ф. 557. Оп. 1. Д. 197.
7. ГАПК. Ф. 557. Оп. 1. Д. 10.
8. ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 550.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 414.
10. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 720 с.
11. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ). Ф. 557. Оп. 1. Д. 7.
12. ПГАСПИ. Ф. 754. Оп. 2. Д. 59.
13. ПГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 33.

Эволюция институтов управления культурой в судьбах Отдела изобразительных искусств Наркомпроса

Аннотация. В статье рассмотрены жизненные пути представителей первого состава отдела Изобразительных искусств Наркомпроса, проводимая ими политика в сфере культуры, взаимодействие с новой властью. Художники авангардных направлений, пойдя на сотрудничество с большевиками, впервые приняли участие в государственном регулировании культуры. Несмотря на то, что они были вынуждены лавировать между нехваткой ресурсов и противодействием «старой» художественной интеллигенции, художники выстраивали новую систему музеев и художественного образования.

Ключевые слова: изобразительное искусство, Народный комиссариат просвещения, ВХУТЕМАС, Д. Штеренберг, С. Дымшиц-Толстая.

Julia S. Philina

THE EVOLUTION OF CULTURE SUPERVISION INSTITUTIONS THROUGH THE FINE ARTS DEPARTMENT PERSONNEL'S BIOGRAPHIES (COMMISSARIAT OF ENLIGHTENMENT)

Abstract. The article deals with the life paths of the representatives of the first staff of the Fine Arts Department of the People's Commissariat of Enlightenment, the policy they pursued in the sphere of culture and interaction with new authority. The avant-garde artists, started to cooperate with the Bolsheviks, and for the first time took part in the state regulation of culture. Despite the fact they had to maneuver between the lack of resources and the opposition of the "old" artistic intelligentsia, they built a new system of museums and art education.

Keywords: Fine Arts, People's Commissariat of Enlightenment, "VHUTEMAS", D. Shterenberg, S. Dymshits-Tolstaya.

Февральские события 1917 г. заставили художественную интеллигенцию иначе взглянуть на свои функции: теперь союзы, общества и т.п. начинали формироваться исходя не только из творче-

¹ **Филина Юлия Сергеевна** — аспирант кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Москва, Россия. e-mail: www.w@icloud.com

Julia S. Philina — Graduate student of the Department of Modern History of Russia, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

ских задач, а как объединения профессиональные, отстаивающие свои права, с одной стороны, и выполняющие свою социальную обязанность — защиту культурного наследия, с другой. Наиболее яркий пример такого объединения — Комиссия по охране памятников культуры под председательством М. Горького. Однако официального, государственного статуса эти объединения не имели.

В октябре ситуация переменялась: Министерство Просвещения отказалось идти на контакт с большевиками, хотя А.В. Луначарский и рассчитывал на сотрудничество, что следует из декрета об учреждении Государственной комиссии по просвещению от 9 ноября 1917 г. [3, с. 59—62]. Луначарский был вынужден формировать новый орган руководства культурой практически «с нуля». Отдел изобразительных искусств Наркомата просвещения был сформирован уже к январю 1918 г. В современной историографии утвердился тезис, что в него хлынули массово художники авангардного направления. «Этот прорыв к политической власти не был для авангарда лишь результатом оппортунизма и стремления к личному успеху, но вытекал из самой сущности авангардистского художественного проекта», — пишет Б. Гройс [2, с. 25].

На должность заведующего отделом назначен Д.П. Штеренберг. Выходец из Житомира, он начинал свою карьеру, как фотограф. Как и многие представители художественной общественности начала XX в. (особенно это касается выходцев из еврейских «местечек», таких как Эль Лисицкий, М.З. Шагал, Н.Э. Альтман и др.), он отправился получать образование в Париж. В легендарном «Улье» он прожил с 1907 по 1916 гг. Оттуда Штеренберг писал своей первой жене Надежде, прибывшей в Париж спустя некоторое время: «Приедешь, увидишь, и как свободно здесь дышится, можешь пойти куда угодно, никто не тронет. Нет одесских черносотенцев. Только не воображай, что здесь рай» [4, с. 11]. В Париже состоялось и знакомство художника с А.В. Луначарским, который в 1914 г. посетил мастерскую Штеренберга и написал несколько хвалебных статей в газете «Киевская мысль»: «Штеренберг оказался одним из жителей того причудливого “Вавилона № 2” по улице Данциг, который сооружен из рухляди и остатков разрушенных зданий, приспособлен к потребностям бедного художника и дает приют доброй сотне молодых людей, ведущих отчаянную идейную и материальную борьбу с жизнью. Этот курьезный художественный лабиринт носит название La Ruche» [8].

По воспоминаниям Н.Д. Штеренберг, после известия о Февральской революции «перед Штеренбергом встала дилемма: при-

нимать французское гражданство или срочно покинуть страну. Путь через охваченную войной Европу оказался длинным. Сначала приехали в Лондон. Пока он находился в Лондоне, произошли июльские события. Временное правительство произвело аресты большевиков. К этим эмигрантам, возвращающимся домой, относились настороженно. Штеренберг долго не мог выехать из Англии. В Петроград он прибыл через Норвегию во второй половине 1917 года. В городе никого знакомых не было, а те, что были, скрылись в подполье (Временное правительство произвело аресты после июльских событий)... Д.П. Штеренберг назначен на должность художника в Московском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, занимается вопросами охраны памятников истории и культуры, в частности, следит за сохранностью московских музеев. Председателем Художественного отдела Совета был К.С. Малевич [период до октября 1917]» [6, с. 151].

После октября 1917 г. А.В. Луначарский обратился к Д. Штеренбергу с предложением занять пост заведующего ИЗО Наркомпроса. К 29 января 1918 г. он был утвержден в этой должности. Первыми, кого Штеренберг привлек к активной работе в Наркомпросе стали Альтман — художник, запомнившийся в советском искусствоведении, в первую очередь, как автор скульптурного бюста Ленину, и Н.Н. Пунин — искусствовед, весьма скептически относившийся к Луначарскому в роли наркома просвещения. В то же время Луначарский начал формирование Отдела изобразительных искусств в Москве. Воспоминания об этом историческом эпизоде написала в 1950-е гг. вторая жена А.Н. Толстого — С.И. Дымшиц-Толстая, художница из Санкт-Петербурга: «В 1917 году Правительство наше находилось в Ленинграде. В один прекрасный день приехал в Москву Народный Комиссар Анатолий Васильевич Луначарский... Он был неподражаемо внимателен и терпелив ко всем нашим, иногда нелепым, просьбам, которые умел отводить с необыкновенным тактом, не задевая самолюбия художника. В отношении его эрудиции говорили, что Анатолия Васильевича можно ночью разбудить, и он на любую тему сделает доклад. Мы Анатолия Васильевича очень любили и высоко уважали. По приезде он собрал группу московских художников, среди которых была и я, и предложил нам организовать при Наркомпросе отдел ИЗО во всесоюзном масштабе. Ясно, что выполнение этого задания было возложено главным образом на самых молодых и энергичных художников. Из их среды была избрана коллегия, члены которой из своей среды избрали ху-

дожника Татлина председателем, а меня заведующей организационным отделом» [10, л. 91]. В отдел пришел работать и В. Татлин, «идейный» художник, соперник Малевича, родоначальник конструктивизма, «вдохновенный юродивый» по выражению А. Эфроса [15, с. 286]. Он, конечно, мог быть избран председателем только молодыми «левыми» художниками. У сторонников же классического искусства он вызывал, в основном, отторжение.

Художники, составившие первый Московский и Петроградский отдел, впервые сталкивались с организационной и финансовой стороной дела. Дымшиц-Толстая в своих воспоминаниях воссоздает атмосферу того времени в наркомате и специфику самого отдела: «Секретаря не было. Так как я была заведующей организационной частью отдела, то на меня, конечно, возложили обязанность писать протоколы. Их было такое множество, что это стало мне не под силу, и я обратилась к Надежде Константиновне Крупской за помощью. Она сразу откликнулась и послала секретаря, товарища с фронта, серьезно контуженного. Его приходилось все время контролировать, но это было полбеды. Начались финансовые дела, что, конечно, было гораздо серьезнее. На все заседания финансового отдела Наркомпрос вызывал лично меня, и я разрывалась между контуженым секретарем и многочисленными заседаниями. Я опять решила пойти за помощью к Надежде Константиновне, и она опять помогла. Послала нам с фронта контуженого бухгалтера. До прихода бухгалтера железного шкафа у нас не было, и хранение подотчетных денег производилось таким образом: мы с Татлиным в финансовом отделе Наркомпроса получали подотчетные деньги, большие листы керенок. Татлин на голое тело в них заворачивался, и мы вместе с ним повисали в трамвае, который шел к мастерской Татлина на Басманную улицу. Трамвай был бесплатный, и люди висели на нем со всех сторон гроздьями. Татлин старался пробраться на площадку, я поблизости бдительно охраняла его от воров, многочисленных беспризорников. По приезде в мастерскую, на Басманную, мы длительно совещались, где хранить деньги. Татлин и я — мы решили поднять в полу несколько досок и деньги спрятать под полом. Мне показалось, что это очень правильная мысль. Когда же я вернулась домой, я жила на Арбате, в другом конце города, мне ночью пришла новая мысль. Был голод, и крысы могли эти керенки пожрать. Не дожидаясь трамвая, я ночью пешком побежала на Басманную» [10, л. 92—93].

В ее воспоминаниях отражены и очень ценные моменты психологической «готовности» людей искусства к исполнению бюро-

кратических процедур: «Татлин, наш председатель, был человеком очень решительным в вопросах идеологии искусства, но необычайный трус в защитах смет и т.д. Он этим не интересовался, а возложил эти вопросы всецело на меня. А так как по правилам доклад на коллегии Наркомпроса делался заведующим, то Татлину пришлось готовиться к защите доклада. И вот начались бесконечные репетиции. Татлину в рот было вложено все в прожеванном виде, и ему только надо было проглотить. Когда нас вызвали в коллегию Наркомпроса, мы с Татлиным сидели бледные, как в воду опущенные, боялись оскандалиться. Идет заседание, и вот приближается наш вопрос. Татлин начинает делать попытки встать и улизнуть. Я же под столом ухватила за полы его пиджака и шепчу: “Вам не удастся”. Он, все больше волнуясь, шепчет: “Я сброшу пиджак”. Я быстро соображаю, что это будет настоящий скандал и отпускаю полу пиджака. Татлин встает и поспешно выходит из зала. Я смотрю на Анатолия Васильевича Луначарского. Тот улыбается и объявляет, что доклад по делу ИЗО будет делать не Татлин, а Дымшиц-Толстая» [10, л. 98—99].

На расстановку сил в руководстве изобразительным искусством в первые годы власти большевиков повлиял переезд правительства из Петрограда в Москву. Само решение принято 11 марта 1918 г., но вплоть до 1919 г. часть отделов Наркомпроса (театральный, отдел изобразительных искусств — те, что курировал непосредственно Луначарский) оставалась в Петрограде. В течение 1917—1919 гг. роль первой скрипки играла Петроградская коллегия, так как ее основной состав еще не перебрался в Москву. С переездом Штеренберга в Москву роль «ведущей» коллегии отдела изобразительных искусств перешла к московской части структуры отдела.

Представители Московского ИЗО не проявили особой радости по этому поводу: «Когда Правительство переехало из Ленинграда в Москву, к нам был назначен комиссаром по делам искусства художник Давид Петрович Штеренберг, который до этого был комиссаром по делам искусств в Ленинграде. Мы с ним не ладили и, как в таких случаях бывает, между нами начались обострения. И вот группа художников: Татлин, Малевич, Моргунов и я решили переехать в Ленинград. В Ленинграде я заняла место в Ленинградском отделе Наркомпроса заведующей издательской секцией по делам искусств, а в Союзе работников искусств, уже тогда организованном, заместителем заведующего секцией живописи» [10, л. 103]. К тому же Штеренберг был крайне мало знаком московской среде как художник.

Деятельность ИЗО Наркомпроса велась в нескольких главных направлениях: 1. Преобразование Высшей художественной школы. Вместо Академии Художеств, упраздненной 12 апреля 1918 г., созданы ПГСХУМ (Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские) в Петрограде и ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) в Москве. Большинство членов ИЗО Наркомпроса вели в них преподавательскую деятельность; 2. Формирование государственного фонда художественных произведений. Экспертный совет должен был отбирать произведения для закупки у художников на государственные средства; 3. Реформирование музейного дела. Начинает формироваться сеть музеев живописной культуры (они же — музеи художественной культуры), задачей которых было не только знакомство населения с новыми направлениями в искусстве, но и разработка нового типа экспозиции, ведение лекционного курса. Первым руководителем московского МЖК был В.В. Кандинский; 4. Художники ставили задачу поиска нового языка искусства, который отразил бы суть революции и нового общества, как они его видели. В практическом смысле эта задача решалась, в первую очередь, в проведении революционных праздников.

Первое противоречие, с которым столкнулись члены отдела ИЗО было вовсе не связано с давлением «сверху». В какой-то степени они сами его и инициировали. Это был вопрос смены художественных элит и борьбы между «старым» и «новым» искусством за влияние и ресурсы. Так, для Штеренберга стало большим ударом выделение Архитектурного отдела из Изобразительного. Возникали трудности с набором преподавательского состава в новые учебные заведения. Многие из художников классического направления поначалу отказывались идти в них работать. Например, в 1920 г. Штеренберг обратился с предложением вести курсы во ВХУТЕМАСе к Д.Н. Кардовскому, который, хоть и принял предложение, крайне негативно впоследствии отзывался о своих коллегах: «Прежде чем начать занятия во ВХУТЕМАСе, я участвовал на небольшом совещании с некоторыми преподавателями живописного «факультета». Тут были, насколько помню, В.В. Кандинский, В.Д. Баранов-Россинэ, Певзнер, кажется, Р.Р. Фальк и еще кто-то — не А.В. Шевченко ли?... Такие авантюристы, и решительно ничего сами не имевшие в рисунке и живописи, как Баранов-Россинэ, Певзнер... Я даже сомневаюсь, учились ли сами эти субъекты где-нибудь и когда-нибудь тому, за преподавание чего в художественном вузе они брались те-

перь. По-настоящему этих граждан надо было в три шеи гнать вон. А они делали тон в училище и составляли программы» [5, с. 191].

Н. Певзнер и В. Баранов-Россине оба окончили художественные училища, поступили в Академию художеств в Петербурге, правда, были отчислены оттуда (Певзнер в связи с ограничениями для лиц иудейского вероисповедания, Баранов-Россине за прогулы). Затем они жили и работали в Париже, Копенгагене, Осло. Баранов-Россине с октября 1910 г. участвует в парижских выставках Осеннего салона (1910—1913), Салона независимых (1911—1914). В Улье он познакомился с будущими сослуживцами по Отделу изобразительных искусств. В 1925 г. художник уезжает из СССР во Францию, где впоследствии его застала Вторая мировая война, 25 января 1944 г. Баранов-Россине погиб в Освенциме. Певзнер также покинул СССР: «В январе 1923 выехал в Берлин, в октябре поселился в Париже. В первые годы жил в бедности, зарабатывал окраской автомобилей на заводе Рено. Намеревался вернуться в Россию, но по настоянию жены Виргинии в 1926 получил нансеновский паспорт, что предполагало отказ от советского гражданства (в 1930 супруги приняли французское гражданство)» [7]. Позднее получил признание как художник-конструктивист и представлен во многих музеях мира.

Однако вернемся к Отделу изобразительных искусств. Горячий конфликт разгорелся с отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Во главе отдела стояла Н.И. Троцкая, но бóльшим влиянием пользовался И.Э. Грабарь, который выразил свое отношение к Отделу ИЗО следующим образом: «Мы “музействовали” и “охраняли”, тогда как художники больше разрушали» [1, с. 274].

После отъезда Луначарского и Штеренберга в Москву положение Петроградской коллегии ухудшилось. В первую очередь, это коснулось финансового вопроса: «Второе обстоятельство, весьма затрудняющее нашу работу — это катастрофическое, немыслимое, безысходное отсутствие денег. Гринберг исчерпал все возможности, все запасные средства и отказывается удовлетворять нас в самых незначительных наших нуждах. Весь этот небывалый для меня пессимизм, конечно, удивителен, и я бы охотно, сию же минуту оставил бы отдел совершенно, если бы смел», — писал Н.Н. Пунин [9, с. 122]. К маю 1920 г. он теряет надежду, что ситуация в культурном строительстве способна измениться к лучшему (по крайней мере, для представителей «левых» течений): «По-ви-

димому, конец моей работе в отделе. М.Ф. Андреева назначена зав. подотделом, есть сведения: Петроградский исполком поручил ей вычистить отдел от «футуристов», значит, от меня в данном случае. Оглядываюсь. Хорошо. Очень хорошо и ухажу с величайшим удовлетворением» [9, с. 129].

В 1920 г. была сформирована комиссия под председательством Е.А. Литкенса для реформирования структуры Наркомпроса, официальной ее целью было устранение параллелей в работе отделов и подотделов. Однако в результате реформы к 1922 г. был упразднен Художественный сектор (в который входил отдел ИЗО), а его функции разделили между собой несколько главков. Устоялась система только в апреле 1928 г., когда было образовано Главискусство. Часть художников, начавших свою службу в новом государственном аппарате в 1917 г., покинули его на данном этапе. Но отнюдь не все. Штеренберг, который на время проведения реформы отправлен в Берлин курировать выставку, по возвращении совмещал несколько должностей в Наркомпросе, в том числе, в течение десяти лет он был председателем Секции изобразительного искусства Научно-художественной секции ГУСа [11, л. 3].

Определенное влияние в художественной среде Давиду Штеренбергу удавалось сохранять до начала 1930-х гг. В 1930 г. ему, одному из первых в стране, было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, следом он был избран первым заместителем председателя МОССХ. В период, когда уже активно велась кампания по борьбе с формализмом, он продолжал защищать права художников на поиск нового живописного языка, старался смягчить столь радикальный раскол в среде художников. На одном из заседаний МОССХ (5 апреля 1936 г.) он обращался к художникам: «Я считаю, что когда вы кончите эти наскоки на то, что давным-давно не существует, а будете думать о том, что сегодня, тогда борьба за настоящее советское реалистическое искусство себя оправдывает. Хорошо, что Малевич умер, а то вы бы его квадратом шпыняли. Надо, наконец, понять, что вопрос здоровой атмосферы имеет огромное значение у нас» [12, л. 23].

Художники, которые первыми пошли на сотрудничество с Советской властью, избрали очень разные пути. Одни, как Альтман, приняли тот курс, которым пошло развитие художественного сообщества и институтов управления культурой. 1928—1935 гг. художник провел в Париже. Ему удалось «остаться в стороне от протекавших в советском искусстве процессов» [14, с. 92]. По

возвращении в СССР он прочел лекцию, в которой осуждал Пролеткульт как прибежище сторонников А. Богданова, критиковал Троцкого и Бухарина [13, л. 1—2]. Поселившись в Ленинграде, посвящал время, в основном, театру и книжной графике. Так многие художники «левого» направления обеспечивали себе заработок в 1930-е гг. В 1969 г. состоялась ретроспективная выставка Альтмана, а в 1970 г. художник скончался. Пунин подвергся прямым репрессиям: впервые его арестовали еще в 1921 г., затем в 1930 г., а 1949—1953 гг. он провел в Абезьском лагере, где скончался и похоронен на безымянном кладбище. Другие, как Штеренберг, продолжали участвовать в острых дискуссиях, оспаривая мнение таких апологетов социалистического реализма, как О. Бескин. «С конца 50-х годов в обиход отечественной и мировой культуры постепенно возвращались имена классиков русского авангарда. Но Штеренберг и здесь оказался несчастливым исключением» [4, с. 7].

Список литературы

1. Грабарь И.Э. Моя жизнь. Автобиография. — М., Л.: Искусство, 1937. — 372 с.
2. Гройс Б.Е. Утопия и обмен. — М.: Знак, 1993. — 373 с.
3. Декреты Советской власти. Т.I. — М., 1957. — 626 с.
4. Еремин А., Куприна Е., Лазарев М. Давид Штеренберг. 78 столов: (Альбом-каталог). — М.: Логос, 2000. — 107 с.
5. Кардовский Д.Н. Об искусстве. Воспоминания, статьи, письма. — М.: Изд-во Акад. художеств СССР, 1960. — 340 с.
6. Лазарев М.П. Давид Штеренберг. — М.: Галактика, 1992. — 236 с.
7. Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Певзнер А. [Электронный ресурс] // Искусство и архитектура русского зарубежья: сайт. — URL: <http://www.artz.ru/menu/1804660060/1804785746.html> (дата обращения: 07.11.2017)
8. Луначарский А.В. Молодая Россия в Париже. Об искусстве. Т. 2. [Электронный ресурс] // Наследие А.В. Луначарского: сайт. — URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/russkoe-sovetskoe-iskusstvo/molodaa-rossia-v-parize> (дата обращения 05.11.2017)
9. Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. — М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. — 525 с.
10. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 2843. Оп. 1. Д. 2558. Л. 91—93, 98—99, 103.
11. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 16. Д. 489. Л. 3.
12. РГАЛИ. Ф. 2943. Оп. 1. Д. 69. Л. 23.
13. РГАЛИ. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 225. Л. 1—2.
14. Эткинд М.Г. Натан Альтман. — М.: Сов. художник, 1971. — 131 с.
15. Эфрос А.М. Профили. Очерки о русских художниках. — Санкт-Петербург: Азбука, 2007. — 315 с.

Лагерная система мест заключения в Московском регионе (1918 г. — конец 1930-х гг.)

Аннотация. В статье отражен процесс зарождения и развития лагерной системы в Московском регионе с 1918 г. по конец 1930-х гг. Отдельное место уделяется проблеме принудительного труда заключенных и его использования в различные периоды. В статье приведена статистика по численности и составу заключенных московских лагерей.

Ключевые слова: концентрационный лагерь; ГУЛАГ; принудительный труд; заключенные; военнопленные.

Илья V. Udovenko

CAMP SYSTEM OF DETENTION FACILITIES IN MOSCOW REGION (1918 — END OF 1930S)

Abstract. The article explores the origins and development of the camp system in Moscow region from 1918 till the end of 1930s. Special attention is devoted to the problem of forced labor of inmates and its utilization during different periods. The article provides statistics on the number and composition of prisoners in Moscow camps.

Keywords: concentration camp; GULAG; forced labor; prisoners; prisoners of war.

В апреле 1918 г. при Наркомате юстиции РСФСР был создан Центральный карательный отдел, который предпринял решительную модернизацию мест заключения. Ее основополагающие принципы были сформулированы во «Временной инструкции»: 1. самоорганизация; 2. перевоспитание заключенных [7, л. 21]. После подписания Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. бывшие лагеря для военнопленных Первой мировой начали постепенно освобождаться, в них большевики стали размещать военнопленных гражданской войны. Кроме того, с весны 1918 г. на территории РСФСР начинает формироваться сеть концлагерей ВЧК [12,

¹ **Удовенко Илья Витальевич** — аспирант Института российской истории Российской Академии наук, старший научный сотрудник Государственного музея истории ГУЛАГа. Москва, Россия. e-mail: ilvitud@gmail.com

Ilya V. Udovenko — graduate student, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. Senior Researcher of GULAG History Museum. Moscow, Russia.

с. 6]. 5 сентября того же года был принят декрет СНК «О красном терроре», в котором прямо указывалось: «Необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях» [15, л. 10]. К 1921 г. существовало 107 лагерей, распределенных между 43 губерниями [13, с. 126].

В первые годы советской власти как по количеству лагерей, так и по числу заключенных заметно выделялась Москва, где по различным данным существовало от 8 до 15 концлагерей. В них преимущественно содержались военнопленные советско-польской войны 1919—1921 гг., белогвардейцы, иностранные граждане, поддерживавшие Белое движение, дезертиры, участники анти-советских восстаний (главным образом Антоновского восстания в Тамбовской области), а также заложники, проститутки, наркоманы и др. К 1919 г. сеть лагерей так сильно разрослась, что НКВД был вынужден создать отдельное Московское управление лагерей принудительных работ, входившее в систему Главного управления принудительных работ (ГУПР) НКВД РСФСР.

Московские лагеря отличались частой сменяемостью осужденных, что отражалось на составе заключенных и функциональном назначении лагерей. Из-за своего федерального значения как новой столицы и крупнейшего транспортного узла Москва была вынуждена принимать весьма существенную часть всех заключенных. Такая политика быстро привела к перенаселению лагерей, которые не могли вмещать растущий объем осужденных. Согласно переписке ВЧК с Центропленбежем за 1919 г., город стоял на втором месте (4700 чел.) по наполнению заключенными после Уральской области (5000 чел.). Всего же на 1919 г. в лагерях содержалось 42.550 заключенных [1, л. 36]. Несмотря на приказы и инструкции ВЧК и постановления ВЦИК, процедуры заключения и отправки в лагеря постоянно нарушались. Например, в октябре 1919 г. в Нижегородский лагерь принудительных работ из московских лагерей (Кожуховского, Новопесковского и Покровского) были единовременно отправлены свыше 1000 заключенных без каких-либо сопроводительных документов и судебных приговоров.

В 1922 г. внутри Главного управления принудительных работ был образован Принкуст — бюро принудительного труда, задача которого заключалась в распределении трудовых ресурсов лагерей на различные виды работ. Целью создания такого ведомства являлось «всемерное использование сил заключенных на находящихся в его ведении заводах, фабриках, совхозах и других предприятиях... от-

крытие, заарендование и приспособление новых предприятий, постройка для них зданий, перестройка и достройка существующих» [11, л. 7]. Этот документ, по сути, вводил принцип использования бесплатного принудительного труда как основу существующей лагерной системы. Этот же принцип впоследствии стал краеугольным камнем всей системы ГУЛАГа, когда в ведение НКВД передавались крупнейшие производственные и строительные объекты страны.

Как особая территория Москва имела свою собственную схему распределения заключенных по лагерям. Их дела направлялись в Стол распределения по лагерям на территории г. Москвы Учетно-распределительного подотдела. Пока дело рассматривалось, заключенный находился в Ново-Песковском лагере-распределителе. Следующим шагом было определение заключенного по конкретным лагерям, которые делились на две группы: 1. Лагеря, подведомственные Главному управлению принудработ; 2. Лагеря, подведомственные Московскому управлению принудработ [5, л. 2]. Лагеря отличались высокой степенью движения заключенных, сроки лишения свободы варьировались от нескольких месяцев до пожизненного [16, л. 4]. Например, за 1920 г. через Покровский лагерь прошло свыше 9000 человек, хотя единовременное число заключенных не превышало 1100. Общая одномоментная численность лагерей редко превышала 5—6 тыс. человек. Состав заключенных также постоянно менялся. При этом лагеря из-за плохого снабжения и антисанитарных условий отличались довольно высокой смертностью — порядка 8%. О половозрастном составе можно сказать следующее: в силу того, что лагеря принимали большое количество военнопленных, подавляющее большинство заключенных являлись взрослыми мужчинами. Несовершеннолетние (15—18 лет) в основном попадали в лагеря как беспризорники, их число было незначительным.

Социальный состав заключенных также объяснялся большим количеством военнопленных. Лагеря были заполнены в основном крестьянами (65%), мещанами (20%), общее число дворян за все годы существования лагерной системы не превышало 5%. По роду преступлений первое место занимали военнопленные и дезертиры, на втором месте были уголовные преступники, на третьем — осужденные за экономические преступления, в основном за спекуляцию. Контрреволюционные преступления также были довольно частым явлением — на их долю приходилось 15—18%. Как правило, в московских лагерях политическим заключенным предоставлялись помещения, отдельные от уголовников.

Организация труда заключенных происходила как непосредственно на лагерных территориях, так и на различных производственных объектах столицы и ближайшего Подмосковья. Согласно Правилам по использованию рабочей силы, находящейся в лагерях, подведомственных Управлению г. Москвы, все заключенные, не занятые внутренними работами в лагерях, посылались на внешние работы [4, л. 1]. На работодателя возлагалось выполнение требований по организации охраны заключенных и ответственность в случае побегов, которых, судя по отчетам, было предостаточно. Например, из Владыкинского лагеря только за первое полугодие 1920 г. было совершено 472 побега.

В плане организации труда выделялись польские военнопленные, которые согласно постановлению СТО 1920 г. были переданы в ГУПР, где из них сформировали трудовые дружины военного типа. Им полагались более комфортные условия проживания, усиленное питание наравне с тыловым питанием бойцов Красной армии [2, л. 1]. Наиболее скверные условия содержания, согласно многочисленным докладам инспекторов труда и комендантов лагерей, приходились на долю бывших белогвардейцев. Подробно их участь описал комендант Андрониковского лагеря в докладе президиуму ВЧК от 16 апреля 1920 г.: «Наблюдая непосредственно за содержащимися в лагере, в особенности за военнопленными перебежчиками белого фронта, я пришел к мысли, почему эту темную массу, более всего или почти исключительно крестьянскую, никуда не используя содержится в лагерях, и что скверно, это по всем лагерям, где она ничего не делает, поедает голодный паек, от недоедания болеет и мрет» [3, л. 213].

Необходимо заметить, что принудительный труд в лагерях 1920-х гг. не решал принципиальных экономических задач, как это будет после постановления СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных» (1929). Он был направлен скорее на организацию рабочих будней заключенных с целью обеспечения содержания самого лагеря, либо на краткосрочные физические работы в различных учреждениях. Из немногочисленных воспоминаний заключенных можно сделать вывод, что основной целью принуждения к работам было унижение классового врага и его идеологическое перевоспитание. Таким образом, советская власть рассматривала существующую лагерную систему как совокупность воспитательных трудовых коммун, объединенных по производственному признаку.

Отдельной задачей ГУПР являлась организация проживания и быта заключенных, которые оставляли желать лучшего. Одна из заключенных Андрониковского лагеря, княгиня Т.Г. Куракина

(урожденная баронесса Врангель), описала условия содержания: «Нас, дам, поместили в особое здание — бывший архиерейский дом. Электрического освещения не было; ламп также не было, свечей тоже. Было очень холодно, и каменный, давно необитаемый дом был до того сырой, что, когда я забралась на нары, я почувствовала, что доски не то, что влажные, а совершенно мокрые. Кормили нас отвратительно — простыми словами, голодом морили. В нашей камере не было печки, так что совсем не топили — и это при двадцатиградусном морозе» [14, с. 179—292].

В 1922—1923 гг. все московские лагеря принудительных работ были закрыты. Внутри наркоматов произошли принципиальные трансформации: все места заключения Наркомата юстиции были переданы в НКВД РСФСР, Центрально-исправительный трудовой отдел (ЦИТО) при НКЮ также перешел в ведение НКВД и был переименован в Главное управление мест заключения (ГУМЗ), куда также вошло Главное управление принудительных работ [6, л. 233]. Часть заключенных была освобождена, остальных перевели в северные лагеря особого назначения ОГПУ. Советское руководство видело огромный потенциал в использовании труда заключенных — колонизацию новых земель и пространств, самых отдаленных и труднодоступных уголков страны для добычи и обработки природных богатств. Поэтому содержание тысяч заключенных в столице и других губернских городах у всех на виду представлялось отныне вредным.

В 1930 г. в составе ОГПУ было организовано Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ), что ознаменовало новый этап истории лагерной системы в московском регионе. В начале 1930-х гг. газеты пестрили заголовками о первом крупном строительном опыте ОГПУ — Беломорско-Балтийском канале, где в качестве основной рабочей силы использовался труд заключенных. На фоне «побед» 1-й пятилетки на июньском пленуме 1931 г. ЦК ВКП(б) было принято решение о строительстве канала Москва—Волга. Постановлением СНК СССР от 26 мая 1932 г. начальником строительства канала был назначен начальник ГУЛАГа Л.И. Коган [8, л. 145]. Все работы возлагались на ОГПУ. 14 сентября 1932 г. в подмосковном Дмитрове был организован Дмитровский ИТЛ.

По предварительным согласованиям, строительство канала должно было быть закончено к ноябрю 1934 г. Оно широко освещалась в прессе. В отличие от многих другихстроек ГУЛАГа, в этом случае активно использовались экскаваторы, лебедки, грузовики и другие средства механизации. Но все же, согласно документам,

механизация работ на Мосволгострое не превышала 25%. Тем не менее, Дмитлаг, в отличие от своих предшественников — лагерей принудительных работ, решал уже не местные ведомственные задачи, а реализовывал глобальные промышленные проекты, имеющие стратегическое значение общесоюзного масштаба.

В плане быта и организации рабочего времени заключенных все обстояло достаточно жестко и регламентированно: рабочий день устанавливался с 7 до 17 часов, вводились рабочие зоны, которые заключенные не имели право покидать, особое место занимала партийная работа и работа КВЧ. Кроме того, заметно эволюционировал внутренний аппарат лагерей. В структуре Дмитлага имелись объединенные отделы: финансовый, общеадминистративный, отдел связи, общего снабжения, технического снабжения, рабочего снабжения, КВО и др. [18, с. 62] В 1932 г. этот ИТЛ в масштабах ГУЛАГа был сравнительно небольшим, с лимитом заполнения в 10.000 человек. По мере расширения масштабов строительства росла и численность заключенных, которая в 1933 г. составила 51.502, в 1934 г. — 156.319, в 1935 г. — 192.229 человек [17, с. 214]. В лагерь поступали вновь осужденные, а также бывшие заключенные Белбалтлага и лагерей Дальнего Востока. Строительство канала определяло географию отделений и пунктов Дмитлага, которые были разбросаны по всей трассе канала от современных московских районов Тушино и Строгино до Ивановской ГЭС (более 120 км) в районе современной Дубны. Из-за таких обширных территорий побег заключенных был довольно частым явлением.

Ранний ГУЛАГ, до эпохи Большого террора, отличался своим гигантизмом в плане комплектования и численного состава заключенных. Почти все лагеря имели большую численность заключенных (Дмитлаг — свыше 190 тыс., Бамлаг — свыше 200 тыс., Белбалтлаг — около 90 тыс., Ухтпечлаг — около 50 тыс.), охватывали огромные территории, что было неэффективно с точки зрения элементарного управления. Начиная с 1938 г. НКВД отказался от таких крупных лагерных комплексов, разделив их на более мелкие самостоятельные лагеря.

Деятельность ГУЛАГа широко освещалась в прессе, стройки посещали первые лица государства, деятели культуры и искусства. В Дмитлаге выходила собственная газета «Перековка», целью которой было освещение стройки в свете идеологического перевоспитания заключенных. В 1933 г. был организован музей строительства канала Москва—Волга. Более того, в 1937 г. предполагалось создать

зал ГУЛАГа в одном из павильонов ВДНХ [9, л. 93]. Но эти планы не были претворены в жизнь из-за охватившего страну террора и начавшегося вскоре засекречивания деятельности ГУЛАГа.

Помимо строительства канала заключенные Дмитлага были заняты на других работах: строительство Истринской плотины, центрального аэродрома им. Фрунзе в Москве, Сталинской водонасосной станции, Северного канала, реконструкция р. Яузы, а также лесозаготовки и торфоразработки.

Приказом ОГПУ от 16 мая 1933 г. запрещалось использовать на административной и культурно-воспитательной работе заключенных, осужденных по 58-й статье (контрреволюционные преступления). Для борьбы с внутренней преступностью на территории лагеря был организован специальный штрафной изолятор (ШИЗО). Для заключенных-инвалидов организовывался отдельный городок, где заключенные проходили лечение и использовались на кустарных работах. В лагере жестко карались уголовные преступления: воровство, разбой, убийства. Так, весной 1934 г. коллегия ОГПУ приговорила 11 заключенных к расстрелу за хищения и хулиганство. С другой стороны, ударников труда руководство всячески поощряло. 5 ноября 1934 г. были досрочно освобождены 307 лучших «каналоармейцев».

В процессе выполнения работ руководство партии постоянно отодвигало срок введения канала в эксплуатацию, сначала на 1936 г., а затем и на весну 1937 г. Для увеличения темпов строительства в Дмитлаге начал применяться соревновательный принцип строительства между рабочими бригадами по аналогии со стахановским движением. Были введены зачеты рабочих дней — за день ударной работы засчитывали два дня срока наказания. Кроме того, стахановцам увеличивали количество «мясных» дней: вместо 9 в месяц — 15. Вообще по сравнению с другими существующими в этот момент лагерями (на Колыме, на Дальнем Востоке и Севере) рацион заключенных Дмитлага был более разнообразен. Помимо хлеба и круп, заключенные 21 день в месяц получали рыбу (220 грамм), овощи и сахар [10, л. 115]. Тем не менее, сложно судить о питании и быте заключенных, так как, по многочисленным воспоминаниям, их реальное положение всегда оказывалось гораздо хуже, чем отражено в отчетных документах администрации.

В 1935 г. был открыт еще один ИТЛ — Волжский с лимитом наполнения до 90.000 заключенных, предназначенный для строительства гидротехнических сооружений на Волге (Рыбинский и Угличский гидроузлы), лесозаготовок и обслуживания промыш-

ленных предприятий. Канал Москва—Волга стал символом не только второй пятилетки, но и всей сталинской эпохи. В оформлении инженерных сооружений участвовали лучшие архитекторы и художники страны. В начале канала были установлены две 15-метровые скульптуры Сталина и Ленина, а в его конце, на берегу Химкинского водохранилища, устроен пассажирский вокзал.

Окончание работ на канале совпало с началом эпохи Большого террора. Большинство руководителей Мосволгостроя и Дмитровского ИТЛ подверглись репрессиям. В связи с тотальным засекречиванием деятельности ГУЛАГа лагерные комплексы Московского региона стали постепенно сворачиваться. 55.000 заключенных Дмитровского ИТЛ были освобождены, некоторые были повторно арестованы и расстреляны на Бутовском полигоне, остальные распределены по другим лагерям. До окончания Великой Отечественной войны НКВД не предпринимал более попыток создания лагерных комплексов вблизи столицы. Дмитровский ИТЛ остался самым крупным лагерем ГУЛАГа на территории не только Московского региона, но и всей Центральной России.

Список литературы

1. ГА РФ. (Государственный архив Российской Федерации) Ф. 393. Оп. 89. Д. 18.
2. ГА РФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 55.
3. ГА РФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 87.
4. ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 1а. Д. 1а.
5. ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 1а. Д. 6.
6. ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 1.
7. ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 8. Д. 1.
8. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 68.
9. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 11.
10. ГА РФ. Ф. 9489. Оп. 2. Д. 67.
11. ГА РФ. Ф. Р1726. Оп. 1. Д. 73.
12. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960 / под ред. А.Н. Яковлева. — М., 2002. — 888 с.
13. Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918—1958. — М., 2015. — 415 с.
14. Куракина Т.Г. Воспоминания княгини Т.Г. Куракиной, урожденной баронессы Врангель, 1918—1921 гг. // Русская летопись. — Париж, 1923. — Кн. 5. — С. 179—292.
15. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 19. Оп. 1. Д. 192.
16. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5687.
17. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справочник // сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. — М., 1998. — 597 с.
18. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930—1953 / под ред. А.Н. Яковлева. — М., 2005. — 568 с.

Следуя за каноном? Воспоминания сестер Костриковых о юности С.М. Кирова (Кострикова)

Аннотация. Исторический анализ нескольких редакций воспоминаний сестер С.М. Кирова (Кострикова) о юности их брата, демонстрирует специфику и контекст создания в 1930—1960-е годы официальной революционной биографии крупного партийного вождя сталинской эпохи.

Ключевые слова: воспоминания; мемориализация; С.М. Киров (Костриков); музей; революционное движение.

Yuri A. Sokolov

FOLLOWING THE CANON? MEMORIES SISTERS KOSTRIKOVIN ABOUT S.M. KIROV'S (KOSTRIKOV'S) YOUNG YEARS

Abstract. Historical analysis of several editions of memoirs of the sisters of S.M. Kirov (Kostrikov) about the young years of their brother's life, demonstrates the specifics and context of the creation of the official revolutionary biography of a major party leader of the Stalin era.

Keywords: memories; memorialization; S.M. Kirov (Kostrikov); museum; revolutionary movement.

Убийство члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии, Сергея Мироновича Кирова (Кострикова) всколыхнуло власть и общество в СССР, изменило характер взаимоотношений между ними [25, с. 39, 240—246]. Особенности мемориализации имени Кирова являются одним из ключей для понимания коммеморативных практик сталинской эпохи. Знаковым мероприятием по увековечиванию памяти этого партийного деятеля стало создание по решению ЦК ВКП(б) Музея С.М. Кирова, начавшего свою работу в ноябре 1938 г. в Ленинграде в бывшем особняке балерины М.Ф. Кшесинской [17, с. 7].

¹ **Соколов Юрий Алексеевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник филиала СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» «Музей С.М. Кирова». Санкт-Петербург, Россия. e-mail: y.a.sokolov@yandex.ru
Yuri A. Sokolov — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of The Museum of S.M. Kirov (The branch of State Museum of the History of St Petersburg). St Petersburg, Russia.

Структура и содержание экспозиции нового Музея соответствовали историографическому канону, заложенному в «Кратком курсе» истории ВКП(б): биография Кирова была представлена в соответствии с периодизацией, предложенной в этой книге. Самому Сергею Мироновичу в ней было отведено следующее место: он участник становления Советской власти и борец с «новой оппозицией» в 1920-е гг. Центральным событием в его биографии было объявлено убийство, жертвой которого от рук «троцкистско-бухаринской банды наемников фашизма» стал Киров [13, с. 197, 234, 265, 309—314].

Новый историко-партийный музей был создан в Ленинграде менее чем через четыре года. В те дни люди, когда-то знавшие Кирова, работавшие с ним, даже просто единожды его видевшие или общавшиеся с этим человеком, по призыву Кировской комиссии и Музея С.М. Кирова, оставили свои воспоминания, наполнившие фонды нового музея. Это были известные современники (кинорежиссер Ф.М. Эрмлер, писатели С.Я. Маршак и М.Ф. Чумадрин, академики Г.Ф. Ланг и Г.О. Графтио, деятель революционного движения Е.Д. Стасова; и мн. другие), а также рядовые ленинградцы: рабочие, служащие, учащиеся. Центральное место в этой коллекции заняли материалы, полученные от родных сестер Сергея Мироновича — Анны Мироновны Костриковой (1883—1966) и Елизаветы Мироновны Костриковой (Верхотиной) (1889—1966) [14, с. 10], чьи воспоминания, а также стенограммы бесед с которыми, сохранились в Фонде С.М. Кирова.

Сестры А.М. и Е.М. Костриковы

1 декабря 1934 г. жизнь двух сельских учительниц — сестер А.М. Костриковой и Е.М. Костриковой (Верхотиной) кардинально изменилась: в экстренном порядке власть разыскала родственниц Сергея Мироновича. Так, для обеспечения их участия в церемонии прощания с погибшим родственником, организаторы похорон прислали самолет в деревню Елькино Лебяжского района Горьковского края [7, с. 9]. В дни траура и похорон Костриковы жили в Москве на квартире у близкого друга их брата, наркома тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе. На церемонии прощания и похоронах родственников Кирова окружали жены и члены семей первых лиц советского государства: А.И. Ульянова, Н.К. Крупская, Е.Д. Ворошилова, З.Г. Орджоникидзе и другие [12, с. 12—14]. В те дни из газетных репортажей и радиосообще-

ний имена сестер Сергея Мироновича узнали миллионы граждан Советской страны [19]. В этой связи примечательно, что к 1934 г. сестры Костриковы уже четверть века, как потеряли связь со своим покойным братом и не переписывались с ним с 1909 г. [4, с. 1].

Тем не менее, будучи единственными живыми родственниками, которые видели детство и юность «трибуна революции», на долгие годы сестры стали консультантами биографов Кирова. В Ленинграде, г. Кирове (бывшей Вятке), Уржуме и дер. Елькино в 1930—1950-е гг. проходили их многочисленные встречи с общественностью, рабочими и детскими коллективами. Закономерно, что родственники Сергея Мироновича стали одними из первых посетителей Музея С.М. Кирова [26]. В августе 1938 г., будучи в Ленинграде, они высказали свои замечания по наполнению экспонатами залов музея [9, с. 21]. К тому моменту Костриковы уже успели выступить консультантами писательницы А.Г. Голубевой, в 1936 г. выпустившей первый тираж детской книги «Мальчик из Уржума», озаглавленной так по названию уездного города — малой родины будущего революционера [10]. Историческую достоверность этой повести автор обосновывала информацией, полученной именно от сестер Кирова [11].

После смерти Сергея Мироновича возрос общественный статус мемуаристок: сестры Костриковы стали персональными пенсионерами союзного значения, получили почетные звания и государственные награды. Так, А.М. Кострикова была награждена орденом В.И. Ленина, получила звание заслуженного учителя РСФСР и избиралась в качестве депутата районного Совета Лебяжского района Кировской области. Е.М. Кострикова (Верхотина) трижды избиралась депутатом Верховного Совета СССР от Уржумского избирательного округа Кировской области. Кроме того, средняя общеобразовательная школа в дер. Елькино, в которой работали сестры Кирова, с 1966 г. и до своего закрытия в 2007 г., носила их имя [18].

В многочисленных вариантах своих воспоминаний родственницы Кирова по-разному, более или менее подробно, передавали ряд исторических сюжетов, касавшихся детства и юности своего брата, а также рассказывали о собственной жизни. Прежде всего, в воспоминаниях они сообщали сведения о составе семьи и ее материальном положении, о своем сиротстве, оставлении семьи отцом и смерти матери, определении Сергея в приют и воспитании сестер бабушкой; сообщали факты об обучении их брата в Уржум-

ской гимназии и Казанском училище, его контактах в Уржуме с политическими ссыльными; рассказывали об увлечении Сергея Кострикова революционными идеями и организации им в Уржуме печати листовок на гектографе. Кроме того, в разных вариантах воспоминаний была описана сцена последней встречи сестер Костриковых с братом, которая случилась в Уржуме в 1904 г.

Источники

Мемуары, в отличие от дневниковых записей, отдалены от описываемых фактов во времени и пространстве, крайне субъективны и сведения, в них содержащиеся, требуют своего подкрепления и проверки другими источниками. Воспоминания и интервью очевидцев и участников тех или иных исторических событий, а также лиц, лично знавших исторических деятелей (в данном случае — родственников будущего партийного деятеля) не содержат точной информации и уступают в плане информативности официальным документам. При этом лексика, структура изложения и акценты, сделанные в мемуарных текстах, представляют чрезвычайный интерес для того, чтобы понять, насколько мемуаристики были свободны или зависимы от историографического канона.

В эпоху 1920—1940-х гг. публикация мемуаров родственников партийных лидеров не была широко распространена. Исключение составляли лишь опубликованные воспоминания о ранней биографии В.И. Ульянова (Ленина) [22], В.Р. Менжинского [16], В.В. Куйбышева [15]. В этой связи мемориализация имени Кирова выделяется на общем фоне. Увековечивание его памяти отразилось в организации оперативного сбора воспоминаний о данном историческом деятеле, а также публикации этих материалов [20].

Интервью с сестрами Костриковыми, а также стенограммы их воспоминаний, были записаны в период с 1935 по 1947 гг. и сохранились в Фонде С.М. Кирова, в настоящий момент входящем в состав фондов СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга». За авторством сестер Костриковых в составе указанного фонда хранятся воспоминания, записанные в г. Кирове в феврале и июне 1935 г., а также ряд интервью, которые они дали в Ленинграде в августе 1938 г. и в августе 1947 г. [6; 7; 9]. Все упомянутые документы хранятся в машинописном варианте в виде стенограмм, составленных по итогам встреч сотрудников Музея С.М. Кирова с сестрами, а также машинописных текстов

их воспоминаний, каждый из которых исправлен и подписан рукой Е.М. Костриковой (Верхотиной) и в двух случаях подписан рукой А.М. Костриковой.

Также в поле зрения нашего исследования попали литературно обработанные воспоминания сестер Кирова: в Кировском областном издательстве в 1940 г. был издан краткий вариант их воспоминаний, рассчитанный на детского читателя [1]. Там же, в Кировском книжном издательстве, в 1962 г. были опубликованы воспоминания сестер С.М. Кирова, записанные в период с 1958 по 1962 гг. и прошедшие литературную обработку К.В. Верхотина — сына Е.М. Костриковой (Верхотиной) [2].

Обозначенный выше ряд источников создавался с середины 1930-х по начало 1960-х гг. Однако следует изучать его в комплексе: в разных редакциях воспоминаний упомянут один и тот же ряд событий. При этом мемуаристки по-разному трактовали или вообще умалчивали о некоторых фактах из жизни семьи. Комплекс этих документов содержит важнейшую информацию о сборе сведений и составлении биографий государственных и партийных лидеров, а также особенностям работы историко-партийных музеев в 1930—1940-х гг.

Приведем краткое резюме анализируемых текстов: сестры в своих свидетельствах рисовали поступательное движение Кирова к идеалам большевизма, что они обосновывали необходимой для этого базой: бедностью семьи, сложностями в плане получения образования и стремлением Сергея Мироновича к знаниям, своевременным его знакомством с революционными идеями и общению в ссыльной и студенческой среде, а также личными качествами брата (готовностью сочувствовать «простым» людям, трудиться и не сворачивать с намеченного пути) [7, с. 13]. По мнению Костриковых, именно эти свойства личности Кирова отличали его от будущих «врагов» пролетарской революции, а также от «сереньких» людей-обывателей, оставивших борьбу.

Тексты воспоминаний и интервью Костриковых представляют собой авторские нарративы, содержащие лексику и идеологические штампы, характерные для советской публицистики и официальной пропагандистской риторики 1930—1940-х гг. Мемуаристки экстраполировали свой жизненный опыт и знания (в частности, о росте революционного движения и значении событий октября 1917 г.) и на основе этого излагали и по-своему трактовали отдельные исторические факты. Неоднократно сестры

Е.М. и А.М. Костриковы в своих воспоминаниях оживляли конкретные события вольным пересказом прямой речи Сергея Мироновича. Так, согласно их трактовке, будучи еще 14—18-летним юношей, он выступал «проводником знания» в деле будущих революционных свершений [6, с. 8].

В этой связи такие расхожие понятия, использовавшиеся мемуаристками, как «ненависть к классу имущих» и «эксплуатация» [1, с. 93; 7, с. 10], а также непереносимое упоминание в рассказе имени И.В. Сталина [7, с. 14] — отличительная особенность документов той эпохи. В этих формулах и отсылках была артикулирована цель создания или проговаривания подобных воспоминаний: мемуаристки подчеркивали, что занимали позицию лояльную существующему строю и солидарную со взглядами их покойного брата. Тем самым, специфика этих текстов и интервью определена идеологическими установками власти и выражена характерной патетикой официальных воспоминаний. При этом нет оснований сомневаться в авторстве этих документов, так как все стенограммы были исправлены, дополнены и подписаны сестрами Костриковыми.

Как упоминалось, в их текстах присутствуют вольные пересказы прямой речи Кирова. Это касается интерпретации мемуаристками фактов из биографии брата, которые, по их мнению, отражали, что Киров-подпольщик и Киров-большевик никогда не сомневался в ценности революционных идей и не сворачивал с «ленинского пути» [1, с. 3]. Мемуаристки подчеркивали эту информацию, как абсолютно верную и непреложную. Подобная позиция также нашла отражение в тексте интервью, данном Елизаветой Мироновой в 1947 г. В своей речи о спасении сотрудниками музея кировских реликвий в годы Великой Отечественной Войны, она заявила: «Враг хотел уничтожить все наши исторические ценности, но вы, благодаря своей настойчивости, сумели спасти все ценности, которые будут приносить громадную пользу трудящимся нашего союза в дальнейшие годы нашей жизни» [6, с. 1].

Не менее официально выглядели слова Костриковых о похоронах брата. Так, через полгода после гибели своего родственника, они писали: «Встретились через 30 лет у гроба. Выражаем глубокую благодарность ЦК ВКП(б) и нашему правительству, что они дали возможность отдать последний долг нашему дорогому брату и великому пролетарскому трибуну нашей великой, прекрасной страны» [7, с. 14].

Вопросы интервьюеров, которые задавались мемуаристкам на встречах в Музее С.М. Кирова, формировали и направляли содер-

жание их рассказа. Например, одним из вопросов, который был задан сестрам в 1947 г., стали проявления так называемого «революционного сознания и революционного предвидения» у их брата в юношестве. Показательно, что ответ Елизаветы Мироновны на этот вопрос был дан скорее о самих сестрах Костриковых, чем об их брате. Так, свидетельства «сознания и предвиденья» она видела в содержании его писем, которые «полиция забрала». По воспоминаниям Костриковой, «там вскользь между строчек мы уж умели читать, он старался повлиять на нас, чтобы мы не испугались полицейских угроз и не отошли бы от революционной деятельности» [6, с. 7—8]. Таким образом, специфика жанра и культурно-политический контекст эпохи с одной стороны подсказывали мемуаристкам специфическую лексику, при этом мы не в праве утверждать о диктате со стороны институций власти, требовавшем от мемуаристок использования конкретных аргументаций и сюжетов в наполнении их воспоминаний и интервью.

Семья Костриковых

Жанр воспоминаний, культурная и политическая конъюнктура эпохи 1930—1940-х гг., требовали от мемуаристок не только сообщения сведений по биографии семьи (в частности будущего революционера), но и ее интерпретации в контексте принадлежности к соответствующему классу. Прежде всего, в воспоминаниях сестры Костриковы подчеркивали рабочее происхождение их семьи и ее бедность в предреволюционное время. Даже то, что семью не ранее 1900 г. бросил отец [7, с. 18—19], Мирон Иванович Костриков (1853—1915) [3, с. 1], интерпретировалось мемуаристками в ключе рассуждений о классовой борьбе. Уход отца мемуаристки обосновывали вынужденной мерой поиска денег.

В другой интерпретации сестры Костриковы по-иному объясняли мотивацию своего отца. В этом они видели следствие порока: расставание с детьми и женой было определено пьянством Мирона Ивановича [7, с. 18—19]. Однако в порочности и пьянстве своего отца Костриковы видели тягу последнего к «легкой жизни», связанную с его детством, проведенным «на хозяйских кухнях» [2, с. 4—5].

Подобные кавычки встречаются в воспоминаниях сестер повсеместно. За ними скрывались или аргументировались факты биографии современников, способные заставить будущего чита-

теля сомневаться в рабочем происхождении семьи Костриковых. Отрицая любое отношение к «эксплуататорским» классам, мемуаристки так описывали доходы семьи: из-за своей бедности дед Костриковых, Кузьма Николаевич Казанцев (1811—1884) [3, с. 1] в поисках «счастья», выстроил в Уржуме дом и «пускал за небольшую плату на ночлег приезжающих на базар крестьян» [3, с. 1]. В другой редакции воспоминаний сестры характеризовали доходы деда, как «крестьянина не выше среднего», и даже заявляли, что «у дедушки не было ничего» [9, с. 4].

С той же осторожностью в мемуарах и интервью приведена информация об источниках средств, на которые учился Сергей Костриков. Одним из часто использовавшихся мемуаристками завышенных понятий было слово «благодетели» [1, с. 13]. Рассказывая о тяжелом материальном положении семьи, Костриковы подчеркивали сложный путь, который в конце XIX в. предстояло преодолеть нуждающимся для получения социальной помощи (в частности, предоставления места в приюте или средств на обучение в гимназии) от «благодетелей» — местных благотворителей. «Законы были своеобразны» — так мемуаристки объясняли, почему, не смотря на статус сироты, их брата Сергея первоначально не принимали в приют из-за ряда условий: у Костриковых был дом, а их бабушка получала пенсию [7, с. 6]. В другом варианте воспоминаний акценты поменялись и история была передана по другому. Тут как раз «эксплуататоры» и «благодетели» помогали устроить их брата: «Благодаря ходатайству некоторых бывших хозяев мамы, у которых она работала раньше, Сергея приняли в приют» [7, с. 16]. В поздней редакции воспоминаний мемуаристки лишь вскользь упоминали о том, что из-за бедности сестры Сергея Мироновича, также как и их брат, обучались в гимназии за счет местных благотворителей [2, с. 33—34].

В том же ключе Костриковы сообщали другие факты их семейной биографии: сиротство и трудовую «эксплуатацию» их бабушки Меланьи Авдеевны Костриковой (1815(1825(?)) — 1910) [1, с. 6; 3, с. 1; 9, с. 4], бедность и непростую судьбу «честной труженицы» — их матери — Екатерины Кузьминичны Костриковой (Казанцевой) (1857—1894 годы) [3, с. 1]. Так, формат официальных воспоминаний задавал монументальный образ людей, окружавших в детстве Сергея Кострикова. Примером этого является публицистическая лексика, характеризовавшая бабушку Костриковых: «Всем своим поведением, складом своего характера Меланья

Авдеевна вносила в наши семейные взаимоотношения атмосферу дружбы, товарищества и чистосердечия» [2, с. 14].

Мемуаристки объясняли, что содержание постоянного двора не приносило семье «нетрудовых доходов» и было последней ее возможностью сводить концы с концами [9, с. 3—4]. У Костриковых в собственности был надел земли и дом в Уржуме, часть которого они сдавали внаем, однако в воспоминаниях наличие собственности оправдывалось ими неоднократным арестом движимого имущества за неуплату долгов по налогам [7, с. 21]. При этом крайне напряженное материальное положение этой семьи, ее бедность, конечно, сомнений не вызывает.

Литературно обработанные воспоминания Костриковых изобилуют образами и понятиями, призванными показать их «угнетенное» состояние [2, с. 7—9]. Судя по всему, семья очень тяжело пережила удар — ранее относительно состоятельное семейство, имевшее свой дом с постоянным двором, а также пахотную землю, Костриковы в течение нескольких лет обеднели и осиротели. Позором в маленьком Уржуме считались и бытовой пьянство, и статус безотцовщины. При этом мемуаристки, описывая эти факты, заявляли, что на их брата Сергея серьезно эмоционально повлияла лишь смерти матери.

По иному представлено положение семьи Костриковых в воспоминаниях их знакомой по Уржуму, П.И. Федоровой: «В то время [на — Ю.С.] общественное мнение сильно угнетало [надо читать: «влияло» — Ю.С.] отсутствие отца в семье. Мальчик рос в сильной обиде на отца, на общество, на товарищей. Когда же столкнулся со студентами, то от всей души отдался им» [8, с. 1]. Принимая во внимание это свидетельство, биография семьи приобретает иное очертание. Сестры Кирова сознательно избегали упоминаний о маргинальном положении своей семьи в городском сообществе Уржума начала XX в. При этом некоторые факты из их жизни, будь то получение средств от местных благотворителей и наличие недвижимой собственности, сестры интерпретировали своеобразно, доказывая свое происхождение именно из бедной и трудовой семьи.

Политическая позиция мемуаристок

В воспоминаниях и интервью сестры неоднократно подчеркивали свою убежденность в большевистских идеях, а также рассказывали о личном участии в революционном движении. Таким образом, мемуаристки вписывали рассказ в общий контекст от-

ношений власти и общества в имперской России, а также демонстрировали свою крайнюю нелояльность «строю», существовавшему до 1917 г. Этому тезису они приводили немало примеров: «С раннего детства переживая нужду, лишения и эксплуатацию, перед нами встал вопрос: «Почему люди живут не все одинаково?.. От всего пережитого постепенно нарастала ненависть к классу имущих. Хотелось мстить им. При чтении книг об угнетенных и обиженных проливали слезы. Помню первая запрещенная книга попавшая к нам в руки была «Липочка-Поповна», которая много поспособствовала подрыву религиозного чувства у нас» [7, с. 10].

Младшая из сестер Костриковых, Елизавета Мироновна, объясняла, как домашняя обстановка и бедность семьи способствовали тому, что и у них, и у их брата появилась возможность рано «задумываться» о преступности и несправедливости «царского режима». Здесь мемуаристка объединила совершенно разнородные факты биографии семьи: и смерть матери, и опыт собственных детских заработков, и материальные злоключения, и даже внезапно возникший у Костриковых «подрыв религиозного чувства». Показательно, что все перечисленное было экстраполяцией знания мемуаристок об идеологических приоритетах советского государства и практики той эпохи по составлению собственной биографии по схожей диспозиции, в движении от «тьмы к свету» (понятие, введено в оборот И. Халфиным) [24, с. 245—247]. В этом движении будущий революционер Сергей Костриков и его сестры были единомышленниками: «С раннего детства мы все трое должны были упорно прокладывать путь к свету и знанию» [7, с. 12].

Дальнейшее личное просветление Елизавета Мироновна объясняла влиянием на нее левых идей, наблюдением за прогрессивными современниками и даже своим личным участием в революционном движении [7, с. 11]. Как видим, свою политическую неграмотность (Костриковы в юности слушали речи представителей разных партий, при этом они даже не помнили каких), Елизавета Мироновна оправдывала именно своим увлечением революционным движением в целом, не решившим в то время главного вопроса — свержения существующего строя [7, с. 11]. Идеологические клише из официальной публицистики и пропаганды тех лет («тесный кружок», «жадность» в чтении, «борьба против капитализма», «строй»), использовавшиеся мемуаристкой, демонстрируют отточенные формулировки, характерные для жанра официальных мемуаров сталинского времени.

Сестры Костриковы также вспоминали, что в юности «под видом веселых вечеринок, провертывали беседы на политические темы», хранили и распространяли листовки и политическую литературу, которая была изъята из их дома в ходе обыска в 1907 г. [7, с. 11].. Мемуаристки настаивали, что это событие повлияло на их дальнейшую судьбу, в частности младшая из сестер, Елизавета Мироновна, как «неблагонадежная» до 1914 г. не могла работать в сфере просвещения и «вынуждена была работать у честных лиц» [7, с. 12].

Костриковы указывали на исключительную верность их брата Сергея революционным идеалам, даже когда характеризовали те эпизоды его жизни, свидетелями которых они не были [7, с. 32—33]. Так, сестры вспоминали: «Тюрьмы и преследования не сломили железной воли большевика, но наоборот, выковали в нем стойкого ленинца... стремление к жизни и работе Сергей Миронович очень хорошо выразил в нашу социалистическую эпоху, когда он с трибуны XVII партийного съезда сказал: “Успехи действительно у нас огромны. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить”» [7, с. 33]. Тем самым, воспоминания о жизни близкого родственника по своему содержанию и структуре напоминали эссе или публицистическую статью. Безусловно, такая работа над темой требовала от авторов определенной теоретической подготовки и даже выписки цитат. При этом, ранее сказанное мемуаристки подтверждали речами самого Кирова.

Окружение Сергея Кострикова

Сестры Костриковы не раз отмечали в своих интервью и воспоминаниях, что в первые годы после смерти брата, многие люди использовали свое знакомство с Кировым в качестве ресурса для решения личных проблем и получения привилегий [9, с. 14]. Подобные сетования и даже усталость сестер от бесконечных расспросов по этому вопросу были вполне закономерны. Из материалов экспедиции, организованной по «кировским местам», известно, что в 1936 г. Костриковы отмечали «тенденцию искажения некоторых фактов» биографии Кирова и дали ряд опровержений относительно связи своего брата с некоторыми людьми [5, с. 17—18].

Отдельного анализа требуют воспоминания сестер об окружении юного Сергея Кострикова — конкретных людях, встречавшихся на его жизненном пути в уржумский период. Так, наиболее болезненно Костриковы воспринимали факты, как им казалось,

«спекуляции» на имени их брата приютскими воспитательницами Сергея Мироновича — сестрами Ю.К. и А.К. Глушковыми. После смерти Кирова они также выступали с воспоминаниями о его детстве. По мнению родственниц Кирова, А.К. Глушкова на волне интереса к личности их брата сфальсифицировала реликвии, якобы подаренные ей Сергеем, оформила себе персональную пенсию и была церковным старостой [6, с. 7; 9, с. 12].

Е.М. Кострикова не была снисходительна и к своим бывшим соседям, Александру и Ивану Матвеевичам Самарцевым, которых обвиняла в мещанстве и «обывательстве». Дело в том, что после выхода книги А.Г. Голубевой «Мальчик из Уржума» имя А.М. Самарцева знали миллионы советских граждан. В повести он был представлен лучшим другом детства Сережи Кострикова, с которым они не только играли, но и подпольно печатали листовки на гектографе. Сотрудники Музея С.М. Кирова проводили беседу с сестрами, для того, чтобы «выявить» «политическое лицо» людей, знавших Сергея Мироновича [9, с. 17—18]. Е.М. Кострикова настаивала, что А.М. Самарцев был способным человеком, который не стал революционером, за что достоин морального осуждения («остался сереньким в жизни») [6, с. 6].

В ходе бесед 1938 и 1947 гг. сотрудники Музея С.М. Кирова обсуждали с Костриковыми также «лицо» И.М. Самарцева, соседа, с которым Сергей Костриков в юности общался гораздо меньше. О нем Елизавета Мироновна вспоминала так: «Его лицо понятно. В революционной работе он не принимал участия. Правда и доносчиком он не был [.В] этот период он не был способен на это» [9, с. 19]. В 1938 г. подобная фраза могла стать роковой в судьбе Самарцева. Позже, в 1947 г. Е.М. Кострикова снова о нем вспоминала: «Иван Матвеевич Самарцев — он также не был приобщен к революционной деятельности, [«но, правда, не был и вредителем» — фраза была зачеркнута в стенограмме рукой Е.М. Костриковой — Ю.С.]» [6, с. 6—7].

Как видим, в метафорах некоего противостояния «сереньких» людей, а также «врагов» советской власти и революционеров, Е.М. Кострикова выражала личную неприязнь к конкретным людям. Подобные практики были весьма распространены в предвоенную эпоху: современники могли сводить личные счеты, используя для этого язык власти или демонстрируя подчеркнутую лояльность идеям, транслировавшимся государством [27, с. 560—569]. Различия между реальной и официальной биографией

современников были следствием повсеместной практики написания и переписывания автобиографий в сталинскую эпоху.

В какой обстановке давали интервью сестры Костриковы? В течение 1936—1938 годов состоялись три открытых судебных процесса, в ходе которых были арестованы и приговорены к расстрелу ряд государственных и партийных лидеров, обвинявшихся, среди прочего, в убийстве их брата. Нет никаких оснований думать, что об обстоятельствах гибели Кирова сестры Костриковы знали больше, чем обычные советские граждане. Поэтому подозрительность, настороженность и даже экзальтированность той эпохи характерна и в поведении сестры революционера, критиковавшей своих современников за недостаточную последовательность и фанатичную преданность делу революции.

Связь сестер Костриковых с братом

Важным для анализа достоверности воспоминаний являются различные редакции их текстов. Например, существует нескольких вариантов их рассказа о том, почему была прервана связь и переписка с их братом. Данные тексты свидетельствуют о явном напряжении вокруг этого вопроса: сестры Кирова старались его или обойти, или по-разному интерпретировать. Действительно, можно усомниться в установлении доверительных отношений между Сергеем Костриковым и его сестрами, так как они мало общались в детстве [9, с. 9]. Кроме того, в отсутствие брата сестры продали дом, а их бабушка умерла в 1910 г. Потерю связи с братом сестры объясняли по-разному: они «вынуждены были прекратить» переписку и потеряли с ним всякую связь, так как в их доме проходили неоднократные обыски и изъятия писем [7, с. 13—14, 33].

Несколько иную версию излагали участники экспедиции по кировским местам, общавшиеся с сестрами Костриковыми: Сергей Миронович сознательно прервал связь с родными, так как «сестрам было тяжело, имея брата, замешанного в политике и имея связь с этим братом, устроиться куда-либо» [5, с. 8]. В своем интервью 1947 г. мемуаристки по-иному объясняли отсутствие связи с братом: они не разыскивали его, так как считали, что Сергей Костриков был казнен, а попытки выйти на связь с братом в 1930-е гг. не увенчались успехом [7, с. 14]. Примечательно, что в указанном интервью Е.М. Кострикова не только требовала от сотрудников Музея прекратить вопросы об их связи с братом, но и

впоследствии подвергла весьма энергичной правке стенограмму состоявшейся беседы [6, с. 5—6].

Заключение

Воспоминания и интервью сестер С.М. Кирова (Кострикова), безусловно, тенденциозный источник, требующий особой методической оптики для изучения этих текстов. При этом произведенная попытка анализа указанных нарративов дает нам новое знание об эпохе, способствовавшей их появлению и частичной публикации. Так, факты биографии семьи Костриковых, приведенные в воспоминаниях, были проинтерпретированы сестрами Кирова как особенные, подготовившие их к постижению идей революции и участия в революционном движении.

Авторы воспоминаний в течение практически 30 лет после смерти своего брата озвучивали примерно один и тот же набор фактов. Как ни странно, ими была схвачена суть событий кануна Первой русской революции и 1917 г. Костриковы отразили ряд противоречий, которые наполняли российское общество и действительно сформировали кадры революции. Правомерно сказать, что случайные, с точки зрения родственниц Кирова, факты биографии, сделавшие его впоследствии известным революционером, явились вполне закономерными. Как указывает Т.И. Трошина, наметившийся на рубеже веков колоссальный межпоколенческий разрыв был вызван модернизацией российской экономики, демографическим ростом и низкоэффективным производством, порождавшим, в свою очередь множественные примеры отрыва отдельных членов от семьи (как произошло в семье Костриковых) и их вынужденного вовлечения в иные, нетрадиционные практики и убеждения. Для поколения будущих революционеров были актуальны идеи неповиновения старым авторитетам [21, с. 173—175].

Указанный комплекс текстов являет собой памятник эпохе, в котором авторы не развивали политических идей, а скорее вписывали более ли менее достоверные сведения о своей семье в рамки устоявшегося к 1938 г. представления о развитии революционного движения в России начала XX в. В текстах воспоминаний вся ранняя биография Кирова была представлена как показательная и образцовая, не предполагавшая никакой возможной альтернативы, кроме как участия в революционном движении.

Американский исследователь Ш. Фицпатрик назвала «пересотворением» массовый процесс, происходивший в российском обществе после революции 1917 г. Его суть в реконфигурации личности современников, то есть в овладении ими практиками создания и интерпретации новых публичных сведений о себе [23, с. 11]. Этот процесс не обошел стороной и свидетельства сестер Костриковых, чьи воспоминания в 1930—1960-е гг. считались советскими историками основным источником по раннему периоду жизни Кирова. Действительно, круг оставленных ими документов отразил не только фактологию становления Кирова как большевика и «великого гражданина», но и прежде всего контекст появления его революционной биографии и канонизации его фигуры в плеяде партийных «деятелей», «соратников» и «учеников». В воспоминаниях сестер Кирова прослеживаются авторские попытки нащупать случайные импульсы и закономерные обстоятельства биографии Кирова-Кострикова, которые подвигли его стать революционером, а также содержатся фигуры умолчания и авторские интерпретации перипетий семейной атмосферы.

Список литературы

1. А.М. и Е.М. Костриковы. Детские и юношеские годы Сергея Мироновича Кирова (Воспоминания). — Киров, 1940. — 56 с.
2. А.М. Кострикова, Е.М. Кострикова. Это было в Уржуме. Воспоминания о С.М. Кирове. Литературная запись К. Верхотина. — Киров, 1962. — 100 с.
3. ГМИ СПб (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). ФК. Инв. III—0927.
4. ГМИ СПб (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). ФК. Инв. III—890.
5. ГМИ СПб (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). ФК. Инв. V—0389.
6. ГМИ СПб (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). ФК. Инв. V—46;
7. ГМИ СПб (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). ФК. Инв. V—308.
8. ГМИ СПб (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). ФК. Инв. V—562.
9. ГМИ СПб (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). ФК. Инв. V—612.
10. Голубева А.Г. Мальчик из Уржума: Повесть о детстве и юности С.М. Кирова. — М.—Л., 1936. — 280 с.
11. Голубева А.Г. Мальчик из Уржума // Ленинские искры. — 1937. — 110 (1193) (1 дек.).
12. Иосиф бесконечно добр. Дневник М.А. Сванидзе, родственницы Сталина // Источник. Документы русской истории. — 1993. — № 1. — С. 4—34.

13. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М., 1938. — 352 с.
14. Кирилина А. Неизвестный Киров. — СПб., 2002. — 542 с.
15. Куйбышева Е.В. Валериан Владимирович Куйбышев, 1888—1935: Из воспоминаний сестры. — М., 1938. — 64 с.
16. Менжинская В.Р. Пламенный революционер // Исторический журнал. — 1938. — № 7. — С. 5—10.
17. Музей С.М. Кирова: Краткий путеводитель. Общ.ред. С.М. Гришукова. — Л., 1946. — 127 с.
18. Новгородцев Е. ...и Киров — такой молодой // Знамя Октября. — 2011. — 25 апреля. — URL: <http://znamya.ucoz.ru/news/2011-04-25-441> (дата обращения: 17.01.2018)
19. Прощай, Сергей Миронович, прощай! // Пионерская правда. — 1934. — № 984 (8 дек.).
20. Товарищ Киров: Рассказы рабочих, инженеров, хозяйственников, ученых, колхозников и детей о встречах с С.М. Кировым / Сост. — ред. Р. Нечепуренко. — М., 1935. — 436 с.
21. Трошина Т.И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере (первая четверть XX века). — Архангельск, 2011. — 336 с.
22. Ульянова-Елизарова А.И. Детские и школьные годы Ильича. — М., 1927. — 22 с.
23. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. Пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. — М., 2011. — 373 с.
24. Халфин И. Из тьмы к свету: коммунистическая автобиография 1920-х гг. // Нестор. № 11. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. — СПб., 2007. — С. 216—247.
25. Эхо выстрела в Смольном: История расследования убийства С.М. Кирова по документам ЦК КПСС. Под. ред. Н.Г. Томилиной и М.Ю. Прозуменщикова. Сост. Т.Ю. Конова. — М., 2017. — 795 с.
26. Ю. Ис. Кировские дни в Ленинграде // Литературная газета. — 1938. — № 66 (773) (1 дек.).
27. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917—1920-х годов. — СПб., 2006. — 570 с.

Горьковский авиационный завод № 21 в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Ворошиловец»)

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа вопросов производства и социальной сферы авиастроительного завода № 21 имени С. Орджоникидзе (г. Горький) на материалах многотиражной газеты 1942—1943 гг. Спецификой источника обусловлен формат и характер публикаций. Пропаганда социалистического соревнования, техучебы и радионализаторства, поиск внутренних ресурсов, контроль за снабжением и беспощадность к нарушителям — эти темы не сходили с полос «Ворошиловеца», знаменуя коренной перелом в войне для тружеников тыла.

Ключевые слова: авиазавод, коллектив, производство, кадры, партийная организация, многотиражная газета, Великая Отечественная война.

Ivan A. Kalmykov

THE GORKY AIRCRAFT PLANT № 21 DURING THE PERIOD OF RADICAL CHANGE IN THE CURRENT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON MATERIALS OF THE NEWSPAPER «VOROSHILOVETS»)

Abstract. The article analyzes the production and social sphere of aircraft building plant № 21 it. S. Ordzhonikidze (Gorky) on materials circulation newspaper in 1942—1943 by the specific source due to the format and nature of publications. Propaganda of socialist competition, technical training and innovation, the search for domestic resources, control over the supply and ruthlessness against infringers — these topics do not go off pages of “Voroshilovets”, marking a radical turning point in the war for workers.

Keywords: aircraft, team, production, human resources, party organization, the newspaper, the Great Patriotic war

Важным источником по истории промышленных предприятий являются многотиражные газеты. В настоящей статье сделана попытка анализа публикаций газеты Горьковского авиационного за-

¹ **Калмыков Иван Алексеевич** — аспирант кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия. e-mail: i-kalmykov@yandex.ru

Ivan A. Kalmykov — Post-graduate student of the Department of History and Politics of Russia. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod, Russia

вода № 21 имени С. Орджоникидзе, одного из крупнейших советских самолетостроительных заводов за 1942—1943 гг.

Видное место на страницах «Ворошиловца» занимали вопросы производства. Редакция была ограничена цензурой, но многие публикации позволяют судить о производственных проблемах военного времени.

В начале 1942 г. комсомольцы завода приняли предложение молодежи автозавода имени Сталина о развертывании социалистического соревнования в честь предстоящей 24-й годовщины Красной Армии, и взяли на себя обязательства выпустить в январе и феврале комплект боевого вооружения для оснащения двух строевых единиц, а заработанные при этом средства отчислить в фонд обороны. Речь также шла об увеличении в два раза числа комсомольцев, сдающих свою продукцию без дефектов. За счет внедрения организационно-технических мероприятий комсомольцы обязались сократить трудоемкость изготавливаемых ими деталей не ниже, чем на 30 минут [1, с. 1].

В статье мастера А.Д. Овчинникова был описан процесс освоения нового агрегата по новой технологии и из нового материала [2, с. 1]. По материалам газеты также видны большие проблемы завода в области инструментального хозяйства. Перебазирование ряда инструментальных заводов затруднило нормальное снабжение предприятия инструментом, особенно режущим. Инструментальщики поставили перед собой задачу не допустить простоев и обеспечить завод недостающими инструментами. К 1942 г. запас плашек «Лендис», которые использовались на станках для производства металлических изделий, был исчерпан, и руководство приняло решение организовать их собственное производство. После ряда неудачных попыток был найден оптимальный вариант и продукт был готов в срок [3, с. 3]. Было освоено производство спиральных сверл, заводчане добились огромной экономии стали, цветных металлов. Большая работа была проведена по восстановлению уже имеющихся, но изношенных инструментов. Было налажено изготовление деревообрабатывающих и металло-режущих станков. Этим завод обеспечил себя недостающим оборудованием, выполнив тем самым установку газеты «Правда», призывавшей поменьше надеяться на централизованное снабжение, и широко использовать свои внутренние ресурсы [4, с. 2].

Свое место занимали и вопросы социалистического соревнования, особенно после вступления во Всесоюзное соцсоре-

нование заводов авиационной промышленности [5, с. 1]. Наряду с соревнованием между цехами возникли и такие его формы, как борьба за звание лучшего мастера завода, лучшего технолога, конструктора и лаборанта. Неустанно пропагандировался опыт комсомольско-молодежных фронтовых бригад [6], лучших производственников завода [7]. Подвергался критике формализм в организации соревнования [8, с. 2]. Газета публиковала интервью с руководством завода, например, с главным инженером. Из него можно узнать, какое внимание уделялось ритмичной работе предприятия, выполнению графика, повышению качества продукции. «Во всех цехах завода ежедневно проводятся «дни качества», и это дает нам возможность непрерывного контроля»; «на всех участках производства мы стараемся создать заделы, которые дают возможность ритмичной работы и сглаживают шероховатости, вызванные задержками в снабжении, конструкции, технологии и оснащения производства» [9, с. 1]. Резкой критике подвергались недостатки в производстве [10].

Военное время заставило по-новому относиться к ремонту заводского оборудования. В одной из заметок отмечалось, что на заводе с 1939 г. была введена система планово-предупредительного ремонта, однако до конца 1942 г. не была создана внутризаводская ремонтная база, которая проводила бы капитальный ремонт оборудования и подготовку запчастей для межремонтного обслуживания оборудования, а также планового ремонта в цехах. Критике подвергались руководители, которые не уделяли должного внимания проблеме: главный механик, начальники ряда цехов [11, с. 2]. Материалы газеты призывали решительно бороться с браком. Так, 15 октября 1943 г. подвергалась критике работа ведущих цехов завода № 40 и 50, где «надлежащей борьбы с бракоделами не ведут» [12, с. 1].

Как важнейший резерв производства рассматривалось движение рационализаторов и изобретателей [13, с. 2]. Широко пропагандировались материалы первой заводской партийно-технической конференции, проходившей в ноябре 1943 года. В ее материалах имелись сведения о достижениях завода, вскрывались недостатки, определялись внутренние резервы. Осенью 1943 г. на заводе имелось 57,7% стахановцев, 23,6% ударников. Более 15,5% сдельщиков давали по две и более нормы. В ходе месячника по выявлению и использованию внутризаводских резервов первенства добились коллективы цехов Зайчика, Кропинова, Солони-

на, Розанова. Ценные предложение внесли: технолог Пылин — экономия составила 128 тыс. руб., инженер Белов — экономия 634 тыс. руб., и сокращение цикла производства в два раза.

В выступлении директора завода С.И. Агаджанова отмечался высокий процент потерь рабочего времени: отсутствие контроля за качеством работы, уходом рабочих на обед и с обеда и окончанием работы приводило к тому, что здесь потеря составляла в среднем около сорока минут на каждого рабочего. Из-за организационно-технических неполадок потери внутри рабочего дня по отдельным цехам доходили до 15—20%. На заводе был велик процент вспомогательных рабочих. Два процента рабочих не выполняли нормы выработки. Эти внутренние резервы могли бы высвободить 800 рабочих. Директор говорил о том, что на заводе «часто варварски обращаются с изделиями смежных заводов».

Главный конструктор завода С.А. Лавочкин показал, какого эффекта можно добиться за счет тщательной обделки агрегатов самолета. Однако, как было отмечено, «производственные цеха этого не делают». Конференция наметила большие практические мероприятия по дальнейшему росту выпуска изделий, улучшению их качества [14, с. 1].

Внимание уделялось проблеме подготовки кадров, пропаганде опыта, накопленного в этом за время войны: новый рабочий с первых же дней обучения включался в производственную работу. Новичок, как правило, прикреплялся к опытному стахановцу. Наравне с производственным обучением новые рабочие получили и технический инструктаж с целью получения навыков высококачественной работы. Рабочих знакомили со свойствами материала, над которым они работали, учили читать чертежи, понимать суть технологического процесса, знакомили с инструментом. Это занимало от 40 до 60 часов. Технический инструктаж был обязательен для всех новых рабочих. Практика показала, что все прошедшие инструктаж при проверке технических знаний сдали зачеты на «отлично» 25%, на «хорошо» и на «посредственно» — 39%. Одной из распространенных форм учебы являлись стахановские школы. На заводе существовало три типа школ: для не выполняющих нормы, по ликвидации брака и «школы для выращивания стахановцев высокой квалификации». Имелись и другие формы обучения, например, пятимесячная школа мастеров для повышения их квалификации при 15-м отделе [15, с. 1].

С целью подготовки резервов шло обучение конторского персонала производственным квалификациям. Периодически собирались конференции мастеров, руководителей стахановских школ, консультантов обучающихся для обмена опытом. Благодаря этому за два года войны производительность труда выросла на 25%. Значительно увеличилось количество стахановцев — с 45,2% на 1 июля 1942 г. до 56,1% на 1 июля 1943 г. [16, с. 1]. Несмотря на военное время, уделялось внимание пропаганде технических знаний. В январе 1942 г. в инструментальном отделе был открыт новый технический кабинет, созданный для консультаций по производственно-техническим вопросам. На его материалах рабочие учились приемам отличной работы [17, с. 1].

Гораздо шире, чем производственные, освещались социальные проблемы заводчан. На заводе было налажено производство товаров народного потребления их отходов [18, с. 2]. Особое внимание уделялось помощи семьям фронтовиков. В 1941 г. им было выдано денежной помощи 35.265 руб., в 1942 г. — 118.050 руб., в начале 1943 г. — 8000 руб. В детские ясли за 1942 г. было устроено 338 детей. В начале 1943 г. было роздано более 1500 ордеров на промтовары и предметы домашнего обихода и более 10 т продуктов из подсобных хозяйств завода [19, с. 2].

Рассматривались вопросы техники безопасности и промышленной санитарии на предприятии [20]. Остро критиковалась работа Отдела рабочего снабжения (ОРС) завода. Материалы газеты показывали как положительные примеры [21], так и массу негативных фактов по вопросам продовольственного снабжения [22, с. 2]. Можно выделить «больные места» ОРСа: плохое состояние овощехранилищ, разбазаривание продуктов [23, с. 1] и недовложение их в порции [24, с. 1], низкое качество блюд [25, с. 1].

Таким образом, материалы заводских газет — ценнейший источник, который может быть использован в научных целях, а также в патриотической работе с молодежью.

Список литературы

1. Программу января закончить 21-го числа // Ворошиловец. — 1942. — № 3.
2. Овчинников А.Д. Успешно освоен новый агрегат // Ворошиловец. — 1942. — № 7.
3. Освоение плашек Лендис // Ворошиловец. — 1943. — № 30.
4. Инженеры — фронту // Ворошиловец. — 1942. — № 8.

5. Смело подхватим инициативу автозаводцев // Ворошиловец. — 1942. — № 12.
6. Учитесь опыту фронтовой работы; Честь и хвала передовикам производства // Ворошиловец. — 1943. — 9 февраля. — С. 1, 2; Дадакин А. Боевые дела молодежи // Ворошиловец. — 1943. — 26 марта. — С.1; Данченков И. Торжественная дата // Ворошиловец. — 1943. — 29 октября. — С.1.
7. Работаем по-фронтовому // Ворошиловец. — 1943. — 16 июля. — С. 1; Гадлов А. Почетное звание // Ворошиловец. — 1943. — 29 октября. — С.1.
8. Некоркин Н. Против формализма в соревновании // Ворошиловец. — 1943. — 15 октября.
9. Итоги и перспективы. Беседа с главным инженером // Ворошиловец. — 1943. — 16 июля.
10. Работать по старинке — преступление // Ворошиловец. — 1943. — 9 февраля. — С. 1; Ремизов С. Во власти местнических настроений // Ворошиловец. — 1943. — 10 февраля; Некоркин Н. Против формализма в соревновании // Ворошиловец. — 1943. — 15 октября. — С. 2.
11. Боков С. За улучшение ремонтного хозяйства // Ворошиловец. — 1942. — 4 декабря.
12. Решительно бороться с браком // Ворошиловец. — 1943. — 15 октября.
13. Перевозов И., Григорьев А. Рационализация и изобретательство в годы войны // Ворошиловец. — 1942. — 30 января.
14. С партийно-технической конференции // Ворошиловец. — 1943. — 19 ноября.
15. Корчагин Д. Школа кадров // Ворошиловец. — 1943. — 7 ноября.
16. Попов В., Григорьев А. Подготовка кадров // Ворошиловец. — 1943. — 20 августа.
17. Григорьев А. Ценное начинание. Технический кабинет в цехе // Ворошиловец. — 1942. — 23 января.
18. Григорьев А. Предметы ширпотреба из отходов // Ворошиловец. — 1943. — 23 апреля.
19. Манаев М., Киреева Е. Теплая забота // Ворошиловец. — 1943. — 20 февраля.
20. Батушкин А. За дальнейшее улучшение условий труда // Ворошиловец. — 1942. — 11 марта. — С.2; Рябов А. Снижение заболеваемости и травматизма // Ворошиловец. — 1942. — 2 октября. — С. 2; Сидорова Г. О женских гигиенических комнатах // Ворошиловец. — 1945. — 2 февраля.
21. Малин К. Кровное дело парторганизации цеха питания // Ворошиловец. — 1942. — 1 марта. — С. 2; Алексеев М. Организовать быстрое обслуживание рабочих обедами // Ворошиловец. — 1942. — 21 марта. — С. 1.
22. Перминов Г. Нетерпимое равнодушие // Ворошиловец. — 1942. — 30 октября.
23. Пресечь разбазаривание продуктов // Ворошиловец. — 1942. — 13 ноября.
24. Работа ОРС и ЖКО под огнем большевистской самокритики // Ворошиловец. — 1942. — 13 ноября.
25. К чему приводит безответственность // Ворошиловец. — 1942. — 13 ноября.

**«Люди сражались исключительно»:
новый источник о десантной операции
Красной Армии на Керченском полуострове
в 1943 г.²**

Аннотация. В публикации приводится запись беседы с Героем Советского Союза Николаем Александровичем Беляковым, командиром 386 батальона морской пехоты, непосредственно командовавшим десантной группой, высадившейся на Керченский полуостров в районе рыбацкого поселка Эльтиген в конце октября — начале декабря 1943 года.

Ключевые слова: Десантная операция, Керченский полуостров, Эльтиген, морская пехота, Герой Советского Союза, Н.А. Беляков

Jamal Ya. Rahaev

**«PEOPLE BATTLEED EXCLUSIVELY»:
A NEW SOURCE ABOUT THE RED ARMY REGIONAL OPERATION
ON THE KERCH PENINSULA IN 1943**

Annotation. The publication contains a record of the conversation with the Hero of the Soviet Union Nikolai Alexandrovich Belyakov, the commander of the 386th infantry battalion directly commanding the amphibious group that landed on the Kerch Peninsula in the area of the fishing village of Eltigen in late October — early December 1943.

Keywords: Landing operation, Kerch Peninsula, Eltigen, Marines, Hero of the Soviet Union, N.A. Belyakov

Десантная операция Красной армии на Керченский полуостров в октября-декабре 1943 г. одна из самых драматичных страниц Второй мировой войны в ходе которой советские войска не взирая на огромные потери проявили массовый героизм.

¹ Рахаев Джамал Якубович, — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории народов России и межнациональных отношений ИРИ РАН. Москва, Россия. e-mail: jamal_rv@mail.ru

Jamal Ya. Rahaev, — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for the History of the Peoples of Russia and Inter-Ethnic Relations, IRI RAS. Moscow, Russia.

² Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17—01—00221(a).

Замысел десантной операции предусматривал высадку двух отрядов: на главном направлении, северо-восточнее Керчи и вспомогательном направлении, юго-западнее Керчи, в районе рыбацкого поселка Эльтиген. Стрелковые соединения, принимавшие участие в десанте, были усилены батальонами морской пехоты, на которые возлагалась наиболее сложная и опасная задача. Морпехи составляли передовой отряд и должны были обеспечить захват плацдармов для десантирования главных сил.

318-я стрелковая дивизия, которой предстояла высадка в составе Эльтигенского десанта, была усилена 386-м отдельным батальоном морской пехоты под командованием капитана Н.А. Белякова. Батальон действовал совместно с 613-й штрафной ротой. Их общая численность составляла 734 человека. На вооружении не было ни артиллерии, ни танков. Непосредственной задачей батальона являлась высадка около мыса Камыш-Бурун и захват плацдарма от дамбы до высоты 37,4. Выполнение этой задачи давало возможность переправиться основным силам 318-й стрелковой дивизии.

В Научном архиве Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН) сохранились стенограммы интервью с военнослужащими, непосредственно участвовавшими в десантной операции Красной армии на Керченский полуостров в конце 1943 г.

Настоящая публикация содержит текст стенограммы с командиром отдельного краснознаменного 386 батальона морской пехоты Н.А. Беляковым, позволяющем увидеть все перипетии героического штурма восточного побережья Крыма непосредственно глазами военнослужащего.

Командир батальона Николай Александрович Беляков (1908—1988) был опытным офицером и кадровым военным. Выходец из крестьянской среды, проработал несколько лет на Архангельском лесозаводе, в 1930 г. был призван на службу в пограничные войска ОГПУ СССР. Служил краснофлотцем в 13-м морском пограничном отряде. В 1932 г. вступил в ВКП(б) и был направлен на учёбу. В 1934 г. Н.А. Беляков окончил Третью школу пограничной охраны и войск ОГПУ им. В. Менжинского, и с этого года служил командиром взвода 1-й радиотелеграфной школы НКВД. С 1937 г. — помощник командира роты связи, с 1938 г. — командир роты связи 10-го линейно-стрелкового полка связи НКВД.

В 1939 г. окончил курсы усовершенствования командного состава погранвойск при Московском военно-техническом учили-

ще НКВД им. Менжинского. С 1939 г. служил начальником учебно-технической части 4-й морской школы погранвойск, с 1940 г. служил начальником учебного отдела в школе радистов-электриков Анапского учебного отряда морских пограничных частей, а с апреля 1941 г. — инженер-радист в этой школе.

В начале Великой Отечественной войны оставлен на службе в этой же школе. С октября 1942 года — участник Великой Отечественной войны, прошёл всю войну на Черноморском флоте. С октября 1942 г. — начальник штаба 8-го отдельного батальона морской пехоты, с января 1943 г. — начальник штаба 325-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота.

С октября 1943 г. до конца войны капитан (затем майор) Н.А. Беляков командовал 386-м отдельным батальоном морской пехоты Черноморского флота. Отличился во время Керченско-Эльтигенской десантной операции.

1 ноября 1943 г. батальон под командованием Белякова совместно с 318-й стрелковой дивизией десантировался в районе посёлка Эльтиген и захватил плацдарм. В трудных условиях батальон удерживал его более чем месяц. После того, как все возможности обороны Эльтигенского плацдарма были исчерпаны, а прорвать установленную противником морскую блокаду плацдарма не удалось, участвовал в беспримерном прорыве десантников на гору Митридат 6 декабря 1943 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистским захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» капитан Н.А. Беляков был удостоен звания Героя Советского Союза. Из личного состава его батальона за героизм на Эльтигенском плацдарме ещё 12 морских пехотинцев стали Героями Советского Союза, 425 бойцов награждены орденами и медалями.

* * *

Тексты документов публикуются в полном объеме, с сохранением всех особенностей (орфографических, стилистических и пр.). Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Каждый документ имеет двойную пагинацию: 1) рукописная красным карандашом на каждом листе дела; 2) машинописная на каждой странице основного текста.

Стенограмма беседы с майором Н.А. Беляковым

[л. 1, с. 1]

КОМИССИЯ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ХРОНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ с Героем Советского Союза БЕЛЯКОВЫМ Николаем Александров[ичем]

Беседу проводит
подполк[овник] Рудный М.М.

Командир отдельного краснознаменного 386 батальона морской пехоты. Майор. 1908 г[ода] рожд[ения]. Член партии с 1932 года. Русский. Образование среднее. На военной службе с 1930 года. Награжден орденом Красного знамени, медалью «За боевые заслуги», медалью «За оборону Кавказа».

Стенографирует Крауз О.Р.

Севастополь. 16 марта 1945 г[ода]

В конце 1943 года, когда противник был изгнан с Таманского полуострова, перед нами стояла задача борьбы за Крым. Предстояло форсировать Керченский пролив.

Наш батальон был назначен в головной отряд 316 стрелк[овой] Новороссийской дивизии. Перед нами стояла задача форсировать пролив и высадиться на берег в районе поселка Эльтиген, южнее Керчи. И в дальнейшем нужно было захватить плацдарм и обеспечить высадку частей Красной Армии.

Личный состав батальона составлял тогда 510 человек кадровых бойцов, плюс была придана 617 отдельная штрафная рота. Трудность состояла в том, что я формировал другой батальон и на командование 386 батальоном я был переброшен перед самой операцией. Поэтому я не знал людей, приходилось изучать личный состав на ходу. Так, что в Тамани я долж[е]н был ознакомиться с личным составом, с офицерским составом, расставить их на соответствующие посты и т[ак] д[алее].

Вооружение в основном было легкое. Личный состав был вооружен автоматами, имелись и п[ротиво]т[анковые] р[ужья], были станковые пулеметы, ручные пулеметы, минометы. Боезапасов личный состав набрал норму большую, чем установлено в уставах и наставлениях, так как каждый чувствовал, что бой придется

в первый момент [вести] без поддержки и патрон брали столько, сколько можно было унести, а если будет тяжело, то в крайнем случае их можно будет выбросить у реза воды, они там будут все равно использованы. И некоторые брали по 2500 патрон[ов], а также брали много гранат.

Высадка десанта шла с 31 октября на 1 ноября.

31 октября вечером батальон был погружен на мотоботы, и баркасы и т[ак] д[алее]. Из-за отсутствия плавсредств имелась перегрузка судов. При выходе погода была свежая и отдельные катера залило водой. Личный состав тогда применил плащ-палатки, растягивая их по бортам, чтобы вода не заливала бы людей.

Около 4 час[ов] утра стали подходить к Эльтигену. Предварительно была проведена артиллерийская подготовка с «большой земли». Артиллерийская подготовка дала скорее отрицательные результаты в том отношении, что расстояние было большое, должного эффекта она иметь не могла, так как орудия стреляли на пределе 18 километров, но противник был преду[л. 1 об., с. 2]прежден, что здесь будет высаживаться десант. И при подходе к берегу мы были освещены прожекторами противника. Я подсчитал — там было до 24 прожекторов, и они поймали нас еще в море.

При подходе к берегу противник открыл по нас сильный артиллерийский огонь. Высадка прошла не совсем организованно, был ряд трудностей. Во-первых, около берега находились мины, отдельные катера взорвались на них и поэтому личный состав оказался высаженным на другой стороне. Получилось некоторое замешательство, но в дальнейшем катера подходили к берегу. Катера шли один за другим, видя, что там катер не подрывался, они туда и подходили, не обращая внимания на артиллерийский огонь противника. А противник, пристрелявшись по первому катеру, уже бил прямо по этому месту. Так что здесь, у берега, мы несли большие потери.

Я шел на мотоботе. Только мы успели проскочить, как в катер было прямое попадание снаряда и катер рассыпался, загорелся. Личный состав [к]атера пристроился к нам и воевал вместе с нами.

Мы были высажены непосредственно на дот, откуда шел пулеметный огонь. Но, когда мы подошли близко, то мы очутились в мёртвой зоне. Они по нас уже не могли бить. Впереди находились проволочные заграждения, минные поля, о чем мы были предупреждены. В проволочных заграждениях личный состав проделал

проход противотанковыми гранатами, хотя были там и сапёры, но их было мало, а нам нужно было как можно скорее прорваться у реза воды. Я приказал личному составу двинуться вперед. Несколько человек, правда, подорвались на минах, что внесло известное замешательство, но в дальнейшем очень помогла Галина ПЕТРОВА [1], которая высаживалась вместе с нами. Она прошла через минное поле и крикнула:

— Моряки, за мной, здесь мин нет!

На людей это подействовало. Во-первых, впереди шла женщина и им было как-то неловко — все люди бросились туда. В общем, мы прошли удачно.

Минное поле было дальше, но перед высадкой, в течение нескольких дней дул сильный ветер и местами мины были засыпаны глубоким песком. Так что они были глубоко зарыты и мы по этой песчаной гряде прошли сравнительно легко.

В дальнейшем, личному составу была дана задача уничтожить пушки, которые оставались еще там и стояли на прямой наводке против нас, и прожектора, которые там освещали.

Дальше начиналась возвышенность и часть личного состава пошла на гору, уничтожая эти орудия и прожектора, а часть людей пошла штурмовать самый поселок Эльтиген.

К рассвету мы со своей задачей справились и вышли по существу на тот плацдарм, который нам был указан.

Когда начало светать, мы сбили противника. Оставшиеся немцы убежали в направлении на Камыш-Бурун.

Затем я поставил задачу проверить, кто же высадился, так как нельзя было сначала ничего определить, было темно, в направлении нашего движения были поставлены «маяки», которые направляли остальных в нашем направлении. Это очень помогло, так как, когда мы вышли к противотанковому рву, где нами были заняты высоты 47, 7 и 35, 5, я сразу с левого фланга дал задание закрепиться на достигнутом рубеже, а сам пошел к морю, чтобы проверить наличие сил — установить кто из [л. 2, с. 3] офицерского состава высадился. При проверки я встретил заместителя по политчасти РЫБАКОВА [2] и здесь уже стало несколько легче, что не один, а двое. Штаб весь высадился, хотя он шел на разных плавсредствах. Начальник штаба с одним помощником подорвался на mine, — они были тяжел[о] ранены и их увезли в Тамань. Первый помощник начальника штаба так же был тяжело ранен. Санчасть взорвалась с катером, утонул начальник связи. Поэтому

остались мы с заместителем вдвоем, без штаба и без санчасти, за исключением девушек-санитарок, которые высадились с других катеров.

Примерно к 9 часам утра я обнаружил, что сил мало, т[ем] более что стрелковую роту даже не высадили. Головной катер подорвался на mine, остальные ехали на буксирах, они проболтались в море, а потом их обратно повезли в Тамань. Из армейских частей высадилось очень мало. Командиры полков и начальник дивизии не высадились, а высадился только один начальник штаба, полковник КОВЕШНИКОВ [3], с которым я и установил связь, та[к] как мы знали уже, сколько у нас сил, кто — старший, у нас уже была радиостанция и т[ак] д[алее], мы могли связываться с большой землей.

Рано утром у меня вышли из строя два командира роты, они были тяжело ранены. К 10 час[ам] утра мы заметили, что противник подбрасывает пехоту на машинах. Сначала он крепко драпал, а потом он увидел, что сил здесь наших высадилось мало, а десант, действительно в первый день высадился мизерный, и он начал спешно на машинах подбрасывать пехоту. Мы видим эти машины, но так как артиллерии у нас не было, то воздействовать на них мы ничем не могли. Подойдя на километр, мы подбили одну машину из п[ротиво]т[анкового] р[ужья], но пехоты выскочила и ушла в укрытие и вреда им мы не могли принести. Запросили мы артиллерию с Таманского полуострова, но ее было очень трудно корректировать.

Часов в 10—11 утра противник перешел в наступление на участке, который мы заняли.

Первые две атаки он сделал без танков. Его автоматчики шли в полный рост. Поскольку шла одна пехота я дал приказ подпустить ее как можно ближе, чтобы не тратить зря патроны. И эти две атаки мы успешно отразили. Довольно много мы скосили тогда немцев.

Противник, видя что несет большие потери, отвел эти свои части, подвел сюда 11 танков, их хорошо было нам видно, два самоходных орудия типа «фердинанд». Затем он провел в течение 40 минут артиллерийскую подготовку по нашим позициям и после артиллерийской подготовки он стал сопровождать пехоту танками в направлении наших позиций. В первую атаку танки противника шли не смело, так как они не знали, что мы имеем, но они решили отрезать нас с моря и изолировать. А наш правый фланг был довольно сильно укреплен, там стояли наши п[ротиво]

т[анковые] р[ужья]. В первую атаку были подожжены два танка из наши п[ротиво]т[анковых] р[ужей]. В дальнейшем, противник опять повторил атаку, но часть танков у него сопровождала пехоту, остальные стреляли из орудий стоя на месте. Тем более, что у нас позиции не были подготовлены, наши п[ротиво]т[анковые] р[ужья] не были зарыты и они били прямой наводкой прямо по нашим п[ротиво]т[анковым] р[ужьям].

За один день они повторили 19 атак. Атаки шли беспрерывно, до самой темноты. У нас много личного состава вышли из строя. [л. 2 об., с. 4] К тому же, автоматы из-за большой пыли засорились и отказались стрелять.

В это время был ранен командир роты автоматчиков. К исходу дня противник нас несколько оттеснил, в частности, забрал высоту 47, 7, которую оборонял взвод лейтенанта ШУМСКОГО, которому впоследствии посмертно потом было присвоено звание Героя Советского Союза. Там было всего 20 человек и они там все погибли.

Части противника сумели вклиниться с правого фланга. Но, когда начало темнеть, противник прекратил атаки. Так как, как правило, он не вел боевых действий ночью. Мы уже получили пополнение, прибыла та рота, которая застряла в море, ее привел старший лейтенант ДЕЙКАЛО [4]. Я приказал роте выбить в ночное время немцев из этой части рва и они свою задачу выполнили. Потом прибыло еще пополнение, насчитывалось у нас тысяч до шести людей.

Утром противник повторил на меня вновь две атаки, но без танков. Для меня было неизвестно, куда делись танки. Атаки нами были отражены и в дальнейшем противник перенес свои действия на левый фланг — больше меня он не трогал. Очевидно, танки действовали тоже на левом фланге с тем, чтобы отрезать там наши части от моря. Там оборонялись армейские части, которыми непосредственно руководил командир дивизии. Там противник переходил в атаку в течение дня по несколько раз, и дрался в течение 3—4 дней. Все же успеха там он не имел, так как каждую ночь к нам при[бы]вало понемножку сил, пополнение, боезапасы. Но с другой стороны, мы не могли развить успеха, так как мы ждали поддержки артиллерии. Потом стало известно, что артиллерия отошла на пароме, но неизвестно куда делась, возможно ее утопил противник, а может быть она попала ему в руки, так как катер утонул, а парому пришлось отрубить канат. Так что у

нас были только две 76 миллиметровые пушки. А противник установил там дальнобойную артиллерию и безусловно, в систем артиллерийского огня он имел преимущество.

А [в] дальнейшем, 7 числа, видя такое положение, что он не может нас сбросить в море, но и мы не можем расширить плацдарма и выполнить свою задачу, т[о] е[сть] создалось равновесие в силах, противник поставил, очевидно, себе задачу блокировать нас с моря. Для этих целей, в район этих наших действий он притащил до 12 десантных быстроходных барж и с началом темноты эти баржи выходили на рейд и таким образом нас замыкали. Бойцы у нас смеялись, что мы находились по[д] охраной, т[о] е[сть] наши катера уже не могли подходить к берегу. И нужно сказать, что противник здесь добился известного успеха. Нашим катерам было очень трудно вести борьбу с б[ыстроходными] д[есантными] б[аржами], а большие корабли туда пройти не имели возможности, так как пролив был мелководный. Он затруднял наши действия, так как катерам очень редко удавалось пробиться к нам, а на обратном пути их, как правило, немцы подбивали. Этим самым он затруднял нам эвакуацию раненых, хотя в дальнейшем у нас был создан свой санбат.

[л. 3, с. 5] Когда противник нас блокировал с моря, то снабжение в основном началось с воздуха. Днем ИЛы сбрасывали нам все необходимое и этим сослужили большую службу. Они помогали также нам отбивать атаки. А ночью — У-2, они тоже сбрасывали продовольствие. И так мы сидели на этом клочке в течение 35 суток. Но, когда высадился наш десант, противник бросил на нас все силы и пользуясь этим, в районе севернее Керчи, около Ени-Кале, высадился другой десант. Там была уже целая армия с танками и артиллерией. Перед ними тогда была поставлена задача удерживать этот клочек земли и ждать, пока армия придет к нам на соединение. И мы ждали там 35 суток.

Ждать было очень тяжело в том отношении, что ежедневно у нас были потери от артиллерийского и минометного огня, потому что противник с утра до вечера непрерывно нас утюжил. Бывали только редкие перерывы, в первую очередь на обед, завтрак и ужин. А, как только начинали подходить катера, он по береговой черте открывал сильный огонь. Были дни, когда весь поселок он засыпал артиллерийскими снарядами. Раненых некуда было девать и пришлось соорудить для них помещение в горах. Рыли там пещеры. Население там не было — было всего человека 3, так как немцы оттуда всех выселили, когда стали укреплять эту зону.

Соединения с армией мы дожидаться больше не могли. Наступление на Керчь затормозилось. События стали развиваться не в нашу пользу. Противник, видя не выгодность положения наших двух десантов, очевидно, поставил перед собой задачу, поскольку наш десант был менее мощный, с ним разделаться. Разведка донесла и по тем данным, которые мы получили от пленных, что противник стягивает сюда свои силы для наступления. Были замеченыдвигающиеся по дорогам танки и большое количество пехоты. Одно время днем мы насчитали 11 колонн пехоты, которые шли в район наших боевых действий.

3—4 декабря противник вновь пошел в решительное наступление на наш левый фланг. По правому флангу он вел только артиллерийский огонь и вел демонстративные действия, а основные свои силы он бросил на левый фланг. За один день он провел сильную артиллерийскую подготовку, была только пыль, ничего кругом не было видно. Потом пошел в наступление и за день боев он потеснил нас, выбил из траншей, в которых мы крепко окопались, потеснил к морю метров на 300.

На другой день, утром, опять началась его артиллерийская подготовка и опять наступление. Потеснил он нас изрядно. В результате он продвинулся до полутора километров.

К концу третьего дня командира собралась на совещание. Командиры полков доложили, что у них в полках оставалось человек по 70—80. Встал вопрос — или драться до последнего, и всем погибнуть, или искать выхода из создавшегося положения. А сверху нам было указание, если возможно, прорвать оборону противника и выйти в другой район, к морю, предполагалось — в район крепости Керчи, с целью того, чтобы катера нас оттуда могли бы снять или снабдить, так как там снабжение проводить было не возможно, немцы [л. 3 об., с. 6] блокировали нас с воздуха, они подтянули туда зенитную батарею, и с воздуха также снабжение затруднялось, так как ИЛы должны были спускаться низко, а мощный зенитный огонь не позволял им этого делать и часто запасы продовольствия падали или в море, или попадали к противнику.

На совещании высказывались разные мнения. Одни говорили, что нужно драться и всем здесь погибнуть, другие предлагали выходить, но раненых вывезти мы были не в состоянии. В конце концов решено было сделать прорыв. Всех раненых решили подвезти к резу воды и, когда пойдем в наступление, [на] катере смогут подойти и взять раненых.

У меня к тому времени оставалось 120 человек, так как когда немцы начали наступать на левый фланг, то я выделил туда на поддержку 200 человек. Там большинство из них погибло, а остальные находились в армии.

Была поставлена задача делать прорыв в сторону Камыш-Буруна, в болоте, так как на болоте было меньше всего укреплений. Но зато там была опасность такая, что в районе Камыш-Буруна находятся артиллерийские и минометные батареи противника, они могут светить нас прожекторами и положить на этих болотах.

Было принято решение, что мой батальон должен идти на штурм, т[о] е[сть] войти в штурмовую группу, сделать прорыв и вывести остатки войск, 318 дивизии. Такая задача была мне поручена оставшимся там командованием.

Людей мы собрали в противотанковый ров, чтобы противник не заметил, что мы снимаем с позиции людей, мы оставили на позициях два станковых пулемета и по два автоматчика, т[о] е[сть] всего по 4 человека, которые получили задачу, когда мы будем снимать людей и будем собираться для прорыва, они открывают огонь и создают шум. А, когда мы пойдем на прорыв, они должны были вести огонь на все свои патроны. Все это они выполнили. Сначала они немного постреляли, то автоматчики, то пулеметы. Противник отвечал, а мы незаметно снимали людей, сосредоточили их в противотанковом рву. Ночь была довольно темная. Когда мы пошли на прорыв, пулеметы открыли сильный огонь, немцы открыли тоже сильный огонь, создалась мощная перестрелка и этим мы скрыли свое движение. Но, когда мы стали передвигаться в болота, противник нас заметил и открыл по нас огонь из пяти пулеметных точек. Личный состав, хотя им было дано указание продвигаться тихо, бросились на эти пулеметы с криком «ура» и противник убежал. Несколько человек было захвачено. Таким образом, сделав прорыв, мы уже вышли из положения. В дальнейшем мы двигались мимо Камыш-Буруна. Здесь мы натолкнулись на немецкую батарею 75 миллиметровых пушек. Мы ее уничтожили и двинулись дальше. В дальнейшем нам встретилась зенитная батарея, которая тоже была уничтожена, также и батарея полковых минометов.

Трудность заключалась в том, что была сильная грязь, размокшая глина. Кроме того, шли все время без привалов, все время приходилось кричать: «шире шаг», так как нужно было идти быстро. И так мы прошли 24 километра без привала. Народ был

голодный, истощенный. Тех, которые не могли идти быстро, отставали — вели под руки. Так же были и раненые, которых приходилось тоже вести.

Пришли мы к горе Митридата. Когда мы подошли к горе, личный [л. 4, с. 7] состав был настолько измучен, что сел — люди не могли больше двигаться. Нам были видны немецкие часовые, но они не думали, что перед ними — противник и нас не трогали и мы никого не трогали. Примерно так продолжалось минут 30. Посидели. Потом прибыл командир дивизии, посмотрели мы на гору, темно, ничего не видно и стали подниматься на гору. Поднялись. Утром мы разобрались, что на этих сопках стоит крупный штаб п[ротиво]в[оздушной] о[бороны] противника. Когда мы подошли, часовой по-русски крикнул:

— Стой, кто идет?

А, когда мы громили немецкие батареи, мы взяли с собой человек 8 пленных — немцев, румын и русских, которые работали там шоферами. Они нам рассказали, что в портах работает все население. И вот один из наших крикнул:

— Свои, идем работать в порт.

Часовой никого не тронул и мы его не тронули, чтобы не поднимать шуму. Когда зашли в землянки п[ротиво]в[оздушной] о[бороны], начали их уничтожать и там поднялся не большой шум, и часовой открыл огонь. Мы его тут сняли. Таким образом, мы взяли эту гору очень легко, так как никто нас там не ожидал. Захватили мы пленных, трофеи, а народ был голодный, набросился кто на что. Идет, стреляет из автомата, а сам жует, так как мы [за] 35 суток изголодались, имели по 250 грамм хлеба в день и сухари, которые нам сбрасывали с самолета. Кроме того, мы находили корма, которое население закапывало, когда уходило.

И отсюда мы устремились к Керчи, тем более, что немцы освещали свой передний край ракетами. Мы спустились в город, недалеко уже была переправа. Здесь мы врезались в строй немецких солдат. Офицер вел солдат прямо на нас. Мы его сняли, а солдат перестреляли. Немцы побежали. Но все же на рассвете не в состоянии были пробиться к своим, так как противник начало стягивать свои силы, а мы находились на окраине города. Нам было приказано подняться на гору Митридат и мы снова туда вернулись, а часть наших, оставшихся в Керчи, немцы сумели захватить. И уже после освобождения Керчи ко мне пришли 4 моих бойца, которые там скрывались.

На горе Митридата мы захватили 4 радиостанции, установили связь со своими войсками. Петров [5] сначала даже не поверил, что мы там находимся. Причем по этой горе должна была проводиться на[ша] артиллерийская подготовка. Нас запросили еще раз, мы еще раз дали им знать. Потом был послан самолет для разведки. Мы ему помахали, поприветствовали, он улетел. Потом снова вернулся, сбросил нам два парашюта с продовольствием, хлебом, боеприпасами.

Мы закрепились на этой горе, но противник нас оттуда решил выбить. В первый день мы эту высоту отстояли. На второй день он опять пошел в атаку. Командир дивизии связался с Петровым — мы просили в помощь бригаду. Так как мы могли бы тогда взять Керчь, но нужно сказать, что мы сами еле-еле ходили и нас было очень мало, а также отсутствовали боеприпасы. Петров дал указание, чтобы мы держали эту гору, так как она господствовала надо всей Керчью, и обещал подбросить нам пополнение. Но пополнения дано не было.

На четвертый день над подбросили только два маленьких [л. 4 об, с. 8] батальона из 83 бригады. А так как мы занимали не только гору, но и местность около озера и часть полосы берега, то в первые дни катера подходили туда без выстрела. Но почему-то этот момент не могли использовать, чтобы нам подбросить сил. Когда прибыли эти два батальона, нам была поставлена задача утром сняться, а батальонам остаться в обороне. Но к тому времени у меня оставалось всего 70 человек в строю, остальные были ранены и убиты. Правда, мы тогда имели возможность эвакуировать всех раненых на «большую землю». Но с этой группой я еще дрался, так что оставалось у меня еще меньше.

Утром 10 декабря было дано приказание всем сесть на катера. Посадка была очень тяжелая, и так как противник подтянул туда свою артиллерию, и у реза воды очень крепко нас обстрелял. Наши катера не могли там долго оставаться. Правда, спасало то, что был не большой туман.

Таким образом, 10 декабря мы были доставлены на «большую землю». Потом были сняты и те батальоны.

За эту операцию было присвоено 13 челов[ек] из моего батальона звание Героя Советского Союза. Причем представлял не флот, а армия, так как армия была очень довольна нашим личным составом. Было 386 наградений орденами и медалями. В общем все, кто остался живым, получили по две награды — за высадку и за прорыв.

Основные трудности у нас там были с питанием. Сначала мы использовали те запасы, которые мы забрали на месте — это камса, лук, мука. Личный состав пек сам себе лепешки и т[ак] д[алее]. Но, когда все это съели, осталось большое поля бураков. Мы организованно его собрали. Причем собирать днем их было нельзя, так как шел обстрел, таким образом сбор бураков производился ночью. Причем бураки были белые, кормовые. Затем собирали кукурузу, ячмень, пшеницу. Дальше встал вопрос, как смолотить зерно? Там стояла ветряная мельница. Мы ее пустили, но немцы минометным огнем отбили ей оба крыла и она вышла из строя. Потом нашли ручную мельницу где-то в хатах и начали молотить зерно на ручной мельнице. Таким образом, сначала мы имели пшеницу кукурузу, ячмень, и в заключение — бураки. Потом все съели и сидели без еды. Но у личного состава все же не было подавленного настроения. Каждый здраво мыслил, никто не жаловался, что голоден или нечего курить. А курили листья с деревьев, иногда только нам сбрасывали табак, но это бывало редко.

Противник в то время, когда мы находились в течение 35 суток на этом клочке, здоров[о] нас агитировал. Они нам кричали, что у вас безнадежное положение, лучше сдавайтесь в плен. Все равно мы вас будем выбивать и будем блокировать с моря и с воздуха, вас не смогут снабжать и т[ак] д[алее]. Еще кричала одна женщина по-русски: «моряки-холостяковцы, если вы не перейдете к нам, то скоро поплывете обратно!»

Наши моряки открыли по ней огонь. Затем они показывали в одной руки бутылку, а в другой банку консервов и хлеб. Вот, мол, что вы будете у нас кушать и водку пить.

А у нас народ был действительно голодный и, когда нужно было идти в разведку, где обычно забирали в блиндажах консервы, шоколад и вообще, продовольствие, то охотников идти было всего много. В Керчи мы взяли крупный продовольственный склад и оттуда все набрали, кто что мог, там было много шоколаду, рому и т[ак] д[алее]. Но нечем было подор[л. 5, с. 9]вать его потом. Также и склад с оружием.

А, когда мы находились на горе Митридат, то мою группу кормила одна женщина. Там жили две женщины с девочкой и они нас в течение двух дней кормили своими запасами: чай кипятिला, сухарями снабжала. Потом личный состав решил, что на сама может потом голодать, пошли поискали по домам нашли для нее мешок муки. Потом, когда я там был, я искал, хотел отблагода-

рить, но уже не нашел, даже у местных властей спрашивал, но их там, по-видимому уже не было.

Погода была очень скверная. Шли дожди со снегом. Это также затрудняло наше положение, так как мы высадились в летних брюках и ватниках.

Потом я интересовался, почему нам не дали поддержки, когда мы вышли на гору Митридата. И контр-адмирал в шутку сказал, (а может быть здесь и доля правды), что в ваш прорыв никто не верил, а, если не верили, то ничего не было подготовлено.

И действительно, это было исключительно тяжелое предприятие, так как противник мог бы нас всех уничтожить. Здесь сыграла большую роль внезапность — противник не догадался, что мы все ушли, так как шла пулеметная стрельба. Те, которые остались с пулеметами, они переправились через Керченский залив на бочках, а потом их катера подобрала. Они рассказали, что утром противник провел артиллерийскую подготовку по нашим позициям, а также авиационную подготовку. Причем в последнее время они все время бомбили, непрерывно летали их пикирующие бомбардировщики Ю-87. Таким образом, когда мы вели бой в Керчи, то немцы обстреливали наши прежние позиции так, что они не подозревали, что мы ушли.

Люди сражались исключительно. Раненые с поля боя не уходили, разве человек не мог уже держать оружие в руках, но если ранен был в левую руку или в голову, его перевязывали и он продолжал стрелять.

Вообще, там было такое положение, что раненым все равно некуда было деться и нужно было продолжать защищаться. Ведь мы находились на клочке земли в глубину в полтора километра и 4 километра по фронту. Народ называл его «огненная земля», так как весь этот клочек был изрыт, все было вспахано до основания. Нас спасало только то, что мы захватили склад инженерного имущества — лопаты, и мы с первых дней зарылись. Копали ночью до утра. Окопались мы хорошо, это нас и спасало, так как от артиллерийского огня мы больших потерь не несли.

Немцам мы нанесли большие потери, особенно в первый день и в дальнейшем, когда мы шли, утюжили их батареи. Пленных мы всех расстреливали, также и на горе Митридата. Причем мы сделали ошибку. Мы расстреливали и отходили оттуда, и пленные нам говорили, что немецкое командование проводило по этому поводу соответствующую работу, говорили:

— Не сдавайтесь в плен русским, они расстреливают пленных.

Бедой наших десантных операций являлось то, что если мы сначала и имели успех, то закрепить его мы не умели. Так же было и в этой Эльтигенской операции. Руководство не высадилось. А, если бы по плану был высажен второй эшелон, то мы имели бы успех. А второй эшелон высадился только к вечеру. Так, что вся тяжесть операции [л. 5 об., с. 10] легла на наши плечи, т[о] е[сть] нашей не большой кучки людей. Тогда был приказ Гитлера — любыми средствами сбросить наш десант в море.

Когда мы отошли, мы начали готовиться к предполагавшемуся второму десанту (который потом не состоялся). Личный состав исключительно стремился в бой и когда бы к ним не пришел, всегда спрашивали:

— Почему же мы здесь сидим?

Все наши трофеи мы захватить оттуда не могли, так же и документы, мы все это уничтожили.

Путь 24 километра при прорыве был исключительно тяжелым. Люди были истощены. Я сам иду, и кажется, что уже больше нет сил. Однажды чувствую, что больше не могу идти, и мой связной откуда-то взял горсть сахара. И вот пристал ко мне:

— Скушай сахар.

— Да ведь только пить буду, — говорю.

— Ничего, скушайте.

И я съел этот сахар — откуда только силы взялись! А мне приходилось все время бегать от головы колонны к хвосту, нужно было подбадривать людей, и остался совсем без сил.

Там было очень много оврагов, рвов. И вот кто-нибудь один залезет наверх и подает другим винтовку, или ремень — так и вылезали. Все время помогали друг другу.

НА ИРИ РАН. Фонд 2. Раздел IV. Дело 756. Л. 1—5 (рукописная пагинация; обороты листов не обозначены); с. 2—11 (машинописная пагинация; первая страница не пронумерована). Стенограмма напечатана машинописным способом на листах желтой бумаги.

1. *Петрова Галина Константиновна* (1920—1943), медицинская сестра 386-го отдельного батальона морской пехоты Новороссийской военно-морской базы Черноморского флота, главстаршина. Герой Советского Союза.

2. *Рыбаков Николай Васильевич* (1909—?), заместитель по политчасти командира 386 Отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота, майор.

2. *Ковешников Дмитрий Степанович* (1918—1998), советский военачальник, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза.

3. *Дейкало Пётр Григорьевич* (1917—1977), старший лейтенант Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.

4. *Петров Иван Ефимович* (1896—1958), советский военачальник, генерал армии. Герой Советского Союза.

Структура органов военного плена и создание системы лагерей для японских военнопленных

Аннотация. В статье рассматривается создание системы лагерей для японских военнопленных и ее место в системе военного плена в Советском Союзе. При формировании сети лагерей для военнопленных японцев отчетливо проявились проблемы взаимодействия между разными учреждениями системы военного плена, организациями и предприятиями, использовавшими труд военнопленных японцев. Автор отмечает, что неэффективная работа органов системы военного плена в СССР являлась одной из основных причин появления проблем, связанных с содержанием бывших японских военнослужащих.

Ключевые слова: МВД; НКВД, военнопленные, лагеря, ГУПВИ, Япония, «сибирское интернирование», Вторая мировая война, Великая Отечественная война.

Sergey P. Kim

THE STRUCTURE OF BODIES OF THE SOVIET MILITARY CAPTIVITY SYSTEM AND THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET LABOR CAMPS NETWORK FOR JAPANESE PRISONERS OF WAR

Abstract. The article considers the establishment of the Soviet labor camps network for Japanese prisoners of war and its place within the military captivity system in the Soviet Union. Problems of cooperation between various bodies of the Soviet military captivity system, entities and enterprises using labor of Japanese POWs were clearly revealed upon creation of the labor camp network for Japanese POWs. The author concludes, that ineffectiveness of the military captivity system in the Soviet Union, as it was shaped by the end of 1945, caused problems, connected with maintaining of Japanese POWs.

Keywords: MVD, NKVD, prisoners of war, labor camps, GUPVI, Japan, "The Siberian Internment", World War 2. Great Patriotic war.

После разгрома войск нацистской Германии ее союзник, Япония, оставалась единственной страной, продолжавшей оказывать сопротивление войскам стран антигитлеровской коалиции. 8 ав-

¹ **Ким Сергей Петрович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: sergeypkim@gmail.com

Sergey Kim — Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

густа Красная Армия начала военные действия против японских войск, занимавших Маньчжурию, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Уже к концу августа японские военнослужащие начали сдавать оружие советским войскам. Всего было разоружено 639.776 японских солдат и офицеров [29, с. 229].

Пребывание японских военнопленных на территории СССР исследовалось такими историками как С.И. Кузнецов [20, 21], А.А. Кириченко [18, 19], В.П. Галицкий [7, 8, 9, 10, 11], В.В. Карпов [15], Е.Л. Катасонова [16, 17], С.В. Карасев [14], Е.Ю. Бондаренко [3, 4, 5], О.Д. Базаров [1], М.Н. Спиридонов [32]. К историографии темы также следует отнести и тех исследователей, которые в своих работах рассматривали японских военнопленных как часть иностранных военнослужащих в СССР (С.Г. Сидоров [31], Е.М. Цунаева [33], И.В. Безбородова [2], Н.М. Маркдорф [23], Л.В. Михеева [24], Т.А. Щелокаева [34] и другие). Отдельно следует отметить работу А.Л. Кузьминых [22], в которой впервые были изучены генезис и функционирование системы военного плена в СССР и дана ее емкая характеристика [22]. Системой военного плена в СССР, согласно А.Л. Кузьминых, является совокупность органов и учреждений советского государства, отвечавших за прием, содержание и репатриацию военнопленных и интернированных [22, с. 12]. Анализ историографии темы показывает, что исследователями в общих чертах была обозначена проблематика пребывания японцев на территории СССР и обозначены главные проблемы пребывания японцев на территории СССР: неясность их юридического статуса, плохие жилищно-бытовые условия, политическое «перевоспитание» в лагерях и умышленная задержка их репатриации. Признавая значительный вклад, сделанный всеми исследователями, необходимо отметить, что создание системы лагерей для японских военнослужащих не рассматривалось в контексте функционирования системы военного плена в СССР.

После того, как большая часть японцев была разоружена, Государственный комитет обороны СССР 23 августа 1945 г. издал постановление № 9898сс «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», согласно которому «до пятисот тысяч бывших японских военнослужащих» подлежало отправке в лагеря НКВД для выполнения работ по восстановлению народного хозяйства. Из 500 тыс. японцев 150 тыс. планировалось отправить на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, 85 тыс. — наркомату угольной промышленности,

59 тыс. — наркомату лесной промышленности, 37 тыс. — наркомату цветных металлов, 36 тыс. — наркомату обороны, а оставшихся военнопленных должны были получить организации и предприятия наркоматов путей сообщения, строительства, нефтяной промышленности, тяжелой промышленности, электропромышленности, морского флота, вооружения. Еще 15 тыс. человек было дополнительно выделено наркоматам строительства и цветных металлов для работ на предприятиях Усть-Каменогорского и Зырянского свинцовых рудоуправлений (Казахская ССР) [29, с. 175—179].

К началу 1946 г. для размещения японских военнопленных на территории СССР было построено 49 лагерей, большая часть которых располагалась на территории Дальнего Востока и Сибири. Согласно постановлению ГКО № 9898сс 75 тыс. японцев было предписано вывезти в Приморский край, 40 тыс. — в Читинскую область, 50 тыс. — в Иркутскую область, 50 тыс. — в Казахскую ССР, 20 тыс. — в Красноярский край и столько же в Узбекскую ССР, 16 тыс. — в Бурят-Монгольскую АССР и 14 тыс. — в Алтайский край. Остальные 150 тыс. японцев были распределены между регионами, поскольку они должны были работать на строительстве Байкало-Амурской магистрали, пересекавшей Забайкалье и Дальний Восток [29, с. 178]. Выполнение постановления было возложено на наркомов (в первую очередь — внутренних дел), а также секретарей краевых и областных комитетов ЦК ВКП(б).

Контроль за содержанием и репатриацией иностранных военнопленных в Советском Союзе был разделен на три учреждения: Главное управление по делам военнопленных и интернированных — ГУПВИ НКВД (МВД) СССР, Главное управление военного снабжения (ГУВС), Управление по делам репатриации. Из них складывался верхний уровень военного плена, а из их территориальных отделов и управлений — средний уровень системы военного плена. Нижний уровень системы военного плена состоял из трудовых лагерей, располагавшихся на территории СССР, а также транзитными лагерями для иностранных военнопленных, в которых военнопленные размещались перед репатриацией на родину. Большая часть транзитных лагерей находилась на советской территории. Сеть лагерей для иностранных военнопленных была подчинена как ГУПВИ и его региональным отделениям, так и республиканским, краевым и областным управлениям НКВД (МВД).

ГУПВИ было сформировано в конце сентября 1939 г., после того, как части Красной Армии заняли территорию Западной

Украины и Западной Белоруссии [6, с. 25]. Для решения всех организационных вопросов, связанных с иностранными военнопленными, было создано Управление по военнопленным (УПВ). Источником кадров для новой системы в первое время являлся ГУЛАГ. Во время Великой Отечественной войны УПВИ (ГУПВИ) расширялось пропорционально количеству иностранных военнослужащих, капитулировавших перед Красной Армией. В 1943 г. вследствие увеличения потока военнопленных в результате успешного завершения боев в районе Сталинграда и Курской дуги, в УПВИ произошла реорганизация — был создан региональный уровень управления лагерями, число которых значительно возросло. С этого времени лагеря были переподчинены локальным органам внутренних дел — управлениям НКВД по краям и областям.

К началу 1945 г. из-за еще большего увеличения потока военнопленных список задач УПВИ был расширен, что привело к новым изменениям в его структуре. В феврале 1945 г. приказом НКВД СССР № 0014 оно было реорганизовано в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), что могло считаться повышением статуса — оно приравнивалось к остальным 13 «главкам» наркомата [34, с. 67]. ГУПВИ было разделено на отделы, отвечавшие за разные задачи, выполнение которых диктовалось спецификой работы с военнопленными.

К 1946 г. на ГУПВИ, согласно «Положению о Главном управлении НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных» от 15 января 1946 г. [28, л. 160], были возложены обязанности по руководству и организации деятельности лагерей, режима и охраны в лагерях, медицинского обслуживания военнопленных, использования их труда, партийной и антифашистской работы, персональный и статистический учет военнопленных, а также подготовка и осуществление передачи военнопленных органам репатриации. В соответствии с этими обязанностями была устроена и структура ГУПВИ, состоявшая из отделов и управлений.

В компетенцию главка входило закрытие или учреждение новых лагерей и лагерных отделений, утверждение заявок, поступающих от организаций и предприятий на использование военнопленных в качестве рабочей силы. Также в задачи входила разработка конкретных шагов для реализации приказов, распоряжений и указаний наркома (министра) внутренних дел — в частности, планов по репатриации военнопленных из лагерей МВД, а также контроль за их выполнением. Руководители органов вну-

тренних дел на местах (НКВД и МВД республик, УНКВД/УМВД краев, областей) нередко обращались в ГУПВИ с просьбой разъяснить содержание директив, приказов и распоряжений наркома (министра) внутренних дел, постановлений ГКО, СНК и Совета министров СССР, касающихся военнопленных.

ГУПВИ выполняло также и инспекционные функции, чтобы получать объективные фактические данные о положении дел в лагерях для военнопленных или для усиления контроля за выполнением наиболее важных инициатив руководства наркомата (министерства) внутренних дел. Представители ГУПВИ имели полномочия непосредственно на местах разрешать проблемы, с которыми сталкивалось начальство лагерей.

В своем непосредственном подчинении ГУПВИ имело сеть управлений и отделов по делам военнопленных и интернированных, собиравших информацию по регионам. Управления создавались в союзных республиках, а в краях и областях РСФСР формировались отделы по делам военнопленных и интернированных. Они имели схожую с ГУПВИ структуру. В годы Великой Отечественной войны в места капитуляции войск противника для организации оперативного учета военнопленных направлялись фронтовые отделы по делам военнопленных и интернированных, подчиненных ГУПВИ.

За снабжение лагерей для военнопленных отвечало Главное управление военного снабжения (ГУВС) НКВД (МВД) СССР. Оно имело схожую с ГУПВИ структуру из отделов и управлений, а также отделов управлений военного снабжения (УВС и ОУВС) в республиках, краях и областях.

К концу 1945 г. усложненная структура системы военного плена стала тормозить реализацию решений правительства, касающихся иностранных военнопленных. На НКВД были возложены как экономические задачи, важнейшей из которых являлось восстановление экономики, так и политические задачи — выявление и наказание военных преступников, а также подготовка антифашистских и «демократически настроенных» групп военнопленных, настроенных лояльно по отношению к Советскому Союзу, сталинской идеологии и социализму советского типа. Выполнение этих задач требовало четко выстроенной системы контроля и взаимодействия всех органов и учреждений, ответственных за размещение, труд, снабжение и политическое воспитание иностранных военнопленных, содержащихся в трудовых лагерях.

Проблемы взаимодействия между всеми учреждениями системы военного плена проявились уже на этапе формирования системы лагерей для японских военнопленных. Так, в 1945—1947 г. отделы военного снабжения оказались неспособны вовремя распланировать и организовать поставки продовольствия, медикаментов и обмундирования в лагеря японских военнопленных. Согласование поставок продовольствия и медикаментов происходило как на уровне краевых и областных отделов военного снабжения и отделов по делам военнопленных, так и сотрудниками лагерей. В марте 1946 г. проблемы стали системными, в связи с чем на собрании руководителей ГУПВИ, ГУВС и других руководящих сотрудников МВД министр внутренних дел С.Н. Круглов отметил неудовлетворительную, «безрукую» работу органов снабжения, а в апреле глава ГУВС А.А. Вургафт был снят с занимаемой должности. Нехватка продовольствия серьезно сказывалась на смертности, заболеваемости и результатах труда японских военнопленных, которые были особенностями низкими в первую зиму 1945/1946 гг.

Возможность использовать труд японцев получили хозяйственные организации и предприятия. Между ними и лагерями, предоставлявшими военнопленных для работ, в обязательном порядке заключались типовые договоры, в которых содержались права и обязанности сторон. Содержание договоров было впервые закреплено в приказе НКВД № 00675 от 6 апреля 1943 г., подписанным Кругловым, тогда заместителем наркома внутренних дел [6, с. 565—574]. В обязанности организации или предприятия входило либо предоставление готовых жилых помещений для военнопленных, вахтерского состава, начальства или обеспечение строительным материалом для их постройки. Своевременный ремонт жилых помещений лагеря и его структурных подразделений — лагерных отделений — должен был производиться за счет организации или предприятия, использовавшего труд военнопленных. Помещения, предоставленные для проживания военнопленных, после завершения срока действия договора надлежало возвратить стороне, в распоряжение которых они были предоставлены.

Помимо обеспечения жилыми помещениями, организация или предприятие должны были возвести постройки для хозяйственных нужд, а также строений, необходимых для осуществления функций, связанных с соблюдением режима в лагерном отделении. В число построек для хозяйственных нужд входили кухни, столовые, дезинфекционные камеры, прачечные, бани, комнаты для

сушки одежды, склады с продовольствием, оборудованием и материалами, умывальные комнаты, уборные. В число строений, необходимых для соблюдения охраны и режима лагерного отделения, входили: ограждение, забор или колючая проволока, сторожевые вышки, ворота, караульные помещения для охраны, здания комендатуры и т.д. Подведение необходимых коммуникаций (водоснабжения, отопления, канализации и электричества) также производилось за счет стороны, заинтересованной в труде военнопленных.

На этом обязанности организаций или предприятий не заканчивались. Помимо строительства собственно лагерного отделения, они должны были обустроить и рабочие места для военнопленных. Сторона, которая использовала труд военнопленных, была обязана обеспечить их необходимым количеством рабочих инструментов, подготовленным рабочим местом, транспортом (для доставки военнопленных на место работ), материалами, необходимыми для работы. К числу обязанностей организации или предприятия относились также: обучение контингента, контроль над качеством и правильностью выполняемых военнопленными работ, соблюдение правил безопасности на рабочем месте.

Администрации лагерных отделений обязывались исправно предоставлять военнопленных для осуществления работ на предприятиях, следить за соблюдением дисциплины, стимулировать в военнопленных добросовестное отношение к труду и добиваться высоких производственных результатов. Также в число ее обязанностей входило поддержание санитарных норм, необходимых для проживания военнопленных, обеспечение их продовольствием в соответствии с установленными в приказах НКВД нормами, предметами обихода, обмундированием и обувью по сезону, постельными принадлежностями. Руководство лагерей имело право снимать военнопленных с работ в случае стихийных бедствий и из-за режимных соображений, а также при получении соответствующих указаний от руководства наркомата.

При невыполнении условий договора администрация лагерного отделения имела возможность расторгнуть договор и передать военнопленных другой организации или предприятию. Вне обозначенных в приказе НКВД № 00675 положений оставался ряд спорных вопросов, которые были упомянуты в приказах позднее. Использование военнопленных в качестве рабочей силы для строительства разрешалось только при возведении жилых помещений в лагерном отделении. Затраты на освещение, отопление и

водоснабжение также должны были оплачиваться за счет администрации отделения [6, с. 572].

За выполненный военнопленными объем работ сторона, использовавшая труд военнопленных, рассчитывалась не с самими военнопленными, а непосредственно с лагерями. Средний доход, приносимый предприятию или организации, зависел от типа выполняемой работы. В 1946—1947 гг., как правило, доход, получаемый от труда одного военнопленного японца, составлял 6—6,5 руб. в день [26, л. 151], а позднее составлял уже не менее 7—8 руб. Выплата денежного вознаграждения в ряде случаев не производилась по вине работодателей, которые не осуществляли должного учета выполнения плана. Организация или предприятие, в распоряжение которых были предоставлены военнопленные, обязывались точно и в срок производить оплату за выполненные военнопленными производственные нормы. Просрочка в оплате счетов, предъявляемых администрацией лагеря, влекла за собой начисление пени. При систематической просрочке оплаты платежей более одного месяца руководство лагеря, получив разрешение со стороны ГУПВИ, имело право прекратить предоставление военнопленных и потребовать возмещение всех убытков, связанных с их содержанием.

Доходы, полученные от выполнения и перевыполнения производственных норм, начислялись в краевые, областные или республиканские бюджеты, откуда денежные вознаграждения для военнопленных перечислялись на счета лагерных отделений. Отделения, создававшиеся при организациях, относившихся не к промышленным отраслям, а непосредственно к хозяйственному комплексу органов внутренних дел, как было указано в инструкции «О порядке финансирования, учета и отчетности в лагерях НКВД для военнопленных» от 13 апреля 1945 г., финансировались напрямую из полученных средств [6, с. 204].

Возведение лагерей для японских военнопленных на территории Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии было осложнено коротким сроком, отведенным организациям и предприятиям для выполнения постановления ГКО № 9898сс, а также отсутствием развитой инфраструктуры и протяженностью коммуникаций. В отличие от европейской части СССР, где к моменту окончания Великой Отечественной войны уже существовала сеть лагерей для иностранных военнопленных и имелись возможности ее расширения для размещения прибывавших иностранных военнопленных, в восточных регионах страны такая сеть лагерей создана не была. В тоже время

отправка японцев в тыл советской территории началась уже спустя несколько дней после вступления в силу постановления ГКО.

В результате этого предприятия и организации оказались неспособны выполнить свои обязательства, предусмотренные договорами о предоставлении военнопленных в качестве рабочей силы. Показательным в этом отношении являлось положение лагерей, создаваемых при комбинатах угольной промышленности Приморского края, получивших большинство размещенных в крае военнопленных японцев. Согласно справке о ходе подготовки к приему бывших японских военнослужащих в Приморском крае, к началу сентября 1945 г. ни одно из предприятий трестов «Артемуголь», входивших в комбинат «Приморскуголь», не завершило и половины работ по строительству жилых помещений и построек для хозяйственных и санитарных нужд [35, с. 11—12]. Так, например, при шахте № 20 планировалось создать лагерное отделение на 5000 человек, при этом уже возведенных помещений хватало только на 800—900 человек. Не были подготовлены даже постройки для размещения администрации лагерных отделений и солдат из вахтерского и конвойного составов. При этом из-за сжатых сроков начальство треста не планировало строительство трубопровода для обеспечения лагерного отделения водой, как того требовали условия договора, поскольку рассчитывало использовать инфраструктуру г. Артема, располагавшего неподалеку [35, с. 11—12].

Руководство управления наркомата внутренних дел Приморского края, отвечавшее за размещение военнопленных перед руководством НКВД, проведя проверки, вынуждено было отметить повальную неготовность лагерей к принятию заявленной численности контингента. В ряде случаев, как сообщается в докладной записке начальника УНКВД по Приморскому краю А.А. Закусило от 22 октября 1945 г. [35, с. 31—39], не было не только завершено строительство жилого фонда, но почти во всех местах проживания военнопленных отсутствовали хозяйственные постройки, такие как дезинфекционные камеры, бани и умывальные комнаты, а лагерные отделения не были обеспечены водой. Выполнить свои обязательства «Артемуголь» и другие предприятия, которые использовали труд военнопленных, не могли вплоть до середины ноября, несмотря на требования УНКВД по Приморскому краю завершить все строительные работы к концу октября [35, с. 58].

В ноябре 1945 г. руководством НКВД были изданы требования, касавшиеся подготовки лагерей для иностранных военноплен-

ных к зиме, в то время как еще не были завершены полностью все работы по возведению жилья в лагерях для японцев. Вначале эти требования относились только к уже построенным лагерным отделениям для иностранных военнопленных, прибывших с западных фронтов. 12 ноября в директиве № 196, подписанной наркомом внутренних дел Л.П. Берией, его заместитель С.Н. Круглов, курировавший тогда всю работу с иностранными военнопленными, потребовал от своих подчиненных проследить за тем, чтобы все лагерные отделения были утеплены, оборудованы необходимым инвентарем и лечебно-санитарным оборудованием [30, с. 262].

24 ноября наркомом внутренних дел республик, областей и краев, принимавших японцев, поступила директива наркома внутренних дел СССР № 221 «Об улучшении коммунально-бытовых условий для военнопленных японцев» [30, с. 271—272]. Указывалось на то, что степень подготовленности к зиме лагерных отделений, в которых были размещены японские военнопленные, является неудовлетворительной. Из-за недостатка времени и ресурсов лагерные отделения возводились на скорую руку и были практически непригодны для жилья в условиях суровой зимы восточных регионов СССР. Руководствам республиканских, областных и краевых управлений ВД поручалось не только отремонтировать, дооборудовать и утеплить жилые помещения, но также остеклить их, построить нары и тамбуры. Эта работа на период с декабря 1945 г. по февраль 1946 г. должна была стать основной.

Контроль за выполнением директив был возложен на комиссии, сформированные из руководящих составов республиканских, краевых и областных УНКВД. Во время проверки в декабре 1945 г. обследованию подвергались не только жилищные, но и санитарно-бытовые условия размещения японцев. Так, например, согласно заключению комиссии, проверявшей лагерные отделения в Читинской области, все проинспектированные жилые помещения требовали ремонта и утепления. В 65,5% проверенных отделений жилые помещения нуждались в капитальном ремонте, а в 9,7% жилье для военнопленных вообще было непригодно [27, л. 104]. При этом под жилыми помещениями, пригодными к проживанию, подразумевались такие, в которых температура колебалась от +10 до +14°C.

Коммунально-бытовые трудности испытывали не только военнопленные. Рядовые и офицеры, ответственные за охрану, а также администрации лагерных отделений не были обеспечены общежитиями или квартирами, в ряде случаев они размещались в

близлежащих населенных пунктах. Отделения почти не располагали необходимыми хозяйственными строениями для санитарных нужд. Бани и дезинфекционные камеры часто располагались в отдалении на 10—12 км. В Иркутской области [27, л. 138] и в Хабаровском крае жилищный фонд пребывал в аналогичном состоянии. В Бурятской АССР, согласно актам комиссий, проверявших лагерные отделения уже в 1946 г., большинство из них находились в труднопроходимых местах (в густой тайге или на возвышениях), в связи с чем отсутствовал водопровод [27, л. 82].

Неподготовленность жилья к зиме и отсутствие централизованного отопления вынуждали военнопленных самостоятельно обогревать помещения самодельными приборами и печами, что приводило к возгораниям. В декабре 1945 г. во все лагеря для военнопленных была отправлена телеграмма № 258, а позднее ряд директив и распоряжений наркома ВД о принятии мер для предотвращения пожаров [30, с. 35].

Неудовлетворительное состояние жилого фонда было отмечено Кругловым (29 декабря 1945 г. назначен наркомом внутренних дел) в докладной записке И.В. Сталину и В.М. Молотову от 26 февраля 1946 г. [12, л. 343]. В начале февраля в лагерные отделения Дальнего Востока и Восточной Сибири была направлена комиссия для комплексной оценки положения японских военнопленных. В нее вошли не только сотрудники областных и краевых УНКВД, но и представители региональных управлений военснаба, а также отделов по делам военнопленных и интернированных. Возглавил комиссию заместитель начальника ГУПВИ генерал-лейтенант И.В. Петров. Комиссия в течение полутора месяцев выборочно обследовала лагерные отделения во всех областях и краях, где были размещены японцы. 12 апреля 1946 г. по ее итогам была составлена докладная записка.

Согласно ей, постановление ГКО № 9898с и директивные указания об улучшении коммунально-бытовых условий японцев краевыми и областными УНКВД выполнены не были. Лишь 15—20% японцев обеспечены долговременным жильем. [25, л. 24] При этом количество военнопленных, поступающих в лагерные отделения, не снижалось. Из-за недостатка пригодных к жилью помещений японцы размещались скученно. Так, при обследовании комиссиями лагерных отделений в Бурятской АССР и в Иркутской области было установлено, что военнопленные размещались на трехъярусных нарах, а на одного человека приходилось 0,7—0,8 м² пространства [27, л. 40].

Проведение ремонтно-строительных работ в лагерных отделениях для военнопленных японцев было отложено до середины весны 1946 г. Требования, предъявляемые к состоянию жилых помещений для военнопленных, расширялись, а лагеря, где они жили в землянках или требующих капитального ремонта помещений, подлежали ликвидации [26, л. 63].

Новая сеть лагерей для японских военнослужащих требовала кадров, имеющих опыт работы со специальным контингентом. Недостаток таковых стал одной из серьезных проблем. Штат управлений лагерей и администраций лагерных отделений в 1945 г. главным образом пополнялся за счет офицерского состава резервных полков двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов. Как правило, офицеры Красной Армии, поступившие на службу в МВД, были незнакомы со спецификой своей новой работы. Руководство УВД Хабаровского и Приморского краев приступило к систематическому обучению офицерского состава лагерей только к середине 1946 г.

Помимо офицерского руководящего состава в лагерных отделениях работали и гражданские специалисты: бухгалтеры, переводчики, водители. Однако неукомплектованность штатного состава лагерей на 1 апреля 1946 г. только по Дальнему Востоку и Сибири составляла 542 человека, а работников снабжения — 423 человека [27, л. 27]. Рядовой состав сотрудников лагерных отделений частично замещался вахтерами. Конвойные войска НКВД (МВД), сопровождавшие военнопленных по дороге на работу, не относились к штату лагерных отделений. В 1947 г. недостаток конвойных войск вынудил руководство МВД расконвоировать часть военнопленных японцев.

Нехватка персонала касалась также врачей, среднего и младшего медицинского персоналов. К концу февраля 1946 г. медицинское обслуживание японцев осуществляли 1492 медицинских работника и 502 врача, при этом, как отмечал начальник ГУПВИ Петров в докладной записке Круглову от 12 апреля 1946 г., требовалось еще 970 медиков. Для восполнения недостатка кадров предлагалось задействовать врачей и медработников из числа военнопленных. К 1 апреля для оказания медицинских услуг военнопленным японцам было привлечено 468 врачей и 392 санитаров и медбратьев из числа военнопленных. Однако использование врачей из состава военнопленных не приветствовалось даже при недостатке медицинских кадров, поскольку имели место случаи, когда они незаконно выдавали справки об освобождении от работы.

Примечательно, что проблемы нехватки кадров, а также недостаточно эффективного взаимодействия учреждений системы военного плена в полной мере коснулись и работы транзитных лагерей в Находке, Дайрене, Канко, Гензане, Маока, через которые проводилась репатриация японцев — военнопленных и гражданских лиц. Несоблюдение планов приводило к переполнению этих лагерей, что создавало проблемы в организации их питания и снабжении обмундированием.

Планомерное сокращение численности военнопленных в ходе репатриации, начиная с 1947 г., позволило уволить неблагонадежных сотрудников лагерей, аппарата ГУПВИ и ГУВС и оставить только проверенные и опытные кадры. Так, только за I квартал 1948 г. были ликвидированы 21 лагерь и 195 лагерных отделений, количество сотрудников системы военного плена было сокращено на 3923 сотрудника [13, л. 79].

Таким образом, следует отметить, что вследствие стремительности продвижения Красной армии в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах, региональные советские власти не успели подготовить лагеря НКВД к приему военнопленных. Большинство не было готово к зимнему сезону, что стало одной из причин ухудшения здоровья японцев и низких результатов их труда. Другой причиной стало невыполнение предприятиями и организациями, использовавшими труд японских военнопленных, своих обязательств по благоустройству лагерей. Третьей причиной являлась громоздкость системы военного плена и отсутствие постоянного контроля за своевременным исполнением приказов и директив руководства НКВД (МВД), направленных на решение жилищно-бытовых проблем. Непостоянный и недостаточный контроль за состоянием и деятельностью военнопленных, а также несвоевременное взаимодействие органов и учреждений друг с другом являлось одной из причин низких результатов труда военнопленных японцев и их высокой смертности. В первые годы функционирования лагерной системы для японских военнослужащих она, как и вся система трудовых лагерей для иностранных военнопленных в СССР, была убыточной. При этом халатное, а порой и преступно недобросовестное отношение к своим обязанностям со стороны начальствующего состава лагерных работников не являлось редкостью. Так, к январю 1947 г. были выявлены массовые случаи хищения государственных средств и продуктов питания, предназначенных для военнопленных.

Все проблемы, связанные с содержанием и деятельностью иностранных военнопленных, были вызваны тем, что система военного плена в СССР не являлась эффективной. Для внесения любых изменений в нормы обращения с военнопленными, даже самых незначительных, требовались указания руководства МВД и советского правительства. В СССР отсутствовал единый свод норм, связанных с обращением, содержанием, уголовным преследованием, политическим просвещением и репатриацией иностранных военнопленных. Это вынуждало руководство МВД каждый год выпускать десятки новых приказов, указаний и директив, направленных на улучшение положения иностранных военнопленных в СССР.

Список литературы

1. Базаров О.Д. Японские военнопленные в Бурятии (1945—1948 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 1997.
2. Безбородова И.В. Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939—1953 гг.): дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 1997.
3. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914—1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07. 00. 02. Владивосток, 2004.
4. Бондаренко Е.Ю. Голос народной памяти // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 214—216.
5. Бондаренко Е.Ю. «Жестокий русский плен»? (Свидетельствуют японцы) // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 101—103.
6. Военнопленные в СССР, 1939—1956: документы и материалы. СПб.: Логос, 2000.
7. Галицкий В.П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 1. С. 115—123;
8. Галицкий В.П. Обретут ли покой усопшие? // Новое время. 1990. № 41. С. 37- 39;
9. Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124—130;
10. Галицкий В.П. Японские военнопленные в СССР: правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 66—78;
11. Галицкий В.П. Японские военнопленные и интернированные в СССР // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 18—31.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134.
13. ГА РФ. Ф. Р9401. Оп. 2. Д. 200.
14. Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия (1945—1956): дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 2007.
15. Карпов В.В. Пленники Сталина. Сибирское интернирование японской армии. 1945—1956. Киев-Львов, 1997.

16. Касасонова Е.Л. Решение гуманитарной проблемы японских военно-пленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945—2003 гг.). Исторический аспект: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.03. М., 2004.
17. Касасонова Е.Л. Последние пленники Второй мировой войны: мало-известные страницы российско-японских отношений. М.: Институт Востоковедения РАН, 2005.
18. Кириченко А.А. Следы оборвались в Тайшете. Японские военнопленные в ГУЛАГЕ // Шпион. 1993. № 1. С. 53—64.
19. Кириченко А.А. Военнопленные или интернированные? История вопроса. // Бюллетень общества «Россия-Япония». 2001. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-jp.org/intern.htm> (дата обращения: 05.02.18).
20. Кузнецов С.И. Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945—1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Иркутск, 1994.
21. Кузнецов С.И. Японцы в Сибирском плену (1945—1956 гг.). Иркутск: Изд-во журн. «Сибирь», 1997.
22. Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939—1956 гг.): дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Архангельск, 2014.
23. Маркдорф Н.М. Иностранные военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943—1956 гг.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2012.
24. Михеева Л.В. Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 — начало 50-х гг. XX века): автореф. дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 (История Республики Казахстан). Караганда, 2007.
25. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 2.
26. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 10.
27. РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 13.
28. РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 1.
29. Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противостояния двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. Т. 18 (7—2). М.: ТЕРРА, 2000.
30. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13). М.: ТЕРРА, 1996.
31. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР. 1939—1956 гг.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.02. Волгоград, 2001.
32. Спиридонов М.Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945—1948): проблемы размещения, содержания и трудового использования: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Красноярск, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/Spiridonov/0.htm> (дата обращения: 05.02.2018).
33. Цунаева Е.М. Делопроизводственная документация учреждений военного плена НКВД/МВД СССР и органов управления ими как исторический источник: 1939—1953 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.09. Волгоград, 2010.
34. Шелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР: 1939—1956: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2000.
35. Японские военнопленные в Приморье (1945—1949 гг.) Вып. 1 Труд военнопленных в угольной промышленности. Владивосток: Государственный архив Приморского края, Мор. гос. ун-т им. адм. Г. И. Невельского, 2005.

Конструируя историю советского Таджикистана: Б.Г. Гафуров и его «История таджикского народа» (1949 г.)²

Аннотация: Статья посвящена истории создания известной книги Б.Г. Гафурова «История таджикского народа» (1949). Показывается идеологический контекст появления издания, анализируются ее концептуальные основы, логика построения нарратива. Отталкиваясь от конструктивистской теории нациестроительства, показывается, что эта книга стала основой конструирования исторического сознания советского Таджикистана.

Ключевые слова: История таджикского народа, Гафуров, нациестроительство, политика памяти.

Vitaly V. Tikhonov

**CONSTRUCTING THE HISTORY OF THE SOVIET TAJIKISTAN:
B.G. GAFUROV AND HIS “HISTORY OF THE TAJIK PEOPLE” (1949)**

Abstract: the Article is devoted to the history of the famous book by B. G. Gafurov “History of the Tajik people” (1949). Shows the ideological context of the appearance of the publication and analyzes its conceptual framework, logic of the narrative. Starting from the constructivist theory of nation-building, shows that this book became the basis for the construction of the historical consciousness of the Soviet of Tajikistan.

Keywords: History of the Tajik people, Gafurov, nation building, politics of memory.

Одним из самых масштабных идеологических и культурных проектов поздней сталинской эпохи стало создание национальных (республиканских) историй советских историй. В иде-

¹ **Тихонов Виталий Витальевич** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: tihonovvitaliy@list.ru
Vitaly V. Tikhonov — Candidate of Historical Sciences, leading researcher of the Institute of Russian history RAS. Moscow, Russia.

² Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (Направление 1: Исторический опыт России и других стран в области формирования коллективной идентичности и управления многонациональными обществами).

але национальные истории должны были стать историческим фундаментом единой страны советов, но очень быстро выяснилось, что прошлое является такой же ареной политической борьбы, что и партийные съезды. Особенно это показательно в случае с историями среднеазиатских республик, находившихся в постоянном соперничестве между собой. На общем фоне особенно выделялась фигура Бободжана Гафуровича Гафурова (1909—1977).

Вступив в партию в 1932 г., он быстро сделал карьеру по партийной линии. В 1941—1944 гг. занимал должность секретаря ЦК КП(б) Таджикской ССР по пропаганде, затем — второго, а в 1946—1956 гг. — и первого секретаря. В начале своей карьеры Гафуров работал журналистом и преподавал историю народов Востока в Душанбинском педагогическом институте им. Т.Г. Шевченко. Запуск всесоюзного проекта по написанию истории народов СССР вызвал большой интерес молодого, амбициозного партфункционера. Очевидно, что его успешная реализация стала бы важным этапом в жизни Гафурова, который параллельно партийно-административной делал и научную карьеру. В апреле 1941 г. он защитил в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «История секты исмаилитов».

Первоначально проект по написанию местной истории разрабатывался в Москве. Он предполагал долгую и кропотливую работу на десятки лет. Гафуров же поставил цель подготовить текст за гораздо более сжатые сроки [5, с. 104]. Для этого он планировал мобилизовать силы ведущих специалистов по истории Средней Азии. Совнарком Таджикистана принял постановление, по которому в течение 1941—1943 гг. будет подготовлена «История таджиков и Таджикистана» в двух томах объемом в 80 п.л. 1 июля 1941 г. планировалось созвать совещание ведущих специалистов, на котором бы обсуждался будущий проект [1, л. 2—3]. Первый том включал историю до царского завоевания, второй — после. По образцу крупных советских проектов 1930-х гг. («История гражданской войны», «История фабрик и заводов») была создана специальная редакция. Помешало начало войны.

Важным идеологическим событием, несомненно вдохновившем таджикское руководство, стала декада таджикского искусства, прошедшая в Москве с 12 по 21 апреля 1941 г. 22 апреля в Кремле прошел прием участников декады, на котором И.В. Сталин произнес специальную речь. Реконструкция речи и вариан-

тов ее записи была проведена М.А. Леушиным [8, с. 386—387, 389] и В.А. Невежиным [10, с. 309—327].

Сотрудники ТАСС и редакции газеты «Правда» записали речь следующим образом: «Я хотел бы поднять тост... за здоровье и процветание таджикского народа. Таджики — это настоящий народ — носитель короны, как называли их иранцы и они, таджики, это оправдали. Это особый народ, это не узбеки, не киргизы, не казахи, это самый древний народ из всех народов Средней Азии. Из всех нерусских народов, живущих в пределах СССР, таджики — единственный народ, который является не русским, не грузинским, не армянским, не тюркским, а иранской народностью. Это люди старинной культуры. Это народ очень старой и очень серьезной культуры... Это народ, интеллигенция которого родила Фирдуоси и недаром таджики ведут от него свои культурные традиции... У нас часто смешивают таджиков с узбеками, узбеков с армянами, армян с грузинами. Это смешно и неправильно. Между тем таджики начали создавать культурные ценности, искусство еще в глубокой древности. Таджики — народ, имеющий большую будущность в наших советских условиях. Вот почему таджикский народ должен быть окружен всемерной заботой всего нашего Советского Союза, вот почему искусство таджикского народа надо всемерно развивать и окружать его вниманием» [10, с. 315]. Г.М. Димитров воспроизвел одну из мыслей Сталина в следующей форме: «Таджикский народ особый, он имеет старую, богатую культуру. Выше стоит, чем узбеки и казахстанцы» [10, с. 313].

Итак, в речи можно было обнаружить не только признание таджиков носителями древней культуры, но и противопоставление их другим среднеазиатским народам. Это, несомненно, должно было льстить представителям таджикского руководства. Более того, дифирамбы Сталина можно было использовать для решения идеологических вопросов, в частности связанных с историей Таджикистана. Сталинская речь стала своеобразным козырем таджиков в спорах с соседями.

Несмотря на начавшуюся войну, работа над «Историей» продолжалась. 25 августа 1943 г. прошло заседание Ученого совета Института истории АН СССР, на котором Б.Г. Гафуров рассказал о ходе работы. Помимо текущего двухтомного проекта он указал, что авторский коллектив обязался в 1943 г. издать краткую историю Таджикского ССР, и уверял, что она почти готова [1, л. 2]. В своем выступлении оратор признавал, что одна из трудностей

заключается в остроте исторических вопросов во взаимоотношениях среднеазиатских народов. Кроме того, советский Таджикистан претендовал на общее иранское историко-культурное наследие. Яркий пример — Фирдоуси, которого, впрочем, Гафуров готов был разделить с Ираном. Гафуров акцентировал древность таджиков: «Если исходить из древности таджикского языка, то таджики безусловно являются потомками согдийско-бактрийских и других кочевых племен Средней Азии. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что именно таджики являются самым древним населением Средней Азии. Антропологическое исследование таджиков показывает, что они сохранили свой антропологический тип в течение 2.500 лет» [1, л. 5]. Он настаивал, что этноним «таджик» переводится как «носитель короны». Учитывая, что история оказывалась не просто историей, а завуалированным политическим спором между народами советской Азии, такие заявления можно было рассматривать как явные претензии не столько на прошлое, сколько на положение главного советского народа Средней Азии.

Гафуров указывал на то, что наследие согдийского государства является общим как для таджиков, так и для узбеков. Правда, тут же он давал понять, что узбеки имеют к нему отношение только потому, что в XV в. в состав узбекского государства вошли таджикские земли: «Мне кажется, что ничего тут плохого нет, и ничем мы не урежем истории узбекского народа, если мы скажем, что именно таджики являются непосредственными продолжателями дела согдийцев, а узбеки, являясь в незначительном своем составе бывшими таджиками, имеют непосредственное отношение к наследию согдийской культуры и согдийцами» [1, л. 6].

Саманидское государство (Саманиды — иранская династия) он объявлял таджикским, и подчеркивал, что его история играет большую роль для таджиков, так как это было самое большое таджикское государство в истории. Позитивно оценивалась секта исмаилитов. Гафуров относил к ним Хайяма и утверждал, что исмаилиты хотели создать государство по типу саманидского. Это уже походило на реабилитацию религиозных течений. Гафуров жаловался, что наблюдается тенденция к возвеличиванию древнетюркских династий, в частности, Караханидов, Сучжекидов и Газневидов. Это выражалось в утверждении, что представители этих династий сделали не меньше, чем Саманиды. В частности, такие попопзновения были обнаружены в трудах известного

специалиста по истории средневековой Средней Азии А.Ю. Якубовского. В этом Гафуров увидел не только стремление противопоставить тюркские и таджикские династии, но и напомнил, что «наши товарищи забывают, что приход тюркских кочевых племен, завоевание ими оседлого населения Средней Азии было величайшим несчастьем для народа, особенно таджиков» [1, л. 9]. А период узбекского ханства Гафуров вообще связал с огромными страданиями таджикского народа [1, л. 11].

Гафуров рассказал, что в условиях Великой Отечественной войны в Таджикистане пропагандируется образ руководителя антиарабского восстания Мукаддысы. Заметим, что о самом восстании было мало что известно. Также использовалась история борьбы среднеазиатского населения с нашествием Чингиз-хана. Завоевание Средней Азии Россией он призывал рассматривать позитивнее, чем это делалось ранее: «Мне кажется, надо подчеркивать в нашей истории влияние русского народа на народы Средней Азии, его культурную роль. Я полагаю, что приход русских в Среднюю Азию был значительным шагом вперед. В последнее время в наших работах чересчур подчеркивается колониальная политика русского царизма. Об этом можно сказать, но огромное значение русского народа, его влияние нужно показать» [1, л. 13].

При обсуждении доклада выступил академик И.А. Орбели, возразивший против однозначной трактовки этимологии «таджик» как «носитель короны». По его мнению, Фирдоуси отразил не только культуру таджиков и иранцев, но и всю среднеазиатскую культуру в целом. Также он высказался против выпячивания роли таджиков и «присвоения» им культуры региона. Зато он горячо поддержал предложение пересмотреть взгляд на русское завоевание и колонизацию Средней Азии как исключительно негативное явление [1, л. 19—21]. С.В. Бахрушин высказал мнение, что лучше дать общую историю Средней Азии, а не отдельных республик.

Выступление Гафурова было напористым, если не сказать скандальным. Он открыто доказывал особое положение таджиков в среднеазиатской истории, даже в ущерб другим народам, особенно узбекам. Очевидно, что во многом такой напор был связан с упоминавшийся речью Сталина. В докладной записке «О работе по созданию истории таджиков и Таджикистана», подписанной Гафуровым и Н.Н. Прохоровым, и направленной в ЦК ВКП(б) в 1944 г., была прямая ссылка на сталинскую речь, которую, как уверялось, следует учитывать при написании истории не только

таджиков, но и других народов Средней Азии [9, с. 8]. 24 апреля 1944 г. в Сталинабаде прошла сессия таджикского филиала АН СССР, на которой было представлено 69 докладов по истории Таджикистана [5, с. 105—106]. Однако, несмотря на энтузиазм, подготовить историю в срок не удалось. Вместо этого вышла книга, написанная Гафуровым совместно с Н.Н. Прохоровым, «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины» (Сталинабад, 1944). В ней уже содержалось ядро обобщающей истории Таджикистана. В 1947 г. на таджикском языке вышла «История таджикского народа в кратком изложении» за авторством Гафурова.

При Гафурове продолжалось активное развитие инфраструктуры местной исторической науки. В 1946 г. начала работать Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция. Если С.П. Толстов писал о «великой хорезмийской культуре», ассоциировавшейся в первую очередь с Узбекистаном, то ученые Таджикистана теперь могли говорить, что у них есть «великая согдийская культура». В 1951 г. была открыта Академия наук Таджикской ССР. Основная инициатива в этом принадлежала Гафурову [11, с. 424—425]. Для работы в новой академии Гафурову удалось переманить известного востоковеда и специалиста по истории Средней Азии А.А. Семенова, до этого работавшего в Ташкенте. У ученого были натянутые отношения с узбекским руководством. Еще в середине 1920-х гг. Семенов утверждал, что таджики являются потомками ариев [13, р. 149].

В 1949 г. вышла книга Гафурова «История таджикского народа: В кратком изложении. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1949). Редактором значился И.С. Брагинский (хотя среди ученых ходили слухи, что именно он и являлся настоящим автором [12, С. 249]). Издание открывалось дежурным утверждением в духе «дружбы народов» о том, что исторические судьбы таджикского народа тесно переплетаются с судьбами узбекского, туркменского, казахского и киргизского народов (с. 5). В книге постулировалась тесная связь таджикской истории с древнейшими государствами Востока. Утверждалось, что предки таджиков (каковыми недвусмысленно провозглашались саки-скифы) издревле обитали в Средней Азии (с. 37). Учитывая, что во второй половине 1930-х гг. под влиянием марризма было «патриотично» считать скифов предков русскими (например, лекции на эту тему читал директор Института восточ-

коведения АН СССР В.В. Струве [4, С. 79]), получалось, что русские и таджики — родственные народы.

Персидская держава называлось «государством спрутом» и акцент делался на борьбе среднеазиатских народов за независимость от Ахеменидов. Указывалось (правда, без уверенности), что Хорезм сумел добиться независимости с середины IV в. до н.э. Утверждалось, что и саки добились независимости. Одновременно доказывалось, что «роль народов Средней Азии в культурном строительстве ахеменидского государства была весьма значительной. То, что обычно именуют культурой ахеменидского периода, создали, таким образом, отнюдь не столько персы, сколько многие народы, в том числе бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы и саки» (с. 50).

Завоевание Александра Македонского расценивалось как иноземное вторжение, вызвавшее патриотический подъем в Согде. «Согдийцы не поддерживали власти Ахеменидов и действий Бесса и до поры до времени сохраняли нейтралитет. Но, когда встал вопрос о свободе и независимости их родной земли, они с исключительным мужеством стали защищать свою страну от греческих захватчиков, и эта борьба явилась одной из блестящих страниц древней истории народов Средней Азии» (с. 55). Восстание проходило под предводительством Спитамена, входившего в неофициальный пантеон среднеазиатских героев. «Предки таджикских и других народов Средней Азии в течение трех лет защищали независимость своей родной земли и боролись с завоевателем, создавшим огромную империю. И хотя они были побеждены в этой борьбе, тем не менее своим героическим сопротивлением они нанесли Александру такой тяжкий ущерб, что военная мощь его войска была сильно ослаблена, и это явилось одной из главных причин дальнейших неудач его походов» (с. 61).

В книге нужно было показать не только военное мужество предков таджиков, но и продемонстрировать их вклад в мировую культуру и производительное хозяйство. Рассказывалось, как ценились кони Ферганской долины в Китае, и как местное население познакомило китайцев с культурой люцерны и винограда, а также с технологией производства вина. Показывалось большое влияние зороастризма.

Специальная глава была посвящена арабскому завоеванию. Причины успеха арабов объяснялись отсутствием единства среднеазиатских народов: политической и феодальной раздробленностью региона и противоречиями между кочевниками и жителями

оазисов. Арабы описывались как безжалостные борцы с народной культурой. При них был разгромлен зороастризм. Именно их репрессиями объяснялось отсутствие местной доарабской литературы: «Для того, чтобы быстрее уничтожить влияние других вероучений, арабы безжалостно сжигали и уничтожали священные книги народов Средней Азии, особенно зороастрийскую литературу. В результате этого мероприятия не только духовная, но и светская литература народов Мавераннахра, в том числе и произведения согдийской письменности, совершенно исчезли» (с. 143).

Господство арабов «легло тяжелым бременем на местное население». Подчеркивалось, что оно всячески сопротивлялось захватчикам: «Средняя Азия считалась одной из самых ненадежных окраин арабского халифата». Более того, «распад халифата начался именно здесь» (с. 147). В качестве крупнейшего антиарабского восстание было названо восстание под предводительством Мукканы. Подчеркивалось правильное народное происхождение его вожака. Утверждалось, что антиарабский характер восстания дополнялся его явным антифеодальным характером. Вообще, движущей силой объявлялись трудовые слои населения, прежде всего крестьяне. Однако, несмотря на педалирование негативных последствий арабского завоевания, в книге признавалось и то, что присоединение Средней Азии благотворно сказалось на развитии торговли.

Расцвет региона связывался с династией Саманидов, которая, естественно, рассматривалась не как иранская, а как таджикская. Местная культура, по утверждению Гафурова, «во многих отношениях стояла выше европейской культуры того времени» (с. 184). Рудаки, Фирдуоси объявлялись таджикскими поэтами, а их произведения (включая «Шахнаме») — первыми письменными произведениями на таджикском.

Особый упор делался на героическую борьбу с монгольским нашествием. Подробно описывалась оборона Ходжента, которым руководил наместник Тимур Малик. Героическая оборона объявлялась ярчайшей страницей истории таджиков. Подробно описывалось восстание в 1238 г. Махмуда Тараби, тем более, что руководитель еще и имел правильное социальное происхождение (он был ремесленником). Подчеркивалось, что классовое происхождение определяло поведение. Если простые люди патриотически боролись против захватчиков, то феодальная верхушка и духовенство быстро пошли на соглашение с монголами. Тимур описывал-

ся как жесткий, но крупный правитель, при котором были большие достижения в культуре и искусстве.

Этногенез узбеков преподносился в весьма неприглядном для них виде. «В период появления в Средней Азии кочевников-узбеков население ее состояло из таджиков и тюркоязычных народов... Кочевники-узбеки были одним из последних этнических элементов, из которых сложился узбекский народ» (с. 350). Получалось, что пришлые кочевники-узбеки, давшие этноним, оказывались не главной силой в этногенезе, а лишь дополнением. Кроме того, пришлые «узбекские» правители не принесли региону ничего кроме бесконечных междоусобных войн.

Гафуров виктимизировал таджикскую историю: «Уже с XI в. таджикский народ лишился государственной независимости. К середине XIX в. положение усугубилось тем, что таджики (подобно другим народам Средней Азии), по выражению товарища Сталина, “...были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций “власть имущих”» (с. 389—390).

Завоевание региона Россией показывалось как дуалистический процесс. Царское правительство искало новые территории для эксплуатации, и местные народы попали под двойной гнет — местных феодалов и царской администрации. Автор считал, что термин «тюрьма народов» здесь вполне уместен. Но в то же время таджикский народ встретился и с «Россией великого русского народа — Россией Белинского и Чернышевского». Поэтому «завоевание Средней Азии и присоединение ее к огромной стране — России, независимо от желания царского правительства и русской буржуазии имело прогрессивно-историческое значение» (с. 409—410).

Самой черной краской рисовались будущие политические конкуренты большевиков. Местные панисламисты и пантюркисты оценивались, естественно, крайне негативно, как агенты империалистов и «гнусные родинопродавцы». Досталось и джадидам, которые, как уверялось, мечтали присоединить Туркестан к Турции и создать государство капиталистов и помещиков. Ключевой темой истории Средней Азии второй половины XIX — начала XX в. являлись антицаристские восстания. Андижанское восстание 1897 г. в Ферганской долине оценивалось позитивно. Причины его поражения объяснялись тем, что руководство в нем захватили реакционные элементы, «однако значение его было велико. Восстание по существу послужило школой для новых вы-

ступлений народных масс, в частности восстания 1916 г. в Средней Азии» (с. 444).

Интересна и борьба за «наследие» восстания 1916 г. основные события, как известно, проходили на территории Казахстана и Киргизии. Но Гафуров утверждал следующее: «Таджикский народ может гордиться тем, что первое восстание в 1916 г. было поднято таджикскими трудящимися города Ходжента» (с. 458). Подчеркивалась «стихийность» восстания и утверждалось: «Что касается русского пролетариата, руководимого большевистской партией, то к моменту восстания еще не было достаточной связи между ним и местными трудящимися, преимущественно дехканскими массами» (с. 459).

В 1953 г. второе издание книги Гафурова было выдвинуто на Сталинскую премию III степени. По статусу автора и политическому значению автора книга вполне могла претендовать и на первую премию. Но его стремление выпячивать иранское происхождение таджиков и противопоставлять их тюркским народам, о чем неоднократно докладывалось в ЦК [6, с. 199], не позволяло дать первую премию, дававшую статус эталона. Книга представлялась как фундаментальный обобщающий труд, построенный на марксистско-ленинской методологии. Подчеркивалось, что в издании много внимания уделяется героической борьбе народов Средней Азии с захватчиками и местными угнетателями. В то же время автор вскрыл «глубокие исторические корни дружественных связей народов Средней Азии с великим русским народом и выясняет прогрессивную роль присоединения Средней Азии к России» [2, л. 56]. Это являлось вкладом Гафурова в наполнение конкретными историческими фактами идеологемы «дружбы народов», утвердившейся в СССР в послевоенное время [3; 14].

Но, пожалуй, самым важным было то, что Гафуров обосновывал самобытность таджикской культуры, доказывая, что таджики — не часть иранцев, а самостоятельный этнос. Тем самым отвергались претензии сторонников «паниранизма» (реальные и мнимые) на включение таджиков в паниранский проект [15, Ch. 5]. За присуждение премии проголосовало 34 члена комитета. Но премия так и не была вручена, так как прекратила свое существование [7, с. 8—9].

В 1956 г., в связи со сменой после XX съезда республиканских элит, Гафуров лишился должности главы таджикской компартии, но перебрался в Москву, где вскоре занял должность директора

Института востоковедения АН СССР. Его книга «Таджики» (расширенная версия «Истории таджикского народа») неоднократно переиздавалась, став фундаментом исторического самосознания не только советского, но и постсоветского Таджикистана.

Список литературы

1. АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 75.
2. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Оп. 17. Ед.хр. 404.
3. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956). — СПб.: ДНК, 2009. — 416 с.
4. «В России надо жить долго»: памяти К.А. Антоновой (1910—2007). — М.: Восточная литература, 2010. — 470 с.
5. Гафурова Н.Б. Отец — учитель и наставник // Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения. — М.: Наука, 2009. — С. 97—157.
6. Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) секретарю ЦК ВКП (б) М.А. Суслову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии // Советская национальная политика: идеология и практики. 1945—1953. — М.: РОССПЭН, 2013. — С. 199—205.
7. Как отменяли Сталинские премии: Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР, 1953—1967 гг. / Публ. В.И. Ивкина // Исторический архив. — 2013. — № 6. — С. 3—49.
8. Леушин М.А. Документы ВКП (б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР: 1945—1955 гг.: дисс... канд. ист. наук. — М., 2000. — 421 с.
9. Масов Р. Бобджан Гафуров против фальсификаторов истории таджикского народа. — Душанбе, 2008. — 190 с.
10. Невежин В.А. Большие кремлевские приемы. Кн. 1. Застолья Иосифа Сталина. — М.: Новый хронограф, 2011. — 560 с.
11. О создании Академии наук Таджикской ССР // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б)-КПСС. 1922—1952 / Сост. В.Д. Есаков. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 424—425.
12. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд. — М.: Знак, 2006. — 344 с.
13. Abashin S. Ethnogenesis and Historiography: Historical Narratives for Central Asia in the 1940s and 1950s // An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR / Roland Cvetkovski and Alexis Hofmeister (eds.). — Budapest-New York: Central European University Press, 2014. — P. 145—168.
14. Tillett L. The Greate Frienship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. — Chapel-Hill, 1969. — 468 p.
15. Yilmaz H. National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. — London and New York: Routledge, 2015. — 256 p.

Политическая биография левых диссидентов периода «оттепели»: штрихи к портрету

Аннотация. В статье ставится вопрос о судьбе поколения левых диссидентов периода «оттепели». Автор обозначает их социальный и возрастной состав, влияние высшего образования на формы и методы политической активности. Отдельно рассматривается идеология левых диссидентов и ее трансформация под влиянием пенитенциарной системы и общественных дискуссий.

Ключевые слова: СССР, левые диссиденты, «оттепель», подпольные политические организации, марксизм, социализм.

Vsevolod N. Sergeev

THE POLITICAL BIOGRAPHY OF THE SOVIET LEFT-WING DISSIDENTS IN THE PERIOD OF THE THAW: A FEW STROKES TO THE PORTRAIT

Abstract. The article is concerned with the question of the fate of Soviet left-wing dissidents in the period of the Thaw. The author determines their social and age group, the influence of education on forms and methods of political activity. The ideology of left-wing dissidents and its transformation under the effect of the penitentiary system and public discussions are considered separately.

Keywords: left-wing dissidents, the Thaw, USSR, underground political organizations, Marxism, socialism.

Приход в марте 1985 г. на пост генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева означал открытую смену поколений политических лидеров. На высшие руководящие посты стали активно продвигаться «дети XX съезда», точнее их наиболее лояльная советскому строю часть. По инициативе нового генсека и его окружения началось оживление дискуссий о важности опыта 1920-х гг. и «оттепели» для построения «социализма с человеческим лицом». Но, несмотря на все усилия команды партийных реформаторов, построить социализм так и не удалось, уже в следующую пятилетку началось строительство капитализма. Встает резонный

¹ **Сергеев Всеволод Николаевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института медицины труда имени академика Н.Ф. Измерова. Москва, Россия. e-mail: sergev.w@irioh.ru
Vsevolod N. Sergeev — Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Izmerov's research institute of occupational health. Moscow, Russia.

вопрос — почему «оттепельные» активные сторонники «истинного» (обновленного) социализма не стали опорой горбачевской «перестройки»? Ответить на этот вопрос можно через конструирование коллективной биографии левых диссидентов, которые начали свою политическую активность в «оттепель». Это были сверстники Горбачева, а некоторые даже могли с ним пересекаться в МГУ или комсомоле. Для удобства изложения материала и создания наглядного примера, в рамках статьи будут рассмотрены судьбы героев — В.Е. Ронкин и Б.Б. Вайль. Они может быть и не самые известные представители диссидентской левой, но их биографии типичны и обладают определенной иллюстративностью.

Социальный портрет

Для описания поколения, прежде всего, необходимо выделить его хронологические рамки. В своей основе это была молодежь Оттепели. В случае левых диссидентов важным моментом было получение полного среднего образования и поступление в ВУЗ — 17 или 18 лет. Показателен пример Вайля, который родился 19 февраля 1939 г., поступил в Ленинградский библиотечный институт летом 1956, а уже в марте 1957 г. его арестовали по обвинению в антисоветской деятельности.

Верхняя возрастная граница еще более размыта, но если суммировать всю образовательную лестницу — среднее полное образование, высшее профессиональное образование, работа по распределению и аспирантура (даже если заменим среднее полное образование на среднее профессиональное), — то к тридцати годам советский гражданин уже заканчивал свою профессиональную подготовку и начинал работать. К этому надо добавить практику браков в ВУЗе или сразу после его окончания, что приводило к появлению детей в относительно раннем возрасте.

Если говорить о возрастных границах этого поколения левых диссидентов в годах, то основным временем рождения будут 1930-е гг. (примерно с 1929 г. по 1941 г.). Возрастные девиации в основном будут сводиться к попаданию в оттепельную молодежь лиц, рожденных начиная с 1925 г. Например, один из видных участников «университетского дела» или «дела молодых историков» Л.А. Рендель родился в 1925 г. и был одногодком Ю.М. Даниэля. В этом случае вмешивается фактор ВОВ, который заставил множество представителей советской молодежи прервать свое обуче-

ние, к которому пришлось возвращаться после окончания войны. Граница по 1941 г. связана с изменением тактики высшего советского руководства после Венгерского восстания 1956 г. Сочетание ужесточения репрессивной политики и появление новых каналов самореализации привело к сокращению случаев возникновения организаций левых диссидентов на рубеже 1950—1960-х гг. Новые организации в первой половине 1960-х гг. формировались в основном из тех же детей 1930-х гг., как это было в случае с Ронкиным и его товарищами по «Союзу коммунаров» и журналу «Колокол».

Если фактор возраста играл большую роль в формировании данного поколения левых диссидентов, то фактор места рождения был незначителен. Большинство групп было сформировано в Москве, Ленинграде и столицах республик, но родились они за пределами данных городов. Такая ситуация объясняется большими миграционными процессами. Во-первых, события Второй мировой войны вызвали перераспределение советских граждан в европейской части СССР. Послевоенное восстановление требовало притока молодых людей в новые и старые индустриальные центры. Во-вторых, большинство ведущих советских ВУЗов было сосредоточены в столичных или просто крупных городах, что давало постоянный приток в них молодежи. Система распределения выпускников несколько снижала демографический дисбаланс, но не изменяла систему принципиально. Фактор «малой родины» (как и поездки на целину или работа по распределению в дальних регионах) мог влиять на формирование критического настроения [2, с. 120].

Направленность высшего образования влияла на способы политизации и формы политической активности. Гуманитарное образование, как часть идеологической машины Советского Союза, сильнее контролировалось со стороны партийно-государственных инстанций, а следовательно, давало меньше пространства для маневра и самостоятельной деятельности. Показательна студенческая деятельность Вайля. За первый семестр обучения он смог отличиться дважды. Во-первых, начал восстанавливать изучение эсперанто в Ленинградском библиотечном институте и Ленинграде в целом. Конечно, изучение этого языка не было нарушением правил, но вызывало настороженность у партийно-комсомольских органов из-за частого письменного общения с иностранцами. Во-вторых, Вайль входил в «редакцию» самиздатского литературного сборника «Ересь», который удостоился отдельного фельетона на страницах «Вечернего Ленинграда» [4].

Естественно-научное и техническое образование благодаря своим связям с нуждами обороны СССР оставляло чуть больше свободы и возможности для акций неповиновения (непослушания) [1]. Относительно наших главных героев это проявлялась в существовании рейдбригады (аналог добровольной народной дружины) в Ленинградском технологическом институте. Ронкин с компанией могли применять свое острое желание переустроить мир на локальном уровне и имели возможность развивать практики самоорганизации. Все вместе эти факторы замедляли радикализацию молодых студентов-«технарей» и «естественников» или выводили их на умеренный путь правозащитной деятельности. Но, как и в любом правиле тут есть исключения, связанные индивидуальными моментами. Проиллюстрировать эту разницу можно деятельностью Р. Пименова и Э. Орловского, которые примерно в одно и тоже время закончили математико-механический факультет ЛГУ. Еще будучи студентом-математиком, Пименов за свою активную позицию подвергался дисциплинарным наказаниям, а подавление Венгерского восстания подтолкнуло его к началу формирования сети подпольных кружков и семинаров при активной поддержке со стороны Вайля. Орловский, участвуя в одном из семинаров Пименова, оставался в поле легальности и выступал против всякой секретности с любой стороны.

Идеология

В своей основе левые диссиденты «оттепели» были наиболее радикальными и последовательными сторонниками десталинизации и борьбы с всевластием бюрократии. Оба этих направления понимались ими как единое и неделимое действие. Но в отличие от Н.С. Хрущева и линии XX съезда КПСС, они не хотели ограничиваться во времени и тем, чтобы критиковать только прошлое и его пережитки в настоящем. Для них принципиальным моментом было выявление корней и основ существовавших в Советском Союзе социальных и экономических трудностей. Дальше всех в работе по выявлению причин проблем продвинулся Ронкин со своим постоянным соавтором С. Хахаевым. Они при поддержке других своих товарищей по «Союзу коммунаров» написали программную книгу «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата» [9, с. 480—580]. В этой работе они попытались дополнить теорию формаций и ответить на вопрос «какой общественно-экономический строй в СССР?». В отличие от других представителей диссидент-

ской левой, Ронкин и Хахаев не стали добавлять к слову социализм уточняющие эпитеты («казарменный», «барачный» [11] и т.д.), а предложили новое определение — бюрократизм или бюрократическое общество, где есть новый правящий класс — бюрократия.

Теоретической основой для левых диссидентов в основном были различные варианты марксизма. Доминировали две вариации марксизма. Первый — это истинный ленинизм, который предполагал возвращение к наследию Маркса, Энгельса и Ленина без сталинских замутнений. Второй — обращение к современному восточноевропейскому марксизму-ревизионизму. В этом случае были два примера для заимствования: Югославия и Польша, информацию о которых можно было подчерпнуть из югославских и польских газет. Стоит отметить, что и «ревизионисты» не могли создать чистую программу без обращения к риторике возвращения к подлинному Ленину. Это видно и на примере марксистского кружка Шейниса-Кудровой, который был связан с Пименовым и Вайлем, и на примере группы В. Трофимова [10], которая была арестована параллельно с группой в Библиотечном институте.

В качестве исключения из правил теоретической основой левых диссидентов становились левые альтернативы марксизму. Например, Пименов позиционировал себя в качестве наследника социалистов-революционеров [7, с.21]. Другим примером альтернативы был анархо-синдикализм [5]. Доминирование марксизма, и в особенности ленинизма, объясняется, с одной стороны, мировой практикой. С другой стороны, радикальное прочтение полных текстов Маркса, Энгельса и Ленина давало практически готовую теорию, которую надо было лишь немного адаптировать под реалии «оттепели». В этом плане самой опасной книгой была «Государство и революция» Ленина.

Исправлять ошибки современного им СССР левые диссиденты предлагали с помощью политической революции, что отличало их от реформистски настроенных шестидесятников. Вдохновляющим примером для них служили события 1956 г. в Польше и Венгрии. Себя же они видели не готовой политической партией, а первопроходцами, за которыми должны пойти единомышленники и широкие пролетарские массы. Отсюда попытки написать программу будущей революционной организации, создание дискуссионных площадок и распространение идеологических текстов (листовки, самиздатские журналы и книги и т.д.). Отсутствие реальных связей с другими группами левых диссидентов, невозможность установления контактов с критически настроенными одиночками или

широкими массами подталкивали каждое отдельное объединение левых диссидентов к проведению довольно типичных акций прямого действия — распространение листовок в незнакомой среде [8, с. 178—180]. Переход к открытым политическим действиям (или готовность к такому переходу) приводили привлечению внимания правоохранительных органов и строгому наказанию.

Другая жизнь

Длительные сроки заключения, которые получали левые диссиденты по статье 58 УК РСФСР или ее аналогам, и концентрация политических заключенных в отдельных исправительно-трудовых лагерях создавали особый мир. Именно в ИТЛ происходило знакомство левых между собой и с носителями других политических воззрений. Наши главные герои по-разному выстраивали свой путь в пенитенциарной системе. Вайль, получивший уголовное наказание в середине 1950-х гг. — период наибольшего всплеска наказания представителей политической оппозиции — продолжил свою активность в мордовских лагерях. Он сначала установил контакт с осколками ранее разгромленной «Группой революционных марксистов», которая состояла из заключенных Кунеевского ИТЛ. Но этот контакт не привел каким-то результатам. Члены ГРМ опасались получения третьего подряд срока и свернули видимую деятельность. Вторая попытка создать подпольную организацию заключенных (ГраСо — «Гражданский союз») закончилась для Вайля новым сроком и получением статуса «особо опасный», что в итоге привело к переводу на тюремный режим. Нахождение Ронкина в пенитенциарной системе было менее драматичным. Его главной задачей стало сохранения контакта и дружбы со своими соратниками и выстраивание новых дружественных отношений. В частности, он подружился с Ю. Даниэлем, а через письма он познакомился с освободившимся Вайлем.

В ИТЛ происходит политический дрейф большинства левых диссидентов, прежде всего от революционных марксистских взглядов. Основа этого поправения — разочарованность в революционной активности масс студенчества и рабочего класса. Интеллектуальные поиски приводили к трем главным результатам. Первый — радикальная смена идеологии протеста. На смену марксизму приходит русский национализм (В. Осипов) или православный фундаментализм (Б. Хайбулин) [6, с. 38—55]. Оба упомянутых диссидента участвовали в издании правого самиздатского журнала «Вече».

Второй — переход к правозащитной деятельности, которая формально находится вне политического спектра, но в реальности разделяет ряд либеральных ценностей. Данный вариант вытекает из попыток защиты собственных прав во время следствия, суда и отбывания наказания. Выстраивание локальных сетей солидарности и взаимопомощи (в рамках одного уголовного дела) приводило к знакомству с аналогичными сетями и объединению усилий. Освобождение большинства руководителей групп левых диссидентов «оттепели» происходит в первой половине — середине 1960-х гг., что во многом совпадает делом Синявского и Даниэля и последующим рождением правозащитного движения в СССР. По этому пути пошел Вайль, который применил свою кипучую энергию для создания сети солидарности и поддержки политических заключенных.

Третий — переход на позиции умеренного марксизма или постмарксизма (еврокоммунизм, социал-демократия и т.д.). Умеренно левая позиция не мешала интеграции в либерально-правозащитное движение на маргинальных позициях. Использование эзопова языка и отказ от революционного изменения общественно-политического строя ослабляли давление со стороны КГБ. К сторонникам этого подхода после 1968 г. начинают приближаться «шестидесятники», разочарованные в возможности построения «социализма с человеческим лицом». Примером перехода на умеренные позиции является Ронкин, который после освобождения продолжил свою теоретическую деятельность, но писал свои работы не о СССР, а об официально ругаемых социалистических странах («контролируемый подтекст»).

Умеренные левые не были стабильной средой. На них заметное влияние оказывали дискуссии о применении рыночных элементов в социалистических экономиках и их практические реализации в Восточной Европе. Успехи социал-демократических «государств всеобщего благоденствия» подливали масло в огонь кухонных дискуссий [3, с. 262—274]. Забегая вперед, необходимо отметить, что даже сторонники социал-демократии (Ронкин [8, с. 453—476], Шейнис и др.) активно поддерживали приватизацию государственной собственности, которая началась в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Однако для большинства участников диссидентской левой столкновение с правоохранительной системой СССР приводило к отказу от занятия политической деятельностью. После освобождения они возвращались к «обычной жизни». Но были и переходные траектории, в основном связанные с возвращением к научной деятельности. В качестве наглядного примера можно привести судьбы

В. Шейниса и М. Чешкова. Оба они — историки по образованию и в середине 1950-х гг. были связаны с Институтом востоковедения АН СССР. Чешков в 1958 г. получил восемь лет лишения свободы за создание вместе с Л. Краснопевцевым, Л. Ренделем и другими «Союза патриотов». Шейнис избежал уголовного наказания — и по делу Пименова-Вайля он проходил как свидетель, — но подвергся внесудебному наказанию (исключение из ВЛКСМ и аспирантуры ИВ АН СССР). Пройдя сложный и тернистый путь, со второй половины 1970-х гг. они оба работают в ИМЭМО АН СССР, где свои сочинения пытаются снабжать «неконтролируемым подтекстом».

Продолжение политической деятельности требовало от отбывших уголовный срок активистов перехода к маргинальности (проживание за пределами столиц и крупнейших городов, работа без карьерных перспектив и т.д.). После отбытия всего наказания (ИТЛ и ссылка), Ронкин жил и работал инженером-химиком в г. Луги (Ленинградская области). Вайль вернулся в родной Курск, где активно включился в правозащитную и самиздатскую деятельность. За свою активность он и Пименов в 1970 г. получили очередное уголовное наказание. Пименов отбывал ссылку в Коми АССР, где и поселился после отбытия наказания. Работа в местном отделении АН СССР позволяла ему совмещать два его любимых дела — математику и политический активизм. После отбытия ссылки в Тюменской области Вайль в 1977 г. согласился эмигрировать и осел в Дании, где жил до конца своих дней.

«Перестройка»

К середине 1980-х гг. левые диссиденты «оттепели» пережили несколько крупных поражений. Для большинства из них различные практики политической самоорганизации и борьбы за реализацию своих идеалов закончились серьезным наказанием (уголовный срок, увольнение с престижной работы, исключение из образовательных учреждений и т.д.). Столкновение с репрессивной системой в сочетании с определенной политической апатией широких масс приводило к разочарованию. Интеграция во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. в правозащитное движение тоже не принесла желаемого успеха. Диссиденты-правозащитники не смогли справиться с несколькими волнами репрессивных кампаний и в первой половине 1980-х гг. практически исчезли с политической сцены.

Возникновение нового низового политического движения («неформалы») происходило практически без участия «ветера-

нов». Например, Ронкин хоть и вступил в образовавшийся в Луге дискуссионный политический клуб, но оставался там на вторых ролях, уступая дорогу молодым [8, с. 434—449]. Сказывалась инерция предыдущего опыта и настороженное отношение к неформальным клубам со стороны остатков правозащитного движения. Меньшинство интегрировалось в новое движение и добилось определенного политического успеха [12, с. 53—102]. Примерами успешного участия в перестроечной политической жизни являются два товарища Вайля — Пименов и Шейнис, которые никогда не отказывались от возможности выстраивания политической карьеры, но шли к этому разными путями. В 1990 г. они были избраны народными депутатами РСФСР и принимали активное участие в разработке новой конституции.

В целом политически активные остатки «оттепельной» диссидентской левой в «перестройку» выступали за построение капитализма, а не «социализма с человеческим лицом». Такая позиция подталкивала их к поддержке Ельцина и других сторонников радикальных преобразований. Бывшие сторонники рабочего самоуправления начали активно пропагандировать силу невидимой руки рынка, которая должна навести порядок в стране. Горбачев же со своим желанием исправить социализм казался им ретроградом или не до конца прозревшим представителем поколения «детей XX съезда».

Список литературы

1. Журавлев О. Роль студентов в учреждении научной инновации и политическая функция комсомола: физфак МГУ 1950-х-60-х гг. // Конструируя «советское»? — СПб., 2010. — С. 32—38.
2. «Дело» молодых историков (1957—1958 гг.) // Вопросы истории. — 1994. — № 4. — С. 106—135.
3. Кудрова И.В. Прощание с морокой. — СПб., 2013. — 488 с.
4. Матвеев М. Смертяшкины // Вечерний Ленинград. 1956. 1 декабря.
5. Митрохин Н.А. Анархо-синдикализм и оттепель // Община. — 1997. — № 50. — С.39—46.
6. Осипов В. Корень нации. Записки русофила — М., 2012. — 624 с.
7. Пименов Р.Р. Воспоминания. В 2х т. — М., 1996. Т1. — 602 с.
8. Ронкин В.Е. На смену декабрям приходят январь... — М., 2003. — 480 с.
9. Ронкин В.Е. Сочинения. Наблюдения, исследования, размышления. Кн. 2. — СПб., 2012. — 592 с.
10. Сергеев В.Н. Дело Трофимова-Тельникова: студенческая борьба за демократию и социализм // Труды Института российской истории. Вып. 12. — М., 2014. — С. 341—356.
11. Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя // Вестник МГОУ: серия «История и политические науки». — 2012. — №3. — С. 98—103.
12. Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. — М., 2014. — 472 с.

Либерализация цен в России в начале 1990-х гг.

Аннотация. Статья посвящена либерализации цен — одному из ключевых элементов экономической политики российского правительства в начале 1990-х годов, заключавшемся в ослаблении государственного регулирования в области ценообразования. В работе отмечается, что, несмотря на то, что отпуск цен стал одним из важнейших шагов на пути перехода экономики страны на рыночные принципы, социальная цена реформ правительства Е.Т. Гайдара оказалась чрезвычайно высокой.

Ключевые слова: реформы, либерализация цен, ценообразование, платежеспособный спрос, инфляция.

Roman G. Kirsanov

THE LIBERALIZATION OF PRICES IN RUSSIA IN THE EARLY 1990S

Abstract. The article is devoted to price liberalization, which was one of the key elements of the economic policy of the Russian government in the early 1990s, which consisted in weakening state regulation in the field of pricing. The author notes that despite the fact that price liberalization has become one of the most important steps in the country's economy's transition to market principles, the social price of government reforms by E. T. Gaidar proved to be extremely high.

Keywords: reforms, price liberalization, pricing, effective demand, inflation.

Решение правительства Е.Т. Гайдара о либерализации цен январе 1992 г., которое рассматривалось в числе приоритетных направлений радикальных рыночных реформ, до сих пор вызывает множество споров. Сторонники либерализации указывают на то, что отмена государственного регулирования цен позволила привести денежную массу в соответствие с количеством товаров и услуг и тем самым преодолеть товарный дефицит. Критики «гайдариномики» ссылаются на падение уровня реальных доходов насе-

¹ **Кирсанов Роман Геннадиевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской Академии наук. Москва, Россия. e-mail: romankirsanov@yandex.ru

Roman G. Kirsanov — Candidate of Historical Sciences, senior researcher, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.

ния, обесценение сбережений физических и юридических лиц и обострение социальных противоречий в обществе. В этой связи попытаемся разобраться, какие в действительности последствия для населения и страны в целом имела либерализация цен, инициированная новым политическим руководством.

Одной из характерных особенностей советской плановой экономики было централизованное установление и поддержание стабильных низких цен. Такое ценообразование кардинально отличалось от механизма формирования цен в странах с рыночной экономикой. Там цены определялись соотношением спроса и предложения и, таким образом, чутко реагировали на изменение рыночной конъюнктуры. Так, если платежеспособный спрос населения превышает предложение, то производители, в условиях рынка, получают стимул расширять производство и повышать цены на свои товары и услуги. Падение потребительского спроса, как правило, приводит к снижению цены. В СССР фиксированные административные цены выполняли, прежде всего, планово-учетную функцию: по мере продвижения товара от предприятия к конечному покупателю в цене последовательно учитывались добавляемые на каждой стадии издержки производства и нормативная прибыль на эти затраты. В качестве базовой цены продукции принималась ее себестоимость. Главным условием было, чтобы цены покрывали затраты, поэтому такое ценообразование называлось затратным.

На заключительном этапе товародвижения, т.е. при попадании в розничную торговлю, плановые органы определяли разницу между суммарной стоимостью потребительских товаров в оптовых ценах и размером платежеспособного спроса населения (который всегда был существенно выше) и на этой основе устанавливали розничные цены с учетом надбавок к оптовым. При этом в задачу хозяйственных руководителей входила не только ликвидация разницы между спросом и предложением, но и в определенной мере учет потребительских предпочтений граждан, что позволяло бы дифференцировать надбавки к оптовым ценам. Таким образом, государство строго следило за тем, чтобы наличная денежная масса в обращении существенно не превышала количество товаров и услуг. Однако доходы населения постепенно росли, а возможности производства массового потребления были крайне ограничены, поэтому началось прямое повышение цен, особенно на товары повышенного спроса типа ковров, мехов, хрусталя, ав-

томобилей. Чтобы оправдать это повышение цен, пресса именovala эти товары «предметами роскоши». Люди были вынуждены откладывать деньги на сберкнижках, поскольку потратить их на покупку нужных товаров было просто невозможно.

Вместе с тем уровень цен на различные товары — сигнал «светофора» для покупателей и производителей, указывающий на то, какие товары следует производить или покупать. Если же постоянно мешать рынку устанавливать равновесную цену — например, «замораживать» цены, как это было в советской плановой экономике, — то неизбежно возникнут дефицит или затоваривание. В СССР именно так и случилось: хронический дефицит, снижение качества продукции, пресловутые очереди и погони за импортным ширпотребом.

Со второй половины 1960-х гг. в СССР стал быстро расти уже существовавший к тому времени «денежный навес» — перенасыщение экономики деньгами относительно номинальных размеров национального продукта. К концу 1970 г. излишек денег в обращении оценивался в 4 млрд рублей [4, с. 27]. Ученые-экономисты направляли в директивные и плановые органы информацию о размерах неудовлетворенного спроса на товары и услуги. Реакция этих органов выражалась в ежегодных постановлениях об увеличении производства товаров широкого потребления, но практически ни одно из этих постановлений выполнено не было. «Статус» дефицитных приобретали различные продукты питания, а также непродовольственные товары — изделия легкой промышленности, хозяйственные товары, мебель, товары культурно-бытового назначения.

В 1980-е гг. розничный товарооборот, как и в предыдущие периоды, отставал от темпов роста денежных доходов населения. К концу десятилетия на рынке товаров народного потребления усилилась разбалансированность. На 1 руб. денежной массы приходилось товаров лишь на 18 коп. (в 1960 г. — 1,42 руб.). Недовлетворенный спрос населения на товары и услуги в составе вынужденных сбережений, по разным оценкам, составлял от 70 до 120 млрд руб. Определить его точную величину и структуру было невозможно в условиях недоверия граждан к государству, тотального дефицита и массового ажиотажного спроса. Многие семьи имели сбережения, полностью готовые к крупным расходам, но не могли их реализовать из-за отсутствия товаров и услуг. По некоторым подсчетам, 5,1 млн семей имели наполовину и бо-

лее необходимые суммы денежных средств на покупку мебели, 2,1 млн — автомобилей, 5,1 млн — одежды [10, л. 29, 52, 53, 72, 172, 173].

Переход от командно-административной экономики к рыночной предполагал отказ от централизованного ценообразования. Ключевым моментом рыночных реформ становились отмена или ослабление государственного контроля над ценами и переход к свободному формированию цен на основе законов рынка. В конечном итоге либерализация цен должна была привести к созданию экономических стимулов для развития производства, достижению сбалансированности на потребительском рынке и ликвидации главного порока советской экономики — товарного дефицита.

Реформа цен активно обсуждалась еще в предшествующие годы. Одним из предлагавшихся вариантов было поэтапное проведение реформы ценообразования. На первом этапе следовало провести административное выравнивание основных ценовых диспропорций, имея в виду оптовые, закупочные и розничные цены. Второй этап включал в себя сведение к минимуму централизованного вмешательства в процессы ценообразования и постепенную передачу функций определения цен рынку, т.е. соотношению между платежеспособным спросом и предложением.

Проведенный в сентябре-октябре 1989 г. ВЦИОМ опрос показал, что реформу цен поддерживали лишь 37% опрошенных, и то при условии, что магазинные прилавки заполнятся товарами [7, с. 139]. Однако на потребительском рынке ситуация только ухудшалась. Несмотря на сохранявшийся государственный контроль за ценами, все явственнее стала проявляться инфляция. В 1990 г. произошло снижение масштабов общественного производства: валовой национальный продукт по сравнению с 1989 г. снизился на 2%, произведенный национальный доход — на 4% [12, с. 4]. При этом среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве составила 270 руб., увеличившись по сравнению с 1989 г. на 12% при падении производительности общественного труда на 3%. Положение на потребительском рынке обострилось, нарастал ажиотажный спрос на продукты питания и непродовольственные товары. Не спасали ситуацию даже кооперативы, на которые инициаторы возрождения частного сектора возлагали надежды по стабилизации потребительского рынка. За 1990 г. кооперативы получили выручку в размере 70 млрд руб., од-

нако из этой суммы товары народного потребления и услуги, реализованные населению, составили всего 15,7 млрд, в то время как подавляющую долю работ кооперативы выполняли для предприятий и организаций [1, л. 3].

Дефицит приобрел тотальное распространение. На колхозном рынке цены в 1990 г. выросли почти на 30%, а их уровень превысил государственные розничные цены в 3 раза [2, с. 60]. Давление избыточной денежной массы стало сказываться и на уровне государственных цен. Индекс потребительских цен возрос на 6,8%. Многократно обсуждавшаяся, но откладывавшаяся реформа цен неумолимо приближалась.

Приступивший к обязанностям премьер-министра в декабре 1990 г. В.С. Павлов практически сразу же начал воплощение в жизнь тех мероприятий, которые были подготовлены им в бытность работы председателем Госкомцен и министром финансов СССР. С 1 января 1991 г. более чем на 50% были повышены оптовые цены в промышленности. 25—27 января 1991 г. была проведена денежная реформа, заключавшаяся в обмене купюр достоинством 50 и 100 руб. на новые [8, с. 229]. В результате денежного обмена удалось изъять, по разным оценкам, от 6 до 10 млрд руб., но это мало повлияло на избыток денег в обращении, поскольку текущая эмиссия namного превышала объем изъятых денег [3, с. 4—37; 6, с. 338; 2, с. 58].

19 марта 1991 г. вышло постановление Кабинета министров СССР № 105 «О реформе розничных цен и социальной защиты населения» [11], предполагавшее поэтапную либерализацию цен, «имея в виду, что цены на товары народного потребления и тарифы на услуги формируются с учетом реальной стоимости их производства и реализации, потребительских свойств, соотношения спроса и предложения, установления единых для всей территории страны пределов роста розничных цен на основные товары, определяющие жизненный уровень населения». 2 апреля были повышены государственные розничные цены — в среднем на 55%. Принятые меры позволили сократить «денежный навес» всего на 32%, в связи с чем осуществление стабилизационного пакета Павлова имело ограниченные и весьма краткосрочные экономические последствия.

После распада СССР задачу по освобождению цен от государственной опеки взяло на себя правительство Гайдара. В основу реформаторской деятельности нового правительства была положена

концепция так называемой «шоковой терапии», которая допускала снижение жизненного уровня населения в ходе реформ. 2 января 1992 г. вступил в силу Указ президента РСФСР № 297 «О мерах по либерализации цен» [9], отпустивший 80% оптовых и 90% розничных цен. Исключение составили товары первой необходимости, квартплата, коммунальные и транспортные услуги и особо важные материальные ресурсы. Однако с марта по май контроль за ценами на эти товары и услуги был также снят либо передан на уровень регионов.

Поскольку неудовлетворенный платежеспособный спрос в стране к этому времени оставался на достаточно высоком уровне, в течение недели после либерализации цены увеличились в 3,5 раза (в то время как правительство прогнозировало повышение цен в 1,5—2 раза). За последующие три месяца потребительские цены выросли почти в 5 раз, а в целом за весь 1992 г. — в 26 раз, в том числе тарифы на грузовые перевозки — в 20,5 раз, цены на промышленную продукцию — в 33,8 раза (при том что само промышленное производство сократилось на 20%) [5, с. 135]. В административном порядке с сохранением государственного контроля были повышены цены: на нефть — в 5 раз, на газ и электроэнергию для производственного потребления — в 4,7; на уголь — в 5,5 раза. Во многом именно это решение спровоцировало обвальное падение цен в 1992 г. Как считает бывший министр экономики РФ Е.Г. Ясин, если бы не произошло пятикратное повышение цен на нефть и нефтепродукты, то потребительские цены выросли бы в 1992 г. не более чем в 8—10 раз [13, с. 108].

Заключительный акт либерализации — переход к свободным ценам на уголь в 1993 г. После этого под контролем федерального правительства остались только цены и тарифы на продукцию естественных монополий — газ, электроэнергия, железнодорожные перевозки, транспортировка нефти и т.п. В 1993 г. индекс роста потребительских цен был стабильно высоким, среднемесячные показатели инфляции находились в районе 20%. По итогам года цены выросли в 8,4 раза.

В то время как цены «подскочили» многократно, количество денег, которыми располагало население, увеличилось всего на 25%. Таким образом, реформаторам за несколько месяцев удалось ликвидировать накапливавшийся в течение нескольких десятилетий «денежный навес». На первый взгляд могло показаться,

ся, что через некоторое время страна действительно заполнится товарами и наступит долгожданное равновесие между денежной и товарной массой, прекратится инфляция, исчезнет дефицит. Однако это оказалось иллюзией: в отсутствие конкуренции на внутреннем рынке реальные товаропроизводители заняли фактически монопольное положение и получили право искусственно завышать цены [14]. Для примера возьмем российских автопроизводителей (ВАЗ, ГАЗ, АЗЛК). Что было проще любому из этих автогигантов: увеличить в два раза выпуск автомобилей или в два раза поднять на них цену? Получалось, что место государства, которое раньше директивно устанавливало цены, заняли монополии. Очевидно, что монопольные цены, как и государственные, ни при каких обстоятельствах не могли стимулировать движение экономики к равновесию. Наряду с этим происходило сращивание экономической власти монополий и политической власти бюрократии.

Уже в скором времени производители конечной продукции и торговые организации столкнулись с падением потребительского спроса. Торговля стала убыточной. За 1992 г. физический объем торговли упал примерно в пять раз. Резко уменьшились заказы торговли производителям. Для того чтобы хоть как-то выжить, промышленные предприятия стали переходить на бартерные сделки, но не все предприятия были готовы принимать в качестве оплаты продукцию своего клиента. Все это парализовало экономику, промышленные предприятия закрывались.

Падение платежеспособного спроса и рост налогового бремени сильно ударили и по только-только возникшему малому и среднему предпринимательству. Кооперативы ликвидировались, стала бессмысленной индивидуально-трудова деятельность. Шансы остаться на плаву имели только крупные производственные объединения.

Либерализация цен привела к экономическому обособлению регионов. В начале 1993 г. различия в уровне цен между областями могли достигать 300%. Началось перераспределение товаров из районов с низкими ценами в районы с высокими ценами. В регионах с «ослабленной» экономикой и соответственно более низким уровнем жизни прилавки магазинов, не успев наполниться товарами, начали пустеть. Руководители регионов, не имея возможности остановить утечку товаров иным способом, стали вводить запрет на вывоз жизненно важных товаров, а на границах

областей появились региональные таможенные посты. Единство российского рынка оказалось под угрозой.

Следует также иметь в виду, что стремительный рост цен означал такое же стремительное падение курса рубля и, как следствие, обесценение сбережений граждан, в том числе вкладов в Сбербанке. Вклады граждан в несколько тысяч рублей, представлявшие в советские времена приличные суммы, полностью обесценились.

Усилилась имущественная дифференциация населения. В результате роста цен более 80% населения России оказалось за чертой бедности, а доходы высших слоев населения в 300 раз превысили средний уровень доходов в стране. Практически полностью прекратилось финансирование науки, образования и медицины. Нормой стали задержки заработной платы и толпы безбилетных пассажиров электричек, старающихся компенсировать нехватку денег натуральным хозяйством. Такая ситуация сохранилась и во второй половине десятилетия. В 1995—1999 гг. при увеличении номинальных доходов продолжилось снижение реальных денежных доходов населения и реальной заработной платы. Уменьшились и выплаты социального характера. Основными причинами являлись отставание индексации оплаты труда, пересчетов пенсий и социальных пособий от роста цен; хроническая несвоевременность выплат заработной платы в связи с отсутствием денежных средств у предприятий; многочисленные финансовые нарушения и злоупотребления в этой области.

Политика либерализации ценообразования позволила устранить многолетнюю проблему товарного дефицита и дала толчок к радикальным реформам. Однако будучи осуществленной без всякой институциональной подготовки, она привела и к целому ряду катастрофических последствий — гиперинфляции, конфискации сбережений и обвальному снижению доходов населения. Чрезвычайно высокий рост цен явно не соответствовал платежеспособности населения. Товарный дефицит сменился денежным. Большинству населения приходилось экономить буквально на всем, что привело к падению общего уровня жизни. В том же 1992 г. смертность впервые превысила рождаемость.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 162. Д. 1921.
2. Григорьев Л. М. Экономика переходных процессов. В 2. Т. 1. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2010. — 528 с.
3. Илларионов А. Попытки проведения политики финансовой стабилизации в СССР и в России // Вопросы экономики. — 1995. — № 7. — С. 4–37
4. Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. — М.: ИП «Каширин В.В.», 2011. — 201 с.
5. Королева И.В. Либерализация цен // Лесной вестник. — 2001. — № 4. — С. 134–137.
6. Кротов Н.И. Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко, сына банкира Владимира Геращенко, рассказанные им самим, его друзьями и коллегами, внимательно выслушанные и записанные летописцем Николаем Кротовым. — М.: Экономическая летопись, 2010. — 583 с.
7. Отношение населения к радикальной реформе // Вопросы экономики. — 1990. — № 1.
8. Павлов В.С. Упущен ли шанс?: финансовый ключ к рынку. — М.: Терра, 1995. — 316 с.
9. Российская газета. 1991. 25 декабря.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 33. Д. 741.
11. Собрание постановлений Правительства СССР. — 1991. — № 8. — ст. 34.
12. Экономика Российской Федерации в 1990—1993 годах. — М., 1993.
13. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. — М.: ГУ ВШЭ, 2002. — 437 с.
14. Саая М.В. Влияние динамики системы относительных цен на устойчивость экономического развития России // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. — 2009. — № 4. — С. 225—226.

Российско-польская конкуренция за влияние в постсоветских странах в 1990—2000-е гг. и концепция «восточной политики» Е. Гедройца

Аннотация. В статье исследуется влияние концепции «восточной политики» польского мыслителя Е. Гедройца на процесс формирования и реализацию политики Польши в отношении стран постсоветского пространства после 1989 г. Делается вывод о том, что, несмотря на свою антиимперскую патетику, эта доктрина представляла собой модернизированную версию традиционного польского мессианства по отношению к народам, населяющим пространства между Польшей и Россией.

Ключевые слова: Россия; Польша, Украина, Белоруссия, Е. Гедройц, Евросоюз, геополитика, прометеизм

Dmitry S. Bunevich
THE RUSSIAN-POLISH COMPETITION FOR INFLUENCE
IN THE POST-SOVIET COUNTRIES IN 1990—2000S
AND THE CONCEPT OF “EASTERN POLICY” BY J. GIEDROYC

Abstract. The article reflects the problem of the influence of the concept of “eastern policy” by the Polish thinker E. Gedroits on the process of formation and implementation of Poland’s policy in the post-Soviet space after 1989. The article concludes that despite its anti-imperial pathetic, this doctrine is a modernized version of the traditional Polish messianism in relation to the nations living between Poland and Russia.

Keywords: Russia; Poland, Ukraine, Belarus, J. Giedroyc, European Union, geopolitics, prometheism

Несмотря на фундаментальные геополитические изменения, произошедшие в Европе в конце XX в., константой отношений России и Польши продолжала оставаться разница потенциалов, характеризующаяся превосходством России в территориальных, демографических и военно-стратегических ресурсах [34]. Для преодоления этой асимметрии польское руководство попыталось применить качественно новые внешнеполитические подходы,

¹ Буневич Дмитрий Сергеевич — магистр истории, директор Института русско-польского сотрудничества. Москва, Россия. e-mail: d.bunevich@rospol.org
Dmitry S. Bunevich — Magister of History, Director of the Institute for Russian-Polish Cooperation. Moscow, Russia.

связанные с приходом в общественную жизнь эмигрантской мысли [26, с. 628]. Ключевым ее элементом стала концепция новой «восточной политики» Польши Ежи Гедройца (1906—2000) — известного публициста-эмигранта, главного редактора знаменитого польского журнала «Культура», издававшегося во Франции с 1947 г. В популярной интерпретации концепция базировалась на представлении о том, что Польша, отказываясь от «имперских амбиций» в духе Ю. Пилсудского, должна стремиться к выстраиванию равноправных отношений со своими соседями, что поможет ей сбалансировать отношения с Россией и обезопасить себя от нее в случае угрозы [7, с. 9—14]. Утверждалось, что ключевое значение для российской политики в отношении Польского государства имеет ситуация в странах Восточной Европы — Украине, Литве и Белоруссии. Контроль Москвы над этими странами открывает путь к установлению российского господства и в Польше, а их независимость от России является фактором, прямо способствующим польской независимости.

Гедройц исходил из представления о том, что относительно развитая Польша должна стать своеобразным «проводником» Востока в Европу. Он полагал также, что независимая Польша должна уделять особое внимание сотрудничеству с Украиной, для чего необходим «процесс примирения с украинским народом» [21, с. 116, 179]. Украина является частью западной цивилизации и историческая миссия поляков заключается не в «ягеллонской идее»¹, а в поддержке строительства демократических национальных государств украинцами, а также белорусами и литовцами [17, с. 88].

В отношении России Гедройц предлагал начать процесс нормализации отношений и преодоления исторических обид: «Мы знаем лишь то, какой вред причинила нам Россия, и русские также видят нашу страну в искаженном свете. Это можно изменить только с помощью упорного труда, прежде всего идя путем культурного сотрудничества» [21, с. 264]. Выстраивание партнерских

¹ Стоит отметить, что в польской историографии и публицистике принято противопоставлять «ягеллонскую идею» (*Idea jagiellońska*) и «пястовскую идею» (*idea piastowska*). Первая предусматривает стремление к созданию мультинационального, многоконфессионального государства, ориентированного на Восток в направлении Литвы, Белоруссии и Украины и конкурирующего с Россией. В то время как вторая концепция проповедует необходимость объединения этнических польских земель и строительства моноэтнического государства, геополитический скорее смещенного на северо-запад и конкурирующего с Германией за территории со сложной исторической судьбой, такие как Силезия.

отношений с Россией было все же второстепенной задачей, а на первом месте стояло укрепление связей с независимыми национальными украинским, литовским и белорусским государствами. Более того, даже польские эксперты признавали, что в основе доктрины Е. Гедройца «лежало глубокое убеждение в том, что Украина и Белоруссия настроены достаточно антироссийски» [17].

Необходимо также обратить внимание на влияние римского папы Иоанна Павла II на формирование концептуальных установок внешней политики Польши на восточном направлении в русле идей Гедройца. Еще в 1991 г. папа-поляк отмечал, говоря о Белоруссии, Украине и Литве: «Мы знаем, насколько все эти территории на протяжении столетий были не предметом... польской колонизации, но территорией общего государства, общей Речи Посполитой, Commonwealth Польши, Литвы и Руси. Эти народы стремятся к своей автономии, к самоопределению, самостоятельности, в том числе и политической... Мы рады этому развитию, этому созреванию народов к востоку от нас» [9, с. 766—767]. Внимание Иоанна Павла II к европейскому Востоку отражало общую заинтересованность польских интеллектуалов в регионе. Как отмечал известный польский историк-международник С. Дембский, концепция «восточной политики» входит в «элитарный круг великих идей, которые изменили судьбы народов. Она внесла вклад в деимперилизацию польского мышления о Восточной Европе, ликвидируя искушения реваншизма, что следует считать одним из важнейших достижений польской политической мысли» [3].

Действительно, Гедройц пользовался большим авторитетом среди польского политического класса. Например, в ходе своего первого заграничного визита в качестве главы государства в Париж в 1995 г. А. Квасьневский счел необходимым встретиться с ним, а советник президента Е. Помяновский утверждал впоследствии, что именно беседа с мыслителем, прожившим более полувека вне Польши, позволила третьему президенту пересмотреть польскую политику на Востоке [16].

Можно было бы предположить, что основные цели «восточной политики» оказались достигнуты уже 1991 г., когда стали независимыми государствами Украина, Литва и Белоруссия. В действительности, этим были лишь заложены основы польско-российского противостояния, связанного с разным видением нового порядка в регионе. Поляки полагали, что молодые государства должны двигаться по пути системной трансформации: демокра-

тизация, рынок и ускоренная интеграция в европейские и атлантические структуры. Для Москвы же характер политической или экономической системы, которая сложится в новых независимых странах, изначально не имел принципиального значения. Главным было сохранение их военно-стратегических, экономических и гуманитарных связей с Россией.

Вопреки тезисам Гедройца, Литва вскоре перестала рассматриваться в Польше как одно из направлений «восточной политики», о чем уже в 1995 г. ясно дал понять министр иностранных дел В. Бартошевский, заявивший, что не хочет объединять Литву с Россией, Украиной и Белоруссией, потому что «сегодня литовцы остро реагируют на это» [1]. Литва после распада Советского Союза дистанцировалась от своего советского прошлого и стран СНГ, взяв, как и Польша, курс на европейскую и атлантическую интеграцию. Таким образом, под «восточной политикой» польские политики понимали, прежде всего, политику в отношении постсоциалистических стран, которые продолжали ориентироваться на Москву или, во всяком случае, колебались между Россией и Западом.

В начале 1990-х гг. польско-российское противостояние в Восточной Европе еще не было острым. Негативные тенденции начали усиливаться с 1993 г., когда стало складываться новое понимание внешней политики России, программным выражением чего стала Концепция внешней политики а также военная доктрина страны 1993 г., где появились положения об особой ответственности России на пространстве «так называемого ближнего зарубежья» [33]. Реакция Польши на эти изменения была обеспокоенной, министр иностранных дел А. Олеховский прямо заявлял: «Очевидным образом нас беспокоят мнения об «особых интересах» и «особой роли» России на Украине. Такие подходы не способствуют стабильности в Европе. Мы их не принимаем, глубоко веря, что независимость Украины способствует в долгосрочном периоде также развитию демократии и экономики России» [24].

В связи с этим, а также с вступлением Польши в НАТО российско-польские отношения на рубеже 1990—2000-х гг. существенно ухудшились. Перемены в высшем российском руководстве первоначально не изменили этого положения — Польша регулярно выступала с критикой России за военную операцию в Чечне [28, с. 33]. Однако гибкая и прагматичная позиция нового российского лидера и слова главы МИД И. Иванова о том, что

Россия смирилась с новым статусом Варшавы как полноправного члена Североатлантического альянса и не возражает против вступления страны в ЕС, казалось, открыли возможности для нормализации отношений [5, с. 50].

В период 2001—2004 гг. страны признали новый статус друг друга, заявили о взаимном уважении интересов и активизировали сотрудничество в области энергетики и инвестиционных программ, параллельно развивалось гуманитарное сотрудничество, в том числе по трудному «катынскому вопросу» [30]. Это происходило на фоне потепления отношений между Россией и Западом, наметившимся поле террористических атак 11 сентября и продолжавшимся вплоть до начала войны в Ираке в 2003 г. [25]. Вероятно, Польша как новый член НАТО, и кандидат на вступление в ЕС не могла тогда себе позволить проводить «восточную политику», которая бы осложняла отношения союзников с Россией.

Тем не менее, Варшава не отказалась от целей своей восточной политики: Польша пыталась укрепить свое влияние на Украине и в Белоруссии, используя возможности и инструментарий, предоставленный ЕС и НАТО. В 2001 г. польский МИД подготовил декларацию «Восточная политика Евросоюза в преддверии расширения ЕС в страны Центральной и Восточной Европы», которая провозглашала в качестве общеевропейской задачи «на востоке» необходимость «убедить политические элиты и общества стран СНГ в преимуществах от ориентации на сотрудничество с ЕС» [22, с. 8]. В России польские предложения были встречены с раздражением [2, с. 1].

После присоединения к ЕС в 2004 г. Варшава предприняла усилия к пересмотру в духе декларации Европейской политики соседства, которая изначально адресовалась странам, не имевшим перспективы членства в Евросоюзе, и выступала в качестве альтернативы ему [23, с. 4]. Переломным для польской политики на Востоке стал рубеж 2004—2005 гг. Еще осенью 2004 г. в ходе своего очередного визита в Москву Квасьневский с оптимизмом отмечал, что «демократическая, плюралистическая, стабильная и развивающаяся Россия — это надежда всего демократического мира и Польши» [32, с. 3]. Но уже вскоре между двумя странами выявились серьезные противоречия, в основе которых лежало неприятие Москвой активизации польской политики, направленной на ослабление российского влияния в «ближнем зарубежье». Свидетельством это стало активное участие польского президент

в украинском кризисе 2004—2005 гг., который был разрешен в январе к явному неудовольствию Москвы [29, с. 45—46]. Польская пресса не скрывала своего восторга от поражения России в ходе «оранжевой революции»: «Рухнул один из последних мифов геополитики XX века, будто Украина обречена быть буфером и сателлитом России. Только на развалинах этого мифа можно построить новую Европу» [6].

Еще явственнее эта тенденция обозначилась после электорального цикла 2005 г., в результате которого к власти в Варшаве пришли националистически настроенные консервативные христиане из партии «Право и справедливость». Ее лидеры, братья-близнецы Я. и Л. Качиньские, выбрали конфронтационную внешнеполитическую стратегию и, опираясь на теоретические положения концепции Гедройца, сделали своей целью «укрепление независимости» постсоветских стран. Есть основания утверждать, что они совместили доктрину Гедройца и геополитическую концепцию З. Бжезинского, согласно которой Россия, лишенная Украины Россия является «простым государством», а Россия с Украиной автоматически становится «евразийской империей» [27, с. 62].

Так, период 2005—2010 гг. прошел под знаком последовательной реализации новой «восточной политики» — активной конкуренции с Россией за влияние в бывших республиках Советского Союза. Борьба включала несколько измерений: политическое, военно-стратегическое, экономическое и гуманитарное. Ключевым элементом конкуренции явилось поддержка Польшей вовлечения постсоветских стран в атлантические проекты. «Предельно важно сохранить двери НАТО открытыми для тех государств, которые желают и готовы присоединиться к организации. Никто не должен удивляться, что Польша остается сторонником евроатлантических устремлений Украины и Грузии и верит, что сотрудничество с этими странами важно для альянса», — говорил в 2009 г. министр обороны Польши Б. Клих [10, с. 83—85].

Именно по предложению Польши Европейским Союзом в 2008 г. была принята программа «Восточное партнерство», которая распространялась на Украину, Молдавию, Армению, Грузию, Азербайджан, Молдавию и в определенной степени — Белоруссию. Внутри страны инициативу поддерживали как национал-консерваторы, контролировавшие Бельведерский дворец, так и либералы из «Гражданской платформы», сформировавшие правительство по итогам парламентских выборов 2007 г. Был продемонстрирован

консенсус элит Польши по вопросу приоритетов восточной политики, базирующейся на концепции Е. Гедройца.

При обсуждении «Восточного партнерства» в Совете ЕС и Европарламенте его инициаторы утверждали, что «стратегическим императивом и одновременно политической инвестицией Евросоюза» [4, с. 15] должна быть поддержка стремления стран постсоветского пространства провести демократические и рыночные реформы для сближения с ЕС. Эта политика продолжала принципы, провозглашенные «Культурой» еще в 1953 г.: «Мы утверждаем, что участвовать в будущем европейском федеративном союзе имеют право не только народы, обладавшие независимыми государствами в 1939 году, но также и украинцы с белорусами» [14, с. 82—83].

Диалог Евросоюза с Украиной в рамках «Восточного партнерства» строился — в духе теории Гедройца — с позиций дихотомии: сотрудничество либо с Брюсселем, либо с Москвой. Внутри польского экспертного сообщества, однако, звучали отдельные голоса скептиков, призывавших обратить внимание на конфликтный потенциал «Восточного партнерства» и на угрозу провоцирования кризиса между Евросоюзом и Россией. Так, в 2011 г. исследователь и впоследствии (2014—2016) посол в России К. Пелчиньска-Наленч обращала внимание на то, что программа не способствует сближению государств ЕС и, напротив, демонстрирует наличие существенных разногласий между ними по вопросу выстраивания отношений с Россией и государствами постсоветского пространства [15].

Ярким примером реализации подходов Е. Гедройца стало участие президента Польши Л. Качиньского в ситуации вокруг грузино-осетино-российского конфликта в августе 2008 г. Польский лидер разгар кризиса посетил Тбилиси и 14 августа выступил с категорической поддержкой президента Грузии М. Саакашвили, возложив всю ответственность за конфликт на Россию. Поддержка антироссийского курса была не случайным эпизодом, а закономерным продолжением линии на создание и развитие образованного в 2005 г. «Содружества демократического выбора» — своего рода «антироссийского клуба», куда вошел целый ряд постсоциалистических (преимущественно, постсоветских) государств, ориентированных на атлантический вектор интеграции¹.

¹ В «сообщество демократий балто-черноморско-каспийского региона» вошли Литва, Латвия, Эстония, Украина, Грузия, Молдавия, Румыния, Македония, Словения.

В гуманитарной сфере польская политика на восточном направлении опиралась как на присутствие своих гражданских и околоправительственных структур в бывших республиках СССР, так и на все большую активность польской Католической церкви на Украине и в Белоруссии. Стоит отметить впрочем, что такая деятельность Костела вступала в прямое противоречие с идеями Гедройца, который подчеркивал, что католический прозелитизм на Востоке «противоречит интересам польского государства» [21, с. 45].

Результатом польской активности стало то, что во второй половине 2000-х гг. российско-польские отношения вернулись примерно к тому же плачевному состоянию, в котором они пребывали в конце 1990-х гг. и которое в польской прессе традиционно называли «холодным безразличием».

Приход в 2007—2010 гг. либерально-консервативной администрации Д. Туска и Б. Коморовского обозначил постепенную (и временную) коррекцию польской политики на Востоке. Реакцией на слова президента России Д.А. Медведева, заявившего в 2009 г. на саммите Россия-ЕС, что «мы не хотели бы, чтобы «Восточное партнерство» превратилось в партнерство против России» [37] стала польская инициатива по созданию группы друзей «Восточного партнерства», куда была приглашена и Москва [35]. Парадоксальным образом частичной нормализации отношений двух стран способствовала катастрофа самолета «Ту-154» в Смоленске 20 апреля 2010 г., в которой погибли президент Польши Л. Качиньский с супругой и другие высокопоставленные лица. Подчеркнутое внимание к этому трагическому событию российского президента¹, объявившего общенациональный траур в России, его видеообращение со словами поддержки к польскому народу, а также многочисленные искренние соболезнования, высказанные простыми гражданами страны, способствовали улучшению отношений двух народов [31].

Уже в ноябре 2010 г. недавно избранный президент Б. Коморовский заявил о необходимости переосмысления политического

¹ Примечательно, что российский лидер посетил похороны Л. Качиньского и его супруги в Кракове, в то время как, ссылаясь на риски, связанные с вулканическим пеплом в атмосфере из-за извержения вулкана в Исландии, в траурных мероприятиях отказались принять участие президент США Б. Обама, президент Франции Н. Саркози, канцлер Германии А. Меркель, премьер-министр Италии С. Берлускони, делегации из Великобритании и Испании, глава Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу и др. высокопоставленные союзники Польши по ЕС и НАТО.

наследия Е. Гедройца и отказа от принципа, согласно которому постсоветские страны должны делать выбор между Россией и Евросоюзом [11]. Не отказываясь полностью от принципов «восточной политики», он вновь предлагал Польше свою более гибкую и менее конфликтную их редакцию: «Наша вечная проблема состоит в том, что по отношению к России мы чувствуем свое цивилизационное и культурное преимущество и вместе с тем отсутствие силы» [12, с. 50].

В период 2010—2011 г. в рамках работы «Восточного партнерства» консервативно-либеральная («германофильская») часть политической элиты Польши взяла курс на постепенное снижение до «необходимого минимума» своих лоббистских усилий по вопросу сближения с ЕС и НАТО государств постсоветского пространства. Могло показаться, что к 2012 г. Польша в целом отказалась от теории Е. Гедройца в качестве глобальной стратегии на Востоке или кардинально пересмотрела ее. Однако эти корректировки внешней политики на восточном направлении не были результатом консенсуса политической элиты. Многие национал-консерваторы продолжали считать «восточную политику» Качиньских в целом правильной и критически относились к повороту, инициированному «Гражданской платформой» [19].

В это же период Россия попыталась в форме Евразийского Союза начать частичную реинтеграцию пространств Восточной Европы, которые в последние 250 лет так или иначе считались зоной ее влияния [38]. Вероятно, это привело к активизации «восточной политики» Польши и нарастанию в 2012—2013 гг. напряженности внутри и вокруг Украины в рамках реализации программы «Восточное партнерство». Польские представители всеми силами стремились добиться прогресса в переговорах Киева и Брюсселя. Все более очевидным становилось противопоставление политики «Восточного партнерства» и интеграционного проекта, предложенного Россией.

Неслучайно, что в именно начале 2013 г. была утверждена «Стратегия развития системы национальной безопасности Республики Польша до 2022 г.» [20] и приняты законы о финансировании противоракетной и противовоздушной обороны и модернизации вооруженных сил и на официальном уровне подтверждено стремление властей вернуться к теме размещения на территории Польши элементов американской ПРО, что в очередной раз было крайне болезненно воспринято в России [18]. Польша последовательно усиливала военно-политическое напряжение в восточ-

но-европейском регионе накануне решающего саммита «Восточного партнерства», который должен был внести ясность в будущее Украины.

Действительно, напряжение достигло пика на Вильнюсском саммите 28—29 ноября 2013 г. в ходе которого европейцы фактически предложили президенту Украины В. Януковичу подписать соглашение об ассоциации без каких-либо условий, что, однако, было отвергнуто им из опасения разрыва экономических связей с Россией. Польша, бывшая самым главным лоббистом скорейшего подписания соглашения, выступила в числе главных сторонников занявшей киевский Майдан украинской оппозиции, требовавшей скорейшего заключения соглашения с ЕС [36, с. 29—30].

Вильнюс показал, что польское понимание «восточной политики» строится не на экономическом базисе и распространении лучших европейских практик в государственном администрировании и правовой защите, а в отрыве постсоветских стран от России и усилении в них польского влияния, даже ценой гражданской смуты в этих государствах. Выступая в Сейме в разгар кризиса на Украине, который уже привел к кровопролитию, глава МИД Р. Сикорский торжественно провозглашал: «То, что происходит сейчас на Украине — это ее возвращение на путь интеграции с ЕС, и является реализацией основ польской внешней политики» [8].

Таким образом, в 1990—2000-е гг. посредством реализации идей Гедройца произошло частичное возвращение Варшавы к внешнеполитическим концепциям, которые подразумевали распространение польского влияния на Восток с основной целью — противодействовать русскому влиянию [13]. С новой силой возобновилась и борьба за Украину, что является одной из констант отношений Варшавы и Москвы на протяжении последних веков. Нельзя не отметить историческую преемственность «восточной политики» Польши с внешнеполитическими доктринами Первой и Второй Речи Посполитой: «ягеллонской идеей» и «прометеизмом» Пилсудского.

Парадоксальным образом в рамках концепции Гедройца, формально деклариовавшей отказ от идеологии «прометеизма», произошел ренессанс старых политических подходов, которые теперь не включали в себя элемент прямой экспансии польского государства, но являлись новой, осовремененной версией старой мессианской идеей — своеобразным «прометизмом 2.0», которому Россия пока так и не смогла противопоставить ясную и стройную альтернативную внешнеполитическую концепцию. Возможно,

причина этого кроется и в том, что в отличие от польских, российских постсоциалистические элиты в целом демонстрировали невнимательное и равнодушное отношение к наследию русской политической мысли.

Список литературы

1. Bartoszewski W. Informacja ministra spraw zagranicznych o głównych kierunkach polityki zagranicznej Polski. 50. posiedzenie Sejmu, 25 maja 1995 r.
2. Dębski S. «Polityka wschodnia» — mit i doktryna // Polski Przegląd Dyplomatyczny. 2006. № 3. S. 1.
3. Debski S. W elitarnym gronie // Nowa Europa Wschodnia. — 2009. — № 2 (IV). S. 22—24.
4. Eastern Partnership. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels. 03.12.2008. P.15. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eeas.europa.eu/eastern/docs/com08_823_en.pdf.
5. Fedorowicz K. Stosunki polsko-rosyjskie w polityce wschodniej 1991—2001 // Sprawy Wschodnie. — 2004. — № 1. — S. 30—50
6. Gazeta Wyborcza, 2004.12.27
7. Giedroyc J., Mieroszewski J. Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB // Kultura. 1974. № 9. S. 9 — 14.
8. Informacja Ministra Spraw Zagranicznych Radosława Sikorskiego o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku. 08.05.2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.msz.gov.pl/pl/c/MOBILE/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku
9. Jan Paweł II. Pielgrzymki do Ojczyzny 1979, 1983, 1987, 1991, 1995, 1997, 1999, 2002. Przemówienia, homilie. Kraków: Znak, — 2012. 1256 s.
10. Klich B. NATO: A view from Central Europe // Politique étrangère. 2009. — № 4. — P.83—85.
11. Komorowski B. O wizji Jerzego Giedroyc // Rzeczpospolita. — 09.11.2010.
12. Komorowski B. Prawa strona. Życie, polityka, anekdota, Warszawa, 2005. — 183 s.
13. Libera P. Polski prometeizm. Jak ewoluował i jak z nim walczone? // Pressje. T. 22—23, Krakow, 2010, S. 89—97.
14. Nieporozumienie czy tani patriotyzm. Nota redakcji / Kultura, 1953 -№ 1 — S. 82—83
15. Pelczynska—Nalecz K. Szklany Mur // Nowa Europa Wschodnia, 2011 — № 5 — S. 46—58.
16. Pomianowski J. Gran ad urwiskiem // Rzeczpospolita. 13.08.2005
17. Realizm, pragmatyzm, idealizm? // Tygodnik Powszechny. 22.04.2001
18. Rosyjsko-polskie konsultacje w sprawie bezpieczeństwa // Polskie Radio «Gos Rosji», 27 February 2013 [Electronic resource]. URL: http://polish.ruvr.ru/2013_02_27/Rosyjsko-polskiekonsultacje-na-temat-bezpieczenstwa
19. Rzeczpospolita, 08.08.2010
20. Strategia rozwoju systemu bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2022 — przyjeta uchwai№ Rady Ministrów z dnia 9 kwietnia 2013 r. [Electronic resource]. URL: <http://mon.gov.pl/dokumenty/>
21. Teczek Giedroycia pod red. L. Ungera, I. Hofman, Lublin, 2010

22. The Eastern Policy of the European Union in the run-up to the EU's enlargement to include the countries of Central and Eastern Europe — Poland's viewpoint (official non-paper). Polish Ministry of Foreign Affairs. Warsaw. 2001. P.8
23. Wider Europe— Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. Communication from the Commission to the European Council and the European Parliament. Brussels. 11.03.2003. P.4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf
24. Wystąpienie Andrzeja Olechowskiego na posiedzeniu komisji spraw zagranicznych senatu w 1994 roku // Zbior Dokumentow. — 1994/ — № 1. — S. 42—54.
25. Баталов Э.Я., Кременюк В.А. Россия и США: соперники или соратники? // США-Канада: ЭПК. — 2002. — № 6. — С. 19—36
26. Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. акад. А. В. Торкунова, проф. А. Д. Ротфельда. М., 2010
27. Бжезинский З. Великая шахматная доска, С. 62
28. Бухарин Н. И. Россия — Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века — первое десятилетие XXI века / 2-е изд., испр. и доп. — М. ; СПб, 2014.
29. Бухарин Н. Россия-Польша, С. 45—46
30. Волос М. Научное сотрудничество Польши и России: история, современность, планы на будущее // История и современность. — 2008. — № 2. — С. 154—167
31. Волос М. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. // История и современность. — 2011. — №1. — С. 210—222.
32. Квасьневский А. Россия и Польша нуждаются в диалоге: лекция, прочитанная в Московском государственном университете им. Ломоносова // Новая Польша. 2004, № 10. С. 3.
33. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. — 1993. — № 1—2. — С. 3—23
34. Мальгин А. Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. 2001. Том 6, № 4. С. 94 — 117.
35. Польша зовет Россию дружить с Восточным партнерством http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/05/100525_poland_friends_partnership.shtml
36. Пономарева Е., Шишелина Л. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией / Аналитический доклад, М., 2014. С. 29—30
37. Пресс-конференция по итогам саммита Россия—Евросоюз http://archive.kremlin.ru/appears/2009/05/22/0937_type63380_216699.shtml
38. Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия, 03.10.2011.

Научное издание

**История России с древнейших времен до XXI века:
проблемы, дискуссии, новые взгляды**

Материалы V Всероссийской научно-практической школы-конференции
молодых ученых

Редактор
В.Н. Круглов

Макет и оформление
Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 15.01.18. Формат 60×90/16. Заказ №
Тираж 500 экз. 19,25 п.л. 21,0 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ООО «Клаб Принт»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, корп. 1
Тел.: +7 (495) 669-5009